

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

№ 4 (42), 2015

Общественная ассоциация «Русь»

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русьны

2015, 4 (42)

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarch of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2015, 4 (42)

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

ОСНОВАН В 2003 Г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

главный редактор

кандидат исторических наук *С. Суляк* (Молдавия)

заместитель главного редактора

кандидат филологических наук *Д. Катунин* (Россия)

кандидат исторических наук *Н. Бабилунга* (Молдавия, Приднестровье)

доктор исторических наук *М. Губогло* (Россия)

кандидат исторических наук *Ю. Данилец* (Украина)

доктор исторических наук *В. Зиновьев* (Россия)

доктор исторических наук *А. Майоров* (Россия)

кандидат исторических наук *В. Меркулов* (Россия)

доктор филологических наук *З. Резанова* (Россия)

доктор исторических наук *Н. Руссев* (Молдавия)

доктор филологических наук *И. Силантьев* (Россия)

кандидат исторических наук *В. Содоль* (Молдавия, Приднестровье)

кандидат исторических наук *Н. Тельнов* (Молдавия)

доктор исторических наук *А. Черкасов* (Россия)

доктор исторических наук *М. Чучко* (Украина)

Р. Шапка (Канада)

кандидат исторических наук *П. Шорников* (Молдавия)

доктор лингвистических наук *М. Фейса* (Сербия)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

International Historical Journal

RUSIN

Established in 2005

SCIENTIFIC PUBLICATION

Editorial Board:

Editor-in-Chief

PhD in History *Sergey Sulyak* (Moldova)

Deputy Editor-in-Chief

PhD in Philology *Dmitry Katunin* (Russia)

PhD in History *Nikolai Babilunga* (Moldova, Transnistria)

Doctor of History *Mikhail Guboglo* (Russia)

PhD in History *Yurij Danilets* (Ukraine)

Doctor of History *Vasiliy Zinovyev* (Russia)

Doctor of History *Alexander Maiorov* (Russia)

PhD in History *Vsevolod Merkulov* (Russia)

Doctor of Philology *Zoya Rezanova* (Russia)

Doctor of History *Nikolai Russev* (Moldova)

Doctor of Philology *Igor Silantev* (Russia)

PhD in History *Veacheslav Sodal'* (Moldova, Transnistria)

PhD in History *Nicolai Telnov* (Moldova)

Doctor of History *Aleksandr Cherkasov* (Russia)

Doctor of History *Mykhaylo Chuchko* (Ukraine)

Roman Shapka (Canada)

PhD in History *Petr Shornikov* (Moldova)

Doctor of Linguistics *Mikhajlo Fejsa* (Serbia)

Editor's Address: Association "Rus". M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A,
Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 28-75-59.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора	7
Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов»	
Итоги конференции	10
<i>Майоров А.В.</i> Письма папы Иннокентия IV к Даниилу Галицкому и всем христианам Руси от 3 мая 1246 г. (булла «Cum is qui”): текст, перевод, комментарий	12
<i>Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.</i> Славянский мир как политический конструкт.....	37
<i>Черкасов А.А., Иванцов В.Г., Устинович Е.С., Молчанова В.С.</i> Россия и Черкесия: проблемы взаимоотношений и их особенности (конец XVIII – первая половина XIX в.)	53
<i>Киселев В.С.</i> Имперская словесность и славянский литературный регионализм: случай украинской журналистики начала XIX в.	66
<i>Фоминых С.Ф., Степнов А.О.</i> Публицистика С. Радича на страницах журнала «Славянский век» (1900–1905 гг.)	86
<i>Глуценко Н.А.</i> Первые общественные организации русинов на территории Соединенных Штатов Америки	97
<i>Суляк С.Г.</i> Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) ..	107
<i>Нам И.В., Наумова Н.И.</i> Историческая память и национально-политическая идентификация русинов. 1914–1920 гг.	126
<i>Шевелев Д.Н., Конев К.А.</i> «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать белой Сибири о формировании на ее территории карпаторусских воинских частей	143
<i>Шевченко О.К.</i> Археология власти: Восточная Галичина в этнических дискурсах Ялтинской конференции	168
<i>Дулеба А., Дулебова И.</i> Русинский вопрос в историческом контексте словацко-украинских отношений	185
<i>Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф.</i> Российско-украинские отношения на современном этапе	205
<i>Резанова З.И., Шляев К.С.</i> Украина и Россия в условиях социального конфликта: метафорическое моделирование образа в российском медиадискурсе	217
<i>Катунин Д.А.</i> Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1.....	235
<i>Бабенко И.И., Орлова О.В.</i> Наивная этнология восточных славян в сетевой дискуссии о праве на прародину	251
Международная конференция «Тысячелетние традиции почитания святого равноапостольного великого князя Владимира»	
Итоги конференции	262
<i>Суляк С.Г.</i> Начало христианизации Карпато-Днестровской Руси	267
<i>Польвянный Д.И.</i> Болгарское книжное наследие X – начала XI в. в Древней Руси: состав и измерения	308
<i>Василик В.В.</i> Святой равноапостольный князь Владимир как новый Константин	321
<i>Скотникова Г.В. И.В.</i> Киреевский о духовном корне русского философского сознания	334

CONTENTS

Editor's Page	7
International Scientific Conference "The Slavic World and Contemporary Challenges"	
The conference results	10
<i>Maiorov A.V.</i> Letters of Pope Innocent IV to Daniel Galitsky and all Christians of Russia of May 3, 1246 (Bull Cum is qui): text, translation, commentary.....	12
<i>Shcherbinin A.I., Shcherbinina N.G.</i> The Slavic world as a political construc.....	37
<i>Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Molchanova V.S.</i> Russia and Circassia: the problems of mutual relations and their features (the late 18th – the early 19th centuries).....	53
<i>Kiselev V.S.</i> Imperial literature and Slavic literary regionalism: a case study of Ukrainian journalism of the early 19th century.....	66
<i>Fominykh S.F., Stepnov A.O.</i> Publicism of S. Radić in the Slavic Century Journal (1900–1905).....	86
<i>Glushchenko N.A.</i> First social organizations of Rusins in the United States of America.....	97
<i>Sulyak S.G.</i> The Rusin identity (a case study of Galicians' participation in the Civil War) ...	107
<i>Nam I.V., Haumova N.I.</i> Rusins' historical memory and national and political identification in 1914–1920	126
<i>Shevelev D.N., Konev K.A.</i> "For Russia and for the Slavdom": the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory.....	143
<i>Shevchenko O.K.</i> The archaeology of power: Eastern Galicia in the ethnic discourses of the Yalta conference.....	168
<i>Duleba A., Dulebova I.</i> The Rusin question in the historical context of the Slovak-Ukrainian relations.....	185
<i>Zinovyev V.P., Troitskiy E.F.</i> Modern relations between Russia and Ukraine	205
<i>Rezanova Z.I., Shilyaev K.S.</i> Ukraine and Russia in the social conflict: Metaphorical modeling in Russian media discourse.....	217
<i>Katunin D.A.</i> The Rusin language and languages of other national minorities in the legislation of Vojvodina. Article 1	235
<i>Babenko I.I., Orlova O.V.</i> Naive ethnology of Eastern Slavs in online discussions on the right to homeland	251
International Conference "Millenarial Traditions of Honoring St. Vladimir, Equal-to-the-Apostles"	
The conference results	262
<i>Sulyak S.G.</i> The beginning of Christianization of Carpatho-Dniestrovian Rus'.....	267
<i>Polyvyanny D.I.</i> Bulgarian literary heritage of the 10th and early 11th-centuries in Old Rus': content and dimensions	308
<i>Vasilik V.V.</i> The image of St. Prince Vladimir as a new Constantine.....	321
<i>Skotnikova G.V.</i> Ivan Kireyevsky: On the spiritual root of Russian philosophical consciousness	334

УВАЖАЕМЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

11-й год издания международного исторического журнала «Русин» был для нас довольно продуктивным. В середине 2015 г. стало известно, что по итогам 2014 г. «Русин» занял 10-е место среди исторических журналов Восточной Европы (<http://scimagojr.com>), индексируемых в базе данных Scopus, и вошел в престижный второй квартиль (Q2).

Согласно новому разъяснению Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников Министерства образования Российской Федерации, издания, текущие номера которых или их переводные версии входят хотя бы в одну из международных реферативных баз данных и систем цитирования (Web of Science, Scopus, Astrophysics Data System, PubMed, MathSciNet, zbMATH, Chemical Abstracts, Springer, Agris или GeoRef), считаются входящими в Перечень по отраслям науки, соответствующим их профилю (письмо от 01.12.2015 г. № 13-6518, <http://vak.ed.gov.ru/87>).

Несмотря на это, наш журнал был включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук или ученой степени доктора наук по 8 отраслям:

07.00.00 исторические науки и археология;

08.00.00 экономические науки;

09.00.00 философские науки;

10.00.00 филологические науки;

12.00.00 юридические науки;

22.00.00 социологические науки;

23.00.00 политология;

24.00.00 культурология

(см. на сайте ВАК: http://perechen.vak2.ed.gov.ru/edition_view/6147).

В уходящем году журнал «Русин» совместно с Томским государственным университетом провел четыре международных конференции, часть материалов которых увидела свет на страницах журнала.

В 2015 г. мы вместе с Томским государственным университетом начали выпускать новое издание – «Библиотека журнала “Русин”» (Rusin Journal Library), в котором публикуются исследования по истории, культуре и языку русинов (руснаков) – коренного населения

Карпато-Днестровских земель, материалы проводимых международным историческим журналом «Русин» конференций. Периодичность выхода издания – четыре раза в год. На сегодняшний день вышло три номера «Библиотеки журнала “Русин”» (http://journals.tsu.ru/rusin_library).

В следующем году мы планируем начать выпуск реферативного журнала на английском языке «Rusin Studies. An Abstracts Journal».

В 2016 г., как и в прошлом, нами будет издано четыре номера международного исторического журнала «Русин». Тематика журнала остается прежней – исследования по истории, культуре и языку русинов. Также в журнале будут помещены материалы проводимых нами четырех международных научных конференций:

1. «Славянские языки в условиях современных вызовов» (13–14 мая 2016 г., Томск).

2. «История Карпато-Днестровских земель с древнейших времен до начала XXI в. (К 100-летию Брусиловского прорыва)» (24–25 мая 2016 г., Кишинев).

3. «Славянский мир в условиях современных вызовов» (7–9 октября 2016 г., Томск).

4. «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Пятое чтения памяти И.А. Анцупова)» (20–21 октября 2016 г., Кишинев).

*С.Г. Суляк,
главный редактор журнала*

DEAR MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD, AUTHORS AND READERS!

The 11th year of the international historical journal *Rusin* has been productive.

In the middle of 2015, we learned that in 2014 *Rusin* ranked 10th among history journals in Eastern Europe (<http://scimagojr.com>) indexed in Scopus, and entered the second quartile (Q2).

In the past year, *Rusin* and Tomsk State University held four international conferences and part of their proceedings was published in the journal.

In 2015 *Rusin* and Tomsk State University established a new journal, *Rusin Journal Library*, which publishes research on the history, culture and language of Rusins (Rusnaks), the indigenous population of the Carpathian-Dniester land, and proceedings of conferences held by the international historical journal *Rusin*. *Rusin Journal Library* (http://journals.tsu.ru/rusin_library) is issued quarterly. Three issues of the journal have already been published.

Next year we plan to issue a new journal in English, *Rusin Studies. An Abstracts Journal*.

In 2016, as in the previous year, we will publish four issues of the international historical journal *Rusin*. The topics the journal covers do not change: it is research on the history, culture and language of Rusins (Rusnaks), the indigenous population of the Carpathian-Dniester land.

Rusin will also publish proceedings of four international scientific conferences it holds:

1. Slavic Languages and Contemporary Challenges (May 13–14, 2016, Tomsk).

2. History of the Carpathian-Dniester Land From Ancient Times to the Early 21st Century. (The 100th Anniversary of the Brusilovsky Breakthrough) (May 24–25, 2016, Kishinev).

3. The Slavic World and Contemporary Challenges (October 7–9, 2016, Tomsk).

4. Inter-Ethnic Cooperation in the Area of Ethnic Contacts (Fifth Readings in Memory of I.A. Antsupov) (October 20–21, 2016, Kishinev).

Sergey Sulyak,
Editor-in-Chief of Rusin

Итоги конференции The conference results

СЛАВЯНСКИЙ МИР В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

В Томском университете 8–10 октября 2015 г. состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов», организованная гуманитарными факультетами ТГУ (исторический, филологический, философский) и редакцией международного исторического журнала «Русини». Участники конференции обсуждали актуальные вопросы истории, культуры, политического устройства современного славянского сообщества, разделенного на 12 государств и множество диаспор и объединенного только по языковому принципу. Особое внимание было уделено истории русинов – западной ветви русского народа, попавшего в состав Австро-Венгрии в XVIII в., но сохранившего национальную идентичность в окружении других народов Украины, Румынии, Молдовы, Венгрии, Словакии, Хорватии и Сербии.

Конференция началась с телемоста между Томским и Алтайским университетами, в котором параллельно с конференцией в Томске проводились 10-е научные чтения, посвященные памяти профессора Томского и Алтайского университетов Александра Павловича Бородавкина. Томские историки С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк, В.П. Зиновьев приветствовали алтайских коллег и поделились воспоминаниями о своем учителе.

Конференцию открыл проректор по научной работе ТГУ профессор И.В. Ивонин. В пленарных докладах историков В.П. Зиновьева и Е.Ф. Троицкого «Российско-украинские отношения на современном этапе», И.В. Нам и Н.И. Наумовой «Роль исторической памяти в самоорганизации и политической идентификации русинов в 1914–1920 гг.», филологов Э.М. Жилияковой «А.П. Елагина среди чешских славистов (страница из истории чешско-русских отношений)»,

Д.А. Катунина «Статус русского языка в зарубежном законодательстве», политологов А.И. Щербинина и Н.Г. Щербининой «Славянский мир как политический конструкт» была раскрыта сложная палитра отношений в современном славянском мире. Главный редактор журнала «Русин» С.Г. Суляк представил участникам конференции третий номер журнала «Русин» за 2015 г., проект «Библиотека журнала “Русин”» и доклад «Русинская идентичность (на примере галичан – участников гражданской войны)». На секциях «Славянские языки в современном социокультурном контексте», «Проблемы славянской общности: история и современность», «Славянский мир: политические вызовы современности», «Литература и процессы национального строительства в славянском мире» рассматривались частные вопросы истории, политики, языка и культуры славянских стран.

На заключительном пленарном заседании конференции было принято решение сделать конференцию ежегодной в связи с актуальностью гуманитарных, социально-экономических и политических проблем развития славянского мира.

*В.П. Зиновьев,
член редколлегии журнала «Русин»,
председатель оргкомитета конференции*

УДК 94(47).03

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/3

ПИСЬМА ПАПЫ ИННОКЕНТИЯ IV К ДАНИИЛУ ГАЛИЦКОМУ И ВСЕМ ХРИСТИАНАМ РУСИ ОТ 3 МАЯ 1246 г. (булла «Cum is qui»): текст, перевод, комментарий*

А.В. Майоров

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7/9
E-mail: a.v.maiorov@gmail.com
Scopus Author ID: 55092108400
Researcher ID: A-5985-2013
SPIN-код: 4584-2571

Авторское резюме

В статье изучается содержание посланий Римского папы Иннокентия IV к галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу и всем христианам Руси на основании записей в ватиканских регестах, устраняются ошибки, допущенные при их публикации в Актах А.И. Тургенева (выполненных по этой публикации переводах на современные языки). Автор доказывает ошибочность распространенного в новейшей литературе мнения о наличии у князя Даниила второго христианского имени *Иоанн*. Опровергается также представление о том, что получателем буллы мог быть стародубский князь Иван Всеволодович. Устанавливается, что папская булла «Cum is qui» изначально существовала в двух вариантах: в виде окружного послания ко всем христианам Руси и частного послания к Даниилу Галицкому. Текст обоих вариантов буллы воспроизводится по подлинным записям в регестах Иннокентия IV, хранящихся в Ватиканском секретном архиве. Латинский текст документов сопровождается новым переводом на русский язык и комментарий.

Ключевые слова: Даниил Галицкий, Иннокентий IV, церковная уния, ватиканские регесты.

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, проект 5.38.265.2015.

LETTERS OF POPE INNOCENT IV TO DANIEL GALITSKY AND ALL CHRISTIANS OF RUSSIA OF MAY 3, 1246 (Bull *Cum is qui*): text, translation, commentary*

A.V. Maiorov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.v.maiorov@gmail.com

Abstract

This paper studies the messages provided of the Pope Innocent IV to the Galician-Volyn Prince Daniel Romanovich and all Christians of Russia on the basis of records in the Papal regesta and eliminated errors in their publication in the Acts by Al Turgenev (performed by the publication translations on modern languages). The author proves the fallacy common in recent literature reviews on the presence of the Prince Daniel of the second Christian name *Ioann*. Also refutes the idea that the recipient of the bulls could be Starodub Prince Ivan Vsevolodovich. It is established that the papal bull «Cum is qui» originally existed in two versions: as a district message to all Christians of Russia and private messages to Daniel Galitsky. The text of both versions of the Bull reproduced on authentic records in the Regesta of Innocent IV, kept in the Vatican Secret Archives. The Latin text of the document accompanied by a new Russian translation and commentary.

Keywords: Daniil Galitsky, Innocent IV, Church Union, Papal regesta.

Список и издания буллы «Cum is qui»

Оригинал буллы, часто именуемой в литературе «Cum is qui» (по начальным словам ее текста в папских регестах), неизвестен и, вероятнее всего, утрачен еще в древности. О содержании документа ныне можно судить по нескольким архивным копиям, большая часть которых – поздние, а также печатным изданиям XVII–XIX вв. В них мы находим в основном лишь незначительные разночтения, не затрагивающие существа документа.

В научной литературе, прежде всего отечественной, булла известна по публикации в 1-м томе Исторических актов, собранных А.И. Тургеневым (1841 г.). Однако эта публикация выполнена не по оригиналам или древнейшим спискам, а по новейшим копиям, специ-

* The research has been supported by Saint Petersburg State University, Project 5.38.265.2015.

ально изготовленным по заказу и на средства высокопоставленного русского дипломата. Верность копий, снятых с папских регестов и других ватиканских документов, удостоверял граф Марино Марини, занимавший в 1815–1855 гг. пост префекта Ватиканского секретного архива. Собранные таким образом материалы были представлены императору Николаю I и затем по его распоряжению переданы в Археографическую комиссию для опубликования.

В результате деятельности Тургенева возникло несколько новых списков многих древних документов, не всегда соответствовавших оригиналам. Из археографических примечаний, сделанных А.Х. Востоковым (непосредственно готовившим к публикации Тургеневские акты), явствует, что издатель располагал тремя списками папской буллы «Cum is qui», адресованной королю Руси, и только в одном из них значилось имя Иоанн (Joanni illustri Regi Russie Innocentius Episcopus servus servorum Dei). Этот список, удостоверенный личной подписью М. Марини и скрепленный печатью ватиканского архива, был положен в основу публикации как наиболее исправный с точки зрения издателя.

В еще одном списке, полученном Тургеневым от Марини и также имевшемся в распоряжении Востокова, читается салютация без имени: «Illustri Regi Russiae salutem et apostolicam benedictionem». Наконец, в третьем списке, использованном при печатании Тургеневских актов, составленном аббатом Джамбаттистой Альбертранди для историка Адама Нарушевича и затем подаренном польским королем Станиславом Понятовским русскому посланнику в Варшаве Я.И. Булгакову, салютация русского короля имеет другой вид: «Dilecto Filio Illustri Russiae Regi salutem».

Копия, положенная Востоковым в основу публикации послания к светлейшему королю Иоанну, как явствует из сопровождающей текст документа археографической легенды, была снята с оригинала регестов третьего года понтификата Иннокентия IV ватиканского архива (An. III. Epist. 476). Однако обращение к этому оригиналу показывает, что интересующий нас документ не только не содержит указания имени «короля Руси», но и вообще не адресован последнему, поскольку представляет собой окружное послание понтифика «Ко всем верующим во Христа, находящимся в пределах Руси» (Universis Christi fidelibus in Russiae partibus constitutis).

Обширный текст этого послания помещен на л. 275 об. 21-го тома ватиканских регестов, под № 476 среди записей текстов общих посланий третьего года понтификата Иннокентия IV (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 275v. Nr. 476). Вместе с тем на том же листе в сильно сокращенном виде и без указания номера помещен близкий по содержанию, но не тождественный текст еще одного послания Иннокентия IV,

адресованного «светлейшему королю Руси» (*illustri regi Russiae*) с пометкой «то же самое» (*in eundem modum*). В этой записи также нет упоминания личного имени короля Руси.

Наличие пометы *in eundem modum* в начале текста, а также отсутствие номера записи показывают, что, вероятно, в силу близкого сходства двух «русских» посланий папы составитель регестов воспринимал их как разновидности одного и того же документа. Таким же образом решали дело и первые публикаторы буллы «*Cum is qui*», воспроизводя только один из вариантов текста документа (см.: Raynaldi 1667: Ad an. 1246. § 29; Turgenev 1841: 58–59. Nr. 65; Potthast 1875: 1025. Nr. 12097).

О существовании двух оригиналов, различающихся между собой только в последней части текста, свидетельствуют также материалы Архива Ордена доминиканцев. Их систематический сбор и публикация начались еще в XVII в., когда по запросу высшего руководства ордена были проведены специальные разыскания во всех провинциальных архивах и началось составление общеорденского буллариума. Тексты многочисленных исторических документов копировались, систематизировались и вносились в специальные архивные книги. Результатом этой работы стала публикация восьмитомного Буллариума Ордена доминиканцев (*Bullarium ordinis FF Praedicatorum*), начатая Томасом Риполлом в 1729 г.

В Буллариуме на разных листах помещены оба текста буллы «*Cum is qui*». Текст послания ко всем христианам Руси, помещающийся на л. 596 книги А орденского архива (*ex Arch. Ord. Lib. A. Fol. 596*), приведен полностью в том же виде, как и в ватиканских регестах (*Ripoll 1729: 162. Nr. 139*); за ним, на л. 598 (*Arch. Ord. Lib. A. Fol. 598*), помещался в сильном сокращении текст послания к королю Руси (*Ripoll: 163. Nr. 140*).

Оба текста содержались также в копии регестов Иннокентия IV, хранившейся в Королевском секретном архиве в Кенигсберге (*Königlichen Geheimen Archiv zu Königsberg*). Пространный текст послания ко всем христианам Руси по Кенигсбергскому списку опубликован Питером Отто фон Гётце (*Goetze 1854: 171–172. Nr. 3*). Как явствует из этой публикации, текст Кенигсбергского списка папских регестов полностью соответствует тексту регестов третьего года понтификата Иннокентия IV (ныне входящих в состав 21-го тома ватиканских регестов) и сохраняет общую с ним нумерацию документов. Из публикации Гётце также следует, что в кенигсбергской копии папских регестов имелся краткий текст послания к королю Руси, который исследователь публиковать не стал, ограничившись лишь упоминанием о нем (*Goetze 1854: 19–20. Anm. 55*).

Таким образом, о своей радости от «озарения сердец» в стремлении вернуться к «почитанию апостольского престола» и об отправке на Русь прусского епископа в качестве своего легата папа уведомлял не только «короля Руси», но и всех русских христиан, для чего было составлено два соответствующих послания.

В полученных Тургеневым от Марини копиях буллы «Cum is qui», вероятно, по недосмотру переписчика произошла замена адресатов: полный текст в виде окружного послания ко всем христианам Руси был представлен как текст частного послания к королю Руси. В результате при публикации Тургеневских актов несуществующий в ватиканских регестах полный текст послания к королю Руси был напечатан как основной текст буллы, а сам король Руси получил несуществующее имя *Иоанн* (Turgenev 1841: 58. Nr. 65). Эти же неточности повторяются в публикациях Венцеля и Поттхаста (Wenzel 1869: 211–212. Nr. 139; Potthast 1875: 1025. Nr. 12097).

Если напечатанный в Тургеневских актах текст буллы «Cum is qui» в виде послания к королю Руси хотя бы частично соответствует тексту ватиканских регестов и других ранних копий, то указанное в нем имя короля *Иоанн* не встречается ни в одном из известных нам ранних списков этого документа. Как уже отмечалось, этого имени нет в оригинале регестов Иннокентия IV, и данный факт нашел отражение уже в работе Одорико Райнальди, первым опубликовавшего документ во 2-м томе своего продолжения Церковной истории Цезаря Барония (Raynaldi 1667: Ad an. 1246. § 29). Как следует из публикаций Риполла и Гётце, личного имени короля Руси не значилось и в копиях, происходивших из Архива Ордена доминиканцев и Королевского секретного архива в Кенигсберге (Ripoll 1729: 162–163. Nr. 139–140; Goetze 1854: 171–172. Nr. 3).

Остается только догадываться, каким образом имя *Иоанн* оказалось в копии, заверенной Марини и предоставленной Тургеневу. По всей видимости, это произошло вследствие неудачных попыток произвольной реконструкции начального протокола некоторых древних актов (скопированных в папских регестах без точного соблюдения формуляра), опиравшейся на неверные исторические представления ватиканских архивистов первой половины XIX в.

После открытия в 1880 г. Ватиканского секретного архива для свободного доступа исследователей, когда началась систематическая работа по изучению и изданию папских регестов, постепенно были устранены многие ошибки, допущенные в прежних изданиях. Это касается в том числе и интересующей нас буллы. В сокращенном виде ее текст в соответствии с записями в ватиканских регестах был опубликован Эли Берже, впервые показавшим, что основной

текст документа представляет собой окружное послание папы ко всем христианам Руси, в сокращенном виде продублированный как послание к неназванному по имени русскому королю (Berger 1884: 271. Nr. 1817).

В последующих публикациях Яна Пташника и Атанасия Григория Великого, выполненных по записям ватиканских регестов, впервые воспроизведены оба варианта буллы «Cum is qui» как два особых исторических документа: окружное послание, оригинал которого предназначался, вероятно, для вновь назначенного папского легата на Руси архиепископа Альберта фон Зуербееера, и личное послание королю Руси. При этом в публикации Великого сокращенный текст последнего был восстановлен путем соответствующих заимствований из текста первого (Ptašnik 1914: 26–27. Nr. 43–44; Welykyj 1953: 28–31. Nr. 12–13).

В наиболее основательной на сегодняшний день публикации актов Иннокентия IV, относящихся к связям курии с христианским Востоком, подготовленной Папской комиссией по редактированию Кодекса канонического права Востока и выпущенных под редакцией Феодосия Галушинского и Мелетия Войнара, также приводятся оба интересующие нас документа (Haluščynskij, Wojnar 1962: 64–67. Nr. 26–26a).

В археографическом примечании публикаторы указывают, что в рукописи регестов послание Иннокентия IV к «светлейшему королю Руси» приведено без указания номера документа (Haluščynskij, Wojnar 1962: 67. Nr. 1). Впрочем, и публикация Галушинского – Войнара не лишена недостатков: окружное послание Иннокентия IV христианам Руси здесь ошибочно датировано 3 марта 1246 г. (Haluščynskij, Wojnar 1962: 64. Nr. 26).

Сколько имен у Даниила Галицкого?

Среди опубликованных в Тургеневских актах документов папы Иннокентия IV выделяется обширное послание, адресованное «светлейшему королю Руси Иоанну» (Joanni illustri Regi Russie) (Turgenev 1841: 58. Nr. 65). В письме папа пространно и красноречиво говорит о единстве церкви и об объединении усилий всех христиан в общей борьбе против татар. Выразив свою радость по поводу стремления русского короля «вернуться к почитанию апостольского престола и послушанию нам», папа сообщает об отправке на Русь «архиепископа Пруссии и Эстонии, легата апостольского престола, человека, особо близкого нашему сердцу, одаренного знанием наук, честного нрава, мужа зрелого совета, который поведаёт слова жизни и устно полнее сообщит вам, изложив волю нашу и наших собратьев».

Имя посылаемого на Русь папского легата в письме не названо. Вместе с тем в другом опубликованном в Тургеневских актах послании Иннокентия IV, датированном тем же днем и адресованном непосредственно вновь назначенному легату, читается имя получателя – Генрих: «досточтимому брату Генриху, архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстонии, легату апостольского престола» (*venerabili Fratri Henrico Archiepiscopo Prussiae, Livoniae et Estoniae Apostolicae sedis Legato*) (Turgenev 1841: 56. Nr. 61).

Однако, как было показано в последующих публикациях документов Ватиканского секретного архива, в оригинале регестов Иннокентия IV имени прусского архиепископа и папского легата на Руси в адресованных ему буллах от 3 мая 1246 г. не значилось (Berger 1884: 272. Nr. 1819; Welykij 1953: 31–32. Nr. 14–15; Haluščynskij, Wojnar 1962: 68–69. Nr. 27–27a).

У исследователей не вызывает сомнений, что в действительности получателем этих посланий был архиепископ Альберт фон Зуербеер (ок. 1200–1272/1273) (Goetze 1854: 20. Anm. 53; Potthast 1875: 1025. Nr. 12093; Eubel 1913: 420 (Rigen nota 5); Soranzo 1930: 88; Ammann 1936: 254 f; Ammann 1948: 47; Selart 2007: 215). Он же, следовательно, упоминается и в процитированном выше послании к королю Руси, удостоившись самых высоких похвал папы.

Альберт фон Зуербеер – хорошо известный политический и церковный деятель середины XIII в., биография которого неоднократно становилась предметом специального изучения историков: первая посвященная ему монография была издана в Санкт-Петербурге еще в 1854 г. (Goetze 1854).

Получив блестящее образование в Сорбонне, Альберт стал магистром и священником в Бремене. В 1228 г. бременский архиепископ Герхард Ольденбургский назначил его епископом Риги, однако местный клир этого назначения не принял и избрал своего кандидата. В 1240 г. Альберт стал архиепископом Арма и примасом Ирландии. В 1245 г. на Первом Лионском соборе он решительно поддержал Иннокентия IV, объявившего о низложении германского императора Фридриха II. Вскоре после этого Альберт был назначен папой архиепископом Пруссии, Ливонии и Эстонии, а также легатом в Готланде, Голштейне, Рюгене и на Руси, в 1246 г. он возглавил также Любекскую епархию, а в 1253 г. стал архиепископом Риги (Selart 2002: 11–21).

Об отправке Альберта фон Зуербеера на Русь в качестве папского легата свидетельствует также епископ Ассизи Николо да Кальви (Николай из Курбио). В семнадцатой главе составленного им жизнеописания Иннокентия IV – «О том, как папа отправлял послов к различным

народам» (*Quod Papa misit nuntios ad diversas gentes*) – читаем: «К русским, приславшим к римской курии свое торжественное посольство, [папа] также послал своего легата, через которого они были проинструктированы и проинформированы о католической вере с сохранением греческих обычаев и обрядов, послан же был господин Альберт, архиепископ Ливонии и Пруссии» (Майоров 2011а: 42–49).

Если личность упомянутого в папской булле от 3 мая 1246 г. *архиепископа Пруссии и Эстонии* не вызывает сомнений, то идентификация русского адресата послания – *светлейшего короля Руси Иоанна* – порождает определенные затруднения.

Уже первые публикаторы интересующего нас письма папы идентифицировали его получателя как Даниила Галицкого (Ripoll 1729: 163. Nr. 140). Эта точка зрения полностью утвердилась в XIX в., прежде всего в публикациях А.И. Тургенева и Питера Отто фон Гётце (Turgenev 1841: 58. Nr. 65; Geotze 1854: 19–20, 171. Nr. 3), воспроизведенных впоследствии другими публикаторами средневековых источников – Карлом Эдуардом Напьерским, Фридрихом Георгом фон Бунге и Густавом Венцелем (Napierisky 1848: 406. Nr. 57; Bunge 1853: 14. Nr. 214; Wenzel 1869: 211–212. Nr. 139).

Август Поттхаст предлагал вместо *Ioann* читать *Daniel* (*Iohanni (legatur Danieli) regi Russiae nunciat...*) (Potthast 1875: 1025. Nr. 12097). Чтение Поттхаста принял Н.П. Дашкевич, полагавший, что все папские буллы от 3 мая 1246 г., адресованные королю Руси, предназначались Даниилу Галицкому и его подданным: «Папа имел в виду вообще православный люд галицко-волынских земель, который, согласно начатым с Даниилам переговорам, считался изъявившим покорность Римской церкви» (Дашкевич 1884: 160). Вслед за Поттхастом и Дашкевичем в короле Иоанне папской буллы усматривала галицко-волынского князя Даниила Романовича автор русского перевода документа С.А. Большакова (Большакова 1976: 123. № 1).

Некоторые новейшие исследователи приходят к выводу, что имя *Иоанн* было вторым крестильным именем Даниила Галицкого, которое он получил в честь св. Иоанна Златоуста (Рапов 1977: 188; Войтович 2006: 492; Ужанков 2009: 365; Александрович, Войтович 2013: 14–15). В доказательство приводятся свидетельства Галицко-Волынской летописи о том, что Даниил Романович возвел в своей новой столице Холме храм во имя Иоанна Златоуста (Ипатьевская летопись 1998: 826, 842–843). Такая точка зрения сегодня получила широкое распространение в справочной литературе, в том числе в изданиях по генеалогии Рюриковичей (Рапов 1997: 47; Платонов 2000: 200; Пчелов 2001: 134, 390; Пчелов 2003: 152, 308).

Не все историки, однако, принимают такую возможность. «В издании А.И. Тургенева, – пишут А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский, – фигурирует папская грамота Иннокентия IV, обращенная к королю Руси Иоанну, что заставляло исследователей приписывать имя *Иоанн* в качестве второго христианского то Даниилу Романовичу Галицкому, то его младшему брату Васильку. Однако адресат этого послания не выяснен...». Далее, ссылаясь на мнение М.С. Грушевского, цитируемые авторы приходят к выводу: «...само имя *Иоанн* присутствует, по-видимому, лишь в некоторой предварительной версии текста. В оригинале (папского послания. – А.М.) этого имени нет» (Литвина, Успенский 2006: 213, 533–534).

Как видим, в новейшей литературе по-прежнему остается невыясненным вопрос о том, могло ли имя *Иоанн* принадлежать галицко-волынскому князю Даниилу Романовичу. Кроме того, высказываются сомнения относительно личности *светлейшего короля Руси*, получателя папской буллы от 3 мая 1246 г.

Даниил Романович или Иван Всеволодович?

Если папа Иннокентий IV действительно именовал Даниила Галицкого Иоанном, то естественно ожидать, что и в дальнейшем понтифик придерживался бы такого же именования. Однако этого не происходит. В посланиях 1247–1248 гг. папа, обращаясь к галицко-волынскому князю, именует его Даниилом. «Светлейшему королю Руси Даниилу» адресованы три письма папы, датированные 27 августа 1247 г. (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 459v. Nr. 172–174), а также послания от 12 сентября 1247 г. (Fol. 460v. Nr. 187) и 23 января 1248 г. (Fol. 555. Nr. 38) (см.: Turgenev 1841: Nr. 67–69, 74, 77; Большакова 1976: № 5–8, 10).

Можно предположить, что в первом послании папы произошла какая-то ошибка в употреблении имени галицко-волынского князя, устраненная в дальнейшем. Но не меньше оснований считать, что письмо понтифика было адресовано какому-то другому князю.

Е.Е. Голубинский, к примеру, полагал, что свое первое послание на Русь Иннокентий IV адресовал брату Даниила, Васильку Романовичу (Голубинский 1997: 83. Прим. 2). Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что сын Василька Владимир был назван при крещении Иоанном (Ипатьевская летопись 1998: 919–920, 927), и это как будто может свидетельствовать о каком-то особом почитании св. Иоанна в семействе волинских князей.

Против атрибуции адресата папских посланий от 3 мая 1246 г. как Даниила Галицкого высказывался Б.Я. Рамм. По его мнению, сторонники такого решения неправомерно связывали майскую серию

папских посланий 1246 г. с августовско-сентябрьской серией 1247 г., упуская из виду, что при этом неизбежно должен возникнуть вопрос о том, почему письма 1247 г. до некоторой степени повторяют по содержанию письма предыдущего года и притом ни разу на них не ссылаются, как это обычно бывало в практике папской курии в подобных случаях» (Рамм 1959: 160–161).

Рамм соглашается с предположением, выдвинутым в 1957 г. Джеймсом Затко, согласно которому вся серия папских посланий 1246 г. имела в виду того из русских князей, кто действительно носил имя Иван. Таковым тогда был один из братьев великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Родившийся в 1197 или 1198 г. князь Иван, младший сын великого князя Всеволода Большое Гнездо, занимал скромный княжеский стол в Стародубе (близ Суздаля). Иван Всеволодович неоднократно упоминается в летописях, его имя значится среди князей, переживших нашествие Батыея (Zatko 1957: 33–52).

Возможность обращения папы к Ивану Всеволодовичу поддерживается следующими фактами.

Зимой 1245–1246 г. великий князь Ярослав Всеволодович отправился сначала к хану Бату на Волгу, а затем прибыл к великому хану в Каракорум. Здесь его застал папский легат Иоанн дель Плано Карпини, который об этой встрече упоминает в своей Истории Монгалов (Карпини 1957: 50, 54, 57, 61). В результате состоявшихся между ними переговоров Ярослав Всеволодович принял католичество. Об этом факте известно из письма папы Иннокентия IV к сыну Ярослава Александру Невскому от 23 января 1248 г. В письме папа ссылается на донесение Плано Карпини, сообщившего, что Ярослав «смиренно и почтительно признал послушание Римской церкви, матери своей», и принес обет папскому легату (*sui obedientiae Romanae ecclesiae matris suae in ejusdem fratris manibus devote, ac humili ter se devovit*) (Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 555. Nr. 42) (ср.: Turgenev 1841: Nr. 78).

Авраам Бзовский (Bzovius) (1567–1637) – один из продолжателей Церковной истории Цезаря Барония – сообщает (без указания своего источника), будто Ярослав даже «принял от Карпини монашеское платье и устав св. Франциска и, отрекшись от мира, сделал большие успехи в монашеском житье и в святости» (*habitu religionis et poenitentiae S. Francisci suscepisset et abdicato saeculo magnos profectus in discipline regulari et sanctitate fecisset*) (Bzovius 1621: 539).

Достоверность последнего сообщения вызывает сомнения. Вместе с тем готовность Ярослава пойти на какое-то соглашение с представителем папы и, очевидно, согласие на принятие им католичества едва

ли можно оспаривать. Нельзя думать, что слова папы в его послании к Александру Невскому об его отце были пустым вымыслом. Во всяком случае, с монгольским двором русские князья поддерживали постоянные связи, и Александр Ярославич имел возможность проверить содержащиеся в папском послании сведения относительно последних дней своего отца, скончавшегося в Каракоруме.

Кроме того, Карпини, по всей видимости, был лично знаком с Александром. Среди свидетелей своего пребывания у татар папский посол называет «сына князя Ярослава», которого он встретил в ставке Батыя на пути в Каракорум (Карпини 1957: 82; Carpine 1989: 331–332). Возвращаясь из Монголии, Карпини узнал, что этот сын Ярослава, остававшийся у Батыя, тщетно уговаривал черниговского князя Михаила Всеволодовича поклониться монгольским идолам, поясняя, что в противном случае его ждет смерть (Карпини 1957: 29). С большой вероятностью можно предполагать, что неназванным по имени сыном Ярослава, сопровождавшим его в поездке к татарам, был именно Александр (Selart 2007: 217).

Вместе с тем ввиду малой важности фигуры стародубского князя Ивана Всеволодовича для русской истории некоторые авторы выдвигали (без всякого, впрочем, обоснования) на роль *короля Руси Иоанна* более значительных, с их точки зрения, правителей, например Александра Невского (Patzé 1958: 81) или кого-то из русских князей, правивших в районе Западной Двины (Даугавы) (Ammann 1960: 120).

Однако построения Затко – Рамма, видевших в *короле Иоанне* стародубского князя Ивана Всеволодовича, как и тех исследователей, кто пытался приурочить имя *Иоанн* к кому-то из галицко-волынских князей, в равной мере страдают от недостатка источниковедческой критики используемых сведений. По-видимому, большинство современных авторов, пишущих об отношениях Руси с Римом, не только не имели возможности прямого обращения к архивным документам, сохранившим тексты папских посланий, но, ограничившись цитированием Тургеневских актов (по изданию 1841 г.), даже не потрудились проверить их по другим публикациям, прежде всего новейшим изданиям регестов Ватиканского архива.

Отсутствие в оригинале регестов, а также в их ранних копиях имени *Иоанн* в обращении к королю Руси в записях, передающих текст буллы «*Sum is qui*», неизбежно приводит нас к выводу, что единственным достоверно подтвержденным личным именем Даниила Галицкого могло быть только имя *Даниил*, выполнявшее одновременно функции как княжеского (светского), так и христианского (крестильного) имени. Для предположения о наличии у этого князя еще одного христианского имени нет достаточных оснований. Тем самым не на-

ходит подтверждения и версия об особой сакральной связи Даниила Романовича с Иоанном Златоустом, будто бы выступавшим в качестве его патронального святого. По нашему мнению, в качестве такового следует признать св. Даниила Столпника (см.: Майоров 2011b: 32–50; Maiorov 2015: 345–366).

Предположения о двух христианских именах Даниила Романовича возникли вследствие археографической ошибки, допущенной издателями Тургеневских актов и воспроизведенной в русском переводе буллы от 3 мая 1246 г., выполненном по этому изданию С.А. Большаковой. Между тем на отсутствие имени *Иоанн* в оригинале послания Иннокентия IV указал еще Владислав Абрахам, сличивший текст тургеневской копии с оригинальными записями в папских регестах по публикации Э. Берже (Abraham 1904: 125. Przur. 6; Грушевский 1905: 70. Прим. 1). Впоследствии историками были отмечены и другие недостатки, допущенные при публикации Тургеневских актов (Forstreuter 1963: 298–299).

Строительство Даниилом Романовичем в Холме храма в честь Иоанна Златоуста само по себе не может быть свидетельством того, что между князем и святым существовала патронимическая связь. Иначе придется считать, что такая же связь существовала между Даниилом и святым Козьмой и Дамианом, в честь которых в Холме был возведен еще один храм, причем оба храма построены в одно и то же время. Вместе с тем не приходится сомневаться, что св. Иоанн пользовался почитанием в семье Романовичей, поскольку это имя, как уже отмечалось, в крещении получил князь Владимир Василькович, племянник Даниила.

Регесты Иннокентия IV

Оригиналы посланий Иннокентия IV, как и других римских понтификов XIII в., за редкими исключениями не сохранились до нашего времени. По-видимому, их вообще долго не хранили в папской канцелярии. Вместо этого содержание документов заносилось в специальные архивные книги – *папские регесты* (*регистры*).

Благодаря упорядочению работы канцелярии, произведенному на рубеже XII–XIII вв., начиная с понтификата Иннокентия III (1198–1216) регесты сохранились практически полностью. В настоящее время древние папские регесты хранятся в Ватиканском секретном архиве (*лат.* Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum; *итал.* Archivio Segreto Vaticano) и составляют особую коллекцию, именуемую *Ватиканскими регестами* (*Regesta Vaticana*). Эта коллекция, насчитывающая свыше двух тысяч томов, сформировалась еще в

XVII в. и включает в себя архивные регесты от времен понтификата Иннокентия III и до понтификата Григория XIII (1572–1585).

По палеографическим признакам регесты Иннокентия IV (1243–1254) составлены в середине XIII в. и представляют собой писанные каллиграфическим почерком на пергаменте архивные книги, переплетенные и пронумерованные в XIX в. Книги составлены из тетрадей, обычно насчитывающих по восемь листов каждая. Все архивные книги с текстами документов времен понтификата Иннокентия IV имеют примерно один и тот же формат листов: высота – 334 мм, ширина – 242–243 мм.

Первоначально регесты велись по годам, и тексты документов каждого года правления папы заносились в отдельную архивную книгу. Отдельно записывались тексты общих посланий папы (*litterae communes*), отдельно – тексты куриальных посланий (*litterae curiales*) и актов церковных соборов. После того как в середине XIX в. регесты Иннокентия IV были переплетены заново, возникли существующие донныне архивные тома, каждый из которых включает в себя регесты сразу нескольких лет понтификата. В новых томах возникла новая сквозная нумерация листов, но сохранилась первоначальная нумерация документов, особая как для каждого года понтификата, так и для каждого из названных видов документов.

Регесты первых пяти лет, а также с восьмого по двенадцатый годы понтификата полностью сохранились (без сколько-нибудь значительных утрат и повреждений) и в настоящее время находятся в Ватиканском секретном архиве, где они составляют три объемистых архивных тома, имеющие в общей коллекции папских регестов номера 21, 22 и 23.

Публикуемые ниже тексты буллы «*Cum is qui*» содержатся в регестах третьего года понтификата Иннокентия IV (июль 1245 – июнь 1246 гг.): Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 213–306, первая серия – 627 номеров с текстами общих посланий, вторая серия – 30 номеров с текстами куриальных посланий, листы 307 и 308 чистые.

Публикуемые ниже тексты буллы «*Cum is qui*» (рис. 1) воспроизведены по оригинальным записям в Ватиканских регестах с учетом археографических правил, принятых при издании актов римских понтификов Папской комиссией по редактированию Кодекса канонического права Востока (*Pontificia commissio ad redigendum Codicem iuris canonici Orientalis. Fontes. Series III*). К основному тексту подведены примечания, отражающие разночтения, существующие в других важнейших изданиях полного текста буллы, выполненных как по Ватиканским регестам, так и по их копиям.

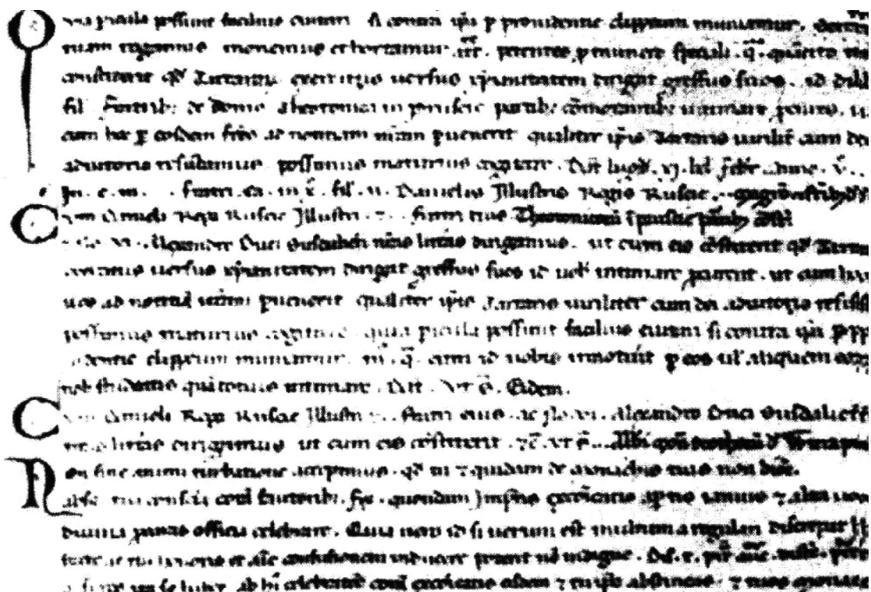

Рис. 1. Регесты Иннокентия IV. Фрагмент с текстом буллы «Cum is qui»

1

Лион, 3 мая 1246 г.

**Послание Иннокентия IV христианам Руси об унии
с Римской церковью и миссии легата апостольского престола**

ASV, Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 275v. Nr. 476.

Издания: Raynaldi 1667: Ad an. 1246. § 29 (pars); Ripoll 1729: 163. Nr. 140; Gruber 1740: 277. Nr. 67; Turgenev 1841: 58–59. Nr. 65; Napiersky 1848: 406. Nr. 57; Bunge 1853: 14. Nr. 214; Goetze 1854: 171–172. Nr. 3; Wenzel 1869: 211–212. Nr. 139; Ptašnik 1914: 26–27. Nr. 43; Chubatyj 1917: 88–89. Nr. 19; Welykyj 1953: 28–29. Nr. 12; Haluščynskij, Wojnar 1962: 64–66. Nr. 26.

Регесты: Potthast 1875: 1025. Nr. 12097; Berger 1884: 271. Nr. 1817.

Русский перевод: Большакова 1976: 123–124. № 1.

Украинский перевод: Великий 1968: 154–156; Царьова 1988: 24–25. № 19.

Текст

Universis Christi fidelibus in Russiae partibus constitutis.

Cum is, qui secundum suae omnipotentiam maiestatis nec loco potest nec tempore comprehendi, utpote incircumscripibilis et immensus

stabilis manens, dat cuncta moveri, faciat spiritus suos angelos et ministros coelorumque altitudine inclinata carnem assumens humanam pro eo, quod deliciae suae sunt esse cum filiis hominum, discipulos, quos¹ elegerat, in mundum destinaverit universum, ut omni praedicarent evangelium creaturae, suo nos instruxit exemplo, ut eius sequentes vestigia² cum assumpti simus in plenitudinem potestatis, nec per nos ipsos³ possimus singulis negotiis imminere⁴, inter eos, quos in partem sollicitudinis evocavimus, onera, quasi Jethro usi consilio, dividamus, unicuique secundum virtutem propriam, quae variis temporibus mutant⁵ committendo.

Sane, cum in partibus vestris mores et ritus Graecorum, qui superstitione ac dampnabiliter ab unitate ecclesiastica recesserunt, fuerint⁶ hactenus non sine animarum periculis observati, nuper⁷, gratia faciente⁸ divina, illuminata sunt corda vestra, ut recognoscentes Romanam Ecclesiam matrem aliarum omnium et magistram, ac Summum Pontificem successorem Petri, cui collatae sunt claves regni coelestis, ligandi et solvendi et Jhesu Christi vicarium esse capud⁹ (sic), quia cum unus sit dominus, una fides, unum baptisma, unum principium, unum corpus Ecclesiae militantis; corpus cum pluribus capitibus monstruosum et sine capite acephalum censeretur, ad devotionem et obedientiam Apostolicae Sedis et nostram¹⁰ redire, sicut accepimus affectetis¹¹ non¹² ei¹³ assurgentes in laudem, qui oculos Tobiae per colirium¹⁴ ex felle piscis illuminare dignatus est et aperire oculos caeci nati ac exultantes cum muliere, quae iuxta veritatem evangelicam, dragmam, quae perierat reinvenit.

Venerabilem Fratrem nostrum... archiepiscopum Prusciae¹⁵ et Estoniae Apostolicae Sedis Legatum, virum itique secundum cor nostrum, morum honestate decorum¹⁶, litterarum scientia praeditum et consilii

¹ T quo.

² T W vestigia.

³ T per ipsos.

⁴ В рукописи неразборчиво.

⁵ R T W imminent.

⁶ T fuerunt.

⁷ R et nuper.

⁸ T W favente.

⁹ T caput.

¹⁰ W nostre.

¹¹ W affecteris.

¹² T nos.

¹³ T et.

¹⁴ R collyrium, T collinum, W collivium.

¹⁵ R Livoniae.

¹⁶ T W decoratum.

maturitate praeclarum, qui vobis verba vitae deferet, et nostram et fratrum nostrorum plenius voluntatem exponet, ad partes vestras commisso sibi in eisdem partibus plene legationis officio, duximus destinandum, concessa ei libera potestate, ut evellat et destruat, dissipet et disperdet¹, aedificet et plantet, prout secundum Deum viderit expedire.

Quocirca universitatem vestram rogamus², monemus et hortamur attente mandantes, quatenus eundem archiepiscopum, quem speciali prosequimur praerogativa favoris, sicut legatum Sedis Apostolicae immo Christi, cuius negotium specialiter in hac parte sibi promovendum committitur, benigne recipientes et honorifice pertractantes, impendendo ei super praemissis consilium, auxilium et favorem, ipsius monitis et mandatis salubribus³ devote ac humiliter intendatis. Alioquin sententiam quam idem rite tulerit in rebelles ratam habebimus *etc.*, usque observari.

Dat[um] Lugd[uni] V Non[as] maii, anno tertio.

Перевод

Всем верующим во Христа, пребывающим в пределах Руси.

Когда тот, кто благодаря всемогуществу своего величия не может быть ограничен ни в пространстве, ни во времени, ибо ни в чем не имеет недостатков, кто неопиcуем и неизмерим, кто приводит все в движение, сам оставаясь неподвижным, творит духов своими ангелами и помощниками и волею небес принял плоть человеческую, ибо его уcлаждает пребывание среди сынов человеческих, направил своих избранных учеников по всему миру, чтобы они проповедовали Евангелие всякому созданию, он научил нас своим собственным примером, чтобы и мы, следуя за ним, когда возвышены до полноты власти, не могли самостоятельно заниматься всеми делами и тогда, словно пользуясь советом Иофора [1], разделили труды между теми, кого мы призвали участвовать в наших заботах, поручая каждому соответственно его добродетелям те дела, которые во всякое время будут возникать.

Конечно, хотя в ваших землях до сих пор с большой опасностью для душ соблюдались обычаи и обряды греков, которые суеверно и предосудительно отступили от церковного единства, недавно, по милости Божией, ваши сердца озарились для того, чтобы вы признали главенство Римской церкви, матери и учительницы всех других, и святого понтифика, наследника Петра, которому доверены ключи для запираания и отпираания Царствия Небесного [2], наместника

¹ T disperdat.

² W omcyumcтвyем.

³ W salutaribus.

Иисуса Христа и главы [церкви], ведь один Господь, едина вера, едино крещение, едино начало, едино тело воинствующей церкви, и тело с несколькими головами было бы сочтено чудовищным, а без головы – безголовым, Мы, с радостью узнав, что вы желаете возвратиться к почитанию апостольского престола и подчинению нам, воздали хвалу тому, кто соблаговолил отверзать очи Товии глазной мазью из рыбьей желчи [3] и отверзать очи слепого от рождения [4], и возрадовались вместе с женщиной, которая, согласно евангельской истине, отыскала пропавшую драхму [5].

Мы сочли нужным отправить в ваши земли достопочтенного брата нашего... [6] архиепископа Пруссии и Эстонии, посланника апостольского престола, мужа любезного сердцу нашему, прекрасного добротой нрава, обладающего знанием наук и славного зрелостью рассудка, чтобы он принес вам слова жизни и полнее изложил волю нашу и братьев наших, поручили ему в этих землях полноценную должность посланника и доверили власть свободно искоренять и разрушать, рассеивать и губить, строить и взращивать [7], как в соответствии с Божьей волей он сочтет целесообразным.

Поэтому мы настоятельно просим, призываем и увещеваем вашу общину, поручая, чтобы вы радушно принимали упомянутого архиепископа, который пользуется нашей особой благосклонностью, будучи посланником апостольского престола и самого Христа, чье дело ему поручено в этой земле развивать, почтено с ним обращались и, оказывая ему в связи с вышеупомянутым совет, помощь и благосклонность, благоговейно и смиренно внимали его благотворным внушениям и поручениям. В противном случае мы утвердим решение, которое он законным порядком примет в отношении противящихся *и т. д. вплоть до* исполнения [8].

Дано в Лионе, в пятые ноны мая, третий год.

Комментарий

1. Имя собственное *Jethro* по-разному переводится исследователями: Етро (Великий 1968: 155), Гетро (Большакова 1976: 123), Эфрон (Царьова 1988: 25). В примечаниях к переводу С.А. Большакова делает ссылку на Послание к галатам апостола Павла (Галат., 6: 2), а Н.Н. Царёва – на некие «евангельские притчи». В действительности в документе упоминается Иофор (Yitro, Yit̃rō) – князь-священник племени мадиамитян, тесть Моисея. В 18-й главе Книги Исхода описывается, как Иофор пришел к Моисею к горе Синай, где тот судил свой народ (евреев), и посоветовал поставить богобоязненных людей тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками, чтобы они судили народ в мирное время по

малым делам, а о важных делах доносили Моисею (Исх. 18: 1–27). Таким образом, Иофор помог Моисею разделить его тяжелые труды с другими добродетельными людьми.

2. Парафраз обращенных к апостолу Петру слов Иисуса Христа: «...и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Матф. 16: 19).

3. Переводчики по-разному интерпретируют упомянутую в документе историю целительства Товии: С.А. Большакова (С. 124) полагает, что она происходит из ветхозаветной Книги Неемии (Неемия 2: 10), Н.Н. Царёва (С. 25) видит в Товии героя некой «евангельской притчи». В действительности Товия – персонаж второканонической Книги Товита Ветхого Завета, которая входит в библейский канон только восточных христианских церквей, поэтому основным ее текстом является греческий. В книге рассказывается, как живший в Ниневии праведник Товит, страдавший от слепоты, послал своего сына Товию в Мидию, чтобы вернуть свое серебро, отданное в долг. В провозачье Товии был нанят Азария, на самом деле оказавшийся архангелом Рафаилом. Когда, добравшись до реки Тигр, Товия решил искупаться, на него набросилась огромная рыба. По указанию Рафаила Товия выбросил рыбу на берег. Архангел объяснил, что желчь этой рыбы снимает с глаз бельма. С помощью Рафаила Товии удалось вернуть деньги, найти верную жену и исцелить отца от слепоты.

4. Имеется в виду описанное в Евангелии от Иоанна исцеление Иисусом Христом слепого от рождения (Иоанн: 9).

5. Имеется в виду рассказанная Иисусом Христом притча о женщине, потерявшей и затем нашедшей свою драхму, чья радость уподоблена радости ангелов по поводу даже одного раскаявшегося грешника (Лука: 15).

6. Здесь в тексте оригинала пропуск, сделанный, вероятно, для последующего внесения имени архиепископа, но по какой-то причине оставшийся незаполненным. Имеется в виду архиепископ Пруссии, Ливонии и Эстонии Альберт II фон Зуербеер (ок. 1200–1272/1273).

7. Почти дословная цитата из Книги пророка Иеремии: «Я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать» (Иеремия 1: 10).

8. Здесь в регестах сделано сокращение текста послания, выделенное словами *etc.* и *usque*. Сокращенный текст является обычной и часто встречающейся в папских посланиях формулой, которая полностью восстанавливается по другим документам: «В противном случае мы утвердим решение, которое он законным порядком примет

в отношении противящихся, и именем Господа приведем его в неукоснительное исполнение» (Alioquin sententiam, quam idem rite tulerit in rebelles, ratam habebimus et faciemus auctore Domino firmiter observari).

2

Лион, 3 мая 1246 г.

Послание Иннокентия IV светлейшему королю Руси об унии с Римской церковью и миссии легата апостольского престола

ASV. Reg. Vat. Vol. 21. Fol. 275. Nr. 477¹.

Издания: Ptašnik 1914: 27. Nr. 44; Welykyj 1953: 30–31. Nr. 13; Haluščynskij, Wojnar 1962: 66–67. Nr. 26a.

См. также документ 1.

Текст

In eundem modum... illustri regi Russiae... usque: viderit expedire... Quocirca Serenitatem² regiam rogamus, monemus et hortamur, attente mandantes, quatenus³ eidem Legato super hiis⁴ et contra Tartaros impendas sibi consilium, auxilium et favorem, quod exinde apud Deum meritum et apud homines tibi⁵ compares nomen bonum. Nosque Serenitatem regiam dignis valeamus in Domino laudibus eomendare. – Dat[um] Lugd[uni], ut in proxima superiori.

Перевод

Так же [1]... [2] светлейшему королю Руси... *вплоть до*: сочтет целесообразным... [4].

Поэтому мы настоятельно просим, призываем и увещеваем твою королевскую светлость, поручая, чтобы ты оказывал этому посланнику в связи с вышеупомянутыми делами и против татар совет, помощь и благосклонность, чтобы тем ты снискал себе заслуги перед Богом и доброе имя перед людьми, а мы могли почтить королевскую светлость достойными похвалами перед Господом. – Дано в Лионе, как предыдущее.

¹ В рукописи номер документа отсутствует.

² *W* добавлено: tuam.

³ *T* quatinus.

⁴ *W* his.

⁵ *T W* tibi.

Комментарий

1. Выражение *in eundem modum* (так же, таким же образом, аналогично) в начале записи текста документа указывает на его подобие предыдущей записи, т. е. послание *светлейшему королю Руси* подобно посланию *всем верующим во Христа, пребывающим на Руси* (см. документ 1).

2. Здесь в тексте оригинала пропуск, сделанный, вероятно, для последующего внесения имени светлейшего короля Руси, но по какой-то причине оставшийся незаполненным. В копии, предоставленной А.И. Тургеневу префектом Секретного архива Ватикана М. Марини, значится личное имя короля Руси – *Иоанн* (*Joanni illustri Regi Russie*) (Turgenev: 58). Эта инскрипция воспроизводится в некоторых других изданиях и переводах документа (см.: Большакова: 123. № 1). Происхождение приведенной записи неизвестно. Скорее всего, здесь была допущена ошибка при копировании оригинального текста папских регестов. В действительности послание адресовано галицко-волинскому князю Даниилу Романовичу (ок. 1201–1264).

3. В регестах текст послания *светлейшему королю Руси* записан в значительном сокращении, фактически здесь приводится только окончание послания. Основной его текст дословно совпадает с текстом послания *всем верующим во Христа, пребывающим на Руси* (см. документ 1). Как явствует из сделанной переписчиком пометы *usque* (вплоть до), текст обоих документов совпадает от начала до слов «сочтет целесообразным» (*viderit expedire*).

Сокращения, используемые в археографических примечаниях:

R – Ripoll 1729.

T – Turgenev 1841.

W – Welykyj 1953.

ЛИТЕРАТУРА

Александрович, Войтович 2013 - Александрович В., Войтович Л. Король Данило Романович. Біла Церква, 2013.

Большакова 1976 - Большакова С.А. Папские послания галицкому князю как исторический источник // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. № 1. С. 122–129.

Великий 1968 - Великий А.Г. 3 літопису християнської України: Церковно-історичні радіолекції з Ватикану. Рим: Edizioni del PP. Basiliani, 1968. Т. 2.

Войтович 2006 - Войтович Л.В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006.

Голубинский 1997 - Голубинский Е.Е. История Русской церкви. М., 1997. Т. II.

Грушевський 1905 - Грушевський М.С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. III.

Дашкевич 1884 - *Дашкевич Н.* Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Юго-Западной Руси с католичеством // Университетские известия. [Киев]. 1884. № 7. С. 136–181.

Ипатьевская летопись 1998 - *Ипатьевская летопись* / Подг. А.А. Шахматов // Полное собрание русских летописей. М., 1998. Т. II.

Карпини 1957 - *Джиованни дель Плано Карпини.* История Монгалов / Пер. с лат. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 21–83.

Литвина, Успенский 2006 - *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006.

Майоров 2011a - *Майоров А.В.* Был ли Даниил Галицкий коронован папой Иннокентием IV? // Русин. 2011. № 3 (25). С. 42–49.

Майоров 2011b - *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и начало формирования культа св. Даниила Столпника у Рюриковичей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2011. № 4. С. 32–50.

Платонов 2000 - *Платонов О.* Святая Русь: Энциклопедический словарь русской цивилизации. М., 2000.

Пчелов 2001 - *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История династии. М., 2001.

Пчелов 2003 - *Пчелов Е.В.* Монархи России. М., 2003.

Рамм 1959 - *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X–XV вв. М.; Л., 1959.

Рапов 1977 - *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

Рапов 1997 - *Рапов О.М.* История России в лицах: с древности до наших дней. Биографический словарь. М., 1997.

Ужанков 2009 - *Ужанков А.Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009.

Царьова 1988 - *Царьова Н.М.* (пер.). Боротьба Південно-Західної Русі і України проти експансії Ватікану та унії (X – початок XVII ст.). Збірник документів і матеріалів / Відп. ред. Є.А. Гринів. Київ: Наукова думка, 1988.

Чубатий 1917 - *Чубатий М.* Західна Україна і Рим у XIII віці у своїх змаганнях до церковної унії // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. [Львів]. 1917. Т. 123–124. С. 1–108.

Abraham 1904 - *Abraham W.* Powstanie organizacyi kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904. Т. I.

Ammann 1936 - *Ammann A.M.* Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodxie. Romae, 1936 (Orientalia Christiana Analecta. Bd. 105).

Ammann 1948 - *Ammann A.M.* Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi. Torino, 1948.

Ammann 1960 - *Ammann A.M.* Gedanken zu einigen neueren Veröffentlichungen aus der früh-russischen Kirchengeschichte // Ostkirchliche Studien. 1960. 9.

- Berger 1884 - *Berger E.* (ed.). *Les Registres d'Innocent IV.* (1243–1254). Paris, 1884. T. I (=Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome. 2e sér. T. 1).
- Bunge 1853 - *Bunge Fr.G., von* (hrsg.). *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.* Reval: Kluge und Ströhm, 1853. Bd. I: 1093–1300.
- Bzovius 1621 - *Bzovius (Bzovski), Abraham.* *Annalium ecclesiasticorum post... Caesarem Baronium... Coloniae Agrippinae, 1621.* T. 13.
- Carpine 1989 - *Giovanni di Pian di Carpine.* *Storia dei Mongoli / Ed. E. Menestò.* Spoleto, 1989.
- Eubel 1913 - *Eubel C.* *Hierarchia catholica medii aevi.* Monasterii, 1913. T. I (1198–1431).
- Forstreuter 1963 - *Forstreuter K.* *Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249 // Zeitschrift für Ostforschung.* 1963. Bd. 12.
- Goetze 1854 - *Goetze P.O. von.* *Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland.* St. Petersburg, 1854.
- Gruber 1740 - *Gruber J. D.* (ed.). *Origines Livoniae sacrae et civilis, seu chronicon Livonicum vetus.* Francofurti; Lipsiae, 1740.
- Haluščynskij, Wojnar 1962 - *Haluščynskij, Theodosius T. et Wojnar, Meletius M.* (eds.). *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254): e regestis [sic] vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt.* Romae: Institutum Iuris Canonici Universitatis Monacensis, 1962 (=Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. *Fontes. Series III. Vol. 4/1*).
- Maiorov 2014 - *Maiorov A. V.* *The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes // Русин.* 2014. № 2 (36). С. 147–161.
- Maiorov 2015 - *Maiorov A. V.* *The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik dynasty // Slavic and East European Journal.* 2015. Vol. 59, Nr. 3. Pp. 345–366.
- Napiersky 1848 - *Napiersky K.E.* (ed.). *Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Esth- und Kurland.* Riga; Leipzig, 1848. Bd. I.
- Patze 1958 - *Patze H.* *Der Frieden von Christburg von Jahre 1249 // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands.* 1958. Bd. 7.
- Potthast 1875 - *Potthast A.* (ed.). *Regesta Pontificum Romanorum.* Berolini, 1875. T. II.
- Ptaśnik 1914 - *Ptaśnik J.* (ed.). *Analecta Vaticana 1202–1366.* Cracoviae, 1914 (=Monumenta Poloniae Vaticana. Vol. III).
- Raynaldi 1667 - *Raynaldi Odorico.* *Annales Ecclesiastici: ex tomis octo ad unum pluribus auctum redacti.* Romae: Ex Typografia Varefij, 1667. Vol. 13.
- Ripoll 1729 - *Ripoll Thomas* (ed.). *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum.* Romae: Mainard, 1729. Vol. I: 1215–1280.
- Selart 2002 - *Selart A.* *Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum // Tuna: ajalookultuuri ajakiri.* Tallinn, 2002. Nr. 2. S. 11–21.

Selart 2007 - *Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln, 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21).

Soranzo 1930 - *Soranzo G.*, Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari, un secolo di penetrazione occidentale in Asia. Milano, 1930.

Turgenev 1841 - *Turgenev A.I.* Historica Russiae Monumenta. Petropoli, 1841. Vol. I.

Welykyj 1953 - *Welykyj A. G.* (ed.). Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953). Romae, 1953. Vol. I (=Analecta Ordinis Sancti Basilii Magni. Series II. Sectio 3).

Wenzel 1869 - *Wenzel G.* (ed.). Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai, 1869. Vol. 7 (=Monumenta Hungariae Historica. Diplomataria. Vol. 12).

Zatko 1957 - *Zatko J.* The Union of Suzdal: 1222–1252 // Journal of Ecclesiastic History. 1957. Vol. VIII, Nr. 1. Pp. 33–52.

REFERENCES

Abraham, W. (1904) *Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi* [The creation of the Latin church organization in Russia]. Vol. 1. Lviv: Nakł. Tow. dla Popierania Nauki Polskiej.

Aleksandrovich, V. & Vojtovich, L. (2013) *Korol' Danilo Romanovich* [King Daniel Romanovich]. Bila Cerkva.

Ammann, A.M. (1936) *Kirchenpolitische Wandlungen im Ostbaltikum bis zum Tode Alexander Newski's: Studien zum Werden der russischen Orthodoxie* [Political transformations of church in the eastern Baltic before the death of Alexander Nevsky: Studies of Russian Orthodoxy]. Romae: Pont. Institutum Orientalium Studiorum.

Ammann, A.M. (1948) *Storia della Chiesa russa e dei paesi limitrofi* [History of the Russian Church and the neighboring countries]. Torino: Unione tipografico-editrice torinese.

Ammann, A.M. (1960) Gedanken zu einigen neueren Veröffentlichungen aus der früh-russischen Kirchengeschichte [Thoughts on some recent publications from the early Roman church history]. *Ostkirchliche Studien*. 9.

Berger, E. (ed.). (1884) *Les Registres d'Innocent IV. (1243–1254)* [Registers of Innocent IV. (1243–1254)]. Vol. 1. Paris.

Bunge, Fr. G., von (ed.). (1853) *Liv-, esth- und curländisches Urkundenbuch nebst Regesten*. Vol. 1. Reval: Kluge und Ströhm.

Bzovius (Bzovski), A. (1621) *Annalium ecclesiasticonim post... Caesarem Baronium...* Vol. 13. Coloniae Agrippinae.

Carpine, G.di P. (1989) *Storia dei Mongoli* [The History of Mongolia]. Spoleto.

Chubatiy, M. (1917) Zakhidna Ukraïna i Rim u KhIII vitsi u svoïkh zmaganyakh do tserkovnoi unii [Western Ukraine and Rome in the 13th century in

their quest for Church Union]. *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka*. 123-124. pp. 1-108.

Dashkevich, N. (1884) Peregovory pap s Daniilom Galitskim ob unii yugo-zapadnoy Rusi s katolichestvom [Negotiations of popes with Daniel of Galicia for the Union of southwestern Russia with Catholicism]. *Universitetskie izvestiya*. 7. pp. 136-181.

Carpine, G. di P. (1957) *Istoriya Mongalov* [The history of Mongals]. Translated from Italian by A.I. Malein. In: Shastin, N.P. (ed.) *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the eastern countries of Plano Carpini and Rubruck]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry. pp. 21-83.

Eubel, C. (1913) *Hierarchia catholica medii aevi* [Hierarchy of the Catholic Middle Ages]. Vol. 1. Monasterii.

Forstreuter, K. (1963) Zur Geschichte des Christburger Friedens von 1249. *Zeitschrift für Ostforschung*. Vol. 12.

Goetze, P.O. von. (1854) *Albert Suerbeer, Erzbischof von Preussen, Livland und Ehstland* [Albert Suerbeer, Archbishop of Prussia, Livonia and Ehstland]. St. Petersburg.

Gruber, J.D. (ed.). (1740) *Origines Livoniae sacrae et civilis, seu chronicon Livonicum vetus*. Francofurti; Lipsiae.

Haluščynskij, T.T., Meletius, M. (eds.) (1962) *Acta Innocentii PP. IV (1243–1254): e regestis [sic] vaticanis aliisque fontibus collegerunt notisque adornarunt*. Romae, (=Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1).

Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) *Ipatievskaya letopis'* [The Hypatian Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. Moscow.

Maierov, A.V. (2011) Byl li Daniil Galitskiy koronovan papoy Innokentiem IV? [Was Daniel Galitsky crowned by Pope Innocent IV?]. *Rusin*. 3 (25). pp. 42-49.

Maierov, A.V. (2011) Daniil Galitskiy i nachalo formirovaniya kul'ta sv. Daniila Stolpnika u Rurikovichey [Daniil Galitsky and the beginning of the formation of the cult of St. Daniel Stylites at the Rurik dynasty]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 4. pp. 32-50.

Maierov, A.V. (2014) The imperial Purple of the Galician-Volynian Princes. *Rusin*. 2 (36). pp. 147-161.

Maierov, A.V. (2015) The Cult of St. Daniel the Stylite among the Russian Princes of the Rurik dynasty. *Slavic and East European Journal*. 59 (3). pp. 345-366.

Napiersky, K.E. (ed.). (1848) *Scriptores rerum Livonicarum: Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmale von Liv-, Esth- und Kurland* [Scriptores rerum Livonicarum: Collection of the most important chronicles and historical monuments of Livonia, Kurland and Estland]. Vol. 1. Riga; Leipzig.

Patze, H. (1958) Der Frieden von Christburg von Jahre 1249 [The peace of

Christburg from 1249]. *Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands*. Vol. 7.

Potthast, A. (ed.). (1875) *Regesta Pontificarum Romanorum*. Vol. 2. Berolini.

Ptašnik, J. (ed.). (1914) *Analecta Vaticana 1202–1366*. Cracoviae.

Ramm, B.Ja. (1959) *Papstvo i Rus' v X–XV vv.* [The Papacy and Rus in the 10th–15th centuries]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Raynaldi & Odorico. (1667) *Annales Ecclesiastici: ex tomis octo ad unum pluribus auctum redacti*. Vol. 13. Romae: Ex Typografia Varefij.

Ripoll, T. (ed.). (1729) *Bullarium Ordinis FF. Praedicatorum*. Vol. 1. Romae: Mainard.

Selart, A. (2002) Riia peapiiskop Albert Suerbeer ja Descriptiones terrarum. *Tuna: ajalookultuuri ajakiri*. 2. pp. 11-21.

Selart, A. (2007) *Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert* [Livonia and Rus in the 13th century]. Köln: Böhlau Verlag Köln Weimar.

Soranzo, G. (1930) *Il papato, l'Europa cristiana e i Tartari, un secolo di penetrazione occidentale in Asia* [The Papacy, Christian Europe and the Tartars, a century of western penetration in Asia]. Milano.

Turgenev, A.I. (1841) *Historica Russiae Monumenta* [Historical Monuments of Russia]. Vol. 1. Petropoli.

Welykyj, A.G. (ed.). (1953) *Documenta Pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia (1075–1953)*. Vol. 1. Romae.

Wenzel, G. (ed.). (1869) *Codex Diplomaticus Arpadianus Continuatus*. Vol. 7. Pest: Eggenberger Ferdinánd Akademiai.

Zatko, J. (1957) The Union of Suzdal: 1222–1252. *Journal of Ecclesiastic History*. VIII (1). pp. 33-52.

Майоров Александр Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Maierov Alexander – Institute of History of the Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.v.maierov@gmail.com

УДК 32.019.51:329.7

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/4

СЛАВЯНСКИЙ МИР КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ*

А.И. Щербинин¹, Н.Г. Щербинина²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: shai52@mail.ru

SPIN-код: 6663-7914

²E-mail: sapfir19@mail.ru

SPIN-код: 1808-7956

Авторское резюме

Статья посвящена славянскому миру как политическому конструкту, своеобразию его становления, связи с российской ментальностью, периодическими актуализациями в переломные для славянских народов эпохи. Рассмотрены попытки постановки и реализации политических проектов славянского мира. Показано, как вытесненный на периферию политической семиотики в актуальной политике славянский мир реализуется в качестве виртуального конструкта в социальных сетях Интернета.

Ключевые слова: конструкт, проект, ментальность, славянский мир, Россия, политика.

THE SLAVIC WORLD AS A POLITICAL CONSTRUCT

A.I. Shcherbinin¹, N.G. Shcherbinina²

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: shai52@mail.ru

²E-mail: sapfir19@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the Slavic world as a political construct, the singularity of its formation, the connection with Russian mentality, periodical actualizations during

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ / This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

turning periods for Slavic people. The authors examine the attempts of development and implementation of political projects of the Slavic world. It is shown how the Slavic world pushed out on the periphery of political semiotics in the present day politics is being realized as a virtual construct in social Internet networks.

Keywords: construct, project, mentality, Slavic world, Russia, policy.

Конструкция единства славян зародилась сначала, насколько можно судить, как идея их христианской общности (*Slavia Christiana*). Безусловно, толчком послужила кирилло-мефодиевская инициатива в создании особой культурной сферы для новой славянской надобности в противовес греческой и латинской традициям. Сразу стоит отметить, что именно «славянский проект» солунских братьев Кирилла и Мефодия до сих пор остается единственно успешной – не только в сфере православия, но и политического обустройства – попыткой конструирования славянского мира. Инициированный ими процесс образования универсума носил широкий социокультурный характер. Но поскольку религиозно-церковное и политическое были в Средневековье явлены синкретически, то существенным аспектом идеологического творчества стало политическое конструирование в интерпретативном контексте славянской смысловой общности.

В этой феноменальной сфере происходила не только общекультурная коммуникация как взаимообмен смыслами, но и заимствование политических идей и моделей для создания и структурирования средневекового государства. Характерно, что на Руси киевского периода (в отличие от Московского царства с его главной ориентацией на византийские образцы) данное славянское влияние было весьма заметным. И здесь мы можем обратиться к работе В.М. Живова «Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси». Именно в политической сфере (хотя Живов отрицает и наличие у нас единой с Византией культуры в целом) византийские образцы политико-религиозного толка оставались недоступными пониманию древнерусских властителей и их идеологов и потому не были востребованы. При этом перед Русью стояла проблема обустройства государства, где христианская религия тоже была новой составляющей, в отличие от Византии с государственной культурой, достигшей стадии унификации и упадка. Эта сложная задача конструктивного плана в исторических рамках раннего Средневековья решалась, по мнению Живова, в пределах *Slavia Christiana*, выступающей «естественной средой» креатива. И только разделение церквей, полагает он, эту общность разрушило, что и совершилось к XII в. (Живов 2002: 84).

Какие же конкретно проблемы решались путем политического конструирования, т. е. способом властного означивания нового

мира? Государство осмысливалось как христианская сущность, а государь в качестве политической функции получал предназначение охранителя истинной веры. В данном смысловом поле находилось и особое морально высокое значение христианского властителя. К примеру, В.М. Живов отмечает, что феномен культа Бориса и Глеба, основанный на идеологии непротivления и устанавливающий образец святых заступников для Руси, не уникален, но, напротив, имеет аналоги, в частности в скандинавской агиографии. И у нас, и в Польше, Чехии, скандинавских странах задавалась «планка» особо праведного правителя, чтобы избежать междоусобных конфликтов (Живов 2002: 89–90). Имеется в виду тот факт, что основой ортодоксальной канонизации обычно выступало мученичество за веру, но не особая жертвенность во имя укрепления политической власти. Как бы то ни было, мы можем констатировать, что первоначально появилась универсалия, характеризующая славянскую общую ментальность. Само название *Slavia Christiana* как категория описания данного мира была введена в научный оборот тем же Живовым. Именно данное коммуникативное поле славянско-христианского мира (как целеполагающее действие по обмену и содержательное единство информационных феноменов) послужило «рамочной ситуацией», в которой осуществлялось моделирование политической реальности. Слово «рамка» в данном случае означает соотнесение политических феноменов с христианским смыслом в контексте практически-семиотических действий власти. Так, государство мыслилось как христианский институт, а государь – как христианский правитель. Новое государство помещалось в долготу христианского же времени, а государь становился актуальным и ключевым элементом новой системы. Представления об исключительной роли государя и государства, на наш взгляд, заложили и основы политической культуры России, которые приобрели характер ее архетипов (постоянно актуализирующихся праобразов культуры), но уже позднее, в период Московской Руси.

Казалось бы, в московский период жизни царства византийская модель универсального христианского государства как движущегося Рима навсегда связала нашу политическую культуру с византийским прототипом, «византизмом». Данное общеизвестное положение, безусловно, верно в принципе. Но конкретная ситуация политического конструирования в этот московский период, особенно в форме идеологической, т.е. обоснования легитимности бытия обновленного царства, столкнулась с парадоксальной проблемой. Византия как символический политический центр и тем самым как правоспособный источник искомой легитимной монархической власти перестала существовать. Она буквально и метафорично стала «мертвым цар-

ством», тогда как антропологически нужен был живой исток власти. И тогда московские идеологи снова обращаются к славянской культурной традиции, чтобы обосновать феномен нового «цветущего» государства. Подтверждение тому мы находим в книге М.Б. Плюхановой «Сюжеты и символы Московского царства». Именно в «мире восточного православия и славянства» была почерпнута легенда об обретении царственной силы способом овладения политическим центром (Царьградом) (Плюханова 1995: 171).

Суть конструирования фактов обоснования власти состояла в том, что Царьград (Константинополь) можно было подменить его субститутом – Корсунем, Казанью и т. п. То есть тем местом бытия легитимной власти, куда государь-герой мог отправиться и взять этот символический центр с боем. Неслучайно потому идеологическое творчество помещается, на наш взгляд, в специфическую форму легенды. Миф не только рассказывает историю сотворения государства, но и как политическая реальность он стремится к актуальному переживанию самого себя. Тем самым миф прочно закрепляет в культурной памяти пережитое, что позволяет извлекать из этого «запаса знания» некую идею в переломные периоды. Отсюда становится понятным наше периодически актуализируемое стремление освободить «братьев-славян» от мусульманской напасти и политическое требование завоевания проливов как средство к тому. И указанная тема, между прочим, стала целым направлением русской внешней политики на несколько веков. У М.Б. Плюхановой мы находим и психологическое объяснение этого застарелого «комплекса» русской власти: «Стремление освободить Царьград превратилось постепенно в национальную «навязчивую идею», выходящую на поверхность в эпохи кризисов и катастроф. Смысл и характер этой идеи нельзя понять, если не помнить о глубинной мифопоэтической потребности иметь Царьград живым и свободным, чтобы, овладев им, овладеть истинной царственностью и обрести государственно-историческое благополучие» (Плюханова 1995: 175).

Итак, как нам представляется, возникает новая виртуальная реальность, политический воображаемый мир, который номинируется как «славянский». Этот мир образует устойчивое смысловое единство, и факты-конструкты его очередного коммуникативного бытия активизированы властью. С помощью данных знаковых конструкций российская монархическая власть репрезентировала себя, т. е. создавала концепцию себя, опирающуюся на смысловые феномены. Конечно, концепция имела идеологическое назначение и мифологический подтекст, и она оправдывала власть, поддерживая «символический универсум» (термин П. Бергера и Т. Лукмана) в целом. Данное обо-

снование включалось в конкретные текстовые конструкты, которые Р.С. Уортман называет «сценариями». Цель сценария, по Уортману, – драматизировать восприятие аудиторией событий, связанных с властью, и ввести их в символический контекст (Уортман 2002: 27). Таким способом власть могла презентовать себя не только в качестве конкретно-ситуативного освободителя всех славян, но и принципиального защитника «своего» славянского мира от других «чужих» миров.

Но вернемся к разделению церковей на западную и восточную, что положило начало расколу славянской общности. Тогда-то и завершилась первая рамочная ситуация. Это потрясение, в свою очередь, вызвало переживание уже Московского государства как земли истинной Христовой веры. Отсюда последовало и символическое оформление идеи «Москва – Третий Рим», и возникла конструкция государства истинной Христовой веры во главе с православным царем. С тех пор появляется идея об особой миссии России не только в мире-вселенной (христианском мире вообще), но и в славянском мире в частности. При этом речь не идет, по нашему мнению, о панславизме как славянской исключительности и государственной общности славян. Но что же представляет собой этот «славянский мир» в его политическом аспекте? Здесь видится семиотическое объяснение: перед нами знаковый мир, обладающий особым языком как средством смысло-несущей коммуникации. В данном отношении характерен проект хорвата Юрия Крижанича, который в XVII в. задумал объединить всех славян способом воссоединения церковей. Но путь к единству, по его мнению, лежал даже не в сфере институциональной, а языковой – в создании общеславянского языка. Основой общего целесообразного и разумно устроенного мира, по Крижаничу, должны были стать новая легенда о происхождении славян и новая славянская история. В этой идеальной конструкции России отводилась почетное место прародины славян, символического их истока. Политическая же роль русского царя, как считал Ю. Крижанич, должна быть направлена на решение двух насущных проблем: борьбу с немецким засильем на западе славянского мира и османским гнетом в южной его части. В данной связи образцовая монархия Алексея Михайловича должна была помочь в воссоздании и других славянских государств (Крижанич 1997: 4–6).

В некотором смысле о значении языка, релевантного всем славянам, связывающего их в незримую общность, писал и Константин Леонтьев. В его рассуждении о феномене «славизма» подчеркивается, что у славян как культурного артикулированного единства нет никаких общих черт, в отличие от других культурных феноменов, что характерно даже для совершенно условного явления «европе-

изма». Потому К.Н. Леонтьев много пишет о несходстве отдельных славянских народов в различных аспектах их жизни, в том числе и политическом. Ничего особого «славянского» в формальном смысле, по его мнению, выделить вообще нельзя (Леонтьев 1993: 42). Потому политически славяне не в силах объединиться, но они способны, напрашивается вывод, понять друг друга, создать ментальную общность. Роль же русского государства, основанного на византизме, по Леонтьеву, состоит в том, чтобы помочь в приобретении или сохранении независимости всех славян. Что касается «византизма», то не все так просто, как казалось Леонтьеву. С одной стороны, идея универсальной империи возникала в политическом дискурсе вплоть до XX в., но с другой – сама модель не могла полностью воплотиться практически, и мешали тому наличие именно славянского мира, представление о славянском братстве и независимости отдельных церквей.

В нашем «разыскании» о славянском мире понятие языка, очевидно, выходит на первый план. И в отношении именно славянского мира это символично вдвойне. Дело в том, что значение языка подчеркивалось еще в родовой период существования славян. По словам В.В. Колесова, сам род и мыслился языком, ведь только члены одного рода понимали друг друга: «Поэтому каждый, кто говорит понятно для славянина, обозначается словом *словенинь*: он «знает слово», и его понимают». В дальнейшем под языком стали понимать страну, и тогда общим языком стал «христианский язык» и страна стала христианской (Колесов 2000: 140–141). Здесь опять же подчеркивается языковая связь славянского мира с его христианской сущностью. Сам смысловой мир уже основывался на христианских кодах, а позднее в Средневековье, и государство стало христианским.

Все эти рассуждения подводят нас к мысли о том, что «славянский мир» генетически и феноменально конструируется в языке и как язык коммуникации. И данная коммуникация может в некоторые периоды приобретать политический характер. Дело в том, что семиотический политический опыт включает в себя и опыт переживания славянской общности. Здесь «опыт» понимается феноменологически, и речь идет именно о содержаниях сознания, феноменах. Другими словами, мир славян сконструирован лишь в языке и содержит факты-конструкты, не поддающиеся верификации. Это иллюзорный мир, фантазм, иная реальность. Но от этого данный мир не менее реален. И именно так понимаемый мир предшествует семиотическому действию по актуализации политического дискурса, разговора о политике, который ведется на особом языке, понимаемом тоже семиотически. Конечно, требует обоснования сама сугубая семиотичность нашей трактовки. Почему политическое конструирование данной универсалии имеет

указанную сущность? Здесь мы обратимся к лотмановскому понятию семиосферы (Лотман 2001: 250–256). Политическая культура аналогично культуре вообще имеет собственную семиосферу, которая является особой средой для бытующих знаковых политических конструкций. «Славянский мир» представляет собой замкнутый смысловой мир, значит, непонятный и бессмысленный для тех, кто не включен в процесс коммуникации. Потому он находится, как правило, на языковой периферии политической семиосферы. Тем не менее особый политический язык обслуживает важную функцию русской политической культуры, связанную с репрезентацией власти. Причем славянский мир как язык, на котором начинает говорить политика, переходя тем самым в дискурсивную сферу, оборачивается одновременно и особым культурным кодом, используемым для интуитивных трендов политической культуры. Актуализации прозрений связаны, как нам представляется, и с попытками идеального самоописания политической культуры, выработкой ее самооценки в процессе формирования идентичности. Посредством перевода на язык «славизма» создается некая нормативная зона, принимаемая общественным мнением. В результате признания данной трактовки как «правильной» конструируется частная картина политического мира, так славянский мир превращается в очередную современную реальность. Он реален как коммуникативный феномен. И тогда другие политические смыслы и дискурсы подчиняются данному властному кодированию: речь опять идет о спасении «братьев славян», о создании или воссоздании их государственности и об особой роли России в этом правом деле.

Не секрет, что политические мечты и разговоры о славянском мире редко переходили в действия по его консолидации. Примеры последнего единичны, когда действия не ограничились подменой Царьграда его субститутотом. Граф С.Ю. Витте в «Воспоминаниях» пишет о начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: «Как известно, русско-турецкая война началась с сербско-турецкой войны... Через Одессу из России в сербскую армию ехала масса добровольцев. В то время в Одессе было Славянское о-во... и, так как мы очень увлекались «славянской идеей» – идеей взятия Константинополя, то очень усердно занимались отправкою туда добровольцев» (Витте 1923: 84). Действительно, это было время грез «о славянской свободе и вольном союзе вольных славянских народов...», – как писал В.И. Немирович-Данченко в воспоминаниях о Скобелеве (Немирович-Данченко 1884).

При этом сама идея союза славян во главе с Россией появляется еще на фоне Крымской войны, в которой русские в глазах европейского мира представлялись в традиционном образе варваров, стремящихся завоевать весь мир. Так же, как и теперь, эта война

против России подавалась как защита «ценнейших благ западной цивилизации» против врага, «у которого нет ничего общего с европейской традицией» (Люкс 2002: 55). Леонид Люкс обращает внимание на стихотворное послание Ф.И. Тютчева к царю, когда в 1854 г. в условиях общеевропейской антирусской коалиции поэт показывает образ новой России: под сводами древней Софии, перед Христовым алтарем русский царь восстает как царь всеславянский. Николай I лично запретил публикацию: «Подобных строк не допускать» (Люкс 2002: 57).

Примечательно, что на высшем государственном уровне подобные конструкты не пользовались большим вниманием. Между тем борьба за славянское освобождение от османского ига в конце 70-х гг. XIX в. породила не только энтузиазм добровольцев, но и выдвинула из своей среды вождя, каковым был, по мнению современников, «Белый генерал» М.Д. Скобелев. Он так формулировал свое кредо: «Мой символ краток: любовь к отечеству, свобода, наука и славянство!.. На этих четырех китах мы построим такую политическую силу, что нам не будут страшны ни враги, ни друзья» (Немирович-Данченко 1884). Применительно к идеям и практикам этой общественно значимой фигуры мы можем говорить не только о конструктах славянского мира, но уже о конкретном проекте. Идеи появились в ходе болгарской кампании, особенно ввиду манящей близости Царьграда, столь желанного для России: «Та Византия, о которой так мучительно, словно задыхаясь на своем безграничном просторе, столько веков мечтала отыскивающая выхода к южному морю Россия, та Византия, к которой, правы или не правы, но постоянно стремились лучшие люди славянского мира... Дивным сном каким-то казался этот Рим европейского востока, этот Рим славянства, за который пролилось так много слез и крови» (Немирович-Данченко 1884).

Итак, Стамбул (Царьград, Константинополь) рассматривался как «Рим славянства», исходя из православной миссии Византии в славянском мире. Сам же славянский мир, по словам Скобелева, должен был стать не частью государства российского, а обрести совершенно новую конфигурацию: «Я рисую себе в будущем вольный союз славянских племен. Полнейшая автономия у каждого – одно только общее – войска, монеты и таможенная система. В остальном живи как хочешь и управляйся внутри у себя как можешь... А что касается до свободы, то ведь я говорю не о завтрашнем дне... К тому-то времени, пожалуй, Россия будет еще свободнее их» (Немирович-Данченко 1884). Для Скобелева это не было теоретическим вопросом, он понимал опасность влияния Австрии: «Этак они сгруппируются вокруг Австрии и вместе с нею могут, пожалуй, основать южнославянскую

монархию... Тогда мы пропадем!.. Потому что при помощи Австрии католичество широко разольется у них... Оно захватит все и всех, и в первом спорном вопросе славяне южные пойдут против северных, и будет эта братоубийственная война торжеством всякой немецкой челяди... Но это невозможно и невозможно... Если мы запремся да ото всех принципов новой государственной жизни стеной заслонимся – дело плохо...» (Немирович-Данченко 1884). Особый взгляд был у Скобелева и на взаимоотношения с западными славянами. Раздел Польши генерал считал братоубийством и историческим преступлением, но вина в этом не русского народа, а власти. Тем не менее Польша – «это Вениамин, проданный братьями в рабство!.. Долго еще русские будут краснеть за эту печальную страницу из своей истории» (Немирович-Данченко 1884).

Не смирившись с результатами Берлинского конгресса, расчленившего Болгарию, «Скобелев сейчас же занялся там организацией гимнастических союзов, вольных дружин, общин стрелков...» (по его словам, около 30 тыс. чел.), учил их военному делу, мирил сербов с болгарями, «вводил в сознание народа убеждение его кровного родства с теми или другими славянскими племенами», т. е. всеми силами отстаивал свой проект, считая, что славяне еще получают свой шанс на объединение (Немирович-Данченко 1884). Первая и Вторая балканские войны 1912 и 1913 гг. показали возможность такого союза в борьбе с Османской империей, но этот союз (Болгария, Сербия, Черногория, а вместе с ними и Греция) был непрочен. Уже в 1913 г. Сербия, Черногория, Греция и Турция (!) воевали против Болгарии. И именно с Балкан, заряженных национализмом, пришла Первая мировая война, для России начавшаяся с поддержки Сербии.

Тема «славяне и война» не исчерпывается истоками, ходом и результатами Первой мировой войны с ее многочисленными жертвами, в том числе и среди мирного населения, первыми концлагерями, перекройкой границ бывших империй и созданием новых славянских государств. Промежуток между двумя мировыми войнами оказался на удивление коротким. И уже первой жертвой агрессии со стороны нацистской Германии становится Судетская область Чехословакии, затем пришла очередь и других стран, в том числе и СССР. В августе 1941 г. в Москве был проведен первый Всеславянский радиомитинг, который можно считать образованием Всеславянского комитета. Отметим, что с приветствием в адрес митинга обращались Рузвельт, Черчилль, Броз Тито.

Целью Всеславянского комитета было объединение братских народов для скорейшего разгрома «гитлеровских армий и уничтожения гитлеризма». Деятельность комитета вызвала большой резонанс как

на оккупированных территориях славянских стран, так и за пределами Европы. Свыше 60 средств массовой информации от Американского континента до Австралии перепечатывали и транслировали статьи и передачи Всеславянского комитета, присылали на его адрес письма поддержки от граждан и организаций – этих организаций за весь период войны было около 400. Тем не менее правоту нашего высказывания о том, что славянский мир находится на семиотической периферии политики, подтверждает факт руководства этой организацией малоизвестным генерал-лейтенантом инженерных войск Александром Гундоровым. Несмотря на чудовищные потери, которые понесли славяне во Второй мировой войне, на общие задачи строительства социализма в послевоенной Восточной Европе, Всеславянский комитет оказался отодвинутым от решения магистральных задач единства, а в 1962 г. был упразднен. В 2011 г. предпринята попытка его создания, что следует приветствовать даже как собственно факт внимания к проблеме подобного типа.

Нередко конструкт «славянский мир» становится основанием для политической идентичности отдельного народа в межэтнических конфликтах или целой страны в условиях выбора. Так, в пору нынешнего кризиса, связанного с жестким противостоянием с Западом по целому ряду мировых проблем, Россия в ситуации беспрецедентного давления вновь оказалась перед выбором пути, пересмотром идентичности. В известной степени сегодняшние события – своеобразное «эхо» великого перелома 90-х гг. прошлого века. Именно тогда и идеологи, и широкая общественность были озабочены выбором постсоветской России: искать ли сближения с бывшими противниками, идти ли своим путем? В тот период деление на новых «западников» и новых «славянофилов» фактически не было привязано к идейно-литературному феномену середины XIX в., а отражало лишь совокупное, часто искусственное маркирование сторонников того или иного пути.

Впоследствии на фоне быстрого политического провала эксперимента прозападных реформаторов более распространенным стало деление на «либералов» и «патриотов». При том конгломерат последних (монархисты, националисты, коммунисты), сохраняя вторичные идеологические признаки, общим знаменателем имел особый путь России. И это позволяет их классифицировать как продолжателей идей, изложенных в славянофильском классическом конструкте, где народ и царь, община и государство, свобода и порядок были соединены самым причудливым образом и номинированы как русская / славянская традиция. Странность данного конструкта и одновременно предсказуемость его воспроизводства на основе консерватизма и «особого пути» страны отмечались неоднократно и в рамках логи-

ки выбора России, и в рамках развернутой характеристики самих идеологов славянофильства, осмысления проблемы Россия / Запад и т. п. (Славянофильство и западничество 1991; Янов 2001).

На протяжении послевоенной истории XX в. не было попыток, подобных проекту Скобелева или Всеславянского комитета. Лишь отметим момент, когда идущая в кильватере западного курса ельцинская Россия неожиданно огрызнулась против бомбардировок Белграда (демарш Е. Примакова). Стоит упомянуть и захват двумястами российскими десантниками косовского аэропорта «Слатина» в условиях планируемой натовской операции, носившей, очевидно, проалбанский характер. Эта акция была чревата большой войной в Европе, но силы оказались на стороне государств Запада. Тем не менее российский контингент миротворцев был гарантом прав сербов в, казалось бы, просчитанном НАТО сценарии. В принципе, ни о каком «славянском мире» тогда уже не могло быть и речи, достаточно вспомнить антироссийскую политику Болгарии в данном вопросе.

Означает ли это, что идея славянского мира исчезла вообще и из политического дискурса в частности? Фактически с начала XXI в. мы можем говорить лишь о создании виртуальных симулякров – славянских интернет-миров. По данным на конец 2014 г., наиболее популярными сетями в Рунете были «ВКонтакте» (28 %), «Одноклассники» (24 %) и Facebook (18 %). Мы проанализировали данные сети на предмет количества сообществ с тегом «славяне» и на основе типизации определили черты виртуального славянского мира. Самым плодовитым по количеству сообществ «славян» оказался сайт «Одноклассники», на нем с таким тегом в обнаружены 793 группы (См.: <http://ok.ru/profile/536603894797/groups>).

Эти сообщества относительно немногочисленные, самые крупные из них насчитывают от 40 до 20 тыс. участников: «Славяне»; «Арии-Русы-Славяне. Родная вера-веда прадавней Руси»; «Славяне – внуки богов, а не рабы божьи!!!»; «Славяне... Против фашизма»; «Мы славяне! Мы православные! Мы едины, с нами Бог»; «Мы славяне – мы сила!!!» и др. Нередко по фото обложки или по описанию можно определить идеологию сообщества, но уже из самих названий понятно, что вкладывают создатели группы в ее идеологию. Очевидно, что у закрытой группы «Славяне – внуки богов, а не рабы божьи!!!» (20,7 тыс. участников) или у «Арии-Русы-Славяне. Родная вера-веда прадавней Руси» (28,5 тыс. участников), «славянский мир» выглядит иначе, чем у группы «Мы Славяне! Мы православные! Мы едины, с нами Бог» (18,2 тыс. участников). Одни помечены православным крестом, другие – символом солнцеворота. Одни ограничиваются подъемом славянского самосознания в России, другие говорят о

славянском единстве Белоруссии, Украины, России. Статус последних содержит цитату из преподобного Лаврентия Черниговского: «Как нельзя разделить Святую Троицу... Отца и Сына и Святого Духа – это Един Господь Бог ... так нельзя разделить Россию, Украину и Белоруссию... это вместе – Святая Русь!!!»

Более многочисленные сообщества представлены в социальной сети в «ВКонтакте», совокупно насчитывающие около 400 тыс. участников. Самые крупные группы – это «Братья славяне» (145,5 тыс. участников); «Славяне» (104,5 тыс. участников); «Славяне. Язычество» (48 тыс. участников); «Мы – славяне» (35,3 тыс. участников). Описание этой группы приведем как пример своего видения «славянского мира» и славянина в нем:

«Мы – Славяне, а это значит:

– Мы любим, ценим и уважаем свою Родину, свой народ, культуру и язык!

– Мы любим, ценим и уважаем все братские нам народы!

– Мы ПРОТИВ всего того, что убивает и заставляет деградировать наши народы: это алкоголь, табак, наркотики, безграмотность и навязывание ложных моральных ценностей!

– Мы против превращения наших народов в быдло!

– Мы против тех, кто не уважает нашу страну и наши народы, презирает наши ценности и традиции!

– Мы православный народ!».

Но прямо заявить, что именно данное кредо объединяет все сетевые сообщества с тегом «славяне» в славянский мир, мы не можем. Мир Интернета еще менее цельный, нежели реальность или идеологическая картина мира. «Славян» может интересовать мистика – «Славяне. Мистика» (21 тыс. участников), обереги, привороты, травы и прочее производное от представлений о быте и духовности славян (на тег «оберег» обнаружилось свыше 150 тыс. участников – лечение, магия, интернет-коммерция). Славянские интернет-сообщества, открытые в большинстве случаев или закрытые, тем самым напоминаящие их реальный прообраз – мир-общину с ее регламентацией и приоритетом общего над личным, сами по себе или под внешним влиянием могут быть подвержены локализации общих идей вокруг злободневной темы, ограничению общих целей и декларируемых ценностей до лозунгов, картинок, перебранок. Современный пользователь видит в новой реальности (социальные сети, компьютерные игры и т. д.) безграничную сферу самовыражения, позиционирования себя в сообществе и даже конструирования новой личности (феномен анонимности, карнавальности, возможности презентовать несколько личностей – через ники, аватарки,

фэнтезийные истории, иллюстрации, обработку фотографий путем различных приложений).

Идею сообщества, как, впрочем, и во всей «галактике Интернет», нередко используют в качестве площадок различные типы интернет-коммуникаторов – «информационные воины», «тролли», «просветители» и т. д. Именно они вносят свой содержательный контент в виртуальный славянский мир. Особенность социальных сетей заключается в том, что очень редко информация поступает извне в Интернет – к примеру, ссылки на «славянскую» литературу обходятся без Венелина, Флоринского, Данилевского, Леонтьева, Миловидова или академика Рыбакова. Литературный образ славянства творится в тех же сетях. Основанием для редукции знаний, паттернов, мемов является также идентичность, сформированная на противопоставлении другим сообществам, переносимым из мира интернет-конструктов в реальность, получающего там сигналы и поддержку для возврата в виртуальную реальность сконструированного мира Интернет, в нашем случае – славянского мира.

Так или иначе, одним из оснований служит деление на «своих» и «чужих». Среди «неславян» чужие – это, как правило, мигранты из Средней Азии и Кавказа, западноевропейцы, могут быть евреи и далее по ситуации – язычники против православных (Кавыкин 2004), белые против цветных, арийцы против неарийцев, «ватники» против «укропов» и т. д. Путем приписывания определенных свойств себе или другим группам «создается концептуально-символическая модель социального мира... На основе этой модели формируются политическое мышление и поведение» (Предисловие 2004: 12–13). И это не безобидные грани данного политического конструкта, нередко им свойствен радикализм, они могут входить в качестве базовой или сопутствующей идеологии в национал-социализм, обретать иные агрессивные формы. Но в массе своей «интернет-славяне» ищут в современном идейно-нравственном вакууме свою нишу. Они так реагируют на длившееся до последнего времени игнорирование ценности Родины, славянства в целом, этапов отечественной или общей истории, на пренебрежение основами культуры или национальным достоинством. Это, в конечном счете, реакция на разрушение гармонии с природой, родовых основ человечества.

Таким образом, мы видим, что «славянский мир» как конструкт, уйдя из политической реальности в социальные сети, не перестал быть политическим конструктом, в том числе и контролируемым реальными политическими силами. Он восполняет потребность в славянской идентичности, пусть даже самым фантастическим образом достраивая представление о славянах, их единстве и будущем. С учетом того,

что в условиях постсовременности главной ценностью политики является коммуникация, Интернет с его скоростью, практически безграничным охватом аудитории, возрастающим авторитетом на фоне других источников информации, наконец, оперативной способностью к мобилизации, становится наиболее эффективной площадкой для продвижения идей в максимально доступной форме. И тема славян в социальных сетях является тому ярким подтверждением. Что же касается славянского мира, он продолжает оставаться конструктом, обозначающим свою «концептуально-символическую модель социального мира», а значит, является и может быть использован в качестве потенциальной питательной среды как для формирования и поддержания идентичности, так и для локальных акций или долговременных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

Витте 1923 - *Витте С.Ю., граф.* Воспоминания. Берлин: Слово, 1923. 421 с.

Живов 2002 - *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.

Кавыкин 2004 - *Кавыкин О.И.* Мировоззренческие и политические аспекты русского неоязычества // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. С. 77–105.

Колесов 2000 - *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2000. 326 с.

Крижанич 1997 - *Крижанич Юрий.* Политика. М.: Новый свет, 1997. 527 с.

Леонтьев 1993 - *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Избранное. М.: Рарогъ, Московский рабочий, 1993. С. 19–118.

Лотман 2001 - *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Семиофера. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 149–390.

Люкс 2002 - *Люкс Л.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М.: Московский философский фонд, 2002. 304 с.

Немирович-Данченко 1884 - *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. URL: <http://rusk.ru/vst.php?idar=321698> (дата обращения: 6.09.2015).

Плюханова 1995 - *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. 336 с.

Предисловие 2004 - Предисловие // «Чужие» здесь не ходят. Радикальная ксенофобия и политический экстремизм в социокультурном пространстве современной России. М., 2004. С. 7–22.

Славянофильство и западничество 1991 - Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого / Отв. ред. Р.А. Гальцева. М.: ИНИОН АН СССР, 1991. Вып. 1. 192 с.

Уортман 2002 - *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Янов 2001 - *Янов А.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 559 с.

REFERENCES

- Vitte, S.Yu. (1923) *Vospominaniya* [Recollections]. Berlin: Slovo.
- Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Researches in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 73-115.
- Kavykin, O.I. (2004) *Mirovozzrencheskie i politicheskie aspekty russkogo neoyazychestva* [Worldview and political aspects of Russian neo-paganism]. In: Evgen'eva, T.V. (ed.) "*Chuzhie*" *zdes' ne khodyat. Radikal'naya ksenofobiya i politicheskiy ekstremizm v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii* ["Strangers" do not walk here. Radical xenophobia and political extremism in the social and cultural spaces of modern Russia]. Moscow: RAS. pp. 77-105.
- Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove. Mir cheloveka* [Ancient Rus: Heritage in the word. The world of Man]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Krizhanich, Y. (1997) *Politika* [Politics]. Moscow: Novyy svet.
- Leont'ev, K.N. (1993) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Rarog", Moskovskiy rabochiy. pp. 19-118.
- Lotman, Yu.M. (2001) *Semiofera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. pp. 149-390.
- Lyuks, L. (2002) *Tretiy Rim? Tretiy Reykh? Tretiy put'?* *Istoricheskie ocherki o Rossii, Germanii i Zapade* [Third Rome? Third Reich? Third way? Historical essays about Russia, Germany and the West]. Moscow: Moskovskiy Filosofskiy Fond.
- Nemirovich-Danchenko, V.I. (1884) *Skobelev. Lichnye vospominaniya i vpechatleniya* [Skobelev. Personal memories and impressions]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. [Online] Available from: <http://rusk.ru/vst.php?idar=321698>. (Accessed: 6th September 2015).
- Plyukhanova, M.B. (1995) *Syuzhety i simvolyy Moskovskogo tsarstva* [Plots and symbols of the Moscow tsardom]. St. Petersburg: Akropol'.
- Evgen'eva, T.V. (ed.) (2004) "*Chuzhie*" *zdes' ne khodyat. Radikal'naya ksenofobiya*

i politicheskii ekstremizm v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoy Rossii ["Strangers" do not walk here. Radical xenophobia and political extremism in the social and cultural spaces of modern Russia]. Moscow: RAS. pp. 7-22.

Gal'tsev, R.A. (1991) *Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaya i liberal'naya utopiya v rabotakh Andzheya Valitskogo* [Slavophilism and West-ernism: Conservative and liberal utopia in the writings of Andrzej Walicki]. Moscow: INION AN SSSR.

Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of power. Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.

Yanov, A. (2001) *Rossiya: U istokov tragedii. 1462–1584. Zametki o prirode i proiskhozhdenii russkoy gosudarstvennosti* [Russia: At the origins of the tragedy. 1462–1584. Notes on the nature and origins of the Russian statism]. Moscow: Progress-Traditsiya.

Щербинин Алексей Геннадьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinin Aleksey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shai52@mail.ru

Щербинина Нина Гарьевна – доктор политических наук, профессор Томского государственного университета (Россия).

Shcherbinina Nina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sapfir.19@mail.ru

УДК 94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/5

РОССИЯ И ЧЕРКЕСИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ИХ ОСОБЕННОСТИ (КОНЕЦ XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

**А.А. Черкасов¹, В.Г. Иванцов², Е.С. Устинович³,
В.С. Молчанова⁴**

¹ Международный сетевой центр фундаментальных
и прикладных исследований,
Россия, 354000, г. Сочи, ул. Горького, 89а, оф. 4
E-mail: sochi003@rambler.ru
Scopus Author ID: 55800121000
<http://orcid.org/0000-0002-1493-765X>
SPIN-код: 2713-5609

² Сочинский государственный университет
Россия, 354000, г. Сочи, ул. Советская, 26а

³ Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

⁴ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных
исследований, Россия, 354000, г. Сочи, ул. Горького, 89а, оф. 4
Scopus Author ID: 55976476800
<http://orcid.org/0000-0003-0057-4859>

Авторское резюме

На основе архивных материалов, в том числе впервые вводимых в научный оборот, рассматриваются факты и события, связанные с проблемами взаимоотношений русской администрации на Кавказе с черкесскими племенами. В статье использованы свидетельства авторов сочинений XIX в. и архивные документы и материалы канцелярии начальника Черноморской береговой линии, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация). Авторы пришли к выводу, что гражданская война в Черкесии в конце XVIII в., имевшая следствием потерю власти дворянскими родами, предопределила и последующие изменения характера отношений горцев с русской администрацией. Диалог черкесов и русских властей получил новое развитие при проявлении горцами инициатив к сотрудничеству. При этом важную роль играют особенности, присущие отдельным

черкесским племенам. Обстановка в условиях продолжавшейся Кавказской войны, внешние влияния, позиции разных горских обществ, субъективные факторы (отсутствие согласованности и раздоры отдельных княжеских родов) в конечном счете не дали желаемых результатов, в которых объективно были заинтересованы взаимодействовавшие стороны.

Ключевые слова: Российская империя, Черкесия, взаимоотношения, диалог цивилизаций.

RUSSIA AND CIRCASSIA: THE PROBLEMS OF MUTUAL RELATIONS AND THEIR FEATURES (THE LATE 18TH – THE EARLY 19TH CENTURIES)

**A.A. Cherkasov¹, V.G. Ivantsov², E.S. Ustinovich³,
V.S. Molchanova⁴**

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research
89a Gorkogo str., office 4, Sochi, 354000, Russia

E-mail: sochi003@rambler.ru

² Sochi State University

26a Sovetskaya str., Sochi, 354000, Russia

³ Plekhanov Russian University of Economics, Russia

⁴ International Network Center for Fundamental
and Applied Research

89a Gorkogo str., office 4, Sochi, 354000, Russia

Scopus Author ID: 55976476800

Abstract

The article on the basis of archival materials, including introduced into scientific circulation for the first time, describes the facts and events associated with the problems of mutual relations between the Russian administration in the Caucasus with Circassian tribes. The article uses testimonies of authors of works of the XIX century and archival documents and office materials of the chief of Black Sea coastline, stored in the State archive of the Krasnodar region (Krasnodar, Russian Federation). The authors concluded that the civil war in Circassia at the end of the XVIII century had the consequence of the

losing power by the noble clans, and at the same time it predetermined the subsequent changes in the relationships of highlanders with the Russian administration. The dialogue between the Circassians and the Russian authorities developed under the cooperation initiatives of the highlanders. The features inherent to the separate Circassian tribes played wherein an important role. The situation in terms of ongoing Caucasian war, external influences, positions of the separate highland societies, subjective factors – the lack of coherence and discord of separate princely clans, all this, did not ultimately give the desired results in which the collaborating parties were objectively interested.

Keywords: Russian Empire, the Circassians, mutual relations, the dialogue of civilizations.

Черкесы (самоназвание – адыге) – древнейшее население Северо-Западного Кавказа, включавшее в себя племена натухайцев, шапсугов, убыхов, джигетов, абазинцев, кабардинцев, абадзехов, бесленеевцев и др., в своих взаимоотношениях с Россией прошли ряд этапов. Судьбоносное значение при этом имели события конца XVIII в., когда централизованное общество горцев с установленной в нем своеобразной феодальной иерархией внутри племенных отношений в результате гражданской войны и общественного переворота претерпело коренные изменения, связанные с потерей власти дворянскими родами и уравниванием их в правах с простолюдинами. Эти события предопределили изменения характера отношений горцев с российскими властями на Кавказе, в частности связанные с последующим принятием отдельными горскими обществами присяги на верность России и переходом представителей части знати на русскую службу.

Исследуемые вопросы получили определенное, но далеко не полное освещение в историографии XIX в., в частности в сочинениях С.М. Броневского, А.П. Берже, Л.Я. Люлье, А. Фонвилля, Я.В. Абрамова и др. (Ivantsov 2015: 70–80).

Исторический опыт России на Кавказе, в том числе и по интересующей нас проблематике, находит отражение в новейшей историографии. Здесь необходимо указать сборники «Россия и Кавказ сквозь два столетия» (Россия 2001) и «Парадигмы и оценки кавказской политики России» (Парадигмы 2013), работу В.А. Матвеева «Россия и Северный Кавказ» (Матвеев 2006), исследование А.Д. Панеша «Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.)» (Панеш 2006), труд С.Г. Кудяева «Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке» (Кудяева 2007), а также статьи (Karataev 2015) и (Cherkasov 2015b).

Эти последние исследования с введением в научный оборот новых источников и материалов значительно расширили наши знания о процессах, происходивших на Северо-Западном Кавказе.

Вместе с тем в архивах остаются еще не обнародованные свидетельства о развитии и особенностях взаимоотношений русских властей и черкесов. К ним, в частности, относятся документы и материалы фонда 260 канцелярии начальника Черноморской береговой линии, хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края.

Часть этих источников вводится в научный оборот впервые.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, критическое отношение к источникам, анализ фактов и событий в контексте развивающейся исторической обстановки.

В исследуемый период в горских обществах черкесов социального мира не было. Архивные документы свидетельствуют, что горцы враждовали постоянно. Нередко «мирные горцы» (натухайцы, шапсуги, приморские убыхи) становились объектами агрессии со стороны других племен, в первую очередь горных убыхов. У мирных горцев угонялся скот, их торговым отношениям с русскими препятствовали. Фиксировались случаи, когда старшин, принимавших присягу за свой народ, в порядке наказания отправляли на жительство к другим горцам под надзор. При этом у старшин изымались их оружие и лошади. Мирные натухайцы обращались к русской администрации с просьбами селиться у русских фортов на дистанции оружейного выстрела, чтобы обезопасить себя от набегов других племен, главным образом от воинственных горных убыхов.

Следует отметить, что переписка горцев с русской администрацией велась исключительно турецкими эмиссарами на турецком языке. При этом сохранились документы, которые объясняют войну как столкновение русских с мусульманами Кавказа. Несомненно, что Турции с ее стремлением влиять на развитие событий на Кавказе в своих геополитических интересах было выгодно представлять Кавказскую войну как противостояние принявших ислам горцев с православной Россией.

В этой связи следует иметь в виду, что А.Д. Панеш (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований), исследуя военно-политическую ситуацию у адыгов в ходе Кавказской войны, пришел к выводу, что в ходе борьбы адыгов за независимость исламская религиозная оболочка не была ярко выражена (Панеш 2006).

Одной из особенностей войны на Северо-Западном Кавказе являлась получившая развитие практика вербовки русской администрацией осведомителей и агентов (называвшихся лазутчиками) из числа

разрозненных горцев. В результате русское командование знало практически обо всех злонамеренных планах горцев. Заподозренные в измене горцы уходили на Кубань и поступали на русскую службу.

Противоречия в горской массе также имели следствием нередкую добровольную выдачу горцами русских дезертиров.

Возвращаясь к событиям конца XVIII в. в Черкесии, обратимся к свидетельствам Л.Я. Люлье, этнографа, действительного члена Кавказского отдела Русского географического общества, чьи статьи по истории и этнографии черкесских племен, среди которых, изучив их язык, он жил более пяти лет, признаны первоклассными источниками.

Люлье сообщает, что в конце XVIII в. у черкесов произошел общественный переворот. С ослаблением влияния знати в горском обществе среди простолюдинов стали проявляться стремления покончить с традиционными преимуществами дворянских родов. Возникающее безначалие стало заменяться созывом народных (демократических) собраний. Дворяне, теряя свое прежнее положение, прибегли к силе оружия. В 1796 г. произошла кровопролитная битва, в которой победу одержали простолюдины племени Бзедухов. В результате права и привилегии дворян были уничтожены, всенародно было объявлено равенство, и, как следствие, цена крови стала одинаковой для всех горцев. Народное собрание, согласно Корану, ввело суд по шариату (Люлье 1990: 21).

Существует точка зрения, что наряду с внутренними причинами гражданская война в Черкесии была спровоцирована извне – восстанием в Чечне шейха Мансура, который своими задачами ставил борьбу с рабством, феодалами, кровной мезтью, а также замену горских адатов на мусульманские законы шариата¹. Аналогичные цели преследовались в Черкесии.

Опыт изучения истории, социального строя, быта, обычаев, военных правил горцев Черноморья предпринял Фредерик Дюбуа де Монперэ, опубликовавший в 1839–1843 гг. в Париже 6-томный труд «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Колхиду, Грузию, в Армению и в Крым».

В отношении черкесских и абхазских племен автор сообщает: «Дворяне постоянно избивают друг друга. Ни родственник не щадит родственника, ни брат брата. Если брат убивает брата, ничто не помешает убийце провести первую же ночь с женой убитого, тем более что они разрешают себе иметь по несколько жен, считая их всех законными» (Фредерик 2010: 22).

Не обходит вниманием Фредерик Дюбуа де Монперэ и обычаи воспитания молодых людей: «Как только дворянский сын достигает двух или трех лет, его воспитание поручается слуге, который учит

своего воспитанника ездить верхом, стрелять из маленького лука в кур, птиц, свиней и т. д. Когда мальчик подрастает, он один начинает охотиться за этими животными внутри владения; когда же он возмужает, вся жизнь его становится непрерывной охотой за дикими и, в особенности, домашними животными и даже человеческими существами» (Фредерик 2010: 22).

Согласно свидетельствам представителей русской администрации, которые были обнаружены нами в фонде 260 Государственного архива Краснодарского края (фонд канцелярии начальника Черноморской береговой линии), облик горца – это облик хищника, который не готов к обороне, но всегда готов только к нападению. У воина впереди перспектива не сохранить свое, а взять чужое, а именно пленных, имущество, женщин, оружие. При этом горец мог уходить высоко в горы, в естественные укрытия – ущелья. Горцу не нужно было оборонять поля, так как он их не имел, он оборонял высокогорные пастбища, но до них практически невозможно было добраться (ГАКК 1).

Особым хищничеством отличались горные убыхи, для которых грабежи стали основным делом, в горах же их достать никто не мог. Они выжидали удобного случая и спускались с гор, после чего безнаказанно уходили обратно. Тактика горцев шла вразрез со штурмом крепостей, так как это не являлось легкой добычей, поэтому горцы все время пытались дожидаться тех, кто бы их спас от русских. Сперва эту миссию, по их мнению, должны были выполнить турки, а в Крымскую кампанию – англичане и французы. Горцы уже не были теми львами, которые малым числом в средние века расправлялись с полчищами крымских татар. Их доспехи и кольчуги не выдерживали картечного огня русской артиллерии (Cherkasov 2015a: 650–657).

Английский эмиссар Джон Лонгворт описал в своих мемуарах впечатления черкесов о картечном артиллерийском выстреле: «В способе ведения войны (имеются в виду события конца 1830-х гг. на Черноморье. – *Авт.*) появилось одно новшество... – это крупная картечь. Ее эффект они описывают как нечто ужасное, и тот, кто не видел этого, не сможет составить представление о нем. Их пушки, «апасена сиктим!», вместо того чтобы выстрелить, как обычно, одним снарядом, который со свистом пролетает над нашими головами и благодаря Провидению находит себе цель где-нибудь в горах, теперь извергает каждая из них по крайней мере 10 000 пуль, которые рвут на части и разбивают все вокруг нас, как град» (Лонгворт 2002: 91–92).

В условиях Кавказской войны у нападавших горцев было слабое место, а именно – распространение информации о готовящемся походе. Так как военной организации у горцев не было, а в набег мог пойти

каждый желающий, то в детали похода посвящалось большое количество людей, в том числе и горцы, находящиеся на тайной русской службе. Благодаря им информация о походе быстро доходила до русской администрации, и горцев уже ждали. В результате многие крупные рейды горцев заканчивались с минимальным успехом. Ввиду этого их тактика претерпела некоторые изменения, а именно началось использование летучих отрядов численностью не более 50 человек (Лонгворт 2002: 91).

Конкретные проявления практики взаимоотношений русских властей и шапсугов зафиксированы в архивных материалах.

10 августа 1851 г. в форт Лазарева прибыл начальник 2-го отделения Черноморской береговой линии (ЧБЛ) генерал-майор Вагнер 2-й. Его прибытие было связано с желанием шапсугов обсудить их вступление в дружеские отношения с русскими. В тот же день в форт приехала депутация шапсугов, которая просила дозволения собраться для народного совещания. Такое разрешение депутация получила (ГАКК 2: 1).

12 августа около форта собралось до 1 тыс. шапсугов. В ходе переговоров простолюдины и дворяне дали клятву не слушаться наиба Шамиля Магомета Амина. В случае если другие племена нападут на них за возобновление дружеских отношений с русскими, горцы просили у русских властей военную помощь (ГАКК 2: 2).

Итогом переговоров стало согласие горцев на следующее: не стрелять и не нападать на солдат вне форта; не отбивать скота, а заблудившийся скот возвращать обратно; не иметь у себя лодок; выдавать дезертиров; о затее против русских умыслов других горских племен заблаговременно давать знать.

В свою очередь генерал-майор Вагнер 2-й обещал: позволить шапсугам посещать меновый двор, но торговать только за деньги и материю; выдавать им по составленному списку, в котором фигурировали 79 фамилий из 1 150 дворов, по 3 фунта соли на душу ежемесячно из расчета 20 коп. за 1 пуд; ворованный скот, если будет приведен в крепость, возвращать хозяину; убегающих от них крестьян не отправлять с первым пароходом, а задерживать до следующего, дабы владелец имел время уговорить их к добровольному возвращению (ГАКК 2: 1 об.–2).

Гарантией выполнения шапсугами обещаний являлись выборы от каждой фамилии одного почетного лица, к которому воинский начальник должен обращаться в случае нарушения оговоренных условий (ГАКК 2: 1 об.–2).

Необходимо отметить, что шапсуги долго хранили дружеские отношения с русской администрацией. Старались сохранять нейтралитет, даже когда натухаевцы и убыхи активизировались в связи с прибытием Магомета Амина.

Сложнее развивались отношения русских властей с натухайцами.

В ноябре 1851 г. представителям натухайцев начальником ЧБЛ было предложено присягнуть на верность российскому императору, выдать аманатов из расчета по одному человеку от каждой княжеской фамилии и дать согласие на переезд на территорию Кубани для проживания в деревнях (ГАКК 3: 1).

8 декабря 1851 г. начальник 1-го отделения генерал-майор Дебу докладывал начальнику Черноморской береговой линии Серебрякову, что 3 декабря были у него депутаты от общего собрания натухайцев, которые сообщили, что народ согласился принять только два первых требования: присягнуть императору и дать аманатов. Относительно же выдворения на Кубань депутаты заявили, что исполнить это не могут, так как люди должны будут уступить и бросить свои хозяйства, а это неизбежно приведет к вековым раздорам и междоусобию и повлечет за собой кровомщение (ГАКК 3: 3–5 об.).

В итоге в апреле 1852 г. натухаевцы изменили свое прежнее решение и заявили, что только часть племени готова присягнуть (ГАКК 3: 94).

Переговоры с приморским племенем джигетов (селившихся в районе современной Гагры) реальных результатов не дали.

Владетель Абхазии князь Михаил Шервашидзе сообщал в мае 1840 г., что цвандрипские князья Омар, Бослам, Голам и Сосран Цумбаевы, имевшие до 150 дворов и жившие на речке Хошупсе недалеко от деревни Хишхи, недавно покорившейся, изъявили желание вступить в подданство России со всеми своими подвластными. С подобным предложением князь Омар Цумбаев приезжал для переговоров еще в 1839 г. В итоге князья приняли присягу, выдали аманата – их брата Беслама, которого отдали на поручительство владельцу Абхазии, и дали им в подарок 400 руб. серебром. Владетель Абхазии также их одарил (ГАКК 4).

Документы свидетельствуют, что слабость джигетов происходила из-за распрей и кровной вражды, разделявшей не только главные дома Джигетии, но и членов одной и той же фамилии. Главных княжеских домов здесь было четыре: Аридбаевы, Гечи, Цанбаевы, Анчебадзе. Гечи враждовали с Анчебадзевыми и с Цанбаевыми; Цанбаевы – между собой. Племя Цвежское, которое являлось ветвью народа джигетского, находилось в сильной вражде с соседственным домом Аридбаевых и само раздиралось домашними распрями (ГАКК 5: 3).

Русская администрация пыталась помирить джигетов и назначила переговоры в форте Святого Духа на 24 мая 1852 г. Здесь и обнаружилась сила вражды горцев: они не хотели все в одном месте и в одно время собираться для совещания. Когда князь Гечи вошел в собрание, то его покинул князь Анчебадзе. За князем Анчебадзе

ходил начальник 3-го отделения ЧБЛ и привел его почти насильно (ГАКК 5: 3).

В ходе переговоров полковник Колюбакин предложил условия: выдать в аманаты детей для воспитания их в Сухум-Кале; назначить суды для окончания всех споров как между домами, так и между членами одного и того же дома; выбрать старшин для наведения полицейского порядка.

Эти выбранные лица обязывались ходатайствовать перед начальством о нуждах народа, передавать народу распоряжения, требования начальства и наблюдать за исполнением приказаний, собирать в случае необходимости по приказу начальства суды, советы для решения внутренних дел и войско для отражения врагов внешних (ГАКК 5: 3 об.).

25 мая джигеты согласились с этими предложениями. Вместе с тем высказали свои просьбы: несколько увеличить выдаваемое количество соли; позволить купцам, прибывающим по билетам с очищенными и оплаченными товарами, торговать в аулах; позволить кочермам очищенным (судам, проверенным на наличие контрбанды. – *Авт.*) подвозить товары к Цанрипшу для населения, удаленного от Адлера; призывать людей хорошего дома на службу царскую, т. е. прикомандировывать их к отрядам за отличия; определять, если возможно, некоторое количество товаров для беспошлинного ввоза, как это было прежде по особому разрешению начальства (ГАКК 5: 4 об.).

Тем не менее дело на этом практически встало. Джигетский пристав сообщил полковнику Колюбакину, что предложение о выдаче аманатов успеха не имеет ввиду вмешательства хаджи Керендука Берзека. Одни только князья Анчебадзе выдали аманата, который был доставлен в Сухум-Кале и определен в Азиатскую школу (ГАКК 5: 9). Князья же Гечевы, Цамбаевы и Аридбаевы потребовали дозволения им свободного вывоза в Турцию девок и пропуска из Абхазии товаров, а также отпуска им соли в неограниченном количестве. При этом князья заявили, что ограничение по этим статьям они считают притеснением (ГАКК 5: 9).

Дом князей Анчебадзе остался непоколебим, изъявив желание переселиться в Абхазию (ГАКК 5: 9).

В конечном счете примирить всех джигетов не получилось. Более того, в марте 1854 г. джигеты оказывали помощь вьючными животными отрядам Магомета Амина (ГАКК 6: 19).

Гражданская война у черкесов в конце XVIII в., имевшая следствием потерю прежней власти дворянскими родами, вместе с тем предопределила последующее изменение характера отношений горцев с русской администрацией в регионе.

Взаимоотношения черкесов и русских властей получают новое развитие при инициативах горцев к сотрудничеству.

При этом важную, в ряде случаев определяющую роль играют особенности, присущие отдельным черкесским племенам. Обстановка в условиях продолжавшейся Кавказской войны, внешнее влияние, позиции разных горских обществ, субъективные факторы – отсутствие согласованности и раздоры отдельных княжеских родов в конечном счете не дали желаемых результатов, в которых объективно были заинтересованы взаимодействовавшие стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шейх Мансур, Ушурма, шейх Учерман (чеч. Шейх Мансур). Наиболее обоснованные даты жизни: 1760 – 13 апреля 1794 г. Суфийский проповедник, имам, руководитель народно-освободительного движения горцев Северного Кавказа в 1785–1791 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- ГАКК 1 - ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Ф. 260. Оп. 1. ГАКК 2 - ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1206. Л. 1.
ГАКК 3 - ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1196. Л. 1.
ГАКК 4 - ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 122.
ГАКК 5 - ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1415. Л. 3.
ГАКК 6 - ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1724. Л. 19.
- Кудаева 2007 - *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Нальчик, 2007.
- Лонгворт 2002 - *Лонгворт Дж.* Год среди черкесов: в 2 т. Нальчик, 2002. Т. 1. С. 91–92.
- Люлье 1990 - *Люлье Л.Я.* Черкессия: историко-этнографические статьи. Северо-Кавказский филиал традиционной культуры МЦТК «Возрождение». 1990. С. 21.
- Матвеев 2006 - *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов н/Д, 2006.
- Панеш 2006 - *Панеш А.Д.* Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006.
- Парадигмы 2013 - *Парадигмы и оценки кавказской политики России в прошлом и настоящем / Под ред. А.Г. Иванова.* Краснодар, 2013.

Россия 2001 - Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001.

Фредерик 2010 - *Фредерик Дюбуа де Монперэ*. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1: У черкесов и абхазов. Майкоп, 2010. С. 22.

Cherkasov 2015a - *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* Heavy and Special Weapons across the Territory of Black Sea Coastline during the Caucasian War // *European Researcher. Series A.* 2015. Vol. 99, iss. 10. P. 650–657.

Cherkasov 2015b - *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years // *Bylye Gody.* 2015. Vol. 3, № 37. P. 541–548.

Ivantsov 2015 - *Ivantsov V.G., Cherkasov A.A., Tarakanov V.V., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V.* Russian and foreign authors of the late 18th–19th Centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects). Part 1 // *Bylye Gody.* 2015. Vol. 1, № 35. P. 70–80.

Karataev 2015 - *Karataev V.B., Volvenko A.A., Varfolomeev A.G.* The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years) // *Bylye Gody.* 2015. Vol. 3, № 37. P. 536–540.

REFERENCES

State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). Fund 260. List 1.

State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). Fund 260. List 1. File 1206.

State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). Fund 260. List 1. File 1196.

State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). Fund 260. List 1. File 122.

State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). Fund 260. List 1. File 1415.

State Archives of the Krasnodar Krai (GAKK). Fund 260. List 1. File 1724.

Kudaeva, S.G. (2007) *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva* [Adyghes (Circassians) of the Northwest Caucasus in the 19th century: the processes of transformation and differentiation of Adygeyan society]. Nalchik: El-Fa.

Longworth, J. (2002) *God sredi cherkesov* [A year among the Circassians]. Vol. 2. Nalchik: El-Fa. pp. 91–92.

Lyul'e, L.Ya. (1990) *Cherkessiya: istoriko-etnograficheskie stat'i* [Circassia: historical and ethnographic articles]. Nalchik: UO MShK MADPR.

Matveev, V.A. (2006) *Rossiya i Severnyi Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovaniya gosudarstvennogo edinstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russia and the North Caucasus: The historical features of the formation of national unity (the late 19th – early 20th centuries)]. Rostov n/D: Rostov State University.

Panesh, A.D. (2006) *Myuridizm i bor'ba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost' (1829–1864 gg.)* [Muridism and Adygs fighting of the Northwest Caucasus for independence (1829–1864 years.)]. Maikop: Adygeiya.

Ivanov, A.G. (ed.) (2013) *Paradigmy i otsenki kavkazskoi politiki Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Paradigms and evaluation of the Caucasian policy of Russia in the past and present]. Krasnodar: Kuban State University.

Lisitsyna, G.G. & Ya.A. Gordin. (2001) *Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya. Istoricheskie chteniya* [Russia and the Caucasus through two centuries. Historical readings]. St. Petersburg.

Montpéroux, F.D. de (2010) *Puteshestvie vokrug Kavkaza* [Journey around the Caucasus]. Vol. 1. Maikop: Poligraf.

Cherkasov, A.A. (ed.) (2015) Heavy and Special Weapons across the Territory of Black Sea Coastline during the Caucasian War. *European Researcher. Series A*. 99 (10). pp. 650-657. DOI: 10.13187/er.2015.99.650

Cherkasov, A.A. (ed.) (2015) The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s Years. *Bylye Gody*. 3 (37). pp. 541-548.

Ivantsov, V.G. (ed.) (2015) Russian and foreign authors of the late 18th–19th centuries on the North-West and Central Caucasus (the historiographical and historical aspects): Part 1. *Bylye Gody*. 1(35). pp. 70-80.

Karataev, V.B. (ed.) (2015) The Fight Against Emissaries across the Black Sea Coastline Area (1834–1847 years). *Bylye Gody*. 3 (37). pp. 536-540.

Черкасов Александр Арвелодович – доктор исторических наук, заведующий лаборатории мировых цивилизаций Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований, главный редактор российского исторического журнала «Былые годы» (Сочи, Россия).

Cherkasov Aleksandr – International Network Center for Fundamental and Applied Research, chief editor of the Russian historical journal "Bylye Gody" (Sochi, Russia).

E-mail: sochi003@rambler.ru

Иванцов Владимир Гаврилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Сочинского государственного университета (Сочи, Россия).

Ivantsov Vladimir – Sochi State University (Russia).

Устинович Елена Степановна – доктор политических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия).

Ustinovich Elena – Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Moscow, Russia).

Молчанова Виолетта Сергеевна – младший научный сотрудник Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований, Сочи, Россия.

Molchanova Violetta – International Network Center for Fundamental and Applied Research (Sochi, Russia).

E-mail: v.molchanova_1991@list.ru

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/6

ИМПЕРСКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И СЛАВЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ: СЛУЧАЙ УКРАИНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НАЧАЛА XIX в.*

В.С. Киселев

Томский государственный университет

Россия, 134050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: kv-uliss@mail.ru

Авторское резюме

В современных общественных и гуманитарных науках исследования регионализма являются бурно развивающейся сферой. Особенную значимость это имеет для славянских народов, большая часть которых входила в состав Австро-Венгерской, Османской и Российской империй и вынуждена была формировать свою национальную идентичность в рамках имперского регионализма. В начале XIX в. украинская литература являлась интегрированной частью российской словесности, выступая как ее провинциальное ответвление с местным колоритом. Подобный взгляд разделяла и местная культурная элита. Одним из наиболее эффективных средств изменения регионального «имиджа» стало издание при недавно основанном Харьковском университете нескольких журналов – «Харьковского Демокрита» (1816), «Украинского вестника» (1816–1819) и «Украинского журнала» (1824–1825). Их первоочередной задачей было равноправное позиционирование Украины в имперском культурном пространстве. На первый план в журналистике выдвигалась функция ознакомительная, нацеленная для «внешнего» читателя и описывавшая местные реалии – природно-географические, исторические и археологические, культурные. Функцию бедекера выполняли художественные произведения целого ряда украинских авторов – И.И. Гуржеева, И.Ф. Вернета, О.М. Сомова, М.Ф. Берлинского, Р.Т. Гонорского, Н. Левицкого и др. Это разнообразные варианты путевых записок в духе сентиментальной традиции, историко-археологических очерков, этнографических обзоров. Примечательной составляющей журналистики выступал насыщенный античный

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ (№ 8.1.96.2015).

контекст. Малороссия, по сути, объявлялась наследницей Древней Греции, что хорошо вписывалось в контекст российского неоклассицизма. Характерной приметой здесь выступал гомеровско-вергилиевский колорит самого известного украинского произведения начала XIX в. - «Энеиды» И.П. Котляревского. Примечательное культурно-идеологическое развитие параллель античной и украинско-русской мифологии нашла у В.В. Капниста («Краткое изыскание о Гипербореянах...» и другие статьи). Римско-греческий фон местной литературы и журналистики проявлял себя обилием статей о Древней Греции и Древнем Риме, об истории античных государств, их искусствах и науках, использованием античных реалий: географических, мифологических, культурно-исторических. Ведущим в этих текстах оказывается мотив «греков или римлян-учителей» и Украины- наследницы их достижений. Идея просвещения и образ Малороссии как достойный пример ее благотворного влияния стали основой местной публицистики, сталкивавшей Украину прошлого, порабощенную и отсталую, и Украину настоящего – царство процветания, расцвета наук и художеств.

Ключевые слова: идентичность, русская литература, украинская литература, литературный регионализм, журналистика.

IMPERIAL LITERATURE AND SLAVIC LITERARY REGIONALISM: A CASE STUDY OF UKRAINIAN JOURNALISM OF THE EARLY 19TH CENTURY*

V.S. Kiselev

Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: kv-uliss@mail.ru

Abstract

In the modern social and humanities sciences regional study is booming sphere. Of particular importance it has for the Slavic peoples, most of which was part of the Austro-Hungarian, Ottoman and Russian empires, and was forced to shape their national identity as part of the imperial regionalism. At the beginning of the XIX century Ukrainian literature was an integral part of Russian literature, its provincial version with a local touch. This view is shared and the local cultural elite. One of the most effective means of changing the regional "image" has become the base at the newly founded

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program (№ 8.1.96.2015).

University of Kharkov several magazines – "Kharkiv Democritus" (1816), "Ukrainian Herald" (1816–1819) and "Ukrainian Journal" (1824–1825). Their first priority was the equal positioning of Ukraine in the imperial cultural space. In journalism dominated the reference function, aiming to "external" reader and describes the local realities – natural and geographical, historical and archaeological, cultural. Baedeker function performed a number of works of Ukrainian authors – I.I. Gurzhev, I.F. Vernet, O.M. Somov, M.F. Berlinskiy, R.T. Gonorsky, N. Levitsky, and others. It was a variety variant of sentimental travel notes, historical and archaeological essays and ethnographic surveys. A notable part of journalism was rich antique context. Little Russia, in fact, was declared heir to ancient Greece, which are well fit into the context of the Russian neoclassicism. Here was the characteristic feature of the Homeric-Virgil flavour of the most famous Ukrainian works of early XIX century "Eneida" by I.P. Kotlyarevsky. A remarkable cultural and ideological development of parallel ancient and Ukrainian-Russian mythology found at the V.V. Kapnist ("Short survey about Hyperboreans..." and other articles). Roman-Greek background of local literature and journalism showed an abundance of articles about ancient Greece and Rome, the history of the ancient states, their Arts and Sciences, using ancient realities: geographical, mythological, historical and cultural. Leading in these texts is the theme of "the Greeks or the Romans as the teachers" and the Ukraine as the heiress of their achievements. The idea of enlightenment and the image of the Ukraine as a worthy example of its beneficial effects have become the basis of local journalism, faced by Ukraine of the past, enslavement and backward, and Ukraine this – the realm of welfare, prosperity of Sciences and Arts.

Keywords: national identity, Russian literature, Ukrainian literature, literary regionalism, journalism.

В современных общественных и гуманитарных науках исследования регионализма, его актуальных тенденций и исторического опыта являются бурно развивающейся сферой. Особенную значимость это имеет для славянских народов, большая часть которых входила в состав Австро-Венгерской, Османской и Российской империй и вынуждена была формировать свою национальную идентичность в рамках имперского регионализма. Его наследие, оцениваемое с различных позиций, отзывается и в настоящем, определяя те или иные векторы развития. Интересный материал здесь предлагают, в частности, украинская журналистика начала XIX в. и ее подход к позиционированию региона в имперской культуре.

Как горько, но трезво заметил в 1811 г. А.И. Мартос, автор неизданной «Истории Малороссии» и горячий украинский патриот: «...имя Малороссии и ее храбрых казаков изгладилось из списка народов, хотя не великих числом, но известных своим существова-

нием и конституцией. Теперь богатая Малороссия составляет наряду с прочими две или три губернии; но это общий удел государств и республик: стоит только заглянуть в политическую историю наций» (Мартос 1893: 345). Эта констатация подводила своеобразный итог поискам идеологических формул для определения украинской государственности, столь напряженно происходившим во второй половине XVIII в. (архаическое варварство, полуцивилизованная, но обреченная на падение вольница и иерархическая дворянская республика; см.: Киселев, Васильева 2012). К 1800-м гг. все они приобрели «музейный» статус, поскольку относились лишь к невозвратно ушедшему прошлому страны, представавшей ныне как интегрированная часть империи, а уже в этом качестве как ее древняя прародина, населенная «народом, поющим и пляшущим». Функционирование данного образа в имперской культуре и возможности его трансформации с позиции самих малороссов, чью идентичность подобное идиллическое клише передавало весьма ущербно, определялись в период александровского царствования особенностями регионализма.

Украинский регионализм первой четверти XIX в. явился новым плодотворным способом общественной самоорганизации, адекватным имперским реалиям, существованию «наряду с прочими». Он позволял перевести категории политические, утратившие актуальность, в комплекс социальных и культурных запросов, которые метрополия должна была учитывать, выстраивая отношения с местным населением. Как справедливо констатировал Эндрю Хюрелл, «регионализм анализируется в таких категориях, как социальная сплоченность этнических, расовых и языковых групп, проживающих совместно; <...> совместимость общих ценностей, связанных с культурой, религией, историческими традициями; политическая солидарность» (Hurrell 1995: 333)*. Образ Украины, создаваемый совокупными усилиями региональных авторов, очень полно отвечал этим критериям.

Одним из наиболее эффективных средств изменения регионального «имиджа» стало издание при недавно основанном Харьковском университете нескольких журналов – «Харьковского Демокрита» В.Г. Масловича (1816), «Украинского вестника» Е.М. Филомафитского, Р.Т. Гонорского и на первых порах Г.Ф. Квитки-Основьяненко (1816–1819) и «Украинского журнала» А.В. Склабовского (1824–1825), сосредоточивших вокруг себя видных украинских эстетиков, истори-

* См. также о конституирующих особенностях регионального самосознания и саморепрезентации (Lefebvre 1991; Carter, Donald, Squires 1993).

ков, естествоиспытателей и писателей*. Будучи тесно связанными со столичной прессой, в частности с «Благонамеренным» и «Вестником Европы», издававшимся в тот период выпускником Харьковского коллегиума М.Т. Каченовским**, «Соревнователем просвещения и благотворения», они имели цель донести до широкой публики новый круг интересов ее образованного сословия. Хотя популярность журналов оказалась весьма скромной, она была не меньшей, чем у многих столичных изданий: тираж от 200 до 500 экземпляров распространялся, судя по ряду подписчиков, от Санкт-Петербурга до Иркутска (см. их списки в «Украинском вестнике» за 1816 г. (Ч. 3, № 9. С. 367–372; Ч. 4, № 12. С. 405–413) и за 1818 г. (№ 12. Кн. 12. С. 398–414). Нужно подчеркнуть, однако, что журналы предназначались как для «внешнего», великорусского читателя, так и для местной аудитории, выполняя культуртрегерские функции, для чего часть экземпляров распространялась бесплатно.

Соотношение двух ориентиров существенно менялось. Так, первый журнал, «Харьковский Демокрит», позиционировался как сугубо региональное издание, о чем предупреждал издатель В.Г. Маслович: «За долг особенный полагаю упомянуть здесь о том, что сей журнал будет наполняться произведениями нашего края. Издатель позволяет себе помещать и напечатанные пиэсы, но только те, коих сочинители принадлежат нашему же краю. Во-первых, для того, дабы познакомить отдаленных читателей сего журнала (издатель льстит себя надеждою, что таковые найдутся) с произведениями нашими, а во-вторых, дабы совершенно соблюсти название Харьковского Демокрита» (Маслович 1816: 3–4).

Однако уже в «Украинском вестнике» чужое и свое вполне уравновешивали друг друга: состав авторов был местным, но тематика и жанровая система ориентировались на общерусские образцы. Регионально-краеведческий элемент занимал здесь достойное, однако не доминирующее положение, так же как и в «Украинском журнале», хотя издатель последнего настаивал во вступительной статье:

«Для жителя Украйны как ни занимательны все русские журналы, но он, без сомнения, с большею охотою и любопытством читал бы такие, которые бы принадлежали собственно Украйне. То же можно сказать не только о какой либо стране вообще, но и о каждом городе в особенности» (Склабовский 1824: 1).

* См. общий обзор харьковских журналов (Багалея 1904: 751–787; Михайлин 2003: 32–79; Полякова 2005: 220–229).

** «Вестник Европы» регулярно помещал объявления о выходе украинских журналов и обращения к их издателям, а сам М.Т. Каченовский печатал некоторые статьи под псевдонимом *Киевский житель*.

Показательно, что установки издателей находили отклик в местной образованной среде, заинтересованной в развитии края и утверждении его как значимого элемента имперской культурной географии. Такую цель перед «Украинским журналом» ставил, в частности, П.П. Белецкий-Носенко, писатель и педагог, содержатель Прилуцкого пансиона и пропагандист малороссийского наречия, автор «Сказок на малороссийском языке» (1812), «Баллад на малороссийском языке» (1822–1829) и «Словаря малороссийского или юго-восточного русского языка» (1841–1842): «Цель журналов вообще доставлять удовольствие и пользу. Мне кажется, "Украинский журнал" достигнет их сугубо, если несколько страниц его посвятится для удовольствия миллионов обывателей плодоносной Украины (на малороссийском языке) от гор Карпатских до тихого Дона. Я смело могу уверить, что сказочки г. Артемовского-Гулака читались с таким же неописанным удовольствием, как "Энеида" г. Котляревского, что многие вытвердили на память целые тирады из них, что Петербург и Москва слушают с восторгом наши песни на театрах и что язык малороссийский всегда будет нравиться людям образованным и ученым филологам, как служащий корнем многим словам российского и ближе подходящий к словенскому и Несторову. <...> Чехи имеют свою обширную литературу; наш язык не менее к тому способен. Ежели б в программе (журнала. – В.К.) было об этом упомянуто, то число пренумерантов было бы весьма значительно в Малороссии и даже в самой России возрастало бы час от часу» (цит. по кн.: Багалей 1904: 773–774).

В любом случае сосредоточение местных интеллектуальных сил, обретавших возможность собственного голоса, плодотворно работало на формирование нового образа Малороссии как одного из потенциальных культурных центров империи. Украинцы активно участвовали в литературной жизни метрополии, внося существенный вклад в ее развитие: В.В. Капнист, И.П. Котляревский, А.А. Палицын, Н.И. Гнедич, М.Т. Каченовский, В.Т. Нарезный, И.А. Кованько, Е.А. Болховитинов, В.И. Туманский, П.П. Свинын, Н.А. Цертелев, О.М. Сомов и многие другие, менее известные (Лосиевский 1993). Однако до середины 1820-х гг., времени взлета российского украинофильства, интеграция в имперскую словесность обычно оборачивалась переключением с местного материала на общерусский. Эту лакуну, отражая потребности малороссийского регионализма, стремились восполнить харьковская журналистика и авторы-патриоты – краеведы, публицисты, писатели. Их первоочередной задачей было равноправное позиционирование Украины в имперском культурном пространстве.

На первый план для подобной словесности выдвигалась функция ознакомительная, нацеленная для «внешнего» читателя и описывающая местные реалии – природно-географические, исторические и археологические, культурные. Функцию бедекера выполняли художественные произведения целого ряда украинских авторов – И.И. Гуржеева, И.Ф. Вернета, О.М. Сомова, Н. Левицкого и др., печатавшиеся как в местных изданиях – «Харьковский Демокрит», «Украинский вестник» и «Украинский журнал», так и на страницах столичных периодических изданий. Это разнообразные варианты путевых записок, заметок, очерков, дневниковых записей, как правило, в духе сентименталистской традиции.

Подобные тексты словно проводили экскурсию по Украине. При этом набор туристических маршрутов выглядел стандартно и мало подвергался вариативности, ориентируясь на канон малороссийских путешествий В.В. Измайлова, П.И. Шаликова и А.И. Левшина. Как правило, каждое произведение имело четкую пространственную привязку, акцентированную в заглавии текста и отдельных глав («Возвращение из Валок», «Выезд из Харькова», «Святогорский монастырь в Изюмском уезде», «Херсон» И.Ф. Вернета) или определяющуюся в самом тексте («Под селом Богородичным, где переправа через Донец...» (Вернет 1817b: 187); «Горы в деревне Маяках более занимали мое внимание...» (Вернет 1817b: 189), «Мы подъезжаем к Николаеву, везде белеют красивые опрятные деревушки...» (Левицкий 1818: 207) и т. п.). Нередко автор указывал на время и место своего пребывания обозначением после текста (например, «30 апреля 1818. В саду моего друга Ив. Петр. Гильдебрандта» (Вернет 1819b: 63)).

Основными топосами местных путешествий выступали Киев, Харьков, Херсон и Полтава. Значительно реже встречались упоминания более мелких городов, деревень, местечек. Здесь можно обратить внимание на «Отрывки из путевых записок» Н. Левицкого, пестрящие упоминаниями сел близ Николаева и Херсона, что указывает на желание автора как можно более подробно обрисовать картину края, ориентированную на взгляд «извне». Описание центральных топосов отличалось высокой степенью детализации. Объектами внимания автора, как правило, становились история, архитектура, ландшафты, географическое расположение города и его крупные природные объекты. Нередко единственный предмет мог занять авторское внимание полностью. Так, например, в «Отрывках» Н. Левицкого почти вся глава «Николаев (на возвратном пути)» посвящена подробному описанию местной фабрики по обработке корабельных принадлежностей; расположение, внешний вид и история Святогорского монастыря

Изюмского уезда составляли содержание одноименного произведения И.Ф. Вернета; описание измененной Полтавы, «облагорожденной попечениями князя А.Б. Куракина», – основной предмет внимания «Письма из Малороссии» И.И. Гуржеева: «Всего разительнее зрелище города с подъезду от так называемой Шведской могилы, где погребены тела шведов и россиян, убитых в сражении 1709 года июня 27 дня. Тут открывается совершенно новый город, представляющий вид полного круга, заключающего в себе величественные здания Присутственных мест и дома Губернаторские – среди сего круга возвышается монумент Великому Петру» (Гуржеев 1809: 37–38).

Точностью и обстоятельностью описаний украинские писатели сближались с этнографами. Так, сентиментальная нравоучительность и тяга к абстрактным размышлениям не мешали И.Ф. Вернету, одному из самых активных авторов очеркового жанра, насыщать свои тексты массой фактографических сведений. Ярким примером служат «Мысли о Харькове» (Вернет 1817а), где автор стремится описать город разносторонне: касается истории, приводит разъяснения этимологического характера, делает подробный обзор архитектуры, достопамятных мест, ландшафтов, окрестностей. С неменьшей обстоятельностью и подробностью топографических описаний Николаева, Херсона и их окрестностей мы сталкиваемся и в «Отрывках из путевых записок» Н. Левицкого (Левицкий 1818).

В ином виде ознакомительная установка проявилась в трудах краеведов, самым известным из которых было «Краткое описание Киева» М.Ф. Берлинского, опубликованное в 1820 г. при финансовом содействии графа Н.П. Румянцева. По сути, книга являлась первой научной историей Киева, содержавшей обширные и подробные сведения не только о прошлом города, но и о его современном облике. Степень полноты и подробности повествования вполне проявлена уже в начале: «Киев <...> стоит на правом берегу реки Днепра, почти на половине течения сея реки, под 50°27' широты и под 48°7'30" долготы, где должайший день бывает 16 часов, 11 минут и 30 секунд» (Берлинский 1820: 3).

Автор делит повествование на несколько логических частей: «Историческая перечень сего города», «Показание достопамятностей и древностей города Киева», «Показание знаков древностей на плане города Киева», «Показание теперешних мест на плане города Киева». Примечательно, что параллельно с «Описанием...» автором был создан «План древнего Киева», дополнявший теоретические изыскания. М.Ф. Берлинский знакомил читателя с историей города, начиная с самых ранних времен, давал многочисленные этимологические

разъяснения названий природных объектов, отдельных частей города, сооружений, касался особенностей административного устройства Киева в разное историческое время (территориального деления, описания прав и вольностей, коими владели киевские граждане), материального достатка, торговли, развития образовательной системы. Особое внимание автор уделял архитектуре города, как существующей ныне, так и известной благодаря сохранившимся источникам.

Описание при этом имело вполне системный характер, следуя логике последовательного ознакомления читателя с существующими и утраченными памятниками архитектуры в разных частях Киева, из коих выделялись три основных – Киево-Печерск, Старый Киев, Подол. Примечательно, что в центр внимания выдвигались прежде всего православные памятники, неслучайно труд М.Ф. Берлинского впоследствии именовали первым наиболее подробным описанием древних киевских церквей. Как правило, его рассказ включал развернутую историю архитектурного сооружения, описание местоположения, внешнего вида и внутреннего убранства, а также историю наиболее известных церковных деятелей, с ним связанных. Таково описание Киево-Печерской лавры, Пустыно-Николаевского монастыря, Софийского собора, Крестовоздвиженской церкви, Десятинной церкви и многих других.

Помимо всего прочего, «Краткое описание Киева» содержало так называемую Краткую ведомость, сочиненную в 1817 г. о числе публичных мест и строений в городе Киеве, о заведениях промышленных, о числе партикулярных домов и жителей, в которой находим полный количественный реестр имевшихся в городе значимых объектов – мостов, площадей, монастырей, улиц, постоялых, молитвенных домов и т. д. (всего 87 наименований!). Подробным образом описана демографическая ситуация в Киеве на разных этапах его исторического существования, в том числе современного: приводятся количество жителей, динамика прироста населения и смертности, количественное соотношение горожан по гендерному признаку, национальности и роду деятельности. М.Ф. Берлинский стремился опереться на максимальное количество источников, коими служили древнерусские летописи, Синописис, «История российская» В.Н. Татищева, воспоминания и сведения иностранных путешественников, начиная от древнегреческого историка Зонара. Таким образом, «Краткое описание Киева» давало фактически исчерпывающую информацию о городе даже для самого несведущего российского читателя, для которого и предназначалась книга.

Интерес к археологическим разысканиям был характерен для украинской литературы и журналистики начала XIX в. Местные историки,

этнографы, археологи видели в изучении памятников прошлого не только возможность глубокого знакомства с культурой, географией и историей родного края, но и способ его возвышения как важного культурного центра империи: «Да и непростительно, кажется, не заниматься сведениями о той стране, где кто живет, – писал харьковский историк М.Е. Марков, – ежели хоть малую к тому возможность и способы иметь; труды ученых-испытателей древностей, труды общих историков нашего Отечества неоспоримо достойны всякого уважения; но можно ли, – взяв во внимание обширность нашей Империи, так же великие перемены в древности, – можно ли и со всевозможным тщанием в точности все описать и означить без местных сведений и личного обозрения?» (Марков 1816: 122).

Местные памятники прошлого представляли в этом контексте манифестацией, с помощью которой «каждый город, каждая область, каждое государство» возвещает «грядущим родам о имени и делах своих» (Об изящных художествах 1819: 4). Каждая археологическая находка сразу становилась предметом оживленного обсуждения в местной журналистике. Так, в «Украинском вестнике» за 1819 г. в разделе «Внутренние известия» помещена анонимная статья об обнаружении в Харькове потаенной кладовой с кипами бумаг и сундука «с надписью *по секрету*», также содержавшего неизвестные документы. Автор жаждет разгадки «секретной находки» и сетует на вздорные предположения о ее содержимом. Сознание публики будоражит мысль о якобы спрятанных в «потаенной кладовой» сочинений какого-то древнего Архимандрита-Алхимика. Автор же, принимая в счет раннюю датировку найденных документов (XVII ст.), надеется на обнаружение в них прежде всего информации относительно исторического прошлого города: «Может быть, в них скрыто основание Харькова, разряды и дела здесь в древности существовавших полков, даже исторические известия о всем здешнем крае; даже - как знать? - и о древнейшем состоянии всей южной России...» (Внутренние известия 1819: 262).

В «Украинском журнале» за 1824 г. была помещена любопытная статья М.Ф. Берлинского, представляющая собой обращение к ректору Харьковского университета В.Я. Джунковскому об обнаружении древнерусского клада на холмах Киева (Берлинский 1824). Археолог подробно описал обстоятельства находки, а также дал тщательную и высокопрофессиональную характеристику каждой найденной вещи, приложив к описанию свои зарисовки. Примечательно, что М.Ф. Берлинский не сомневался в греческом происхождении найденных памятников.

Последнее суждение чрезвычайно показательное для регионально-культурного самосознания и образа Украины. Малороссия, по сути,

объявлялась наследницей Древней Греции, что хорошо вписывалось в контекст российского неоклассицизма первой четверти XIX в., осуществлявшего поиски своих героических истоков, своей античности в лице Киевской Руси. Стилизованные определенным образом события и элементы древнерусской истории через античные параллели подключали Украину к европейскому культурному контексту.

Характерной приметой здесь выступал гомеровско-вергилиевский колорит, образцом которого являлось самое известное украинское произведение начала XIX в. – «Энеида» И.П. Котляревского. Первые «Энеида» увидела свет в 1798 г., когда украинским дворянином М. Парпуррой в Санкт-Петербурге были изданы три части без ведома автора. Авторское издание состоялось в 1809 г. и содержало четыре части. Завершенная поэма из шести частей была издана уже после смерти автора.

Сюжет Вергилия И.П. Котляревским был перенесен на местную культурную почву, оригинально соединив эпическое звучание и античную атмосферу с реалиями малороссийской казачьей жизни и комической стихией. Как справедливо указывал Д.И. Чижевский, «Энеида» – не только первый широкий словарь украинского народного языка, но и первая энциклопедия украинской этнографии. Народный материальный быт, жилье и одежда, блюда и напитки, музыка и танцы, игры и повседневная жизнь, поверья и церковный обиход – все – в свете языкового богатства «Энеиды» – проходит перед глазами читателя» (Чижевский 1956: 343).

Автор «Энеиды» оказал существенное влияние на творчество своих современников, неслучайно в историю украинской литературы прочно вошло понятие «котляревщина», обозначающее последователей И.П. Котляревского в области низовых комических жанров – Я.Г. Кухаренко, В.А. Гоголя, П.П. Гулак-Артемовского, Г.Ф. Квитки-Основьяненко, Е.П. Гребенки и др.

Примечательное культурно-идеологическое развитие параллель античной и украинско-русской мифологии нашла у В.В. Капниста, малороссиянина с греческими корнями. В 1815 г. он опубликовал в журнале «Чтение в Беседе любителей русского слова» занимательную статью «Краткое изыскание о Гиперборейцах и коренном российском стихосложении», где выдвигал новую теорию происхождения славян, согласно которой их предками был древний таинственный народ – гиперборейцы, жившие на Севере. Главный идейный посыл В.В. Капнист обозначил уже в заглавии: «Рассуждения и изъяснения баснословия разных народов: индейцев, египтян и, особенно, греков, получивших свое начало от Севера. Также ясные доказательства, что ход просвещения распространился на всю землю от Севера». С точки

зрения автора, изначально культ бога искусства Аполлона господствовал в стране гипербореев, а уже затем греки заимствовали его, равным образом как и «науки свои, музыку и стихотворство» (Капнист 1960: 170). Таким образом, существование в далеком прошлом гипербореев становилось веским основанием для сближения греков и славян (Майофис 1997; Майофис 2008: 384–390). Развитием этих идей стали позднейшие статьи В.В. Капниста – «О восстановлении первых шести песней Одиссеи в первобытный их порядок» (Капнист 1817) и «Мнение о том, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях» (Капнист 1819).

Римско-греческий фон местной литературы и журналистики проявлял себя разнообразно, причем не только в оригинальных текстах, но и в переводах, которыми изобиловали украинские журналы первой четверти XIX в. Так, распространенным оказывается, во-первых, прямое введение в тексты развернутой информации о Древней Греции и Древнем Риме, а также сочинения, полностью или частью посвященные истории античных государств («Об истории», «Сражение при Фермопилах», «Катакомбы», «Отрывки из книги: Путешественник во Иерусалим. Сочинение Шатобриана»), развитию искусств («О мозаике», «Греки и римляне на поприще наук и искусств», «О философии» и т.д.), об открытиях в области наук («Который час?», «О календаре» и др.).

Большое значение для выстраивания «античного текста» журналов имело комментирование тех или иных греческих реалий: географических (Афины, Спарта, Дельфы, Олимп), мифологических (имена греческих и римских богов и героев: Аполлон, Вакх, Амур, Венера, нимфы, Эней, Одиссей, Креонт, Тесей, аргонавты), греческих и римских государственных деятелей, законодателей (Солон, Клисфен, Цицерон, Гай Юлий Цезарь), выдающихся поэтов, художников, скульпторов, философов Древней Греции и Рима (Гомер, Вергилий, Тибулл, Поликлет, Демокрит). Так, в публикациях «Украинского вестника» за 1816 г. упоминание тех или иных греческих реалий, в том числе и само слово «Греция», а также производные от него, встречается только в названиях статей не менее двадцати раз. Например, раздел «Живописная проза» за февраль содержит подряд три публикации, погружающие читателя в греческое пространство: «Греческая весна (из Бартелеми)» Р.Т. Гонорского (Гонорский 1816а), «Боги Греции» (Боги Греции 1816), «Аполлон Бельведерский» (Аполлон 1816). Многочисленными были и переводы с греческого языка и латыни, коими изобиловал традиционный раздел «Украинского вестника» под названием «Стихотворения», при этом переводы из Вергилия и Горация занимали преимущественное положение.

Ведущим в этих текстах оказывается мотив «греков-учителей» и Украины - наследницы их достижений. Древняя Греция мыслится колыбелью наук и искусств, источником их распространения по всему миру: «Драматическая поэзия достигла в Греции того совершенства, до которого многие новейшие народы при всех своих усилиях едва ли могли довести ее... Философия, особенно нравственная, обработанная и доведенная до некоторой степени совершенства в Греции... Любовь римлян к славе и великие дела возвысили историю их до того свойства, которое ни прежде, ни после она не достигала нигде... В истории искусств, говорит знаменитый Эшенбург, первое место бесспорно принадлежит грекам. И действительно, отличное уважение, которым пользовались художники, награждения, которые поощряли труды их, слава, подстрекавшая их, правительство, благоприятное для них, возвели в Греции почти все искусства на высочайшую степень совершенства» (Левшин 1817: 143, 145 – 146, 148).

«История Римской империи наиболее заслуживает наше внимание; поелику римляне были властелинами и законодателями нашими. Законы их еще и до ныне существуют в силе своей у большей части государств; язык их еще во всеобщем употреблении...» (Об истории 1816: 22).

Еще один аспект, указывающий на всячески постулируемую связь Греции и Украины, – религия. Причем Византия, под влиянием которой Древняя Русь приняла православие, здесь оказывается на периферии, а на первый план выходят параллели между античной и славянской мифологией. В этом отношении представляет особый интерес обширная статья «Славянская мифология, или О богослужении русском во язычестве» И.Е. Срезневского, который прямо указывал на связь между многобожием греков и славян: «Хотя исторически нам неизвестно, откуда к славянам и прочим северным народам зашло многобожие, но кажется позволительно думать, что это греческие и римские боги на севере приняли другие имена и другие виды: ибо мы увидим, что славянские боги имели почти все свойства богов греческих и римских» (Срезневский 1817: 8).

Далее автор приводил доказательства своего предположения путем соотнесения греческих, римских и славянских богов друг с другом, образуя своеобразные тройки с сопутствующим каждому божеству описанием: Зевс – Юпитер – Перун, нимфа – дриада – русалка, Афродита – Венера – Лада и т. д. Выведенные таким образом генетические связи богов служили еще одной нитью, связывавшей Грецию с Украиной.

Введение греческих названий, реалий (географических, мифологических и др.), а также прямое именование Украины «новой Грецией» –

весьма частое явление и в жанре сентиментальных путешествий. Показательно для подобной стилистики, например, философское рассуждение рассказчика о переменчивости как законе природы и души человеческой в очерке «И только три переезда» И.Ф. Вернета, где олицетворение через героев греческой мифологии помогает автору добиться наибольшей яркости и выразительности: «Переменчивость есть душа жизни, цвет удовольствия, закон природы. Весною Флора полными руками сыплет из своей корзинки цветы на землю; летом Церера украшается златовидными класами; в осень Помона и Вертумн преклоняют главы отягченные плодами – и веселый румяный Вахх вливает радость в унылые сердца самых угрюмых» (Вернет 1819а: 76).

Идея просвещения и образ Малороссии как достойный пример ее благотворного влияния – характерная примета местной публицистики, сталкивающей Украину прошлого, поработленную и отсталую, и Украину настоящего – царство процветания, расцвета наук и художеств. Примечательно, что во благо повсеместного просвещения региональная элита готова поступиться предрассудками сословности. Так, автор проекта об учреждении в Харькове отделения Вольного экономического общества считает ученое сословие и помещиков ближайшими сотрудниками в деле развития края: «Ученые, а особливо упражняющиеся в натуральной истории, физике, химии и медицине, сделают ему (экономическому сословию. – В.К.) великое пособие своим соучастием: ибо если не будут заниматься практикой, то, по крайней мере, своим умозрением будут разрешать недоумения и объяснять новые явления при экономических производствах часто встречаемые» (Мысли об учреждении 1818: 148).

Украинские общественные деятели выражают надежду на преодоление преград на пути к просвещению низших слоев, выступают за общедоступность образования: «Не все могут достигать одинаковой степени образования <...>. Но равная степень познаний <...> приятная мечта! Она стоит того, чтобы дать ей действительное бытие; она есть и будет предметом наших желаний и она исполнится!» (Гонорский 1816b: 351). Кроме того, предлагается уничтожить гендерные преграды к образованию. В этом отношении любопытна «Речь о необходимости воспитания девиц», автор которой, обосновывая значимость знаний для блага государства, выражает сожаление по поводу недостаточного просвещения женщин и надежду на скорейшее изменение ситуации: «Нет сомнения, что благосостояние в обществе живущих народов зависит от нравственного и политического образования их, – и что чем более народ просвещен, тем более сила и могущество его возрастают <...>. Девичьих народных училищ имеем мы весьма

мало; хотя оне, по мнению моему, столь же необходимы, как и заведения для мужского пола...» (Речь о необходимости 1817: 151, 155).

Своеобразной кульминации идея благодатного просвещения, призванного уравнивать Украину с европейскими странами, достигает в патетической речи почетного зрителя училищ Щигровского и Тимского уездов надворного советника С. Исакова «при случае публичного испытания учеников Курской гимназии». Организующим центром выступления становится мысль о движении по пути просвещения как смысле существования государства и каждого отдельного человека. Естественной целью «человеческой мысли, желания и всех его (человека. – В.К.) действий» (Исаков 1816: 147) оратор видит благополучие, достигнутое которого можно лишь через «благодать Всевышнего» и разум. «На сих двух началах основано истинное просвещение», – заключает он. Автор рисует утопический образ Украины, достигшей вершины просвещения. В ней нет общепользных заведений, нуждающихся в чем-либо, здесь ищут службы не во имя гордости и не из-за «алчности к стяжанию», а руководствуясь бескорыстным желанием «сделать пользу согражданам – воздать должное Отечеству». Здесь даже письменные законы оказываются излишни, поскольку «закон справедливости неизгладимо врезан в сердце каждого». Наконец, в финале мечта достигает апофеоза: «Здесь все граждане соединены узами любви и доброхотства друг к другу – все граждане управляются единомыслием <...>. И все сие есть плод истинного просвещения!» (Исаков 1816: 159–160). Таков образ лелеемого будущего Украины, выстраивавшийся местными публицистами первой четверти XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Аполлон 1816 - *Аполлон* Бельведерский (из Винкельмана) // Украинский вестник. 1816. Ч. 1, кн. 2. С. 187–190.

Багалеи 1904 - *Багалеи Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): Т. 2 (1815–1835 гг.). Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберга, 1904. 1136 с.

Берлинский 1820 - *Берлинский М.Ф.* Краткое описание Киева. Содержащее историческую перечень сего города, также показание достопамятностей и древностей оного. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1820. 204 с.

Берлинский 1824 - *Берлинский М.Ф.* Описание найденных недавно в Киеве разных старинных золотых и серебряных вещей // Украинский журнал. 1824. Ч. 2, № 12. С. 332–338.

- Боги Греции 1816 - Боги Греции // Украинский вестник. 1816. Ч. 1, кн. 2. С. 185–186.
- Вернет 1817a - *Вернет И.Ф.* Мысли о Харькове // Украинский вестник. 1817. Ч. 8, кн. 11. С. 184–194.
- Вернет 1817b - *Вернет И.Ф.* Святогорский монастырь в Изюмском уезде // Украинский вестник. 1817. Ч. 6, кн. 5. С. 187–198.
- Вернет 1819a - *Вернет И.Ф.* И только три переезда // Украинский вестник. 1819. Ч. 14, кн. 4. С. 75–82.
- Вернет 1819b - *Вернет И.Ф.* Небольшие поездки мои по Змиевскому уезду // Украинский вестник. 1819. Ч. 15, кн. 7. С. 54–63.
- Внутренние известия 1819 - Внутренние известия // Украинский вестник. 1819. Ч. 14, кн. 5. С. 260–263.
- Гонорский 1816a - *Гонорский Р.Т.* Греческая весна (из Бартелеми) // Украинский вестник. 1816. Ч. 1, кн. 2. С. 183–185.
- Гонорский 1816b - *Гонорский Р.Т.* Речь, говоренная в Торжественном собрании Слободско-Украинской гимназии учителем Разумником Гонорским // Украинский вестник. 1816. Ч. 2, кн. 6. С. 344–356.
- Гуржеев 1809 - *Гуржеев И.И.* Письмо из Малороссии // Вестник Европы. 1809. Ч. 44, № 5. С. 36–38.
- Исаков 1816 - *Исаков С.* Речь, при случае публичного испытания учеников Курской гимназии <...>, произнесенная почетным смотрителем училищ Щигровского и Тимского уездов надворным советником С. Исаковым // Украинский вестник. 1816. Ч. 4, кн. 11. С. 146–165.
- Капнист 1817 - *Капнист В.В.* О восстановлении порядка песен Одиссеи // Сын Отечества. 1817. Ч. 41, № 40. С. 50–54.
- Капнист 1819 - *Капнист В.В.* Мнение о том, что Улисс странствовал не в Средиземном, но в Черном и в Азовском морях // Сын Отечества. 1819. Ч. 56, № 38. С. 193–213.
- Капнист 1960 - *Капнист В.В.* Собрание сочинений: В 2 т. М.: Издание АН СССР, 1960. Т. 2. 629 с.
- Киселев, Васильева 2012 - *Киселев В.С., Васильева Т.А.* «Странное политическое сонмище» или «народ, поющий и пляшущий»: конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII – начала XIX в. // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. ст. / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 478–517.
- Левицкий 1818 - *Левицкий Н.* Отрывки из путевых записок (в письмах) // Украинский вестник. 1818. Ч. 11, кн. 8. С. 207–223.
- Левшин 1817 - *Левшин А.И.* Греки и римляне на поприще наук и искусств // Украинский вестник. 1817. Ч. 7, кн. 8. С. 139–151.
- Лосиевский 1993 - *Лосиевский И.Я.* Русская лира с Украины: Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков: ОКО, 1993. 222 с.

Майофис 1997 - *Майофис М.Л.* Западноевропейские источники «Краткого изыскания о гипербореанах» В.В. Капниста // Русская филология-8. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. С. 59–66.

Майофис 2008 - *Майофис М.Л.* Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.

Марков 1816 - *Марков М.Е.* Письмо к одному из издателей (Филомафитскому) // Украинский вестник. 1816. Ч. 3, кн. 8. С. 121–127.

Мартос 1893 - *Мартос А.И.* Записки инженерного офицера Мартоса о турецкой войне в царствование Александра Павловича 1806–1812 // Русский архив. 1893. Т. 7. С. 305–368.

Маслович 1816 - *Маслович В.Г.* От издателя // Харьковский Демокрит. 1816. Месяц январь. С. 3–4.

Михайлин 2003 - *Михайлин І.Л.* Харківська журналістика 1810–1820-х років // Михайлин І.Л. Історія української журналістики ХІХ століття: Підручник. Київ: Центр навчальної літератури, 2003. 720 с.

Мысли об учреждении 1818 - Мысли об учреждении экономического сословия в виде отделения Санкт-Петербургского вольного экономического общества, предложенные суждению господ помещиков Слободско-Украинской губернии (продолжение) // Украинский вестник. 1818. Ч. 10, кн. 5. С. 144–162.

Об изящных художествах 1819 - Об изящных художествах угреков и влиянии их на нравственность // Украинский вестник. 1819. Ч. 16, кн. 10. С. 3–37.

Об истории 1816 - Об истории // Украинский вестник. 1816. Ч. 4, кн. 10. С. 3–28.

Полякова 2005 - *Полякова Ю.Ю.* Русские литературно-художественные журналы Харькова ХІХ – ХХ веков (попытка перечисления) // Союз писателей. 2005. № 1 (6). С. 220–229.

Речь о необходимости 1817 - Речь о необходимости воспитания девиц // Украинский вестник. 1817. Ч. 6, кн. 5. С. 151–158.

Склавовский 1824 - *Склавовский А.* От редактора // Украинский журнал. 1824. Ч. 1, № 1. С. 1–10.

Срезневский 1817 - *Срезневский И.Е.* Славенская мифология, или О богослужении русских во язычестве // Украинский вестник. 1817. Ч. 6, кн. 4. С. 3–24.

Чижевский 1956 - *Чижевський Д.И.* Історія української літератури: Від початків до доби реалізму. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія наук у США, 1956. 511 с.

Carter, Donald, Squires 1993 - Space and place: theories of identity and location / Ed. by E. Carter, J. Donald, L. Squires. London: Lawrence and Wishart, 1993. 385 p.

- Hurrell 1995 - Hurrell A. Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics // Review of International Studies. 1995. October. Vol. 21. P. 331–358.
- Lefebvre 1991 - Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 454 p.

REFERENCES

- Winckelmann, J.J. (1816) Apollon Bel'vederskiy [Apollo Belvedere]. *Ukrainskiy vestnik*. 1(2). pp. 187-190.
- Bagaley, D.I. (1904) *Opyt istorii Khar'kovskogo universiteta (po neizdannym materialam): T. 2 (1815–1835 gg.)* [Sample stories of Kharkov University (of unreleased materials): Vol. 2 (1815–1835)]. Kharkov: M. Zil'berberg.
- Berlinskiy, M.F. (1820) *Kratkoe opisanie Kieva. Soderzhashchee istoricheskuyu perechen' sego goroda, takzhe pokazanie dostopamyatnostey i drevnostey onogo* [A brief description of Kiev. Containing a list of this historic city, with memorable places and antiques thereof]. St. Petersburg: Typography of Department of People's Education.
- Berlinskiy, M.F. (1824) *Opisanie naydennykh nedavno v Kieve raznykh starinykh zolotykh i serebryanykh veshchey* [Description various antique gold and silver items found recently in Kiev]. *Ukrainskiy zhurnal*. 2 (12). pp. 332–338.
- Anon. (1816) Bogi Gretsii [The Gods of Greece]. *Ukrainskiy vestnik*. 1(2). pp. 185-186.
- Vernet, I.F. (1817a) Mysli o Khar'kove [Thoughts of Kharkov]. *Ukrainskiy vestnik*. 8 (11). pp. 184-194.
- Vernet, I.F. (1817b) Svyatogorskiy monastyr' v Izyumskom uезде [Svyatogorsk Monastery in Izyum District]. *Ukrainskiy vestnik*. 6 (5). pp. 187-198.
- Vernet, I.F. (1819a) I tol'ko tri perezda [Only three moves]. *Ukrainskiy vestnik*. 14(4). pp. 75-82.
- Vernet, I. (1819b) Nebol'shie poezdki moi po Zmievskomu uезду [My small trip for Zmievsky Uezd]. *Ukrainskiy vestnik*. 15 (7). pp. 54-63.
- Anon. (1819) Vnutrennie izvestiya [Home Affairs]. *Ukrainskiy vestnik*. 14(5). pp. 260-263.
- Gonorskiy, R.T. (1816a) Grecheskaya vesna (iz Bartelemi) [A Greek spring (from Barthelemy)]. *Ukrainskiy vestnik*. 1 (2). pp. 183-185.
- Gonorskiy, R.T. (1816b) Rech', govorennyaya v Torzhestvennom sobranii Slobodsko-Ukrainskoy Gimnazii uchitelem Razumnikom Gonorskim [A speech delivered by teacher Razumnik Gonorskiy in a solemn assembly of Sloboda-Ukrainian Gymnasium]. *Ukrainskiy vestnik*. 2 (6). pp. 344-356.
- Gurzheev, I.I. (1809) Pis'mo iz Malorossii [A Letter from Little Russia]. *Vestnik Evropy*. 44 (5). pp. 36-38.
- Isakov, S. (1816) Rech', pri sluchae publichnogo ispytaniya uchenikov Kurskoy Gimnazii <...>, proiznesennaya Pochetnym Smotritelem uchilishch Shchigrovsk-

ogo i Tims'kogo uezdov Nadvornym Sovetnikom S. Isakovym [A speech at a public exam of the students of Kursk Gymnasium <...> uttered by honorary Superintendent of Schools of Schigrovsky and Tims'ky county Court Counselor S. Isakov]. *Ukrainskiy vestnik*. 4 (11). pp. 146-165.

Kapnist, V.V. (1817) O vosstanovlenii poryadka pesen Odissei [On the reconstruction of the order of Odysseus's songs]. *Syn Otechestva*. 41 (40). pp. 50-54.

Kapnist, V.V. (1819) Mnenie o tom, chtu Uliss stranstvoval ne v Sredizemnom, no v Chernom i v Azovskom moryakh [The notion that Ulysses was wandering, not in the Mediterranean, but in the Black and Azov Seas]. *Syn Otechestva*. 56 (38). pp. 193-213.

Kapnist, V.V. (1960) *Sobranie sochineniy*: V 2 t. [Collected Works. In 2 vols]. V. 2. Moscow: USSR AS.

Kiselev, V.S. & Vasil'eva, T.A. (2012) "Strannoe politicheskoe sonmishche" ili "narod, poyushchiy i plyashushchiy": konstruirovaniye obraza Ukrainy v russkoy slovesnosti kontsa XVIII – nachala XIX v. ["A strange political assemblage" or "the people singing and dancing": the construction of the image of Ukraine in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries]. In: Etkind, A., Uffel'mann, D. & Kukul'in, I. (eds) *Tam, vnutri: Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside: the practice of internal colonization in the cultural history of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 478-517.

Levitskiy, N. (1818) Otryvki iz putevykh zapisok (v pis'makh) [Excerpts from the travel notes (in letters)]. *Ukrainskiy vestnik*. 11(8). pp. 207-223.

Levshin, A.I. (1817) Greki i rimlyane na poprishche nauk i iskusstv [The Greeks and Romans in the field of Arts and Sciences]. *Ukrainskiy vestnik*. 7(8). pp. 139-151.

Losievskiy, I.Ya. (1993) *Russkaya lira s Ukrainy: Russkie pisateli Ukrainy pervoy chetverti XIX veka* [Russian lira from Ukraine: Ukraine's Russian writers of the first quarter of the 19th century]. Kharkov: OKO.

Mayofis, M.L. (1997) Zapadnoevropeyskie istochniki "Kratkogo izyskaniya o giperboreanakh" V.V. Kapnista [Western Sources of "Short survey of the Hyperboereans" by V.V. Kapnist]. In: Lebov, R. (ed.) *Russkaya filologiya-8. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian philology – 8. A Collection of researches of young philologists]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 59-66.

Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiyskiy modernizatsionnyy proekt 1815–1818 godov* [The appeal to Europe: a literary society "Arzamas" and Russia's modernization project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Markov, M.E. (1816) Pis'mo k odnomu iz Izdateley (Filomafitskomu) [A letter to one of the publishers (Filomafitskiy)]. *Ukrainskiy vestnik*. 3 (8). pp. 121-127.

Martos, A.I. (1893) Zapiski inzhenernogo ofitsera Martosa o turetskoy voyne v tsarstvovaniye Aleksandra Pavlovicha 1806–1812 [Notes of the enginee-

ring officer Martos about the Turkish War in the reign of Alexander Pavlovich 1806–1812]. *Russkiy arkhiv*. 7. pp. 305-368.

Maslovich, V.G. (1816) Ot izdatelya [From the Publisher]. *Khar'kovskiy Demokrat*. January. pp. 3-4.

Mikhaylin, I.L. (2003) *Istoriya ukrains'koï zhurnalistiki XIX stolittya* [History of Ukrainian journalism of the 19th century]. Kiiv: Tsentr navchal'noi literaturi.

Anon. (1818) Mysli ob uchrezhdenii ekonomicheskogo sosloviya v vide Otdeleniya Sankt-Peterburgskogo Vol'nogo Ekonomicheskogo Obshchestva, predlozhennye suzheniyu Gospod Pomeshchikov Slobodsko-Ukrainskoy gubernii (prodolzhenie) [Thoughts on the establishment of the economic class in the form of St. Petersburg Branch of the Free Economic Society, proposed for the judgment of the landed gentry in Sloboda-Ukrainian province (continued)]. *Ukrainskiy vestnik*. 10 (5). pp. 144-162.

Anon. (1819) Ob izyashchnykh khudozhestvakh u Grekov i vliyaniï ikh na нравstvennost' [On Fine Arts under the Greeks and their influence on morals]. *Ukrainskiy vestnik*. 16 (10). pp. 3-37.

Anon. (1816) Ob Istorii [About history]. *Ukrainskiy vestnik*. 4 (10). pp. 3-28.

Polyakova, Yu.Yu. (2005) Russkie literaturno-khudozhestvennye zhurnaly Khar'kova XIX – XX veka (popytka perechisleniya) [Russian literary magazines in Kharkov in the 19th–20th centuries (an attempt to make a catalogue)]. *Soyuz pisateley*. 1 (6). pp. 220-229.

Anon. (1817) Rech' o neobkhodimosti vospitaniya devits [A speech about the need for girls' education]. *Ukrainskiy vestnik*. 6 (5). pp. 151-158.

Sklabovskiy, A. (1824) Ot redaktora [Editorial]. *Ukrainskiy zhurnal*. 1(1). pp. 1-10.

Sreznevskiy, I.E. (1817) Slavenskaya mifologiya, ili O bogosluzhenii russkikh vo yazychestve [Slavic mythology, or divine services in the Russian paganism]. *Ukrainskiy vestnik*. 6 (4). pp. 3-24.

Chizhevs'kiy, D.I. (1956) *Istoriya ukrains'koï literaturi: Vid pochatkiv do dobi realizmu* [History of Ukrainian Literature from the beginning to the era of realism]. New York: Ukrains'ka Vil'na Akademiya Nauk u SShA.

Carter, E., Donald, J. & Squires, L. (eds) (1993) *Space and place: theories of identity and location*. London: Lawrence and Wishart.

Hurrell, A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*. 21. pp. 331-358. DOI: 10.1017/S0260210500117954

Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Basil Blackwell.

Киселев Виталий Сергеевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Россия).

Kiselev Vitaly – Tomsk State University (Russia).

E-mail: kv-uliss@mail.ru

УДК 94(=16):070“1900/1905”
UDC
DOI: 10.17223/18572685/42/7

ПУБЛИЦИСТИКА С. РАДИЧА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК» (1900–1905 гг.)*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Scopus Author ID: 56491025000

SPIN-код: 5503-6769² E-mail: ASAOM@yandex.ru

SPIN-код: 3791-5941

Авторское резюме

На материалах публицистических статей, опубликованных на страницах всеславянского периодического издания «Славянский век» (1900–1905 гг.), исследуются политические убеждения и мировоззрение известного хорватского политического деятеля, основателя Хорватской народной крестьянской партии, одного из самых почитаемых исторических деятелей Хорватии Степана Радича. В его публицистике нашли отражение духовные поиски славянской интеллигенции конца XIX – начала XX в. и те политические идеалы, которые автор стремился заложить в основание независимости славянских народов. Также рассматриваются критическое восприятие Радичем философии и государственного устройства современных для него западно-европейских стран, особенности межэтнических взаимоотношений в Европе начала XX в., когда славянские народы оказались в положении несправедливого и отверженного социального слоя. Деятельность и работы С. Радича позволили затронуть и важную проблему зарождения сербо-хорватских конфликтов и явление сербофобии, которые в XX в. достигли критической точки.

Ключевые слова: С. Радич, «Славянский век», публицистика, Хорватия, Сербия, Австро-Венгерская монархия.

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

PUBLICISM OF S. RADIĆ IN THE SLAVIC CENTURY JOURNAL (1900–1905)*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

On materials of journalistic articles published on the pages of Slavic periodical "Slavic Century" (1900–1905), the article examines the political beliefs of famous Croatian politician, founder of the Croatian People's Peasant Party, one of the most revered historical figures of Croatia Stjepan Radic. His journalism reflected the spiritual quest of Slavic intellectuals in the late XIX – early XX centuries and the political ideals that the author has tried to lay in the foundation of the independence of Slavic peoples. It is also considered critical perception of Radic's philosophy and political structure of Western European countries, especially the inter-ethnic relations in Europe in the beginning of XX century, when the Slavic peoples were in the position of powerlessness and rejection of social stratum. The activities and work of S. Radic allowed to touch upon the important issue of origin of the Serbo-Croatian conflict and the phenomenon of serbophobia, that in the XX century reached a critical point.

Keywords: S. Radic, Slavic century, publicism, Croatia, Serbia, the Austro-Hungarian monarchy.

Эпоха заката Австро-Венгерской империи вобрала в себя богатую палитру цветов национального возрождения славянских народов. Жители Подъяремной Руси на рубеже XIX–XX вв. переживали период всплеска национального самосознания. Осуществлялся мучительный поиск точки опоры, с которой начнется новая страница их истории, откроется горизонт светлого будущего русинов и галичан, чехов и словаков, сербов и хорватов.

1900 г. стал в некотором роде этапным в этом сложном и неоднородном процессе. Именно в тот год по инициативе известного общественного деятеля, филолога и публициста Д. Вергуна в столице

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

Австро-Венгрии, в г. Вене, было положено начало изданию «единственного тогда всеславянского периодического издания на русском языке с сильной русофильской направленностью» под названием «Славянский век» (Фоминых, Зиновьев 2015: 85), выходившего с 1900 по 1905 г.

Одним из сюжетов, представляющих несомненный интерес для современных исследователей славянского мира, является история формирования идентичности народов, которые в 1918 г. объединятся в Государство сербов, хорватов и словенцев (ГСХС). Приблизиться к пониманию основ, на которых эти славянские народы собирались добиться независимости, можно посредством обращения к публицистике Степана Радича (1871–1928) на страницах данного журнала.

С. Радича справедливо можно отнести к разряду отцов хорватско-национального возрождения. Еще будучи учеником 3-го класса Загребской гимназии, он твердо решил стать политиком. Именно к этому периоду относятся его первые аресты по политическим мотивам (Кухаренко 2009: 153). Получив среднее образование, он продолжил учебу на юридическом отделении Загребского университета, но вскоре был исключен. В дальнейшем С. Радич прошел путь радикального австро-венгерского политика, испытав на себе и тяжесть заключения, и участь эмигранта. Высшее образование он получил в Париже и Пражском университете.

Активная фаза формирования его политического мировоззрения, общественных взглядов приходится на годы обучения в гимназии и Загребском университете, а также на время эмиграции, т. е. хронологически укладывается в период с 1883 по 1904 г.

В 1904 г. С. Радич вместе со своим старшим братом Антуном стал основателем Хорватской народной крестьянской партии (ХНКП), позднее переименованной в Хорватскую крестьянскую партию.

Для выражения своих политических взглядов С. Радич использовал трибуну многих периодических изданий: публиковался в чешской, русской и французской прессе. Особого внимания заслуживают его публикации в журнале «Славянский век».

В № 26–30 журнала за 1901 г. одновременно на русском и хорватском языках Радич вел рубрику «Второй период славянского возрождения (полное сознание славянского единства)». По сути, она представляет собой серию тематических статей. В 1901–1902 гг. Радич опубликовал серию очерков на русском языке с общим названием «Югославские вести» (№ 28, 30–31, 33–34, 37–38, 47), где уже в качестве журналиста излагал эпизоды из общественной, политической жизни хорватов и сербов. В № 51 журнала также размещена его

статья «Нерусские славяне на перепутье истории», а в № 61 – очерк «К соединению хорватской оппозиции».

Публицистику С. Радича отличают широкий взгляд на события, склонность к обобщениям и противопоставлениям, намеренная абсолютизация славянской общности на основании ряда критериев идентичности.

С одной стороны, большое внимание автор уделяет поиску той философской, мировоззренческой основы, на которой, по его мнению, возможно построить новое славянское возрождение. С. Радич в своих статьях смело ниспровергает незыблемых авторитетов западноевропейской философии. Так, например, известная теория Монтескье о разделении властей критикуется им за недостаток государственной практики (Славянский век 1: 44–45).

С другой стороны, во взглядах С. Радича четко прослеживаются пietet и восхищение «великими идеями славянских светоносцев», силу и прогрессивность которых он противопоставляет «пушкам Максима или Круппа» современной для него Западной и Центральной Европы.

К числу «славянских светоносцев» С. Радич относит Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и др. По его словам, «ни в чем, может быть, не проявилось так ясно полное сознание славянского духа, как в произведениях таких умов, как В.С. Соловьёв и Б.Н. Чичерин» (Славянский век 1: 44). Однако издатели журнала в примечании небезосновательно приписали данное утверждение недостаточному знакомству автора с трудами Соловьёва и Чичерина, резко критиковавших славянофильское направление.

Традиционное для русского интеллигента чувство вины перед собственным народом, приносящее «громадные жертвы» ради образования слоя интеллектуалов, также свойственно хорватскому интеллигенту Радичу. Отсюда вытекает его призыв к возвращению к истокам народной жизни, трепетное отношение к языку и традициям славянской крестьянской культуры.

Следует отметить, что на политической арене Австро-Венгрии начала XX в. крестьянство как социальный слой не было представлено (Кухаренко 2009: 153). Несмотря на это, именно на базе крестьянского сословия С. Радич создает в 1904 г. свою партию. Данный политический просчет, на первый взгляд, объяснялся, быть может, восприятием Радичем крестьянства как носителя фундаментального понятия «народ», которым он регулярно оперирует в своих статьях. Именно народ, по его мнению, является хранителем «обычаев, песен, нарядов всей народной культуры» (Славянский век 1: 45).

С. Радич писал: «Народ перестал быть для нас как “дикарем”, так и “кумиром” и из предмета эксплуатации или обожания стал не

преступной “толпой”, а миллионным собранием, на котором промысел – председатель, природа – страж, жизнь – оратор; где мудрое слово становится пословицей, доброе слово – законом, благородное дело – маяком нравственности» (Славянский век 1: 46).

В широкой панораме мировоззрения Радича, отраженного в его статьях, неуловимо вырисовывается радикальное противопоставление Запада и Востока Европы, разделенных невидимой стеной культурно-исторических противоречий. Выступая от имени славянских интеллигентов, С. Радич отмечал: «Мы обособляемся от Запада тем, что не хотим низвергнуть Бога с его престола, закрыть глаза перед яркой правдой природы, не признать опыта и поучений тысячелетней народной жизни».

Пытаясь понять истоки глубинных ментальных различий между Западной и Центральной Европой и славянскими народами, С. Радич обращается к причинам этого. Раскол, по его мнению, проходит через матрицу отношения к народу. Европейские элиты времен Средневековья, сделав латинский язык характерным признаком собственной корпорации, проложили тем самым, считает он, глубокую пропасть между собой и низшими сословиями. Став, по сути, чужими друг другу, с разными языками, различными интересами, высшие и низшие сословия Европы на долгие века стали заложниками этого мировоззренческого кода внутринациональной ненависти. Это же явление наложило отпечаток на философию, политику, особенности социального устройства европейских стран. «Великая личность» стала создателем и главным носителем культуры на европейском Западе, в то время как «на юго-востоке (европейском) положительная культура создавалась великим народом» (Славянский век 2: 102).

«Наш славянский национализм, – писал С. Радич, – не только не идет вразрез с идеалом человечности, единственно верным, но и находит в нем свое оправдание» (Славянский век 2: 104).

Такова была идеология славянского национализма в интерпретации известного хорватского политика и публициста начала XX в.

Конечно же, столь радикальные противопоставления выглядят несколько эмоциональными. Однако современник Первой мировой войны С. Радич имел твердые основания утверждать, что для Запада народ стал лишь средством для достижения «великих» целей.

И здесь мы затрагиваем другой важный принцип, на котором строится мировоззрение С. Радича. Речь идет о пацифизме Радича – «единственном незыблемом тезисе, своеобразном стержне идеологии партии» (Кухаренко 2009: 154) и ее основателя.

Пятую статью из цикла «Второй период славянского возрождения» С. Радич посвятил рассмотрению общих особенностей международного

положения славян. В этой публикации он настаивает на необходимости единства международной политики для всех славянских народов. Строиться она, по его мнению, должна на идеалах, вытекающих из славянского понимания народности и патриотизма.

Славяне в Европе начала XX в. находились, как полагает автор, в положении отверженного народа, живущего на обочине цивилизованной, культурной Европы.

В одной из своих статей С. Радич для характеристики современной для него Европы употребляет понятие «мнимая европейская цивилизация», сделав при этом немаловажное уточнение: «Как был бы я счастлив, если бы мог сказать *истинная цивилизация* и назвать ее кроме того нашей. Но совесть не позволяет...» (Славянский век 6: 66–67).

Радич, которого не миновала судьба эмигранта, пишет: «Кто хоть раз пожил в Западной Европе и усердно следил за печатью хоть одного из европейских неславянских народов, тот, наверное, убедился не только в невежестве передовых европейских деятелей относительно какого бы то ни было славянского народа, но и в сознательном пренебрежении, высокомерии и даже презрении, с которым о нас говорят и пишут» (Славянский век 4: 164).

Однако воинственность, как вполне естественная реакция на подобное положение, отвергается Радичем. Экспансии военной он противопоставляет экспансию культурную. Отстаивая равное право всех народов на культурное наследие человечества, идеалом он считает просветительский Всеславянский союз, «достаточно сильный, чтобы по окончании “ближайшей маленькой” работы дома защищать самые отдаленные и самые забытые народы» (Славянский век 4: 166) в пику завоевательным государствам, эксплуатирующим полудикие народы.

Предвосхищая те принципы, на которых будет строиться международная политика славянских государств, С. Радич писал: «Мы, конечно, не станем грабить памятники чужой культуры, как это делали Наполеон и многие другие подобные ему “просветители”, но зато мы не перестанем посещать Капитолий и Лувр, сознавая, что красота принадлежит тому, кто ее понимает, а культура тому, кто ею пользуется».

Другой немаловажной задачей, стоящей, по его убеждению, перед славянской интеллигенцией, была задача воспитать новое поколение. Последнее не просто впитало бы в себя все разнообразие славянских языков и наречий, а сохранило бы богатство культуры славян, взяло на себя тяжесть той миссии, которая стала главным смыслом жизни таких людей, как Радич, – миссии достижения независимости и достойного положения славянских народов в мире.

Множественность литературных славянских языков, народных наречий, которую можно принять за слабость и главное препятствие к объединению, в рассуждениях Радича предстает как прочное основание для внутренней народной организации.

Единение народа и интеллигенции, обращение к истокам народной жизни, упор на просвещение подрастающих славян, сохранение традиций и уникальной народной культуры – во всем этом Радич видел «основу для систематической, универсальной и успешной “маленькой работы”» (Славянский век 3: 136), стоявшей прежде всякой политической борьбы.

С. Радич подчеркивал сходство между всеми славянскими народами, отмечал общее в их языке, культуре и даже политических традициях.

Характерно и его отношение к России. С. Радич писал: «Слово “Россия” вызывает трепет в сердцах славян, пробуждая в них веру в то, что час окончательного освобождения приближается» (Славянский век 6: 68).

Для того чтобы выразить свое отношение к России, Радич прибегает к такому привычному для него приему, как противопоставление. Антагонистом России он избирает Германию. Раскол между этими странами, в сущности, совпадал с поляризацией Запада и Востока Европы. «Долговременной наглости немецких цивилизаторов» С. Радич противопоставляет «гигантскую работу русского земледельца». Если немецкая армия ассоциируется у него с грабежами и жестокостью, то русский солдат – с христианской верой и идеалами освобождения.

Однако нельзя не отметить, что, несмотря на идеализм Радича, на пути к объединению славян в начале XX в. было еще много препятствий.

Не последнюю роль в разжигании розни между славянскими народами сыграла виртуозная политика стравливания, осуществляемая австро-венгерским правительством (Фоминых, Зиновьев 2015: 92).

Да и сам С. Радич неоднократно сталкивался с этим в своей житейской практике. Он, например, регулярно требовал, чтобы железнодорожные билеты, приобретаемые им, выписывались на хорватском языке, в то время как на железных дорогах Хорватии тогда пользовались венгерским языком. Таким образом, Радич защищал право своего народа говорить на родном языке на территории Хорватии, дарованное Хорватско-венгерским соглашением 1868 г. (Фрейдзон 2001: 203). За подобные поступки Радич неоднократно задерживался и привлекался к суду, как это произошло, например, в 1903 г. Стоит отметить, что хорватский прокурор тогда вынес ему за это обвинительный приговор (Славянский век 8: 337).

В 1902 г. после публикации провокационной антихорватской статьи в сербской газете «Србобран» в Загребе началась волна сербских погромов, подспудной причиной которых была «успешная конкуренция сербов-торговцев и ремесленников в главном городе Хорватии» (Фрейдзон 2001: 203–204). С. Радич был тогда одним из тех, кто выступил с протестом против погромов.

Что характерно, за свои воззвания во время загребских волнений С. Радич был арестован и приговорен к четырехмесячному заключению в тюрьме, где он продолжил работу над книгой «Славяне и современная колонизация», а также над «Тюремными воспоминаниями» (Славянский век 7: 188).

Данный эпизод как нельзя лучше характеризует С. Радича как сторонника всеславянского единства. К мотивации данных поступков можно прибавить и его чисто политические соображения.

Во многом благодаря таким поступкам на первой странице одного из последних выпусков «Славянского века» (№ 91–92, декабрь 1905 г.) в краткой биографической справке, приуроченной к выходу в свет новой книги С. Радича «Славяне и современная колонизация», он представлен как «возродитель и неутомимый глашатай югославянского единства (словенцев, хорватов, сербов и болгар)» (Славянский век 5: 545).

Вместе с тем стоит отметить, что политико-теоретические воззрения С. Радича за его политическую биографию неоднократно менялись (Кухаренко 2009: 154). Уже в 1918 г. Радич стал одним из непримиримых противников решения Центрального комитета Народного веча ГСХС об объединении с Сербским королевством.

Сам по себе конфликт между сербами и хорватами, сербофобия имеют культурные, этнические и религиозные корни. Исторически эти явления рождаются и достигают своего пика только в XX в., на протяжении которого не раз происходили кровавые столкновения между католической Хорватией, православной Сербией и мусульманской Боснией.

В № 57 и 58 «Славянского века» была опубликована статья М. Сарделича «Сербо-хорватская распря», приуроченная к событиям загребских погромов 1902 г. В ней автор обращается к причинам произошедшего. И начал он с того, что констатировал свою малую осведомленность в данном предмете. Автор приходит к выводу, что корни сербо-хорватского противостояния лежат не столько в религиозной, сколько в культурно-политической плоскости. Ключевым фактором конфликта автор называет конкурентную борьбу сербов и хорватов за культурное и политическое первенство на западе Балканского полуострова (Славянский век 9: 263). Близость традиций,

языковой культуры, единство истории и пространства проживания привели эти два народа к борьбе за общие символы идентичности. При этом главными виновниками этнического столкновения Сарделич называет шовинистов обеих стран (Славянский век 9: 263–264).

В 1914 г. словенский националист М. Натлачен, призывая к возмездию за убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда, в своем стихотворении впервые использовал лозунг «Србе на врбе!» («Серба – на вербу!»). И по сей день на улицах Хорватии можно увидеть граффити хорватских неонацистов с этой фразой.

Уже в наши дни, в 1990-е гг., Европа, пережившая ужасы нацизма, была потрясена той беспредельной жестокостью на Балканском полуострове в ходе войны между славянскими народами, сопровождавшейся геноцидом, этническими чистками, насилием и массовыми убийствами.

Еще раньше одной из жертв этого противостояния стал и сам С. Радич. Он был убит 8 августа 1928 г. сербским националистом во время заседания Национальной ассамблеи.

В заключение отметим, что публицистика С. Радича очень образна, подчас эмоциональна, субъективна и пристрастна, а потому не лишена противоречий. Все это, однако, не умаляет той ценности, которую представляют собой его статьи как свидетельство мрачного и сложного для славянского мира времени.

Тот глобальный духовно-исторический кризис, в который погрузилась Великая Европа на заре XX в., парадоксальным образом стал индикатором культурного взрыва, направленного на изыскание иных смыслов и иных путей дальнейшего развития западной цивилизации. Славянская альтернатива как шанс на возрождение еще требует детального рассмотрения. Публицистика С. Радича, представленная на страницах «Славянского века», может помочь нам выявить основные контуры, траекторию развития этого процесса, с одной стороны, зовущего в архаику, а с другой – указывающего дорогу в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Кухаренко 2009 - *Кухаренко В.Н.* Степан Радич: политический портрет (1918–1928) // Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А.П. Сальков, О.А. Яновский (отв. ред.) и др. Минск: БГУ, 2009. Вып. 4. С. 153–170.

Славянский век 1 - *Радич С.* Второй период славянского возрождения. II. Синтез славянофильства и западничества // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 26. С. 44–46.

Славянский век 2 - Радич С. Второй период славянского возрождения. III. Глубокое понимание народности // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 28. С. 101–105.

Славянский век 3 - Радич С. Второй период славянского возрождения. IV. Незыблемые основы «маленького народного дела» // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 29. С. 133–136.

Славянский век 4 - Радич С. Второй период славянского возрождения. V. Общая славянская международная политика // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 30. С. 163–166.

Славянский век 5 - Степан Амвросиевич Радич. Хорватский писатель // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 91–92. С. 545.

Славянский век 6 - Радич С. Нерусские славяне на перепутье истории // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 51. С. 66–68.

Славянский век 7 - Славянские вести. Хорваты // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 54. С. 188–189.

Славянский век 8 - Славянские вести. Хорваты // Славянский век. Всеславянский журнал. 1903. Вып. 59. С. 337–338.

Славянский век 9 - Сербо-хорватская распря // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 57. С. 262–265.

Фоминых, Зиновьев 2015 - Фоминых С.Ф., Зиновьев В.П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1 (39). С. 83–94.

Фрейдзон 2001 - Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетей, 2001. 318 с. (Славянская библиотека. Bibliotheca slavica).

REFERENCES

Kukhareno, V.N. (2009) Stepan Radich: politicheskiy portret (1918–1928) [Stjepan Radić: A political portrait (1918–1928)]. In: Yanovskiy, O.A. (ed.) *Rossiyskie i slavyanskije issledovaniya* [Russian and Slavic Studies]. Minsk: BGU. pp. 153–170.

Radić, S. (1901) Vtoroy period slavyanskogo vozrozhdeniya. II. Sintez slavyanofil'stva i zapadnichestva [The second period of the Slavic revival. II. Synthesis of Slavophilism and Westernism]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 26. pp. 44–46.

Radić, S. (1901a) Vtoroy period slavyanskogo vozrozhdeniya. III. Glubokoe ponimanie narodnosti [The second period of the Slavic revival. III. A deep understanding of the Slavic peoples]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 28. pp. 101–105.

Radić, S. (1901b) Vtoroy period slavyanskogo vozrozhdeniya. IV. Nezyblemye osnovy "malen'kogo narodnogo dela" [The second period of the Slavic revival.

IV. The unshakable foundations of the “little people’s affairs”. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 29. pp. 133-136.

Radić, S. (1901c) Vtoroy period slavyanskogo vozrozhdeniya. V. Obshchaya slavyanskaya mezhdunarodnaya politika [The second period of the Slavic revival. V. General Slavic foreign policy]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 30. pp. 163-166.

Anon. (1904) Stepan Amvrosievich Radich. Khorvatskiy pisatel' [Stjepan Radic. A Croatian writer]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 91–92. p. 545.

Radić, S. (1902) Nerusskie slavyane na pereput'e istorii [Non-Russian Slavs at the crossroads of history]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 51. pp. 66-68.

Radić, S. (1902a) Slavyanskiye vesti. Khorvaty [Slavic news. The Croats]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 54. pp. 188-189.

Radić, S. (1903) Slavyanskiye vesti. Khorvaty [Slavic news. The Croats]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 59. pp. 337-338.

Anon. (1902) Serbo-khorvatskaya raspriya [Serbo-Croatian quarrel]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 57. pp. 262-265.

Fominykh, S.F. & Zinov'ev, V.P. (2015) The magazine “Slavic Century” as a source for the history of the Rusins. *Rusin*. 1 (39). pp. 83-94.

Freydzon, V.I. (2001) *Istoriya Khorvatii. Kratkiy ocherk s drevneyshikh vremen do obrazovaniya respubliki (1991 g.)* [History of Croatia. A short essay from ancient times to the formation of the republic (1991)]. St. Petersburg: Aleteyya.

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Fominykh Sergey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – бакалавр истории, магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Stepnov Alexey – Tomsk State University (Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru

УДК 94(73)(=1.47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/8

ПЕРВЫЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РУСИНОВ НА ТЕРРИТОРИИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ*

Н.А. Глущенко

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: gloosten124@mail.ru

SPIN-код: 6598-5614

Авторское резюме

Процесс изучения этнической самоидентификации русинов с конца XX в. переживает период укрепления. Одновременно с изучением истории возникновения этноса, его языковых и культурных особенностей активизируется интерес и к процессам миграции русинского населения Карпатской Руси. В статье рассматривается процесс становления первых «обществ взаимопомощи» русинов на территории США – Русского православного католического общества взаимопомощи, Общества русских братств в Соединенных Штатах Америки, Русского объединенного общества взаимопомощи в Америке. Особое внимание уделяется целям и задачам, которые ставили перед собой данные общества, их роли в укреплении православия, а также сохранении русинской культуры как в Соединенных Штатах Америки, так и в мире.

Ключевые слова: русины, иммиграция, Соединенные Штаты Америки, общество взаимопомощи.

* Работа выполнена в рамках государственного задания, проект № 2059: «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)».

FIRST SOCIAL ORGANIZATIONS OF RUSINS IN THE UNITED STATES OF AMERICA*

N.A. Glushchenko

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: gloosten124@mail.ru

Abstract

The process of studying the national identity of Rusins is experiencing a period of strengthening from the end of the XX century. Simultaneously with the study of the history of this ethnic group and its language and culture, the interest to the migration process of Rusin population of Carpathian Ruthenia activated. The article deals with the process of making the first Rusin "mutual aid societies" in the United States of America – Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society, Russian Brotherhood Organization of the United States of America, Russian Consolidated Mutual Aid Society of America. Special attention is paid to the goals and objectives of that societies, their role in the strengthening of Orthodoxy, as well as the preservation of the Rusin culture in the United States and the world.

Keywords: Rusins, immigration, The United States of America, mutual aid society.

Карпато-русины начали иммигрировать в Северную Америку в начале 1870-х гг. из региона Карпатских гор (Slavs 1918). В начале 1880-х гг. многие русины-мигранты, которые приезжали в США из Австро-Венгрии в поисках работы на угольных шахтах, обосновались в антрацитовом регионе штата Пенсильвания (Миронов 2014).

Первым официальным объединением карпато-русинов на территории Соединенных Штатов Америки стало Русское православное католическое общество взаимопомощи (РПКОВ, Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society, ROCMAS), которое было основано 10 апреля 1895 г. в городе Уилкс-Барр, штат Пенсильвания (Dyud 1992: 59–60). Местные отделения этого общества были образованы также в Минеаполисе, Чикаго, Питсбурге и Осеола Милс. Формально общество было зарегистрировано в 1912 г. согласно законам штата Пенсильвания. Документ, разрешавший создание общества, закреплял за ним функции страхового общества, целью которого провозглашалась помощь его членам, оказавшимся в беде, заболевшим,

* This research is supported by State task, project N 2059: "The study of the historical and cultural heritage of Russia (Siberian aspect)".

получившим физические увечья или инвалидность. В случае смерти общество страхования выплачивало пособие на членов семьи. Преимущества страхования жизни были особенно полезны для вдов, часто остававшихся без кормильца в больших семьях, поскольку в то время не было другого вида финансовой помощи от промышленных предприятий или из правительственных источников. Таким образом, общество взаимопомощи явилось для многих из них спасением.

Согласно уставу 1913 г. (By-Laws 1913), утвержденному архиепископом Алеутским и Североамериканским Платоном (Holly Synod 1914), Русское православное католическое общество взаимопомощи вверялось «молитвенному ходатайству и попечению святителя и чудотворца Николая» (п. 2 Устава), а постоянным почетным председателем был утвержден архиепископ Алеутский и Североамериканский (п. 119 Устава).

Хотя формально Русское православное католическое общество взаимопомощи было обществом взаимопомощи (страховым обществом), его задачи и деятельность были значительно шире (Русское православное 2014). Его члены участвовали в строительстве храмов и открытии новых приходов, помогали не только иммигрантам в США, но также русинам в Австро-Венгрии, македонским славянам, в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. – русским воинам в Маньчжурии и военнопленным в японских лагерях, в период гражданской войны в России – войскам А.В. Колчака и А.И. Деникина (Little Russian 1920). Среди множества задач общества одной из наиболее значимых было создание русских православных приходов в Соединенных Штатах Америки (Dyud 1992: 74). Основным печатным органом общества была газета «Свет» (русин. «Свѣтъ»), которая на протяжении первых лет существования общества являлась важнейшим информационным печатным органом североамериканской православной миссии (Дымова 2013: 15–16, Данилец 2014: 11). Итогом работы Русского православного католического общества в течение десятилетия стала помощь в открытии приходов в штатах Пенсильвания, Нью-Йорк, Коннектикут, Оклахома, Нью-Джерси, Миннесота, Иллинойс, Колорадо, Массачусетс, Калифорния, Алабама, Миссури, Висконсин, Индиана, Мичиган, Вашингтон, Род-Айленд, Мэриленд, а также на территории Канады и Европы (The Russian Orthodox 2015).

Русскому православному католическому обществу взаимопомощи принадлежит ключевая роль в организации и проведении Первого Всеамериканского собора 5–7 марта 1907 г. в Мейфилде, штат Пенсильвания (Liberovsky 2007). Он проводился параллельно с Седьмым съездом общества и положил начало соборному устройению православной церкви в Америке. Именно на этом соборе было принято новое название Алеутской и Североамериканской епархии

(до 1900 – Алеутская и Аляскинская): Русская православная греко-кафолическая церковь в Северной Америке под юрисдикцией священноначалия от Российской церкви (Хайруллина 2004: 3, 20–21). Общество принимало участие в организации и последующих Всеамериканских соборов (Русское православное 2014).

Одним из наиболее крупных обществ русинов (продолжающее существовать и сегодня) стало Общество русских братств в Соединенных Штатах Америки (ОРБ, Russian Brotherhood Organization of the United States of America, RBO). Это некоммерческое общество взаимопомощи и взаимного страхования было основано 1 июля 1900 г. в Маханой-Сити, штат Пенсильвания, группой галицийских и карпато-русинских горняков и рабочих (Dygod 1992: 60).

Миссией данного общества являлось обеспечение взаимопомощи при возникновении трудностей у иммигрантов из Галиции и Карпат, а также помощь последующим поколениям иммигрантов (Dygod 1992: 105). ОРБ предоставляло страховые льготы, поддерживало детские дома, содержало собственный стипендиальный фонд. Организация также вносила свой посильный вклад в развитие общеобразовательных и церковно-приходских школ на «старой родине» и в США, помогала гражданским и благотворительным организациям. Кроме этого, ОРБ издавало учебную и художественную литературу, а также способствовало сохранению национальной культуры и наследия.

В феврале 1902 г. Виктор Гладык, один из основателей ОРБ, и несколько русинских активистов, встретившись в Нью-Йорке, решили издавать «настоящую русинскую газету». В конце марта 1902 г. вышел первый выпуск газеты «Правда» (Dygod 1992: 43–44), владельцем и главным редактором которой стал В. Гладык. Ничего общего с «Правдой», издававшейся в 1908–1912 гг. в Вене под редакцией Л.Д. Троцкого, она не имела. Однако «Правде» Гладыка было очень сложно конкурировать со «Светом» Русского православного кафолического общества взаимопомощи и другими русинойзычными газетами, поэтому газету пришлось продать ОРБ за 400 долларов.

До начала 1930-х гг. «Правда» состояла из 4 полос и выходила дважды в неделю, по вторникам и пятницам, и стоила 3 цента. Так как большинство карпато-русинских иммигрантов не обладали знанием английского языка на достаточном для комфортной жизни уровне, в газете часто использовались английские слова, но написанные в кириллической транскрипции. На первой полосе газеты помещались самые важные новости, касающиеся Карпатской Руси и всего славянского мира. Кроме местных новостей, газета также перепечатывала в переводе международные новости, так как большинство читателей

не знали английского языка и не имели возможности читать американские газеты. На второй полосе, как правило, публиковались две или три редакторских статьи о православной церкви, социальной и политической жизни Америки или Европы. Третья полоса газеты отводилась для финансовых отчетов и прочих организационных вопросов Общества русских братств в Соединенных Штатах Америки. В годы Второй мировой войны на страницах газеты публиковались детальные сводки с фронта. Газета прекратила свое существование в 1975 г.

Общество русских братств в Соединенных Штатах Америки также занималось с 1909 г. изданием ежегодного иллюстрированного русско-американского альманаха, более известного как «Альманах», «Американо-русский календарь на год» или «Русский календарь на год». Альманах освещал активность общества, а также на его страницах выходили литературные и исторические статьи (Гулевич 2013). Всего же в США в начале XX в. русинами издавалось порядка 40 различных газет и журналов (Миронов 2014).

Основание общества взаимопомощи для иммигрантов стало закономерным, так как в то время в угольной и горнодобывающей промышленности не было предусмотрено компенсаций по потере трудоспособности или кормильца. Заявленными целями ОРБ были: предоставление материальной, моральной и культурной помощи его членам; обеспечение выплат пособий в случае болезни, инвалидности или смерти, а также предоставление займов; поддержание русских культурных традиций, укрепление домашних и социальных связей членов общества (Custer 2008).

Местные отделения ОРБ назывались «братства». После вступления в братство его члены получали детально разработанный «сертификат членства» или «договор», описывавший условия страхования, а также атласную церемониальную ленту и медаль или булавку для лацкана. Каждое братство имело святого-покровителя, и в день, посвященный этому святому, в церкви проводилась особая служба.

С самого своего основания Общество русских братств неизменно способствовало улучшению благосостояния семей тех иммигрантов, которые прибывали из Восточной Европы в Соединенные Штаты Америки в поисках лучшей жизни. Хотя существовали определенные ограничения по возрасту для вступления в общество, все его члены платили одинаковый взнос. В начале 1930-х гг. были введены повышенные страховые выплаты, зависившие от времени пребывания члена в обществе. В годы Великой депрессии 1930-х гг. для того, чтобы не растерять всех своих членов, общество давало беспроцентные ссуды безработным для внесения членских взносов.

В годы Второй мировой войны ОРБ и его члены пристально следили за политическими событиями на родине. В 1942 г. ОРБ выступило организатором Лиги освобождения Галиции и Карпатской Руси – политической организации Филадельфии, целью которой было «всеми возможными методами способствовать воссоединению всех западнорусских земель с Союзом Советских Социалистических Республик» (Миронов 2014). ОРБ также участвовало в создании Лемковского комитета взаимопомощи, который занимался социальным обеспечением иммигрировавших русинов-лемков (Миронов 2014).

ОРБ принимало участие в местных общественных кампаниях по сбору помощи для американского Красного Креста, а также в сборе средств для других прорусских организаций. Во время Второй мировой войны ОРБ предоставляло своим членам полный пакет страховых услуг. Пятьдесят два члена ОРБ погибли на службе во время войны, а общество в полном объеме выплатило пособия членам семьи. Обществом помощи России в войне также был снят документальный фильм «Наш Русский фронт», вышедший на экраны 11 февраля 1942 г.

После Второй мировой войны финансовое положение общества оставалось хорошим. В 1954–1955 гг. был взят курс на расширение сферы помощи на немедицинские услуги. В настоящее время общество предлагает своим членам полную линейку современных полисов страхования жизни. Кроме того, в членские взносы включается страхование жизни новорожденного ребенка. Пособия для детей, больных раком, предоставляет семье безвозмездное пособие в 500 долларов на ребенка (до 18 лет), у которого обнаружено онкологическое заболевание. Программа дома престарелых включает в себя содержание члена общества в доме для престарелых при необходимости на постоянной основе. ОРБ также предлагает для своих членов ряд других услуг: стипендии, потребительские кредиты и ипотечное кредитование (Миронов 2014).

Общество всегда было заинтересовано в сохранении русской культуры и наследия. Многие отделения общества тесно связаны с местными приходами. ОРБ активно поддерживает православные церкви как в Соединенных Штатах Америки, так и за рубежом, а также выделяет гранты приходским школам. Общество внесло свой вклад в развитие школьного и приходского образования в Галиции. ОРБ также поддерживает русское искусство, музыку, театральные постановки и балет. Местные отделения во многих городах США организуют хоровые группы, балалаечные музыкальные ансамбли и коллективы народного танца с целью пропаганды и сохранения народного музыкального творчества.

Другим русинским обществом, которое впоследствии вошло в состав ОРБ, стало Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке (РООВА, Russian Consolidated Mutual Aid Society of America, RCMASA), основанное в 1926 г. РООВА было создано, чтобы действовать в интересах своих членов в качестве финансовой и социальной организации. Общество состояло из местных филиалов, открытых преимущественно в Нью-Йорке и Филадельфии. Оно предлагало страховые полисы, финансовую поддержку для инвалидов, дешевые ипотечные кредиты, приюты для бездомных и престарелых. Оно также организовывало много общественных и спортивных мероприятий в течение года. С 1936 г. РООВА выпускало ежемесячный (за исключением номеров, выходящих раз в два месяца – февраль–март и октябрь–ноябрь) журнал «Русский вестник». После слияния с ОРБ в 1965 г. выпуск «Русского вестника» был прекращен.

В годы Второй мировой войны Русское объединенное общество взаимопомощи основало и поддерживало работу Русско-американского центрального комитета для помощи русским. Через данный комитет за годы войны было собрано медицинской помощи на сумму более 5 тыс. долларов.

В 1934 г. с целью сблизить отделения Нью-Йорка и Филадельфии Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке основало компанию «РОВА Фармс» на 1 400 акрах земли в Кэшвилле, штат Нью-Джерси. «РОВА Фармс» – коммерческая, культурная и полублаготворительная организация, которая основала и управляла базами отдыха, детскими лагерями, библиотекой, парком, домом престарелых, а также обрабатывала землю, выращивала овощи, разводила домашний скот на своей земле. На «РОВА Фармс» в Русском мемориальном парке была построена библиотека, посвященная истории и архивам русской иммиграции в Америку. В этом же месте был возведен памятник русскому национальному гению и создателю русского литературного языка А.С. Пушкину. Также был построен монумент в память о погибших на полях сражений Второй мировой войны. После Второй мировой войны на землях «РОВА Фармс» был возведен приход Святой Марии. В 1956 г. был построен русский православный храм Святого Владимира в память о князе Владимире Святославиче, при котором состоялось крещение Руси в 988 г. (согласно «Повести временных лет»).

Общество русских братств в Соединенных Штатах Америки, Русское православное католическое общество взаимопомощи и Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке сыграли значительную роль в сохранении и приумножении культурного наследия русинов в иммиграции, а также в поддержании связей «американских» карпато-

русинов с «европейскими». Действующие уже более 100 лет Общество русских братств и Русское православное католическое общество взаимопомощи имели немаловажное значение в улучшении жизни славянских мигрантов, прибывавших в Соединенные Штаты Америки из Европы, а также укреплении православия на всем североамериканском континенте.

ЛИТЕРАТУРА

By-Laws 1913 - By-Laws of Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society in U.S.A. 1913. URL: <http://rolandanderson.se/rocmabylaws.php> (дата обращения: 11.09.2015).

Custer 2008 - *Custer R.D.* Carpatho-Rusyns in Nothern Pennsylvania. Munhall: Carpatho-Rusyn Society, 2008. 2 p.

Dyrud 1992 - *Dyrud Keith P.* The quest for the Rusyn soul: the politics of religion and culture in Eastern Europe and in America, 1890–World War I. Philadelphia: Balch Institute Press, 1992. 157 p.

Holly Synod 1914 - Holly Synod calls Archbishop Platon // The New York Times. 1914. 31 May.

Liberovsky 2007 - *Liberovsky A.* The 1907 Mayfield Church Council. URL: http://oca.org/PDF/NEWS/2007/2007-1028-mayfield/mayfield_sobor_anniv_10282007.pdf (дата обращения: 10.09.2015).

Little Russian 1920 - Little Russian movement // The New York Times. 1920. 4 January.

Slavs 1918 - Slavs as our Allies [map] // The New York Times. 1918. 16 June.

The Russian Orthodox 2015 - The Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society and its role in the growth of The Orthodox Church in America. URL: <http://web.archive.org/web/20070812200226/www.rocmas.org/role.html> (дата обращения: 24.09.2015).

Гулевич 2013 - *Гулевич В.* Русская Правда Америки. URL: <http://www.segodnia.ru/content/125730> (дата обращения: 10.09.2015).

Данилец 2014 - *Данилец Ю.В.* К истории православия в Угорской Руси накануне Первой мировой войны (по материалам американской газеты «Свѣтъ») // Русин. 2014. № 3 (37). С. 9–21.

Дымова 2013 - *Дымова М.Г.* Издательская деятельность Русской православной миссии в США и Канаде: история и современность (1896–2006 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013. 25 с.

Миронов 2014 - *Миронов Г.* Русинская Американская Русь. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=68584> (дата обращения: 11.09.2015).

Русское православное 2014 - Русское православное католическое общество взаимопомощи. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_

православное_кафолическое_общество_взаимопомощи (дата обращения: 10.09.2015).

Хайруллина 2004 - Хайруллина П.А. Русская Православная Церковь в США: поиск путей модернизации и деятельность святителя Тихона (Беллавина) (последняя треть XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2004. 32 с.

REFERENCES

Russian Orthodox Mutual Aids Society. (2013) *By-Laws of Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society in U.S.A.* [Online] Available from: <http://rolandan-derson.se/rocmabylaws.php>. (Accessed: 11th September 2015).

Custer, R.D. (2008) *Carpatho-Rusyns in Northern Pennsylvania*. Munhall: Carpatho-Rusyn Society.

Dyrud, K.P. (1992) *The quest for the Rusyn soul: the politics of religion and culture in Eastern Europe and in America, 1890-World War I*. Philadelphia: Balch Institute Press.

The New York Times. (1914) Holly Synod calls Archbishop Platon. May 31st.

Liberovsky, A. (1907) *The 1907 Mayfield Church Council* [Online]. Available from: http://oca.org/PDF/NEWS/2007/2007-1028-mayfield/mayfield_sobor_aniv_10282007.pdf. (Accessed: 10th September 2015).

The New York Times. (1920) Little Russian movement. January 4th.

The New York Times. (1918) Slavs as our Allies [map]. June 16th.

Russian Orthodox Mutual Aids Society. (2015) *The Russian Orthodox Catholic Mutual Aid Society and its role in the growth of The Orthodox Church in America*. [Online] Available from: <http://web.archive.org/web/20070812200226/www.rocmas.org/role.html>. (Accessed: 24th September 2015).

Gulevich, V. (2015) *Russkaya Pravda Ameriki* [Russian Truth of America]. [Online] Available from: <http://www.segodnia.ru/content/125730>. (Accessed: 10th September 2015).

Danilets, Yu.V. (2014) To the history of Orthodoxy in Ugrian Russia on the eve of World War I (on the basis of the American newspaper "Svet"). *Rusin*. 3(37). pp. 9-21.

Dymova, M.G. (2013) *Izdatel'skaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy missii v SShA i Kanade: istoriya i sovremennost' (1896–2006 gg.)* [Publishing activity of Russian Orthodox mission in the United States and Canada: past and present (1896–2006)]. Abstract of thesis. St. Petersburg.

Mironov, G. (n.d.) *Rusinskaya Amerikanskaya Rus'* [Rusin American Rus]. [Online] Available from: <http://rusk.ru/st.php?idar=68584>. (Accessed: 11th September 2015).

Wikipedia.org. (n.d.) *Russkoe pravoslavnoe kafolicheskoe obshchestvo vzaimopomoshchi – Vikipediya* [Russian Orthodox Catholic Mutual Aid So-

ciety – Wikipedia]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Русское_православное_кафолическое_общество_взаимопомощи. (Accessed: 10th September 2015).

Khayrullina, P.A. (2004) *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v SShA: poisk putey modernizatsii i deyatel'nost' svyatitelya Tikhona (Bellavina) (poslednyaya tret' XIX - nachalo XX vv.)* [Russian Orthodox Church in the United States: The ways of modernization and activity of St. Tikhon (Bellavin) (the late 19th – early 20th centuries)]. Abstract of Thesis. Chelyabinsk.

Глущенко Никита Андреевич – кандидат исторических наук, инженер-исследователь Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (Россия).

Glushchenko Nikita – Tomsk State University (Russia).

E-mail: gloosten124@mail.ru

УДК 94(438+477)"1918/1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/9

РУСИНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ ГАЛИЧАН В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ)*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359315000

Researcher ID: D-6981-2014

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

В ноябре 1918 г. была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР). Началось формирование ее вооруженных сил. Несмотря на нехватку военных кадров (более 100 тыс. военнотружущих-русинов продолжали находиться в плену в Италии), была создана украинская галицкая армия. Вытесненная поляками со своей территории, она стала одним из участников гражданской войны в России. Ее боевой путь показывает, что большинство офицеров и солдат галицкой армии стояло на позициях единства всех ветвей русского народа. Несмотря на объединение с Директорией С. Петлюры, командование армии рассматривало в качестве представителей законной российской власти сначала А.И. Деникина, затем советскую власть. Об этом свидетельствуют отвод частей из Киева при подходе к нему полков Добровольческой армии, вступление в переговоры с командованием Белой армии, переход на ее сторону, а после разгрома Добровольческой армии – на сторону советских войск и участие в Советско-польской войне.

Ключевые слова: русины, Галичина, Австро-Венгрия, Россия, Малороссия, Украина, Польша, гражданская война, Советско-польская война.

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

THE RUSIN IDENTITY (A CASE STUDY OF GALICIANS' PARTICIPATION IN THE CIVIL WAR)*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

In November 1918 a Western Ukrainian People's Republic was proclaimed. The formation of its military forces began. Despite a shortage of military personnel (over 100 000 Rusin servicemen continued to be in captivity in Italy) a Ukrainian Galician army was formed. Ousted from its territory by the Poles, it became one of the participants of the Civil War in Russia. Its military path demonstrates that the majority of the Galician officers and soldiers stood on the principle of the unity of all branches of the Russian peoples. Despite the union with S. Petlura, the commanders of the army were regarded as representatives of the legal Russian authority – at first with A.I. Denikin and then with the Soviet. The relocation of segments of it from Kiev during the approach of the regiments of the Volunteer Corps, the entry into negotiations with the commanders of the White Army, the crossing over to it and after the defeat of the Volunteer Corps, to the Soviet troops and the participation in the Soviet-Polish War attests to this.

Keywords: Rusins, Galicia, Austro-Hungary, Russia, Little Russia, Ukraine, Poland, Civil War, Soviet-Polish War.

В польской историографии широко распространена точка зрения, согласно которой русины, в отличие от поляков, относятся к «неисторическим» народам, неспособным создать свою государственность (Тшечаковски 2000: 178–179).

Утратив свою государственность в XIV в., население Галицкой Руси в течение многих веков боролось за ее восстановление. После «весны народов» 1848–1849 гг., вызвавшей первое русинское возрождение, среди русинских общественных деятелей была популярна идея создания автономной Австрийской Руси, которая бы объединила все русинские земли Австрии: Галичину, Буковину, Подкарпатскую (Угорскую) Русь (Аристов 1916: 164–165). Были

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

предприняты попытки создания своей государственности и после окончания Первой мировой войны.

Поражение Австро-Венгрии в Первой мировой войне привело к распаду империи. В октябре 1918 г. были созданы Государство сербов, хорватов и словенцев (позднее – Югославия), Польская и Чехословацкая республики. Хотя император Карл 16 октября издал манифест, в котором объявлял о намерении преобразовать Габсбургскую монархию в федеративное государство, было уже поздно (Воцелка 2007: 343). Ранее, в августе 1917 г., Карл решил изменить этнические названия *рутены*, *русины* (Ruthenen) на *украинцы* (Ukrainer) (Полик 1999: 124).

Русское (русинское) движение к тому времени было ослаблено австро-венгерскими репрессиями. С началом войны десятки тысяч русских галичан и буковинцев были отправлены в созданные австро-венграми первые в Европе концентрационные лагеря – Талергоф и Гнас в Штирии, Терезин в Северной Чехии, Гминд в Верхней Австрии и др. Только через Талергоф прошло не менее 20 тыс. чел. (Ваврик 2001: 97). По некоторым оценкам, австро-венгерские власти уничтожили во время Первой мировой войны не менее 60 тыс. русинов – подданных Австро-Венгрии: стариков, мужчин, женщин, детей (Гардый 2005: 210).

Восточная Галичина пострадала от войны больше, чем другие регионы бывшей Австро-Венгрии. В 1914–1918 гг. численность населения Галиции сократилась за счет превышения смертности над рождаемостью на 300 тыс. чел., причем основная убыль пришлась на ее восточную часть. Снижению рождаемости способствовал тот факт, что в Австро-Венгрии доля мобилизованных составляла 55,5 %. Также повлиял на убыль населения рост эпидемических заболеваний. Массовая эпидемия гриппа в 1918 г. унесла в Восточной Галичине больше жизней, чем за все годы войны. Из-за военных действий на этой территории и репрессий австро-венгерских властей 422 тыс. чел. вынуждены были покинуть регион (Кабузан 2006: 210–211). В России на положении беженцев во время войны, по некоторым сведениям, оказалось около 200 тыс. галичан (Пашаева 2007: 117).

Основная убыль населения в Восточной Галичине приходилась на русинов. Это привело к изменению численного соотношения этносов в регионе (Кабузан 2006: 210). Из 34 полков австро-венгерской армии, где русины (украинцы) составляли большинство, к октябрю 1918 г. на итальянском, сербском и албанском фронтах было 30, четыре – в Малороссии (Папікян, Томюк 2010: 72). Так как большинство русинов воевало на итальянском фронте, то после распада Австро-Венгрии более 100 тыс. осталось в плену в Италии (Стахів 1959: 78; Полонська-Василенко 2002: 510; Папікян, Томюк 2010: 72).

Несмотря на это, русины Галичины предприняли ряд попыток создания своей государственности.

В Западной Галиции русинские села в долине р. Ославы возле местечка Команчи (Команчанская гмина Сяноцкого повята Подкарпатского воеводства Польши) создали в ноябре 1918 г. Команчскую Республику (Восточно-Лемковскую Республику, около 30 сел), провозгласившую присоединение к ЗУНР. Республика просуществовала два месяца и пала под ударами польских войск в конце января 1919 г. Во Флоринке (сегодня – село в Польше, в гмине Грыбув Новосонченского повята Малопольского воеводства) 5 декабря 1918 г. 500 делегатов из 130 сел выбрали Начальную раду Лемковщины, которая провозгласила Русскую Народную Республику Лемков (Западно-Лемковскую Республику). Ее целью являлось воссоединение всех русинов в единую державу – Карпатскую Русь – с последующим вхождением в состав России; в связи с невозможностью в то время этого – на правах автономной провинции Чехословакии. В марте 1920 г. она была занята польскими войсками (Лемківщина 1988: 180–186; Horbal 1997: 38–70; Барна, Гоч 2005: 21–23).

18-19 октября 1918 г. во Львове украинские депутаты двух палат австрийского парламента, галицкого и буковинского сеймов, по три представителя руководства украинских Национально-демократической, Радикальной, Социал-демократической и Крестьянско-радикальной партий Галичины и Буковины создали Украинскую национальную (народную) раду (Лозинський 1922: 29; Литвин, Науменко 1995: 28). 1 ноября 1918 г. во Львов должна была прибыть созданная в Кракове 28 октября Польская ликвидационная комиссия, задачей которой было обеспечить переход Восточной Галиции от австрийского наместника Польше. Опираясь на сечевых стрельцов, 1 ноября Украинская народная рада установила свою власть во Львове, ряде других городов, а затем на всей территории Восточной Галиции (Лозинський 1922: 29–49; Полонська-Василенко 2002: 509–510).

Львов был захвачен 60 командирами (старшинами) и 1 400 бойцами почти без инцидентов. В городе в то время проживали 205 тыс. чел., 51,2 % населения были поляки (Шанковський 1974: 37). В тот же день поляки подняли восстание во Львове и в ходе боев смогли захватить западную часть города. Несмотря на проходившие переговоры и временное перемирие, которое проводились польскими представителями больше для того, чтобы выиграть время до подхода регулярной польской армии, 21 ноября бои возобновились. Понимая, что Львов перед превосходящими силами противника не удержать, галицкие части, чтобы избежать окружения, в ночь с 21 на 22 ноября оставили город. С ними его покинули большинство членов Украинской

народной рады и члены Государственного секретариата. Заняв город полностью, поляки «отметились» трехдневным еврейским погромом, отомстив тем самым еврейскому населению за нейтралитет в данном конфликте (Лозинський 1922: 50–55).

1 ноября в руки поляков перешел Ярослав, 11 ноября – Перемышль (Шанковський 1974: 99).

6 ноября делегаты Рады прибыли в Киев просить у гетмана П. Скоропадского военной помощи. Гетман был не против отпустить сечевых стрельцов (галицко-буковинский курень сечевых стрельцов был сформирован из бывших военнопленных галичан и буковинцев под руководством Е. Коновальца. – С.С.). Однако против этого выступил будущий руководитель Директории В. Винниченко, который хотел использовать стрельцов в восстании против гетмана (Лозинський 1922: 29–49; Дорошенко 1930: 412–413; Полонська-Василенко 2002: 509–510).

9 ноября было создано правительство – Генеральный (Государственный) секретариат во главе с Кость Левицким (бывшим депутатом австрийского парламента, обвинителем на Первом Венском процессе в 1915 г., на котором семерых русских галичан приговорили к смертной казни за их убеждения и принадлежность к единому русскому народу. – С.С.). 13 ноября была провозглашена Западно-Украинская Народная Республика (Субтельный 1993: 454). На базе нескольких запасных батальонов бывшей австрийской армии начали создаваться ее вооруженные силы – Украинская галицкая армия (УГА) (Какурин 1990: 201).

С севера и запада началось наступление регулярных польских войск, с юга – румынских. 11 ноября румынские войска вступили в Черновцы, оккупировали, вопреки воле населения, всю Северную Буковину. 31 декабря румынский король подписал закон о присоединении Буковины к Румынии. В крае установился оккупационный режим (Буковина 2005: 425, 427).

Правительство ЗУНР переехало в Тернополь. В конце декабря новой резиденцией правительства Западно-Украинской Народной Республики стал г. Станислав (ныне – Ивано-Франковск). Ее власть распространялась на 40 повитов (уездов) Восточной Галиции – территорию около 40 тыс. квадратных километров с населением 4 млн чел., из которых около 3 млн были русины (украинцы) (Шанковський 1974: 22; Литвин 1998: 12). Военные действия велись с переменным успехом. Линия фронта почти не менялась до мая 1919 г., когда началось польское наступление (Лозинський 1922: 57).

После проведения дополнительных выборов в Народную раду в конце ноября ее состав расширился до 150 чел. Ее пополнили делегаты, избранные в повитах и городах. Наибольшее количество представителей в раде имела Национально-демократическая партия

(после партийного съезда в марте 1919 г. – Народно-трудовая партия), лидером которой был Е. Петрушевич. Его избрали президентом Народной рады. Закон об организации государственной власти был принят Радой 4 января 1919 г. (Лозинський 1922: 62–63). 3 января Рада в расчете на помощь «Великой Украины» утвердила предварительный договор об объединении с Украинской Народной Республикой («Акт Злуки»). Предварительный договор был подписан в Фастове 1 декабря 1918 г. представителями ЗУНР и Директории УНР. 22 января 1919 г. Директория на Софийской площади в Киеве провозгласила акт объединения. Согласно ему ЗУНР становилась автономной Западной областью Украинской Народной Республики. Однако было оговорено, что до выборов в Учредительное собрание объединенной республики законодательную власть на территории бывшей Западно-Украинской Республики осуществляет Украинская национальная рада (Лозинський 1922: 67–70; Стахів 1959: 101, 105, 116).

В ноябре–декабре прошла мобилизация среди русинского населения в возрасте от 18 до 35 лет. До конца декабря было призвано до 100 тыс. чел. (Лозинський 1922: 65; Стахів 1959: 79; Субтельный 1993: 455). Из них только 40 тыс. были боеспособными (Субтельный 1993: 455). Так как австрийских военных складов на этой территории было мало, приходилось разоружать австро-венгерские и немецкие части, возвращавшиеся домой из Малороссии. Не хватало командного состава, особенно старших и штабных офицеров. Причиной этого, как считал М. Стахів, являлось отсутствие с 80-х гг. XIX в. в Галичине австрийского патриотизма и, как следствие, желания добровольно служить в австро-венгерской армии и делать в ней «карьеру» (Стахів 1959: 78–80). Поэтому часть командного состава составили немцы, бывшие офицеры австро-венгерской армии. Также ЗУНР приглашала бывших офицеров царской армии. В декабре командующим армией стал бывший генерал русской армии М. Омелянович-Павленко, служивший в УНР (Лозинський 1922: 65–66). За короткое время был сформирован командный состав. Начальником штаба стал полковник русской армии Е. Мишковский. В конце 1918 г. добровольно вступил в галицкую армию штабной офицер полковник Н. Какурин (впоследствии автор более 30 трудов по военной истории, стратегии, оперативному искусству и тактике, в том числе фундаментальной работы по истории гражданской войны «Как сражалась революция» (1925. Т. 1; 1926. Т. 2 - С.С.). Авиасотней руководил полковник русской армии Д. Кануков (Литвин, Науменко 1995: 147–148).

В ответ на погромы в занятых поляками населенных пунктах в галицкую армию пошел поток евреев-добровольцев. В июне 1919 г. при Первом корпусе галицкой армии на базе тернопольской еврей-

ской милиции был сформирован Еврейский ударный батальон под командованием бывшего поручика австро-венгерской армии Соломона Ляйнберга (Ляймберга) (Українська Галицька Армія 1958: 257).

В то же время на территории австрийской и российской частей Польши (без учета немецких владений – западной части Великой Польши с Познанью) в 1918–1919 гг. проживало около 15 млн чел. (Шанковський 1974: 22). В Первой мировой войне в армиях разных стран служило до 3,4 млн поляков. Их боевые потери составили 390 тыс. чел. (Литвин 1998: 201). Уже в августе Польша имела более чем 500-тысячную армию (свыше 200 тыс. – в боевой готовности). Польше оказывали помощь Франция и другие страны Антанты. Франция вооружила и экипировала 100-тысячную армию (три корпуса) генерала И. Галлера (Ю. Халлера), дивизию Л. Желиговского, прибывшую в Польшу из оккупированной французами Одессы через Бессарабию. С апреля 1919 г., после прибытия в Польшу армии Галлера, там работала миссия генерала П. Анри, которая взяла на себя вопросы обеспечения польской армии оружием и снаряжением (Шанковський 1974: 30).

17 февраля галицкая армия начала Вовчуховскую операцию (Вовчухи (рус. – Волчуки) – село во Львовской области), откуда наносился главный удар - С.С.). Ее целью было освобождение Львова. Наступательные бои шли на фронте протяженностью 300 км. 18 февраля армия вышла к железной дороге, прервав железнодорожное сообщение и телефонную связь между Львовом и Перемышлем. В тот же день Франция попросила пропустить поезд с миротворческой миссией Антанты во главе с французским генералом Ж. Бартелеми с полномочиями от Парижской мирной конференции. В этом же поезде Бартелеми провез в заблокированный Львов 14 тыс. винтовок и боеприпасы. Ряд историков считает, что такое расположение к полякам вызвано тем, что жена генерала была родом из польского шляхетского рода (Литвин, Науменко 1995: 163–165; Красівський 1998: 94–95).

22 февраля миссия в ультимативной форме потребовала от командования галицкой армии прекращения огня. Требование было выполнено 25 февраля. На следующий день начались мирные польско-галицкие переговоры. Целью миссии Бартелеми было заключение перемирия (нужного для объединения сил против Советской России), а затем и мирного договора между Польшей и ЗУНР. 28 февраля миссия представила свой проект перемирия. Согласно демаркационной линии (позже названной линией Бартелеми), Львов и нефтяные районы Восточной Галиции (1/3 территории) оставались за поляками (Лозинський 1922: 74–80; Стахів 1960: 18–43; Красівський 1998: 95–96; Штейн 1949: 189; Литвин, Науменко 1995: 166–169). Как от-

мечал участник переговоров М. Лозинский, миссия заранее составила проект договора, согласованный с поляками, устроив затем «комедию переговоров с украинской делегацией» (Лозинський 1922: 81).

27 февраля в переговорах принял участие атаман войск УНР С. Петлюра, который готов был согласиться с требованиями миссии Бартелими взамен на признание УНР и ЗУНР. Он же потребовал от галицкой армии помощи для борьбы с армией большевиков, в чем ему было отказано (Лозинський 1922: 76–77; Стахів 1960: 19–20, 24; Красівський 1998: 96). По замечанию М. Лозинского, «уже тогда Петлюра был готов пойти на уступки за счет Восточной Галиции, чтобы за них получить мир с Польшей и признание Антанты» (Лозинський 1922: 77).

К 18 марта полякам удалось деблокировать Львов, отбив железную дорогу. Неудачная операция подорвала боевой дух галицкой армии, а польская перехватила инициативу на фронте (Литвин, Науменко 1995: 178).

Антанта боялась, что галицкая армия вступит в союз с Красной армией, вышедшей к марту к Збручу, поэтому она отправила в Польшу сформированную во Франции армию генерала И. Галлера. Несмотря на заверения представителей Антанты, что армия не станет сражаться против галичан и будет бороться только с большевиками, она с самого начала вступила в боевые действия с галицкой армией. Польское правительство Ю. Пилсудского получило из Парижа полномочия на военную оккупацию всей Восточной Галиции, обещая в будущем предоставить «самоопределение» (Штейн 1949: 194–197).

30 апреля армия Галлера вошла во Львов. Она насчитывала 50 тыс. бойцов, 200 пушек, 900 пулеметов. Всего на галицком фронте сражалось 100 тыс. поляков. Галицкая армия насчитывала 37 тыс. чел., 200 пушек, 553 пулемета и 4 бронепоезда (Литвин, Науменко 1995: 181–182).

14 мая польская армия прорвала фронт. 24 мая румынская армия начала наступление на Покутье и захватив Коломыю подошла к Станиславу. 1 июня поляки взяли Тернополь. В результате тяжелых боев с превосходящими силами противника галицкая армия была отброшена к р. Збруч. (Лозинський 1922: 105–107; Красівський 1998: 100; Литвин, Науменко 1995: 183–189; Полонська-Василенко 2002: 527–528).

На место М. Омеляновича-Павленко был назначен новый командующий – бывший генерал русской армии петлюровский генерал А. Греков. 8 июня было распущено правительство ЗУНР, а Е. Петрушевич получил полномочия диктатора.

7 июня галицкая армия перешла в наступление. Несмотря на небольшую численность армии (всего 25 тыс. боеспособных солдат),

удалось заставить противника отступить по всей линии фронта. Успехи армии вызвали энтузиазм населения. В армию пришли добровольцы (около 90 тыс. чел.), но из-за нехватки оружия было принято только 15 тыс. (Полонська-Василенко 2002: 528). После возвращения на галицкий фронт армии Галлера 28 июня польская армия перешла в контрнаступление. 15 июля снова заняла Тернополь, 17 июля вышла к р. Збруч (Лозинський 1922: 107–112; Красівський 1998: 101–102; Литвин, Науменко 1995: 190–216; Полонська-Василенко 2002: 528–529).

В боях за Восточную Галичину погибло около 15 тыс. русинов и 10 тыс. поляков (Субтельний 1993: 457).

Под влиянием поляков «Совет десяти» (в него входили главы правительств и министры иностранных дел пяти основных стран-победителей – Великобритании, Франции, США, Италии и Японии) 25 июня 1919 г. признал право Польши на оккупацию всей Восточной Галичины под «флагом борьбы с большевизмом». Польша получила временный мандат на управление этой территорией при условии обеспечения прав населения и гарантии достаточной автономии (Штейн 1949: 198–199; Субтельний 1993: 457–458).

В то же время к 14 июля 1919 г. советские войска вытеснили остатки войск украинской Директории, руководящая роль в которой принадлежала украинским социал-демократам С. Петлюре и В. Винниченко, за завесу галицких частей, расположенных вдоль р. Збруч для охраны своей территории, и овладели г. Волочиск. Появление свежих частей армии Галлера позволило польскому командованию выделить часть своих сил против 16-й Красной армии, которая действовала на территории Белоруссии и Литвы, а главными силами обрушиться на галицкую армию. В своем отступлении 16–18 июля УГА увлекла за собой укрывавшиеся на галицкой территории и успевшие несколько реорганизоваться остатки войск украинской Директории, которые вновь перешли в Малороссию и захватили г. Каменец-Подольский (Какурин 1990: 200).

Под огнем польской артиллерии вместе с галицкой армией через Збруч перешли тысячи гражданских лиц (Субтельний 1993: 457). Оказавшись на территории бывшей Российской империи, галицкая армия стала одним из активных участников гражданской войны в России. Среди всех армий, воевавших на Украине, – Директории, большевистской и Белой – галицкая, насчитывавшая около 50 тыс. солдат, была, по мнению О. Субтельного, одной из наиболее дисциплинированных и подготовленных (Субтельний 1993: 459). Подобную оценку высказал Н. Какурин, считавший, что «с лета 1919 г. галицкая армия явилась одним из действующих факторов в нашей гражданской войне» (Какурин 1990: 201). Мнение о том, что галицкая

армия в некоторых отношениях превосходила армию УНР, разделяет и бывший премьер-министр УНР И. Мазепа (Мазепа 2003: 227).

Переход УГА и диктатора Е. Петрушевича на территорию Малороссии не привел к полному объединению с Директорией, несмотря на то, что еще в январе 1919 г. была провозглашена «Великая Соборная Украина». Слишком велики были противоречия между сторонами, считала Н. Полонская-Василенко. Правительство ЗУНР было беспартийным и антисоциалистическим. Своей задачей оно считало продолжение борьбы с Польшей и было готово на союз с Деникиным. Директорию же возглавляли социал-демократы, которые готовы были договориться с большевиками в борьбе против Добровольческой армии Деникина. Играли роль и личные взаимоотношения: Петлюра и все руководство УНР считали избрание Е. Петрушевича на пост диктатора незаконным и недемократичным. Петрушевич и все правительство ЗУНР, в свою очередь, полагали, что назначение Петлюры главой армии вредно для дела (Полонська-Василенко 2002: 529).

Аналогичную точку зрения высказал и А. Деникин: «Прежде всего, в структуре украинской кочевой государственности было две верховные власти – директория Петлюры и галицийский “диктатор” Петрушевич, два правительства и две армии – украинская и галицийская, объединенные под общим начальством “генералиссимуса” Петлюры. Численность этих армий была внушительна – 35–40 тысяч, из которых большая часть (около 20 тысяч) были галичане. Боевая годность армий была неодинакова. Украинская представляла собой разлагающиеся банды, митинговавшие и не желавшие драться вообще. Галицийская сохраняла дисциплину и боеспособность, но с потерей своей территории и ясного стимула борьбы – освобождения своей родины от поляков – пала духом. Она сохраняла ненависть к полякам и не имела желаний драться с русскими – безразлично: красными или белыми» (Деникин 2002: 287).

Общее число двух армий, УГА и украинской Директории, по некоторым оценкам, достигало 80 тыс. чел. (из них 45 тыс. – солдаты и офицеры галицкой армии). Положение галицкой армии было несколько лучше: она была обеспечена продовольствием на 8 месяцев, имела обмундирование, дефицитные продукты (сахар, соль), которые можно было обменивать на другие (Мазепа 2003: 227–229; Полонська-Василенко 2002: 530). Командующим галицкой армии после ее перехода в Малороссию вместо петлюровского генерала А. Грекова был назначен галичанин М. Тарнавский (Мазепа 2003: 228).

В августе 1919 г. армии УНР и ЗУНР начали совместный поход против большевиков. Основная часть армий – 1-й и 2-й Галицийские корпуса и Наднепрянская группа запорожцев под общей командой

галицкого генерала А. Кравса – двинулась на Киев. 30 августа большевики без боя оставили город. Первыми в город вступили галицкие части. 31 августа намечались торжественное вступление объединенных войск в Киев и парад, который должен был принимать С. Петлюра. Тогда же в Киев вошли части Добровольческой армии под командованием генерал-лейтенанта Н. Бредова. Галичане отступили, несмотря на то, что их вместе с запорожцами было три корпуса, а деникинцев – всего три полка. Кравс пошел на переговоры с Бредовым и подписал от имени группы галицийских войск договор о добровольном отступлении от Киева. Причем Бредов заявил, что переговоры с армией Петлюры вести не будет, а если приедет генерал-поручик армии УНР М.В. Омелянович-Павленко, которому были поручены переговоры с армией Деникина, то он будет расстрелян (Мазепа 2003: 259–261; Полонська-Василенко 2002: 531–532).

Как писал И. Мазепа, «так славно начался и бесславно закончился поход объединенной украинской армии на Киев». Он же считает, что это было логическим продолжением политического «москвофильства, точнее, деникинофильства, которым жили в то время галицкое правительство и командование» (Мазепа 2003: 261).

Такого же мнения придерживается и Н. Полонская-Василенко: «Киевская катастрофа выявила глубину идеологического расхождения между УНР и ЗУНР. Тогда как Директория и правительство УНР не допускали и мысли о союзе с Деникиным, ЗУНР ставила главной целью борьбу с Польшей и охотно шла на союз с Деникиным в надежде на помощь Антанты против Польши» (Полонская-Василенко 2002: 534).

По ее же замечанию, «киевская катастрофа по сути завершила освободительную борьбу. Началась агония» (Полонская-Василенко 2002: 535).

Через несколько дней Петлюре в конце концов удалось убедить галичан выступить против белых. Борьбаться за возвращение Киева было уже поздно. Армии, недовольные друг другом, втянувшиеся в нежелательный конфликт с белыми, стали откатываться на запад. Как отмечает О. Субтельный, «на этом фактически закончилась борьба за украинскую государственность» (Субтельный 1993: 460).

В свою очередь еще 10 августа 1919 г. А. Деникин дал распоряжение добровольческим войскам: «Самостоятельной Украины не признаю. Петлюровцы могут быть нейтральны, тогда они должны немедленно сдать оружие и разойтись по домам; или же примкнуть к нам, признав наши лозунги, один из которых – широкая автономия окраин. Если петлюровцы не выполнят этих условий, то их надлежит считать таким же противником, как и большевиков». Вместе с тем он указал на необходимость «дружелюбного отношения к галичанам

с целью извлечь их из подчинения Петлюре. Если же это достигнуто не будет, то считать и их враждебной стороной» (Деникин 2002: 288–289).

При посещении Е. Петрушевичем, С. Петлюрой и генералом армии УНР В. Сальским в конце октября частей галицкой армии младшие командиры заявили, что «галицкие стрельцы не хотят воевать против Деникина» (Мазепа 2003: 303).

После начала переговоров Украинской Народной Республики с Польшей, 4 декабря 1919 г., официальная дипломатическая делегация ЗУНР объявила посольству УНР и польскому правительству о денонсации правительством ЗУНР во главе с Е. Петрушевским договора об объединении с УНР («Акта Злуки»). Это стало протестом против тайных переговоров С. Петлюры с Польшей (Литвин, Науменко 1995: 140).

6 ноября 1919 г., в момент, когда армия Деникина терпела тяжелое поражение от большевиков, командующий галицкой армией генерал М. Тарнавский подписал договор с Деникиным. Армия перешла под командование объединенных сил юга России, а галицкое правительство – под охрану российской Добровольческой армии и было переведено в Одессу (Лозинський 1922: 188–200; Полонская-Василенко 2002: 536). Согласно договору, галицкая армия сохраняла организацию и внутренний распорядок и не могла быть использована против петлюровских войск. Она, по свидетельству А.И. Деникина, «сохранила до конца дисциплину и полную лояльность. Но потрясенная морально, изможденная физически, страшно нуждающаяся, имевшая до 10 тысяч больных тифом, в тот краткий срок, который был предоставлен развертывающимися событиями, армия не могла вернуть своей боеспособности» (Деникин 2002: 290).

12 ноября Петрушевич созвал в Каменце последнее совещание с участием галицких представителей и некоторых членов Директории и заявил, что нужно оставить мысль о независимости и искать спасение в согласии с Деникиным. Россия не так страшна, как Польша. Польша же может забрать себе и всю Правобережную Украину. Требуется согласиться на автономию. Таким образом, по мнению И. Мазепы, руководство галицкого правительства «не верило в дело, за которое боролось». «Две психологии и две политики, одна – галицкая консервативно-партикулярная и другая – наднепрянская революционно-соборная, все это, собственно, а не что иное, как наследие отдельных условий жизни в Галичине и Великой Украине, было тем главным, на чем выросла каменецкая драма, что в конце привело к катастрофе целого украинского фронта» (Мазепа 2003: 308–309).

В начале 1920 г. соединения галицкой армии перешли на сторону советских войск, после реорганизации были включены в апреле в

состав 12-й и 14-й Красных армий и приняли участие в Советско-польской войне, сражаясь с польскими и петлюровскими войсками (эта тема требует дальнейшего изучения). В апреле 1920 г. некоторые галицкие части подняли восстание и были разоружены (Какурин 1990: 201).

21 апреля 1920 г. Петлюра заключил пакт с Польшей против большевиков, договорившись о совместных действиях на Украине, отказавшись от всех претензий на Восточную Галицию (Субтельний 1993: 461). Через три дня он подписал военную конвенцию с Польшей. 27 апреля Петлюра принял манифест к украинскому народу, в котором указал на факт признания УНР Польшей и осудил переход галицкой армии на сторону Добровольческой армии и большевиков (Литвин, Науменко 1995: 140–142).

Летом 1920 г. Красная армия вступила на территорию Восточной Галиции.

8 июля 1920 г. на совместном заседании ЦК КП(б)У и Галоркома (Галицкого организационного комитета при ЦК КП(б)У) был создан Галицкий революционный комитет (Галревком) – временное рабоче-крестьянское правительство Восточной Галиции. 15 июля Галревком принял Декларацию о создании Галицкой Советской Социалистической Республики. На первом заседании, состоявшемся 1 августа 1920 г. в Тернополе, был принят декрет «Об установлении советской власти в Галиции». На освобожденной Красной армией территории (33 % территории Восточной Галиции – преимущественно нынешние Львовская и Тернопольская области и 35 % ее населения) провозглашалось создание Галицкой Социалистической Советской Республики (ГССР) (История 1984: 583–584).

С середины сентября началось формирование галицкой Красной армии. Ее основу составили 3-й особый галицкий полк и два батальона в составе 45-й (в ней воевали и бессарабские русины) и 60-й стрелковых дивизий Юго-Западного фронта (Гражданская война 1987: 139).

В сентябре 1920 г. Польша вновь оккупировала Восточную Галицию, и ГССР перестала существовать. По условиям Рижского договора 18 марта 1921 г. территория Восточной Галиции отошла к Польше.

Долгое время русинское население Галичины не признавало польские власти законным правительством, бойкотировало перепись 1921 г., выборы в польский сейм в 1922 г. Польские власти в свою очередь, стремясь полонизировать край, полностью игнорировали потребности местного населения. В ответ на это радикальные украинские элементы развернули террористическую деятельность против представителей польских властей и государственных органов (Субтельний 1933: 524).

Судьба Галичины была решена 15 марта 1923 г. на конференции послов в Париже, где было принято решение присоединить Восточную Галицию к Польше с условием наделения ее правами автономии (Штейн 1949: 199; Полонська-Василенко 2002: 544).

В Польше, особенно в Восточных Кресах (Восточном крае), в том числе и в Восточной Галиции (названной Восточной Малопольшей), проводилась политика полонизации и русофобии. Одним из проявлений такой политики было массовое разрушение православных храмов. Только в течение двух летних месяцев 1938 г. было разрушено 127 храмов – треть всех церквей, существовавших на юго-востоке Польши. По благословению архиепископа Люблинского и Хелмского Польской православной церкви Абеля (Поплавского) был создан специальный сайт, посвященный тем трагическим событиям (www.cerkiew1938.pl).

Несмотря на это, по данным польской переписи 1931 г. (проводилась не по национальностям, а по родным языкам. - С.С.), родным языком русинский (по переписи – *ruski, le ruthene* (русинский)) признали 1 219 647 чел. Украинский как родной обозначили 3 21 975 чел., белорусский – 989 852, русский (*rosyjski, le russe*) – 138 713 (*Drugi powszechny* 1938: 15).

Таким образом, мы видим, что галицкие правительство и армия стремились избежать участия в гражданской войне в России, между ними и руководством УНР не было единства, галичане были готовы пойти на автономию в составе России, как легитимную власть они воспринимали сначала руководство Добровольческой армии, затем – советскую власть. В своих воспоминаниях П. Врангель указал, что Е. Петрушевич провозгласил «единение» с Россией (Воспоминания 1992: 345). Большевики, признавая этнокультурные особенности галичан, создали на территории Восточной Галиции Галицкую Советскую Социалистическую Республику. Случай в Советской России уникальный – все республики создавались по национальному признаку. К примеру, по этой причине так и не удалось реализовать проект создания Бессарабской ССР. Находясь в составе Польши, значительное количество населения Восточной Галиции продолжало сохранять свою русинскую идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов 1916 - *Аристов Ф.Ф.* Карпато-русские писатели. Исследования по неизданным источникам. М., 1916. Т. 1. 304 с.

Барна, Гоч 2005 - *Барна А., Гоч Т.* Лемки в борбі за свою і не свою свободу. Legnica – Zydranowa, 2005. 240 с.

Буковина 2005 - Буковина в контексті європейських міжнародних відносин (з давніх часів до середини ХХ ст.) / В.М. Ботушанський, С.М. Гакман, Ю.І. Макар та ін. За заг. ред. В.М. Ботушанського. Чернівці: Рута, 2005. 744 с.

Ваврик 2001 - *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии галицко-русского народа. М.: Софт Издат, 2001. 143 с.

Воспоминания 1992 - Воспоминания барона П.Н. Врангеля. М.: Терра, 1992. Ч. 2. 474 с.

Воцелка 2007 - *Воцелка К.* История Австрии. Культура, общество, политика / Пер. с нем. В.А. Брун-Цеховского, О.И. Величко, В.Н. Ковалева. М.: Весь мир, 2007. 512 с.

Гардый 2005 - *Гардый П.С.* От издателя // Талергофский альманах / Русская Галиция и «мазепинство» / Сост. серии М.Б. Смолин. М.: Имперская традиция, 2005. С. 209–511.

Гражданская война 1987 - Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / С.С. Хромов (гл. ред.) и др. М.: Сов. энцикл., 1987. 702 с.

Деникин 2002 - *Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. 464 с.

Дорошенко 1930 - *Дорошенко Д.* Ілюстрована історія України. 1917–1923. Українська гетьманська держава 1918 року. Ужгород, 1930. Т. 2. 512 с.

История 1984 – История УССР. Т. 6: Великая Октябрьская Социалистическая революция и Гражданская война на Украине (1917–1920) / Ю.Ю. Кондуфор (гл. ред.) и др. Киев: Наукова думка, 1984. 670 с.

Кабузан 2006 - *Кабузан В.М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. Формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006. 658 с.

Какурин 1990 - *Какурин Н.* Как сражалась революция. 1919–1920 гг. 2-е изд., уточн. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. 431 с.

Красівський 1998 - *Красівський О.Я.* Східна Галичина і Польща в 1918–1923 рр. Проблеми взаємовідносин. Київ: УАДУ, 1998. 302 с.

Лемківщина 1988 - Лемківщина: земля-люди-історія-культура. Т. 1: Записки наукового товариства ім. Шевченкі. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1988. Т. 206. 564 с.

Литвин 1998 - *Литвин М.* Українсько-польська війна 1918–1919 рр. Львів: Інститут українознавства НАНУ, 1998. 488 с.

Литвин, Науменко 1995 - *Литвин М., Науменко К.* Історія ЗУНР. Львів: Інститут українознавства НАНУ, видавнича фірма «Олір», 1995. 368 с.

Лозинський 1922 - *Лозинський М.* Галичина в рр. 1918–1920. Українська революція. Розвідки і матеріали. Книга пята. Відень: Український Соціологічний Інститут, 1922. 228 с.

Мазепа 2003 - *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Київ: Темпора, 2003. 608 с.

Папікян, Томюк 2010 - *Папікян А.Л., Томюк І.М.* Историчні передумови створення Західноукраїнської Народної Республіки та формування її збройних сил // Військово-науковий вісник. Львів, 2010. Вип. 14. С. 59–78.

Пашаева 2007 - *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. 2-е изд., испр. и доп. М.: Имперская традиция, 2007. 192 с.

Полонська-Василенко 2002 - *Полонська-Василенко Н.* Історія України: У 2 т. Т. 2: Від середини XVII століття до 1923 року. 4-те вид., стереотипне. Київ: Либідь, 2002. 608 с.

Попик 1999 - *Попик С.* Українці в Австрії 1914–1918. Австрійська політика в українському питанні періоду Великої війни. Київ; Чернівці: Золоті литаври, 1999. 236 с.

Стахів 1959 - *Стахів М.* Західня Україна: нарис державного будівництва та збройної і дипломатичної оборони в 1918–1923 рр. Скрентон: Український Робітничий Союз, 1959. Т. 3. 200 с.

1960 - *Стахів М.* Західня Україна: нарис державного будівництва та збройної і дипломатичної оборони в 1918–1923 рр. Скрентон: Український Робітничий Союз, 1960. Т. 4. 192 с.

Субтельний 1993 - *Субтельний О.* Україна. Історія. Київ: Либідь, 1993. 720 с.

Тшечаковски 2000 - *Тшечаковски Л.* Национальный вопрос в XIX и XX вв. как фундаментальная проблема в Центральной Европе // Славянские народы: общность истории и культуры. М.: Индрик, 2000. 488 с.

Українська Галицька Армія 1958 - *Українська Галицька Армія: у 40-річчя її участі у визвольних змаганнях (матеріали до історії).* Вінніпер, 1958. Т. 1. 674 с.

Шанковський 1974 - *Шанковський Л.* Українська Галицька Армія. Воєнно-історична студія. Вінніпер, 1974. 396 с.

Штейн 1949 - *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М.: Госполитиздат, 1949. 464 с.

Drugi powszechny 1938 - *Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII 1931 r. Polska. Mieszkania i gospodarstwa domowe, Ludność.* Warszawa: Nakładem Głównego Urzędu Statystycznego, 1938. 88 s.

Horbal 1997 - *Horbal B.* Działalność polityczna Lemków na Lemkowszczyźnie. 1918–1921. Wrocław: Arboretum, 1997. 95 s.

REFERENCES

Aristov, F.F. (1916) *Karpato-russkie pisateli. Issledovaniya po neizdannym istochnikam* [Carpatho-Russian writers. Research on unpublished sources]. Vol. 1. Moscow.

Barna, A. & Goch, T. (2003) *Lemky v borbi za svoyu i ne svoyu svobodu* [The Lemkos in the fight for their and other's freedom]. Legnica – Zydranowa.

Botushans'kiy, V.M., Gakman, S.M., Makar, Yu.I. et al. (2005) *Bukovina v konteksti evropeys'kikh mizhnarodnikh vidnosin (z davnikh chasiv do seredini XX st.)* [Bucovina in the context of European international relations (from ancient times to the mid 20th century)]. Chernivtsi: Ruta.

Vavrik, V.R. (2001) *Terezin i Talerhof. K 50-letney godovshchine tragedii galitsko-russkogo naroda* [Terezin and Talerhof. K 50-year anniversary of the tragedy of Galician and Russian peoples]. Moscow: Soft Izdat.

Wrangel, P.N. (1992) *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Terra.

Votselka, K. (2007) *Istoriya Avstrii. Kul'tura, obshchestvo, politika* [The history of Austria. Culture, society, politics]. Translated from German by V.A. Brun-Tsekhovskiy, O.I. Velichko, V.N. Kovalev. Moscow: Ves' mir.

Gardyy, P.S. (2005) Ot izdatelya [From the publisher]. In: Smolin, M.B. (ed.) *Talergofskiy al'manakh. Russkaya Galitsiya i "mazepinstvo"* [The Talerhof Almanac. Russian Galicia and Mazepa followers]. Moscow: Imperskaya traditsiya. pp. 209-511.

Khromov, S.S. (ed.) (1987) *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR. Entsiklo-pediya* [The Civil War and military intervention in the USSR. An Encyclopedia]. Moscow: Sov. Entsiklopediya.

Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty: Vooruzhennye sily yuga Rossii. Zaklyuchitel'nyy period bor'by. Yanvar' 1919 – mart 1920* [Essays on Russian Troubles: The armed forces of southern Russia. The final period of struggle. January 1919 – March 1920]. Minsk: Kharvest.

Doroshenko, D. (1930) *Ilyustrovana ishstorii Ukraïni. 1917–1923. Ukraïns'ka get'mans'ka derzhava 1918 roku* [The pictorial history of Ukraine. 1917–1923. The Ukrainian Hetman state in 1918]. Uzhgorod, 1930. T. 2. 512 s.

Kondufor, Yu.Yu. (1984) *Istoriya USSR. T. 6: Velikaya Oktyabr'skaya Sotsialisticheskaya revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna na Ukraine (1917–1920)* [History of the USSR. Vol. 6: The Great October Socialist Revolution and the Civil War in the Ukraine (1917–1920)]. Kiev: Naukova dumka.

Kabuzan, V.M. (2006) *Ukraintsy v mire dinamika chislennosti i rasseleniya. 20-e gody XVIII veka – 1989 god. Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [The Ukrainians in the world: Population dynamics. The 20 years of the 18th century – 1989. The formation of ethnic and political boundaries of the Ukrainian ethnos]. Moscow: Nauka.

Kakurin, N. (1990) *Kak srazhalas' revolyutsiya. 1919–1920 gg.* [How the Revolution was fighting. 1919–1920]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Politizdat.

Krasivs'kiy, O.Ya. (1998) *Skhidna Galichina i Pol'shcha v 1918–1923 rr. Problemi vzaemovidnosin* [Eastern Galicia and Poland in 1918–1923. Problems of relations]. Kiïv: UADU.

Lemkivschina (1998) *Lemkivshchina: zemlya-lyudi-istoriya-kul'tura. T. 1: Zapiski Naukovogo Tovaristva im. Shevchenk* [Lemkivschina: Land – People

– History – Culture. Vol. 1: Notes of Research Society named after Shevchenko]. Vol. 206. New York, Paris, Sidney, Toronto.

Litvin, M. (1998) *Ukrains'ko-pol's'ka viyna 1918–1919 rr.* [The Ukrainian-Polish War of 1918–1919]. Lviv: Institute of Ukrainian National Academy of Sciences.

Litvin, M. & Naumenko, K. (1995) *Istoriya ZUNR* [The history of West Ukrainian People's Republic]. Lviv: Institute of Ukrainian National Academy of Sciences, Olir Publ.

Lozins'kiy, M. (1922) *Galichina v rr. 1918–1920. Ukrains'ka revolyutsiya. Rozvidki i materiyali* [Galicia. 1918–1920. The Ukrainian revolution. Research and materials.]. Vol. 5. Vienna: Ukrainian Sociological Institute.

Mazepa, I. (2003) *Ukraina v ogni y buri revolyutsii 1917–1921* [Ukraine in the fire and storm of Revolution, 1917–1921]. Kiiv: Tempora.

Papikyan, A.L. & Tomyuk, I.M. (2010) *Istoriczni peredumovi stvorennya Zakhidnoukrains'koї Narodnoї Respubliki ta formuvannya її zbroynikh sil* [Historical Background of the West Ukrainian People's Republic and the formation of its armed forces]. *Viys'kovo-naukoviy visnik*. 14. pp. 59-78.

Pashaeva, N.M. (2007) *Ocherki istorii russkogo dvizheniya v Galichine XIX–XX vv.* [Essays on the history of the Russian movement in Galicia in the 19th–20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Imperskaya traditsiya.

Polons'ka-Vasilenko, N. (2002) *Istoriya Ukraїni: U 2 t. T. 2: Vid seredini XVII stolittya do 1923 roku* [The history of Ukraine: In 2 vols. Vol. 2: From the mid 17th century to 1923]. 4th ed. Kiiv: Libid'.

Popik, S. (1999) *Ukraїntsi v Avstriї 1914–1918. Avstriys'ka politika v ukrains'komu pitanni periodu Velikoї viyni* [Ukrainians in Austria, 1914–1918. Austrian policy in the Ukrainian question during the Great War]. Kiiv; Chernivtsi: Zoloti litavri.

Stakhiv, M. (1959) *Zakhidnya Ukraїna: naris derzhavnogo budivnitstva ta zbroynoi i diplomatichnoi oboroni v 1918–1923 rr.* [Western Ukraine: An essay of the State Building and armed and diplomatic defense in 1918–1923]. Vol. 3. Scranton: Ukrainian Workers Union.

Stakhiv, M. (1960) *Zakhidnya Ukraїna: naris derzhavnogo budivnitstva ta zbroynoi i diplomatichnoi oboroni v 1918–1923 rr.* [Western Ukraine: An essay of the State Building and armed and diplomatic defense in 1918–1923]. Vol. 4. Scranton: Ukrainian Workers Union.

Subtel'niy, O. (1993) *Ukraїna. Istoriya* [Ukraine. History]. Kiiv: Libid'.

Tshechakovski, L. (2000) *Natsional'nyy vopros v XIX i XX vv. kak fundamental'naya problema v Tsentral'noy Evrope* [The national question in the 19th and 20th centuries as a fundamental problem in Central Europe]. In: Nosov, B.V. (ed.) *Slavyanskіe narody: obshchnost' istorii i kul'tury* [Slavic nations: common history and culture]. Moscow: Indrik.

Tyshovnit'skiy, O. et al. (1958) *Ukrains'ka Galits'ka Armiya: u 40-richchya її uchasti u vizvol'nikh zmagannyakh (materiyali do istorii)* [The Ukrainian Gali-

cian Army: the 40th anniversary of its participation in the liberation struggle (historical materials)]. Vol. 1. Winnipeg: D. Mikityuk.

Shankovs'kiy, L. (1974) *Ukraïns'ka Galits'ka Armiya. Voенno-istorichna studiya* [The Ukrainian Galician Army. Military history]. Winnipeg.

Shteyn, B.E. (1949) *"Russkiy vopros" na Parizhskoy mirnoy konferentsii (1919–1920 gg.)* [the "Russian question" at the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow: Gospolitizdat.

Central Statistical Office of Poland. (1938) *Drugi powszechny spis ludności z dn. 9.XII 1931 r. Polska. Mieszkania i gospodarstwa domowe, Ludność* [The second census dated. 9.XII 1931 Poland. Flats and households. Population]. Warsaw: Central Statistical Office.

Horbal, B. (1997) *Działalność polityczna Lemków na Lemkowszczyźnie. 1918–1921* [Political activities of Lemkovina. 1918–1921]. Wrocław: Arboretum.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Томского государственного университета (Россия), президент Общественной ассоциации «Русь» (Кишинев, Молдавия).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association "Rus" (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(436)"1914/1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/10

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУСИНОВ. 1914–1920 гг.*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: namirina@bk.ru

SPIN-код: 3446-3096

² E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

На примере национального движения русинов, развивавшегося в остром противоборстве двух национально-политических течений – украинофилов и русофилов (москвофилов) рассматривается роль коллективной исторической памяти в процессах национального строительства и политической идентификации в условиях глобальных социальных потрясений – Первой мировой войны и гражданской войны в России. На основе анализа архивных документов показано, как политическая элита русинского движения, ориентировавшаяся на Россию, использовала дискурс исторической памяти (общерусского исторического прошлого) в целях «воссоединения» Прикарпатской Руси с «носителем общерусских ценностей» – Россией. В случае успешного достижения этой цели могло произойти преобразование русинского населения в локальный вариант общерусской политической нации – один из возможных, но не осуществившихся вариантов национального развития восточнославянского населения Галицкой Руси.

Ключевые слова: историческая память, русины, национальное строительство, политическая идентификация, Первая мировая война, Россия.

* Работа выполнена в рамках работ по гранту Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 и программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

HISTORICAL MEMORY AND THE NATIONAL AND POLITICAL IDENTIFICATION OF RUSINS in 1914–1920*

I.V. Nam¹, N.I. Haumova²

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: namirina@bk.ru

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

² E-mail: tomnin@yandex.ru

Authors' summary

The role of collective historical memory in the nation-building process and the political identification in the context of global social upheavals – the World War I and the Russian Civil War – is considered through the example of the national movement of the Rusins which developed in the acute confrontation of two national and political movements – the Ukrainophiles and the Russophiles (Muscophiles). Based on the analysis of archival materials it is shown how the political elite of the Rusins movement, oriented towards Russia, used the discourse of historical memory (the all-Russian historical past) for the purpose of “reunification” of Carpathian Rus with the ‘bearer of all-Russian values’ – Russia. In the case of a successful accomplishment of that goal, the result could have been the transformation of the Rusins movement into a local version of an all-Russian political nation – one of the possible, yet unrealized prospects of development of the Eastern Slavic population in Galician Rus.

Keywords: historical memory, Rusins, nation-building, political identification, First World War, Russia.

Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип... Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством... Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея...

Э. Ренан (Что такое нация? 1882)

В переломные исторические эпохи, сопровождающиеся радикальными социально-политическими трансформациями, подобные тем, которые Россия пережила в первой трети и в конце XX в., становится

* The research has been conducted as part of work on the Grant of the Government of the Russian Federation P 220 No. 14.V25.31.0009 and of the Program to Increase the International Competitiveness of Tomsk State University.

особенно очевидной взаимозависимость коллективной исторической памяти и национальной идентичности. Историческая память выступает одним из конструирующих национальную идентичность факторов. Чрезвычайно важное значение приобрела эта проблема в годы Первой мировой войны, последствием которой стали распад империй и создание новых государств. Обстановка политической дезинтеграции в многонациональных Российской и Австро-Венгерской империях поставила перед населяющими их национальными меньшинствами необходимость выбора политического самоопределения и своей этнической идентичности.

Этническая и национально-политическая идентификация русинов, исторически проживавших в австрийских провинциях Галиция и Буковина, в венгерской провинции Угорская Русь¹, формировалась под воздействием разнородных факторов – экономических, политических, социокультурных, ментально-психологических, геополитических. Национальное развитие русинов в начале XX в. не было предопределено и могло развиваться по-разному – пойти по пути развития собственной галицийской идентичности, создания на русинской этнической основе украинской идентичности, интегрироваться в польскую нацию или влиться в состав общерусской нации (Марчуков 2006: 200–201). Все зависело от того, какому из проектов национального строительства – *польскому, украинскому, проекту «большой русской нации»* – суждено было сбыться. Сторонниками украинского проекта это население трактовалось как украинское, русского – как малороссийское, а польского – как русинское (Марчуков 2006: 25).

Следствием противоборства этих «проектов» стал раскол национального движения русинов на два непримиримых по своей идеологической направленности и национально-политической ориентации лагеря – «русофилов» («москвофилов») и «украинофилов». Первые стремились поддерживать и развивать в населении сознание культурного и национального единства с Россией, единства велико-, мало- и белоруссов, используя историческую традицию и память как составную часть механизма политической идентификации. Украинофилы, в отличие от русофилов, исходили из «единства всех украинских земель от Карпат до Дона» и основную задачу видели в создании украинской нации и государственности. Существенную роль в этих предпочтениях играла политика австрийских властей, поддерживавшая подобные устремления в целях ослабления российского влияния (Савченко 1999).

Изучение национальных меньшинств в Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны представляет сегодня значительный исследовательский интерес. Национальные размежевания, рост на-

ционализма в Галиции как следствие действий российских военных властей в период занятия этой территории анализируются М. фон Хагеном (Хаген 1999). В.Н. Савченко рассматривает этносоциальные процессы в Восточной Галиции, специфику конфессиональной и языковой политики австрийских властей по отношению к галицийскому славянству накануне и в годы Первой мировой войны (Савченко 1999, 2002, 2003). В работах И. Баринова, И. Стрелкова, С. Виднянского особое внимание уделяется развитию украинофильского движения в Буковине в 1914–1919 гг., а также роли внешних факторов в условиях территориального переустройства Европы (Баринов, Стрелков 2012, 2013; Виднянский 2012). Исследователи сходятся во мнении, что движение русинов было неоднородным, отражая разные тенденции в процессах национального строительства – украинофильские, полонофильские, русофильские.

А.В. Марчуков, анализируя становление и развитие украинского национального движения, раскрывает специфику раскола движения русинов на два национально-политических лагеря (русофилы и украинофилы), ведущих борьбу за население, обладавшее «еще донациональным сознанием, но на уровне исторической памяти, эмоций чувств», в значительной части тяготеющей к русофильству (Марчуков 2006, 2007). Появились исследования, посвященные анализу русофильского течения в русинском движении в рассматриваемый период (Суляк 2006; Нам, Наумова 2014; Шевелев, Конев 2014). Но тема обращения к исторической памяти² в целях выбора русинами той или иной версии нациестроительства³ еще не стала предметом специальных исследований.

Между тем русины-«москвофилы» отводили исторической памяти значимую роль в процессах национального строительства. Обращение к общим историческим корням помогало формировать коллективную солидарность, способствовало конструированию общерусской национально-политической идентичности. Культурно-национальное и государственное единство с Россией было базовой ценностью, которой руководствовались русофилы-карпатороссы. Особенно велика роль политической идентичности в условиях системных политических кризисов. В 1914–1918 гг. в Австро-Венгерской и Российской империях шел процесс дестабилизации властных структур, был утрачен контроль над ходом политических процессов, связанных с межэтническими отношениями. Распад империй имел своим следствием формирование новой этнической и национально-государственной идентичности у тех народов, которые входили в их состав.

Понятия памяти и идентичности неотделимы друг от друга. Между памятью и любой идентичностью, включая национальную, существу-

ют отношения взаимозависимости. Идентификация является одной из основных функций коллективной памяти. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью (Васильев 2013). Поддержание коллективной идентичности предполагает регулярное обращение к образам прошлого. Как базовый элемент конструирования коллективной идентичности историческая память особенно актуализируется в переломные исторические периоды войн и революций, которые характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов. Историческая память оказывает воздействие на массовое сознание, способствует консолидации общества и его интеграции, выполняет ряд других функций.

Политическая элита, общественно-политические деятели русинско-го движения, как русофилы, так и украинофилы, активно использовали в тех условиях ресурсы исторической памяти для национально-идентификационной привязки, определяя систему ценностей, на которой строилось единство русинов. В рамках ее выделялись знаковые элементы, в том числе общие культурные ценности. Течение русофилов стало формироваться в первой половине XIX в. при поддержке части интеллигенции, духовенства и разделялось крестьянством этого края благодаря существовавшей в его сознании «глубокой исторической традиции русофильства» (русский язык, обычаи, память). Главной целью, национальной идеей русинов-русифилов являлась реализация общерусского единства великороссов, малороссов и белоруссов. Общественные деятели русинов подчеркивали, что это единство – духовное и политическое – имело глубокие исторические корни, существовало в рамках Средневековья, в домонгольский период. Прошлое рассматривалось как великая ценность, как общая история, общий исторический путь, который объединял три ветви русского народа. Историческая память становилась основой для ориентации в настоящем, превращалась в идеологию, политический инструмент, определяя конкретные действия лидеров русофилов как в период войны, так и после ее окончания.

В годы Первой мировой войны территории проживания русинов оказались в зоне боевых действий. Австро-венгерские власти обрушили террор на галицийских русофилов, поводом для него становились не только те или иные формы сотрудничества, но и просто подозрения в симпатиях к России. Были убиты десятки тысяч их представителей (Суляк 2006: 49–52; Марчуков 2007: 205). Внешнее влияние России способствовало росту национального самосознания и активизации деятельности русинов-русифилов. Террор не изменил их политические симпатии и ориентацию на единство с Россией. После смены власти в России в 1917 г. эта часть русинов сохранила прорусскую стратегию,

ориентируясь на антибольшевистские силы и выдвинутый ими лозунг воссоздания единой и неделимой России. Свою цель лидеры русинов видели в собирании всех русских земель и оказании помощи в этом белогвардейцам. Надежды на реализацию этих планов усилились после распада Австро-Венгрии в октябре 1918 г., провозглашения права наций на самоопределение, создания Западно-Украинской Народной Республики, Восточно- и Западно-Лемковской республик, образования независимых Венгрии, Чехословакии, Польши.

Русофильское движение к началу XX в. было распространено достаточно широко. Важная роль в поддержании исторической памяти, культурного и национального единства русинов с Россией принадлежала общественным организациям москвофилов. Издавались газеты «Галичанин», «Прикарпатская Русь», «Православная Русь». Действовали культурно-просветительские организации: Русский народный дом во Львове, Общество им. М. Качковского, имевшее до 10 000 читален на территории Галичины, Русский ревизионный союз, объединявший до 120 экономических обществ, Русский народный дом в Черновцах, студенческое общество «Карпаты» (ГАРФ 3: 7) и др. Все они распространяли русский литературный язык, русские книги, стремились «поддерживать и развивать в населении сознание культурного и национального единства с Россией» (Савченко 2003: 147). Главной общественно-политической организацией становится Русский народный совет Прикарпатской Руси. Русофильское движение было сознательным «выражением многих подспудных установок и настроений широких слоев народа» (Марчуков 2007: 201).

После Февральской революции в России на собраниях и съездах галичан-русифилов звучало основное требование: «...исповедуя национальное и культурное единство русского народа, просить освободить Прикарпатскую Русь от австрийско-абсолютистского гнета и присоединить к Великой Русской демократической республике». Русский народный совет Прикарпатской Руси, переехавший в Ростов-на-Дону после отступления русских войск из Галиции, в июле 1917 г. принял резолюцию, содержащую требование «освобождения Прикарпатской Руси и... объединения её с Россией ... во имя национально-исторического завета завершения собирания русской земли и основываясь на провозглашенном принципе свободы и самоопределения народов». На всеобщем съезде делегатов от карпаторусских организаций в Америке был образован Союз освобождения Прикарпатской Руси. Добровольцы вступили в американскую армию и «письменно заявили американскому правительству, что за пролитую ими кровь они требуют освобождения их родины и присоединения её к России» (ГАРФ 3: 8 об.).

В годы гражданской войны Россия оставалась для русинов-русофилов носителем общерусских ценностей и по возможности стремилась, хотя и непоследовательно, проводить политику общерусского единства внутри страны и на международной арене. В Сибири в годы гражданской войны карпаторусами были проведены два съезда и создан Центральный Карпаторусский совет, который определил национально-политические задачи движения, организовал призыв в карпаторусский отряд для создания «единого русского фронта». При этом сохранялась надежда на «строительство нового государства», в которое войдет когда-то «оторванная от национального целого Прикарпатская Русь» (Нам, Наумова 2014; Шевелев, Конев 2014).

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся документы российского правительства А.В. Колчака в Омске – МИД, МВД, Совета министров. Эти материалы (докладные записки лидеров русинского движения, резолюции съездов) пронизаны апелляцией к глубокой устойчивой памяти об общерусском происхождении, к осознанию принадлежности русинов, проживавших длительное время за пределами российских границ, к общерусскому историческому пути.

Представляя себя частью русского мира, русофилы свою задачу видели в том, чтобы не допустить крушения России, оказать помощь белогвардейцам в сохранении государственного и национального единства русских. Через участие в урегулировании общероссийских проблем они пытались решать свои локальные задачи. Большое значение придавалось информированию белогвардейских властей Юга и Востока о своих целях и политических установках: 1) бороться «за воссоздание» Единой Великой России и полное объединение всего русского народа, «как это было со времени св. Владимира до 1340 г.»; 2) свергнуть «иго румын в Буковине, поляков – в Лемковщине, «украинских мазепинцев» – в Восточной Галиции». Об этом известил в 1919 г. омские власти граф В. Бобринский, председатель Галицко-русского общества, находившегося в Одессе (ГАРФ 1: 2).

В условиях кризиса и нестабильности общественные деятели карпаторусов использовали обращение к исторической памяти для обоснования исторической обусловленности своих действий и ориентации на общие задачи. В докладной записке делегата Русского исполнительного комитета во Львове Э.М. Вальницкого была представлена резолюция собрания карпаторусских общественных деятелей и граждан, состоявшегося в Киеве 12 декабря 1918 г. В ней подчеркивалось, что Прикарпатская Русь «составляет в историческом и национально-этнографическом отношении «искони русский край», который до середины XIV в. имел свою государственность и входил в виде «удельного княжества в состав тогдашней общерусской го-

сударственности Рюриковичей». Затем он был «захвачен под власть Польши, Молдавии, Венгрии», а впоследствии – Австро-Венгрии. На протяжении всего этого времени население в своем большинстве «считало и ныне считает себя русским в национальном и культурном отношении», родственным «в первую очередь с малорусским, а затем и со всем остальным русским народом в России» (ГАРФ 1: 7 об.–8). На этом основании в резолюции выдвигалось требование о присоединении «всей этнографической территории Прикарпатской Руси (Восточной Галичины с Лемковщиной, Северной Буковины и Северо-Восточной Венгрии) к вновь объединяющейся единой и неделимой России» (ГАРФ 1: 8). Историческая обусловленность единства карпатороссов и русских подкреплялась и новым принципом – правом на самоопределение народов (ГАРФ 1: 5 об.).

В документах, адресованных МИД и Совету министров российского правительства, дается развернутая аргументация общности исторических корней и культуры Прикарпатской Руси и «державной России». Приводятся статистические данные о численности карпатороссов в Австро-Венгрии, основанные на проведенной австрийскими властями переписи – 4 110 075 человек. Тем самым подчеркивалась закономерность выдвигаемых от многомиллионного населения края требований. Общность исторической судьбы русских и карпатороссов объяснялась тем, что Карпаты, как было сказано в документе, являлись общей родиной и представляли собой «колыбель русского народа». Подчеркивалось, что карпатороссы – «автохтонные жители» этой территории, в отличие от поляков, которые были пришлым элементом (ГАРФ 1: 25), что Галиция, Буковина и Угорская Русь составляли «неразрывную территорию», но австрийские власти нарушили это единство и разделили край на три административные единицы.

Авторы этих документов исходили из установки, что русское население Прикарпатской Руси имеет «тысячелетнюю историю»: с 981 по 1340 г. (359 лет) Прикарпатская Русь под названием Червонной Руси, а затем Галицко-Русского княжества входила в состав Русского государства. Единство с русскими землями связывалось с принадлежностью галицких князей с династии Рюриковичей: в XI в. в Восточной Галиции образовалось удельное русское княжество под правлением двух ветвей дома Рюриковичей, династии Ростиславовичей (1087–1198 гг.) и Романовичей (1198–1323 гг.). Представители двух княжеских династий – Ярослав Осмомысл, Роман Мстиславович и Даниил Романович – «принимали живое участие в делах Руси», стремясь к объединению и подчеркивая в своих титулах «свой русский характер». Роман Мстиславович носил титул «самодержец всея Руси». С пресечением династии Романовичей Дмитрий Детко называл себя

«блюстителем и старостю Русской земли». Галицкие князья поддерживали связь Прикарпатской Руси с северо-восточными русскими землями, женившись на суздальских княжнах (ГАРФ 1: 26; ГАРФ 2: 10).

Выделялась особая роль галицко-русских князей в защите границ на западе (против польских нашествий) и востоке (против половцев и татар). В 1202 г. Роман Мстиславович освободил Киев от половцев, его сын Даниил принимал участие в битве на реке Калке в 1223 г. и был ранен в бою. Князь Даниил «взял на себя роль освободителя от татарского ига», но не смог ее реализовать без помощи союзников. Именно ему общественные деятели карпатороссов приписывали инициативу идеи «совместной борьбы всех русских сил в борьбе с татарским игом». Это осуществилось в Куликовской битве в 1380 г., где участвовал и галицко-волынский полк. Не меньшую роль в судьбе русских земель карпаторосские лидеры отводили галицкому митрополиту Петру, «который внушил московским князьям мысль о собирании русских земель» (ГАРФ 1: 26).

Во второй половине XIV в. судьба независимого княжества Галицко-го изменилась. В результате войн между Польшей, Литвой и Венгрией Польша заняла галицкие земли. Но, как особо подчеркивалось, Галичина продолжала оставаться русской. Польские короли не считали ее польской землей и образовали из Восточной Галиции особое Русское воеводство, а себя называли королями Руси (ГАРФ 2: 10). С 1772 г., после первого раздела Польши, Восточная Галиция вошла в состав Австрии. Австрийские власти подчеркивали особость этой территории, называя ее «*Russia Rubra, Rothrusland*», именуя население русскими, а его язык – русским (ГАРФ 2: 10). В 1815 г. австрийское правительство стало употреблять термин «*Ruthenen*», который с 1848 г. был официально введен для обозначения малорусского населения Галичины, Буковины и Угорской Руси и использовался вплоть до 29 июня 1917 г. С этого времени австрийский император Карл I официально стал употреблять термин «украинский» по отношению к малороссам (ГАРФ 2: 11).

Подчеркивалось, что население Восточной Галиции сохраняло самосознание «принадлежности к русскому народу». По исторической традиции, по языку, религии галичане представляли собой «часть малорусского племени». Русское население Галиции определяло свою национальность как русины, образуя от него прилагательное «русский». Сам термин «русин» древнего происхождения и тождествен употребленному названию «русский». Такой вывод содержался в документах, составленных карпаторосскими лидерами. Национальная русская идентичность, как было отмечено, присутствовала и у тех карпатороссов, которые эмигрировали и длительное время прожи-

вали за пределами своей родины. Сохраняя на протяжении XIV–XIX вв. свои территории, традиции, самосознание, русины не чувствовали изолированность и «принимали активное участие в духовной жизни русского народа и создании русской культуры». В древности галицко-волинские летописи считались одними из лучших летописей. Карпатороссы-интеллигенты создавали философские произведения, труды по юриспруденции. Указывалось, что в «сокровищницу русской культуры» внесли свой вклад Общество имени Качковского, Галицко-русская матица, Русский народный дом во Львове, Ставраоничийский институт (ГАРФ 1: 12). Прикарпатская Русь являла собой барьер против воинствующего католицизма. Защитниками православия выступали Иов Борецкий, Иван Вишенский.

Идея собирания Руси и присоединения Прикарпатской Руси, как отмечалось, была составной частью политики царей и императоров. Как полагали лидеры карпатороссов, в этом заключалась историческая миссия России. Авторы анализируемых документов подчеркивали, что судьба русинов, их освобождение всегда «волновали умы русских государей» – Екатерины II, Николая I, Александра II, Александра III. Екатерина II высказывала мысль «об обмене польских губерний на Галицкую Русь». Об обмене Прикарпатской Руси на польские земли «думали» императоры Николай I, Александр III. Указывалось на посещение императором Николаем II Галиции во время Первой мировой войны как на свидетельство ее связи с Россией. В апреле 1915 г. в письме главнокомандующему Юго-Западным фронтом Николай II писал, что русские войска вернули «нам подъяремную Русь, тем самым освободив от ига вражеского родное нашему отечеству племя». 9 апреля 1915 г. во время пребывания во Львове Николай II сказал: «Да будет единая, могучая и нераздельная Русь» (ГАРФ 1: 26; ГАРФ 2: 16). Общественные деятели карпатороссов считали необходимым бороться за небольшевицкую Россию, объясняя это тем, что большевики «отдали часть Руси австро-мадьярам, осквернили веру, растоптали идею народовластия, истребили культуру».

Столь настойчивое обращение лидеров карпатороссов к истории, исторической памяти, стремление информировать белогвардейские власти об общем прошлом, неразрывно связанном с Древней Русью, Московским государством, императорской Россией, объясняется и тем, что лидеры белого движения, в сущности, плохо знали историю русинов. Так, генерал Врангель признавался, что он не знал, что такое Прикарпатская Русь и кто такие карпатороссы, полагая, что это просто какие-то славяне, и поэтому не видел необходимости в создании отдельного карпаторусского отряда. Только после разъяснений со стороны «сведущих людей» он поддержал его формиро-

вание. (Ваврик 1923: 26). Лидеры карпатороссов в Сибири считали обязательным «осведомление широких кругов общества и других народов о целях и стремлениях карпатороссов», включая рядовых военных. При создании карпаторусского отряда в Сибири из числа военнопленных и беженцев на офицерские и унтер-офицерские должности предлагалось назначать боевых офицеров, «по возможности ознакомленных с исторической судьбой Прикарпатской Руси» (ГАРФ 1: 20). Для карпатороссов-добровольцев в Сибири был издан «Катехизис», в котором была представлена история Прикарпатского края, а карпатороссы рассматривались как часть «стоимиллионного русского народа» (Карпаторусское слово 1919: № 3(4). Вхождение карпаторусского отряда в ряды белогвардейской армии оценивалось как важный шаг в совместной борьбе за единую Россию.

Таким образом, обращение лидеров русинского (карпаторусского) национального движения к исторической памяти, к идее об общерусском происхождении, о принадлежности к русскому миру было основой, ресурсом политической борьбы русинов за «воссоединение» Прикарпатской Руси с «носителем общерусских ценностей» – Россией. В случае достижения этой цели ее результатом могло быть преобразование русинского населения в локальный вариант общерусской политической нации – одного из возможных вариантов национального развития восточнославянского населения Галицкой Руси (Марчуков 2007: 200). Но ограниченные политические, материальные и военные возможности карпатороссов и их союзников, непоследовательность политики белогвардейских правительств и геополитические интересы мировых держав, не совпадавшие с планами лидеров русинского движения, не позволили достигнуть этой цели⁴. Существующее и ныне пророссийское течение в русинском движении вобрало в себя много русофильских элементов XIX – начала XX в. и по-прежнему заявляет о своей принадлежности к единому русскому народу «от Карпат до Камчатки».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русин – самоназвание населения Древней Руси, производное от слова *Русь*. Он упоминается в литературных памятниках с X в. К середине XIX в. этноним *русин* оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины. Австро-венгерские власти называли своих русских подданных *русины*,

рутены (нем. Russinen, Rutnenen), в отличие от русских (российских подданных). Причем название *рутены* – средневековое латинское название русских, а *русины* – неправильное образование множественного числа от единственного числа *русин*. Сами русины называли себя в единственном числе *русин*, а во множественном числе – *русскими*, веру свою – *русскою*, свой народ и язык – *русскими*. Русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и др. Второй этноним населения Карпатской Руси – *руснак*, возникший как противопоставление этнониму *поляк*, известен, по крайней мере, с начала XV в. Руснаками (русняками) называли русинов их соседи поляки, словаки, чехи. (Суляк, 2007: 29). В СССР русины рассматривались (а на Украине продолжают официально рассматриваться и сейчас) как этнографическая группа украинцев (Кто такие русины?). Сегодня этноним *русин* распространен в Закарпатской области Украины, Воеводине (Сербия), Хорватии, на востоке Словакии и Венгрии, юго-востоке Польши, севере Румынии и Молдавии, Буковине (Сучавский уезд Румынии и Черновицкая область Украины), США, Канаде.

2. Введение в научный оборот понятия исторической памяти и начало ее изучения относят к 20-м гг. XX в. и связывают с именем французского социолога Мориса Хальбвакса, который выдвинул и обосновал тезис о существовании феномена коллективной памяти как средства самоидентификации различных сообществ людей, как социальной конструкции, создаваемой в настоящем. Память понимается им не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты (Хальбвакс 2007). Возрождение интереса к этой проблематике («мемориальный бум» 1980-х гг.) начался с разработки проблемной связки «память – идентичность». Идея М. Хальбвакса о том, что у каждой нации есть своя историческая память, определяющая ее идентичность, но при этом порою весьма далекая от научных представлений о прошлом, вдохновила французских историков на масштабный проект «Места памяти», осуществленный под руководством Пьера Нора. Предметом исследования в нем стали «места памяти» – отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, составляющие многообразие французской национальной идентичности: Пантеон, Жанна д'Арк, Триумфальная арка, словарь Ларусса, Стена коммунаров и др. (Нора 1999).

3. В 1980-х гг. сложился этно-символистский подход к анализу феномена нации и национализма, представленный в трудах Дж. Армстронга, Дж. Хатчинсона и Э. Смита, призванный избежать крайностей

примордиалистского видения наций как извечных, устойчивых и естественных акторов мировой истории и модернистской их трактовки как исключительно современного явления, возникшего в результате осуществления элитами проектов конструирования и изобретения этих «воображаемых сообществ». Суть этого подхода заключается в том, что нациестроительство как успешный интеллектуальный проект возможен только в том случае, если предлагаемая элитами конструкция найдет широкий отклик в массах, если творцы нации сумеют опереться на глубоко укорененный в культурной памяти «мифо-символический комплекс» (Дж. Армстронг), содержащий символы, мифы и ценности глубокого этнического характера (Васильев 2013).

4. В 1919 г. Подкарпатская Русь (Закарпатье) в состав Чехословакии вошла на правах автономии. В 1939 г. в Закарпатье были введены венгерские войска. По договору между Советским Союзом и Чехословацкой республикой от 29 июня 1945 г. Подкарпатская Русь была включена в состав Украинской ССР как Закарпатская область. Восточная Галичина, а также населенные русинами земли в Западной Галиции, Перемышль после Первой мировой войны вошли в состав Польши. В 1939 г. Восточная Галичина была включена в состав Украинской ССР (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области Украины). Воеводина в 1918 г. стала частью Югославии. Буковина и Бессарабия были присоединены в 1918 г. к Румынии. В 1940 г. Северная Буковина стала Черновицкой областью УССР, а большая часть Бессарабии вошла во вновь образованную Молдавскую ССР.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 - *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской мирной конференции 1919 // Русин. 2012. № 2 (28). С. 35–47.

Баринов, Стрелков 2013 - *Баринов И., Стрелков И.* Западная граница в украинском и русском представлении: между пропагандой и политикой (1914–1919 гг.) // Русин. 2013. № 1 (31). С. 78–94.

Ваврик 1923 - *Ваврик В.Р.* Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. 47 с.

Васильев 2013 - *Васильев А.Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в 21-м веке. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-266296.html> (дата обращения: 4.11.2015).

Виднянский 2012 - *Виднянский С.* Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включение в состав Румынского королевства

и румынизация автохтонного украинского населения края // Русин. 2012. № 2 (28). С. 23–34.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 176. Оп. 3. Д. 65. Доклад уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове и переписка с министрами Российского правительства о формировании карпаторусских отрядов и отправке их в Сибирь, о деятельности Центрального Карпаторусского совета, схематические карты Прикарпатской Руси и другие материалы. 2 июня – 21 августа 1919 г.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 360. Доклад Второго политического отдела МИД о политическом и экономическом положении Польши, Прикарпатской Руси и переписка с Министерствами военных и внутренних дел о положении поляков в Сибири. 26 окт. 1918 г. – 22 июля 1919 г.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным Карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторуссов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 окт. – 25 июня 1919 г.

Карпаторусское слово 1919 - Катехизис добровольца-карпаторосса // Карпаторусское слово. 1919. № 3 (4).

Кто такие русины? // Межрегиональная общественная организация «Объединение русинов». URL: <http://ya-rusin.com/kultura-rusinov/kto-takie-rusiny.html> (дата обращения: 4.11.2015).

Марчуков 2006 - *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение в СССР. 1920–1930-е годы. М.: Наука, 2006. 599 с.

Марчуков 2007 - *Марчуков А.В.* «Русские» или «украинцы»? Пути национального развития населения Галиции глазами австрийских дипломатов // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2. С. 196–224.

Нам, Наумова 2014 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпатороссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–156.

Нора 1999. – *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М.* Франция – память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с.

Савченко 1999 - *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этно-социальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 95–106.

Савченко 2002 - *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 76–89.

Савченко 2003 - *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 годы // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 145–149.

Суляк 2006 - Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1(3). С. 46–65.

Суляк 2007 - Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Хаген 1999 - М. фон Хаген. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война: Материалы международной конференции. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 386–403.

Хальбвакс 2007 - Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Шевелев, Конев 2014 - Шевелев Д.Н., Конев К.А. Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181.

REFERENCES

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) The future of Bukovina in the contexts of Russian, Ukrainian and Romanian projects during the Paris Peace Conference of 1919. *Rusin. 2* (28). pp. 35-47.

Barinov, I. & Strelkov, I. (2013) The western frontier in Ukrainian and Russian views: between propaganda and politics (1914-1919). *Rusin. 1* (31). pp. 78-94.

Vavrik, V.R. (1923) *Karpatorossy v kornilovskom pokhode i Dobrovol'cheskoy armii* [Carpatho-Rusyns in the Kornilov's march and Volunteer Army]. Lvov.

Vasil'ev, A.G. (2013) Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/oblivion and national identity: A theoretical basis]. In: Razlogov, K.E. et al. *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy idei Rossii v 21 veke* [Cultural memory in the context of formation of Russian national idea in the 21st century]. [Online] Available from: <http://lib.znate.ru/docs/index-266296.html>. (Accessed: 4th November 2015).

Vidnyanskiy, S. (2012) The Processes of National Self-Determination in Bukovina in 1918, Its Annexation into the Structure of the Rumanian Kingdom and the Rumanization of the Indigenous Population of the Land. *Rusin. 2* (28). pp. 23-34.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 3. File 65.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 360.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

Anon. (1919) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorossa [Catechism of the Carpatho-Rusyn Volunteer]. *Karpatorusskoe slovo. 3* (4).

Association of Rusins. (n.d.) *Kto takie rusiny?* [Who are the Rusyns?]. In-terregional public organization "Association of Rusyns". [Online] Available

from: <http://ya-rusin.com/kultura-rusinov/kto-takie-rusiny.html>. (Accessed: 4th November 2015).

Marchukov, A.V. (2006) *Ukrainskoe Natsional'noe dvizhenie v USSR. 1920–1930-e gody* [Rusyn's national movement in the USSR in 1920–1930s]. Moscow: Nauka.

Marchukov, A.V. (2007) “Russkie” ili “ukraintsy”? Puti natsional'nogo razvitiya naseleniya Galitsii glazami avstriyskikh diplomatov [“Russians” or “Ukrainians”? The ways of national development of the population of Galicia through the eyes of Austrian diplomats]. In: Trepavlov, V.V., Bulgakov, M.B. & Marchukov, A.V. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [The history of the peoples of Russia in the studies and documents]. Issue 2. Moscow: IRI RAN. pp. 196-224.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpathoross Reunions in Siberia during the years of the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3 (37). pp. 152-156.

Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. & Vinok, M. (1999) *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Savchenko, V.N. (1996) Vostochnaya Galitsiya v 1914–1915 gg. (etnosotsial'nye osobennosti i problema prisoedineniya k Rossii) [Eastern Galicia in 1914–1915-s (ethno-social features and problems of joining Russia)]. *Voprosy istorii*. 11-12. pp. 95-106.

Savchenko, V.N. (2002) Vostochnaya Galitsiya v 1914–1915 godakh (natsional'no-politicheskaya situatsiya i politika rossiyskoy administratsii) [Eastern Galicia in 1914–1915 (national-political situation and the policy of the Russian administration)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 76-89.

Savchenko, V.N. (2003) Natsional'no-politicheskie otnosheniya v Vostochnoy Galitsii i Bukovine. 1910–1911 gody [National-political relations in Eastern Galicia and Bukovina. 1910–1911 years]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 145-149.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins in the First World War and the Russian strife]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46-65.

Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in History: Past and Present]. *Rusin*. 4 (10). pp. 29-56.

Hagen, M. fon. (1999) [The Great War and the artificial strengthening of ethnic identity in the Russian Empire]. *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna* [Russia and the First World War]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 386-403.

Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frames of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3 (37). pp. 167-181.

Нам Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета (Россия).

Nam Irina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Россия).

Naumova Natalia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru

УДК 94(47)084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/11

«ЗА РОССИЮ И ЗА ОБЩЕЕ ДЕЛО СЛАВЯНСТВА»: ОФИЦИАЛЬНАЯ И ПРОПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ БЕЛОЙ СИБИРИ О ФОРМИРОВАНИИ НА ЕЕ ТЕРРИТОРИИ КАРПАТОРУССКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ*

Д.Н. Шевелев¹, К.А. Конев²

Томский государственный университет
Россия, 634650, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: Konev-k-92@rambler.ru

Авторское резюме

Статья посвящена участию русинов в гражданской войне на востоке России. Цель исследования – на основе материалов официальной и проправительственной периодической печати, выходившей с лета 1918 до конца 1919 г., выявить особенности информационно-пропагандистской кампании, сопровождавшей формирование карпаторусских воинских частей в Сибири. Общая цель – воссоединение всех русских земель и возрождение Российского государства – объединила правительство адмирала А.В. Колчака и Центральный Карпаторусский совет. Основным инструментом воздействия на уроженцев Прикарпатья, размещавшихся в колониях беженцев и лагерях военнопленных, стала газета «Карпаторусское слово», активно пропагандировавшая идею единства русского и карпаторусского народов, живым воплощением которой должны были стать добровольческие подразделения русинов в составе русской армии адмирала А.В. Колчака. Сформировавшийся в среде карпатороссов-русофилов рассказ о «единой неделимой Руси» («нарратив воссоединения») летом 1919 г. был встроен в официальный дискурс колчаковского режима и стал идейной основой призыва на военную службу всех уроженцев Прикарпатской Руси

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ (№ НУ 8.1.44.2015 С).

в возрасте от 18 до 43 лет. Четко выраженную мобилизующую направленность имели публичные церемониальные мероприятия (день памяти М.Т. Сандовича, «День карпаторусса», полковой праздник 1-го Карпаторусского стрелкового полка, освящение полкового знамени), широко освещавшиеся официальной прессой. Авторы приходят к заключению, что, несмотря на массивное, по меркам Сибири того времени, информационно-идеологическое сопровождение, мобилизационная кампания лета–осени 1919 г. оказалась малоэффективной. Сформированные в результате этой кампании воинские части уже не могли переломить хода боевых действий на Восточном фронте гражданской войны.

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, карпаторуссы (русины), российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный карпаторусский совет, А.В. Копыстьянский, 1-й Карпаторусский стрелковый полк, политический нарратив.

“FOR RUSSIA AND FOR THE SLAVDOM”: THE OFFICIAL AND PRO-GOVERNMENTAL PRESS OF THE WHITE SIBERIA ON THE FORMATION OF CARPATHO-RUSSIAN MILITARY UNITS ON ITS TERRITORY*

D.N. Shevelev¹, K.A. Konev²

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: shev-dn@yandex.ru

² E-mail: Konev-k-92@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the participation of Rusyns in the Civil War in the East of Russia. The purpose of the research is to educe the peculiarities of advocacy campaign accompanied the formation of Carpatho-Russian military units in Siberia, on the basis of the official and pro-Government periodicals published since the summer of 1918 until the end of 1919. The overall goal – the reunification of all the Russian lands and the revival of Russian State – joined the Government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council. The main leverage to the natives of Ciscarpathian located in the colonies of refugees and prison camps became the newspaper "Carpatho-Russian Word" that actively

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program (№ НУ 8.1.44.2015 С).

promote the idea of unity of Russian and Carpatho-Russian peoples, the living embodiment of this had to be the volunteer units of Rusyns within the Russian army of Admiral A.V. Kolchak. The story about "Single Indivisible Russia" ("narrative of reunification") formed among the Carpatho-Russian-Russophiles was integrated into the official discourse of Kolchak regime in the summer of 1919 and it became the ideological basis of conscription of all natives of Ciscarpathian Rus in age from 18 to 43 years. Public ceremonial events (Remembrance Day of M.T. Sandovich, the "Day of Carpatho-Russian", regimental holiday of the 1st Carpatho-Russian rifle regiment, consecration of regimental color), widely publicized by the official press, had well-defined mobilizing orientation. The authors come to the conclusion that, despite the massive (by the standards of Siberia of that time) information-ideological support, the mobilization campaign of the summer and autumn of 1919 proved to be ineffective. Units formed as a result of this campaign could not reverse the course of tactical activities on the eastern front of the Civil War.

Keywords: Civil War, Siberia, Carpatho-Russian (Rusyns), the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, the Central Carpatho-Russian Council, A.V. Kopystyansky, 1st Carpatho-Russian rifle regiment, political narrative.

Летом – осенью 1919 г. ситуация на Восточном фронте складывается не в пользу антибольшевистских сил. «Положение наше очень тяжелое, – записал в своем дневнике 1 октября председатель Совета министров Омского правительства П.В. Вологодский, – тем более, что и на фронте с Красной армией у нас не только нет успехов, но мы терпим явные неудачи» (Вологодский 2006: 199). С середины октября 1919 г. части русской армии адмирала А.В. Колчака стали стремительно отступать на восток.

Уже летом 1919 г. сам факт военных поражений было сложно скрывать от населения. В текстах официальных заявлений стали проскальзывать фразы об «отходе» (Правительственный вестник 1) или даже «глубоком отходе» «доблестных войск сибирского фронта... под напором превосходных сил большевиков» (Великая Русь 1919). Вести о неудачах на фронте самым удручающим образом влияли на население Сибири. Так, в обзоре корреспонденции, направленной начальником Главного военного цензурно-контрольного бюро в штаб Верховного главнокомандующего 10 июля 1919 г., отмечалось: «Продолжающийся отход наших войск сильно отражается на настроении всех классов населения, и с ужасом начинают поговаривать о перспективе возможного возвращения большевиков. Неудачи преувеличиваются, ползут самые невероятные слухи, усталые нервы реагируют на каждый нелепый и часто провокационный слух» (ГАРФ 3: 281–282). К концу лета ситуация для Омского правительства становится еще бо-

лее угрожающей. «Настроение населения в последние дни может быть охарактеризовано словами: паника и растерянность, – указывалось в докладе, составленном на основе сообщений с мест, обзоров периодической печати и перлюстрированной корреспонденции. – Паника охватила не только прифронтовую полосу, но и глубокий тыл. Уныние, растерянность и страх овладели как крестьянским населением, так и интеллигенцией, так и представителями власти» (РГВА).

В такой сложной обстановке российское правительство адмирала А.В. Колчака стремится заручиться массовой поддержкой. 26 июля 1919 г. в «Правительственном вестнике» было опубликовано обращение Верховного правителя к населению «свободной от гнета комиссаров России». «Сбросьте же с себя позорные цепи безразличия к судьбе Родины, – говорилось в воззвании, – вы, забывшие все, кроме собственного благополучия и честолюбия. Очнитесь же от смятения и паники и вы, трусливо пытающиеся укрыться бегством от большевиков» (Правительственный вестник 1). 29 июля последовал новый призыв, адресованный на этот раз целевой аудитории – крестьянам и солдатам. «Поднимайтесь же все крестьяне, которых вели на защиту родины и к победе Пожарский, Суворов и Кутузов, горожане, рабочие и купцы, которых в смутное время поднял Минин... Все поднимайтесь! Все вперед!» (Русская армия 3). В конце августа российское правительство вновь обратилось к населению с еще более эмоциональным воззванием: «Каждый, способный носить оружие, должен встать в ряды нашей доблестной армии; все же остальное население, в тесном единении с властью, должно неослабным трудом самоотверженно содействовать ее боевой работе... Подымись же, Сибирь, на свою защиту... К оружию, граждане!» (Правительственный вестник 4).

Таким образом, неудачи на фронте вынуждали военное и политическое руководство востока России к поиску новых источников людских ресурсов, свежей силы, способной остановить продвижение Красной армии. Среди различных слоев населения и социальных групп – беженцев, сибирских казаков и горожан, на которых рассчитывало Омское правительство «во всенародном деле борьбы с большевиками и освобождения России» (Надежда России 1919), выделялась относительно небольшая группа русинов (карпатороссов), волею судьбы оказавшаяся на востоке России.

Цель данной работы – на основе материалов официальной и правительственной периодической печати, выходившей с лета 1918 до конца 1919 г., выявить особенности пропагандистской кампании, сопровождавшей формирование карпаторусских воинских частей в Сибири. Основной упор при этом был сделан на анализе наиболее значимых практик самоидентификации и саморепрезентации

карпатороссов-русофилов, игравших ключевую роль в информационно-идеологическом сопровождении призыва на военную службу уроженцев Прикарпатской Руси, выстраивании единого дискурсивного пространства с осведомительными учреждениями Российского правительства адмирала А.В. Колчака.

Авторы полагают, что в период гражданской войны одним из ключевых элементов утверждения новых политических режимов являлась конкурентная борьба за гегемонию в сфере символического производства, противостояние идей, понятий, ценностей и образов, формирующих и конституирующих на постимперском пространстве новые «воображаемые сообщества». В условиях разрушения прежнего (имперского) механизма общественной интеграции обществу были необходимы новая система символических кодов, новая система позиционирования себя в мире, новые формы дискурсивной самоидентификации, а в ситуации социального раскола и начавшейся гражданской войны – и новые способы организации политической общности «Мы» и противопоставления ее враждебной «Они». Доминирующие позиции в многомерном поле идеологического производства на востоке России занимали, с одной стороны, осведомительные учреждения Омского правительства, с другой – официальная и проправительственная печать, являвшаяся в тот период наиболее распространенным каналом передачи информации, а также одним из важнейших инструментов воздействия на общество. Летом – осенью 1919 г. в конкурентную борьбу за гегемонию в дискурсивном пространстве оказались втянуты карпатороссы, оказавшиеся в итоге заложниками сконструированного официальной пропагандой ложного образа.

К осени 1918 г. в восточных районах России – в Поволжье, на Урале, в Западной и Центральной Сибири – находилось несколько десятков тысяч карпатороссов (русинов) – уроженцев Прикарпатья. В Россию их вели два пути – беженство и плен (Суляк 2006: 51–53; Баринов, Стрелков 2012: 118). С началом гражданской войны в России карпатороссы оказались втянуты в вооруженное противостояние между большевиками и их противниками.

В Сибири организация особой воинской части из уроженцев Прикарпатской Руси началась летом 1918 г., вскоре после утверждения на ее территории власти Временного Сибирского правительства. «С падением интернационалистического засилья в Сибири, – писало «Карпаторусское слово», – когда начала создаваться опора новой России, молодая армия, карпатороссы приступили к формированию добровольческого отряда для защиты и освобождения карпаторусских земель и присоединения их к России» (Карпаторусское слово

9). Сама идея создания Карпаторусского добровольческого отряда родилась в среде беженцев-колонистов Омска. Во главе отряда находился Временный комитет.

5–6 октября 1918 г. в Челябинске состоялся съезд представителей карпаторусских колоний Пермской губернии, Западной и Центральной Сибири (Нам, Наумова 2014), участники которого «признали необходимым с оружием в руках встать на защиту Прикарпатской Руси, России и всего славянства и, таким образом, добиться долгожданной свободы». В качестве «главнейшего средства к достижению национальных целей» председательствовавший на съезде А.В. Копыстянский назвал Карпаторусский добровольческий отряд. С докладом о его формировании выступил В.В. Шемердяк, отметивший «редкое воодушевление и сознательное отношение к долгу воина-гражданина, царящие среди добровольцев» (Карпаторусское слово 16).

Съезд организационно оформил создание Карпаторусской центральной организации (КЦО), принял ее устав. КЦО, говорилось в нем, ставит своей целью с оружием в руках добиться освобождения Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединения ее с Россией, а также «защиту как культурно-национальных, так и материальных интересов всех карпаторуссов» (Карпаторусское слово 17). «Съезд, – отмечалось в резолюции, – считает первейшей своей задачей создать Карпаторусский добровольческий отряд и поэтому обращается ко всем землякам, способным носить оружие, с горячим призывом немедленно вступать в ряды Карпаторусского добровольческого отряда и с оружием в руках встать на защиту единой и неделимой Руси» (Карпаторусское слово 16).

В заключительный день работы съезда был сформирован руководящий орган КЦО – Центральный карпаторусский совет (ЦКС), обладавший «самыми широкими полномочиями во всех направлениях его деятельности». С избранием ЦКС к нему перешли и функции омского Временного комитета Карпаторусского добровольческого отряда. Военный отдел Центрального карпаторусского совета возглавил капитан Н.Н. Лозинский.

16 октября 1918 г. между ЦКС и Чехословацким национальным советом (ЧНС) была заключена военная конвенция, в соответствии с которой Карпаторусский добровольческий отряд в оперативном отношении был подчинен командованию Чехословацкого корпуса. Кроме того, ЧНС взял на себя расходы по финансированию отряда. До начала февраля 1919 г. на эти цели им было передано Центральному карпаторусскому совету 110 тыс. руб. (ГАРФ 2: 28).

В ноябре 1918 г. Центральный Карпаторусский совет обратился с воззванием ко всем уроженцам Прикарпатской Руси. «Земляки! – говорилось в обращении. – Немедленно вступайте в ряды карпаторусских войск, формируемых при чехословацкой армии в Омске. Еще одно усилие, и наша Родина будет вырвана из-под чужеземного ига и заживет свободной, счастливой жизнью. Да не будет в нашей среде ни одного столь подлого, который преспокойно сидел бы в своей норе или гнил в лагерях в тот момент, когда решается судьба всей России и с ней нашей Родины – Прикарпатской Руси. Прочь уныние и отчаяние! Все к оружию!» (Карпаторусское слово 3). С целью привлечения добровольцев ЦКС организовал агитационно-вербовочный отдел. «При формировании воинских отрядов приходилось преодолевать много затруднений, не было ни обмундирования, ни опытных инструкторов, но благодаря бодрому настроению среди добровольцев удалось перенести эти тяжелые моменты и формирование отряда развивалось успешно» (Карпаторусское слово 5).

К концу января 1919 г. в составе 1-го Карпаторусского батальона насчитывалось 1 024 человека, в том числе 1 офицер, 3 военных врача и 1 003 добровольца. В связи с острой нехваткой офицеров на командные должности временно были допущены 17 бывших офицеров вооруженных сил Австро-Венгрии из числа военнопленных. Все подразделения батальона были расквартированы в Омске и его пригороде. В самом Омске находились сборный пункт, учебная команда и караульная рота. В Ново-Омске и на станции Куломзино располагалась запасная часть, которая несла там гарнизонную службу (ГАРФ 2: 28–29). Командовал батальоном капитан Н.Н. Лозинский.

1 февраля 1919 г. представитель Чехословацкой республики в России Б. Павлу заявил, что его правительство больше не может финансировать постоянно увеличивающийся Карпаторусский добровольческий отряд. В связи с этим Центральный Карпаторусский совет обратился к военному министру российского правительства генерал-майору Н.А. Степанову, с просьбой о включении отряда в состав русской армии. ЦКС предлагал продолжить дальнейшее формирование Карпаторусского добровольческого отряда при одном из корпусов колчаковских войск «как отдельной боевой единицы при всех родах оружия» и с «подчинением верховному русскому командованию». При этом сама организация отряда должна была осуществляться военным отделом ЦКС, обладавшим «исключительным правом принимать и исключать добровольцев», но «под руководством, наблюдением и при содействии русских властей». Все

расходы по «содержанию и снабжению карпаторусских воинских частей, а также по агитации и вербовке добровольцев» принимало на себя Военное министерство российского правительства (ГАРФ 2: 29). «Карпаторусские войска вошли в ряды возрожденной русской армии, – сообщало в начале апреля 1919 г. «Карпаторусское слово». – В жизни русской нации свершился великий исторический факт, идейное значение которого в настоящий момент не может не быть учтено. В продолжение веков оторванная от национального целого Прикарпатская Русь ныне, в момент строительства нового русского государства, стоит в рядах своих державно русских братьев!» (Карпаторусское слово 7).

Новым импульсом для мобилизационной кампании находившихся в Сибири русинов послужил II Карпаторусский съезд, который прошел в Омске в середине апреля 1919 г. Делегаты съезда постановили «продолжить формирование войск на добровольческих началах, но, учитывая положение Родины, принципиально решить о принудительной мобилизации всех уроженцев Прикарпатской Руси». При этом решение о времени проведения мобилизации, определение возрастов и категорий подлежащих призыву лиц были переданы на усмотрение ЦКС (Карпаторусское слово 6).

11 августа на страницах «Карпаторусского слова» было опубликовано новое воззвание Центрального Карпаторусского совета ко всем уроженцам Прикарпатской Руси. «Сыны Галича, – говорилось в нем. – Неужели в тот момент, когда на защиту Руси встают славные казаки и крестьяне, когда издали доходят до нас стоны и плач наших родных, когда повсюду наши идейные люди. И в Италии, и Южной России, и Сибири давно встали в ряды карпаторусских войск, неужели еще в этот момент мы будем сидеть спокойно? <...> На основании постановления II Карпаторусского съезда и возвания Карпаторусского комитета в Париже, мы призываем всех уроженцев Прикарпатской Руси... с 18–40-летнего возраста, без различия партий и занимаемого положения, в ряды карпаторусских войск. Все к оружию! С нами бог и великий русский народ» (рис. 1) (Карпаторусское слово 4). 22 августа 1919 г. последовало решение российского правительства, которое, «идя навстречу единодушному желанию украино-русин... в его стремлении выступить с оружием в руках для беспощадной борьбы с большевиками», постановило «допустить призыв на военную службу всех карпаторуссов... в возрасте от 18 до 43 лет, как военнопленных, так и беженцев и лиц, свободно проживающих в пределах России, освобожденной от Советской власти» (Правительственный вестник 3).

Рис. 1. Иллюстрация из газеты «Карпаторусское слово» (июнь 1919 г.)

Основой информационно-идеологического сопровождения мобилизационной кампании русинов в Сибири, ключевыми практиками репрезентации являлись транслируемые и воспроизводимые прессой официального направления взаимосвязанные политические нарративы о «единой неделимой Руси», «справедливой освободительной борьбе» и «великой войне» (Шевелев 2014; Шевелев, Конев 2015). Первый из них – «нарратив воссоединения» – был базовым. В его основу была заложена идея единства русского народа, объединенного в одно государство в «пределах единой, великой, могучей России». Сформировавшийся изначально в среде карпатороссов-русофилов рассказ о «единой неделимой Руси» летом 1919 г. оказался встроено в официальный дискурс колчаковского режима и рассеян по множеству медийных текстов самых различных жанров (Шевелев, Конев 2014). Все эти тексты были объединены ключевой темой, последовательностью изложенных в них событий, единой историей – поучительным рассказом о «бесконечных страданиях и мучениях» оторванных от России и лишенных своей государственности русинов, «закаленных в вековой борьбе за русские идеалы». Именно эта общая история объединяла и связывала разрозненные тексты в один нарратив, единое свертхтекстовое повествование. В самом общем виде фабула этого повествования представлена в опубликованном в однодневной газете «День карпаторусса» стихотворении известного сибирского поэта Г.А. Вяткина:

Воины древнего Галича,
 Русской живой старины!
 Все мы – родные и верные
 Дети единой страны.
 Чуете? Враг приближается...
 Слышите топот коней?
 Мы, что за волю боролись,
 Мы ли забудем о ней?
 Воины древнего Галича!
 Русь подъяремная ждет.
 Сбросим оковы последние,
 Ринемся дружно вперед (День карпаторусса 1919).

Используя ставшую классической актантажную модель А. Греймаса (Греймас 2004: 261), можно представить структуру «нарратива воссоединения», определить основных акторов и схему взаимодействий между ними (рис. 2).

Рис. 2. Структура нарратива о «единой неделимой Руси»

В качестве главного *субъекта*-героя этого повествования выступает руководящий центр карпаторусского национального движения на востоке России – Центральный Карпаторусский совет во главе с бывшим гимназическим преподавателем истории и географии из Галиции А.В. Копыстьянским, действия которого направлены на *объект* – «освобождение Прикарпатской Руси (Галицкой, Буковинской и Угорской Руси) из-под австро-мадьярского ига и воссоединения ее с Россией».

Отправителем (адресантом) в нарративе о «единой неделимой Руси» является некая трансцендентная сила – высшая историческая справедливость, которая должна вознаградить *получателя* (адресата) – карпаторуссов (русинов) «в течение шести веков беззаветно

боровшихся за веру и народность русскую и свою преданность русской идее, запечатлевших потоками крови своих лучших сынов». В качестве же реального воплощения высшей исторической справедливости для русинов, «дающего возможность верить в близость осуществления национальных целей», рассматривалась Версальская мирная конференция. «Вековые страдания нашего народа, – отмечала газета «Карпаторусское слово», – великая искупительная жертва, принесенная им на алтарь верности идее в нынешнюю войну, незаметные подвиги наших соплеменников, сражавшихся в разных союзнических армиях против центральных империй – все это не может пропасть даром». *Помощник* героя в достижении заветной цели – «собиратель земли русской» и «продолжатель дела Ивана Калиты» адмирал А.В. Колчак и возглавляемое им правительство (Приветственные послания 2012: 370, 494). Роль основного *противника* играли Центральные империи – «тевтоно-мадьяры, исконные враги России и всего славянства», которые действовали руками своих марионеток – украинских сепаратистов, «кучки фанатиков, стремящихся навязать массам гибельный для них же уклон в сторону отделения от России», и предателей-большевиков, виновных в том, что «нашу милую Галичину и Буковину ныне заняли наши вековечные враги и уже собираются наложить оковы на наш народ».

В периодической печати официального направления, а также в издававшихся на востоке России пропагандистских брошюрах сформировался свой сценарий репрезентации, определенная последовательность подачи материала, развертывания темы потери и обретения «единой неделимой Руси». В рамках этого сценария можно выделить несколько ключевых сюжетов с хорошо заметным библейским подтекстом (рис. 3).

«*Потерянный рай*». Прикарпатская Русь – это «заброшенная, забытая колыбель русского племени», край, «откуда пошла есть русская земля». Много веков назад на этой территории располагалось сильное Галицкое княжество, виднейшими правителями которого были Ярослав Осмомысл, Роман Мстиславич и Даниил Романович. «Когда Прикарпатская Русь имела свою политическую независимость, она славилась своим богатством и благосостоянием своих жителей, своими богатствами она вызывала удивление даже у народов Западной Европы: польские же летописцы говорили, что наша Родина это “медом и молоком текущая страна”» (Карпаторусское слово 11).

«*Голгофа*». «Внутренние распри и междоусобицы» стали причиной упадка Галицкого княжества, территория которого оказалась под владычеством Польши.

Рис. 3. Сюжет нарратива о «единой неделимой Руси»

«С переходом под чужеземное иго Прикарпатская Русь обнищала в высшей степени. Насильники сначала отняли у нашего народа земли, потом начали гонения на всех, кто держался русской веры. Ради земных благ бояре скоро оставили свой народ и перешли на сторону противника; только сельское духовенство, мещане и крестьяне сохранили русский язык и русскую веру» (Карпаторусское слово 11). Со временем «хитрого ляха» сменил «злой мадьяр». «Тех, кто называл себя русским, австро-венгерское правительство преследовало всякими способами. наших крестьян десятками расстреливали жандармы во время парламентских и сеймовых выборов и забастовок; тех, кто старался просветить народ и пробудить его к защите своих прав и идеалов, обвиняли в государственной измене и держали в тюрьме целыми годами» (Карпаторусское слово 11). Особенно жестоким гонениям русины подверглись во время Первой мировой войны: «Чтобы не допустить изъяснения естественных симпатий населения Прикарпатской Руси к родным русским братьям, австрийские власти с самого начала войны ввели в стране беспощадный террор. Десятки тысяч русских галичан, буковинцев и угрорусов арестовано и увезено в далекие австрийские тюрьмы, где они ежедневно сотнями умирали от холода, голода и эпидемий... 30 тыс. карпатороссов повешено и расстреляно за исповедуемую ими русскую идею» (Карпаторусское слово 18).

«Обретенный рай». За несколько столетий Прикарпатская Русь принесла достаточную искупительную жертву на «алтарь свободы и непоколебимой верности идее единства русского народа», чтобы она была по достоинству оценена «общественным мнением союзных наций и России», и «после многовекового порабощения засияла заря свободы над древним Галичем – составной частью единого Русского

государства». «Будет ли нам легче жить в пределах России, чем нам жилось под властью Австрии? – вопрошал «Катехизис добровольца-карпаторосса». – Без сомнения. Если вся Россия с ее обширными землями, ее неизмеримыми естественными богатствами будет для нас открыта, нам всем станет легче дышать» (Карпаторусское слово 11).

Важную роль в солидаризации российского антибольшевистского и карпаторусского национального движения играло конструирование общего, консолидирующего поля идентичности для двух субобщностей (казаков и карпатороссов) русского народа (рис. 4).

«Казак: Вот время на Руси пошло, под стяг наш общий привело.

Карпаторосс: Да ладно. Чай, так уж было суждено под чужеземною пятою мне жить в разлуке вековой, страдать под крышею чужой.

Казак: Сердца нас русские соединили, что может быть сильнее этой силы?» (Карпаторусское слово 1).

Второе воззвание Центрального Карпаторусского совета ко всем уроженцам Прикарпатской Руси совпало по времени, как писали сибирские газеты, с «небывалым подъемом, необычайным единением казацких станиц». С 7 по 13 августа 1919 г. в Омске проходил 5-й Чрезвычайный круг Сибирского казачьего войска, на который прибыло свыше 160 делегатов от 180 станиц. В первый же день работы круг постановил «вручить всю полноту власти в войске, всю войсковую силу нашу, наши жизни достояние» войсковому атаману, генерал-майору П.П. Иванову-Ринову (Русская армия 2). Делегаты решили призвать и отправить на фронт всех казаков в возрасте от 18 до 45 лет. Всех мобилизованных, по замыслу П.П. Иванова-Ринова, предполагалось направить на комплектование отдельного конного корпуса. При этом часть пеших (пластунских) батальонов командование корпуса планировало сформировать из карпатороссов (Шулдяков 2004: 380–381).

Таким образом, формирование колчаковской пропагандой спланивающего сибирских казаков и карпатороссов идентификационного поля происходило в контексте решения конкретной политической задачи.

10 августа на торжественном заседании круга с поздравлениями в адрес собравшихся выступил председатель ЦКС А.В. Копыстянский. Центральный Карпаторусский совет и участники 5-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска обменялись приветствиями. «В настоящее время, когда вследствие "непротivления злу" большевик-колдун готовится предать огню и грабежам свободную Сибирь, – указывалось в телеграмме "представителям доблестного сибирского казачества, в грозный час испытаний собравшимся с непреклонной

волей отстоять свободу и честь Русской земли", – лишь твердый голос казачества может образумить всех малодушных и указать на то, что только в самопожертвовании и твердости духа – спасение Родины» (Правительственный вестник 2). В свою очередь казачий круг обратился к «братьям карпатороссам», «мученикам исторической несправедливости» с воззванием. «Долговечные рабские австро-венгерские оковы, – говорилось в нем, – не сломили вашей энергии бороться до конца за свое освобождение и вы, почуяв смертельную опасность для нашей общей матери – России, решительно заявили, что пойдете вместе с нами в кровавый бой, за нашу общую свободу... Ваш братский порыв трогает нас, казаков, исконных борцов за Отчизну и волю народную» (Русская армия 1).

Весьда казака съ карпатороссомъ.

Рис. 4. Иллюстрация из газеты «Карпаторусское слово» (август 1919 г.)

Представленные в прессе материалы позволяют выделить ключевые опорные точки, на которых выстраивалась объединяющая сибирских казаков и карпатороссов идентичность:

- общая цель: совместная борьба «за нашу и вашу свободу» и общий враг – «интернациональная банда большевиков»;
- единые православная вера, язык и культура;
- общие исторические корни и традиции: «Русские галичане неоднократно брали меч в свои руки для защиты своей свободы. Они

уходили тысячами в далекие степи и первые дали почин к образованию славного русского казачества»;

– общие герои: Северин Наливайко и Петр Конашевич-Сагайдачный, атаманы Запорожской сечи и выходцы из Прикарпатья. Последний – «один из самых могучих казацких гетманов» - поставил «высокую цель борьбы за поруганную православную веру и свободу всего русского народа»;

– родственные субнациональные черты: патриотизм и свободолюбие.

В итоге, как писал в статье «Казацкая традиция в Прикарпатской Руси» А.В. Копыстьянский, «соединение казачьих войск с карпаторусскими отрядами в настоящее время вполне естественно», поскольку «одних и других воодушевляет общий лозунг борьбы за веру, отчизну и народ» (Иртыш 1919).

Четко выраженную мобилизующую направленность имела серия взаимосвязанных публичных церемониальных мероприятий, главными действующими лицами которых выступали карпатороссы:

6 сентября 1919 г. – День памяти (пятая годовщина) «мученической кончины народного героя, ревнителя православной веры и неутомимого борца за национальную идею» православного священника М.Т. Сандовича, расстрелянного без суда и следствия австрийцами во дворе тюрьмы города Горлице.

12 сентября – День карпаторосса, проведенный по инициативе акмолинского отделения Всероссийского национального союза и ставший, как писала выпущенная по этому случаю одноименная однодневная газета, ответом русского общества «на тот патриотический порыв, с которым карпатороссы идут на борьбу с большевиками».

21 сентября – полковой праздник 1-го Карпаторусского стрелкового полка.

11–12 октября – прибавка к древку и вручение знамени 1-му Карпаторусскому стрелковому полку.

Все эти церемониальные мероприятия прошли в Омске, широко освещались «государственно мыслящей» прессой и, с точки зрения налаживания пропагандистской коммуникации, решали несколько задач. Это:

- внутренняя консолидация карпаторусской общности;
- репрезентация карпаторусской общности в городском сообществе Сибири;
- включение исторического нарратива русинов в официальный дискурс колчаковского режима;
- поддержание и укрепление единения карпаторусского наци-

онального и российского антибольшевистского движений, Русской армии адмирала А.В. Колчака и сформированных из уроженцев Прикарпатья воинских частей, русского народа и русинов;

– включение формируемых и транслируемых пропагандой образов в мир повседневности.

В целом военные, гражданские и религиозные церемонии наглядно демонстрировали сибирякам боевой дух воинов-карпатороссов, их решимость сражаться за единство России:

Они идут, они идут

Стальными грозными рядами...

Руси святой не продадут –

Умрут, но верными сынами! (Карпаторусское слово 10).

Подведем итоги. Мобилизационная кампания лета–осени 1919 г., составной частью которой был призыв на военную службу всех уроженцев Прикарпатской Руси в возрасте от 18 до 43 лет, сопровождалась массивной, по меркам Сибири того времени, информационно-идеологической кампанией. Благодаря совместным усилиям пропагандистского аппарата российского правительства адмирала А.В. Колчака и печатного органа Центрального Карпаторусского совета формируется вполне определенный образ «доблестных сынов Галича» как немногочисленного, но сплоченного сообщества «граждан, достойных русского имени», «общенародного фронта, спаянного едиными задачами и стремлениями» (Карпаторусское слово 13). Этот конструируемый пропагандой образ обладал четко выраженными характеристиками и интенциями.

Во-первых, шесть веков чужеземного гнета, вначале «хитрых польских панов», а затем «австро-мадьярских палачей», русины Прикарпатья сохраняли русский язык и русскую веру, были горячими приверженцами «идеи единства русского народа». Именно «идея русского единения, национального самосознания» являлась духовной основой, на которой «зиждилась сила карпатороссов в их вековой борьбе за общерусские национальные святыни» (Карпаторусское слово 12). В трудных условиях они не раз демонстрировали готовность к самопожертвованию ради великой и социально значимой цели.

Во-вторых, «мученики исторической несправедливости», карпатороссы, своей «многовековой искупительной жертвой», своей непрекращавшейся борьбой за «веру и народность русскую» на деле доказали верность России и «свою преданность русской идее запечатлели потоками крови своих лучших сынов». Постоянные отсылки к болезненному историческому опыту Прикарпатской Руси исключали саму возможность сомнения в правильности выбора

русофилов и подчеркивали изменническую сущность украинских «самостийников».

В-третьих, «многовековое тевтоно-мадьярское иго» дало карпатороссам ценный опыт, привело к осознанию губительности политической обособленности от России, пониманию всей значимости единства нации и суверенной государственности: «Единое русское государство может существовать только при соблюдении единства русской нации. Раскол в среде русской нации может нанести непоправимый ущерб России и славянству». Как отмечало «Карпаторусское слово», «тяжелый урок подневольной жизни не пропал для нас даром» (Карпаторусское слово 2).

В-четвертых, захват большевиками власти и Брестский мир наглядно показали, что усвоенный русинами урок население России проигнорировало: «С тревогой и глубокой сердечной болью замечали мы тогда, как мало интересуется русских людей судьба своего народа, своего государства, как мало было веры и сознания, как отсутствовал тот цемент воли и чувство национального достоинства, без которых не может существовать нация, а без этой последней – государство» (Карпаторусское слово 14). Взаимная же беда сблизила русский народ и русинов Прикарпатья. «Русское общество, перешагнувшее через свою собственную тень, нашло, наконец, развязку своего трагического положения. Оно поняло, что никакие псевдопрогрессивные затеи не спасут Россию, а спасение возможно исключительно путем глубокого национального сознания, воссоздания души русского народа, проникновения в свои национальные святыни» (Карпаторусское слово 12). В таких условиях карпатороссы могли подать пример сплочения и стойкости в борьбе за национальное освобождение всему русскому народу.

В-пятых, надежды русинов на Версальскую мирную конференцию не оправдались: «В течение нескольких месяцев мы устремляли наши взоры в сторону сильных мира сего. Мы верили глубоко, что наш голос будет выслушан в Париже. Мы ошиблись. Мы горько разочаровались. До наших ушей в Сибири уже доходит издали страшный звук оков, бесцеремонно налагаемых врагами на наш народ» (Карпаторусское слово 8).

В-шестых, в ситуации, когда «русский великан по неумолимому приговору судьбы лежит беспомощно, весь израненный и истерзанный, а младшие его братья (молодые славянские государства Польша, Чехословакия и Югославия. – Д.Ш., К.К.) бодро и радостно вступают в жизнь», только «одна триединая Прикарпатская Русь живет жизнью России и хочет бесповоротно связать свою судьбу с ее судьбой» (Карпаторусское слово 15).

В культивировании такого пропагандистского образа, формировании воинских подразделений из уроженцев Прикарпатья и включении их в состав русской армии адмирала А.В. Колчака были заинтересованы обе стороны. Действовавший на востоке России Центральный Карпаторусский совет стремился:

- возглавить процесс национального освобождения русинов из-под власти Австро-Венгрии, их объединения и воссоединения с Россией;
- играть роль единственного руководящего центра всех карпаторусов Сибири;
- обеспечить за собой признание (со стороны Омского правительства) исключительного права быть единственным легитимным выразителем воли карпаторусского народа.

Для него создание карпаторусских воинских частей являлось вкладом в общее дело «освобождения России от большевизма», и той силой, которая позволила бы в будущем освободить Прикарпатье и включить его в состав Российского государства. Для размещенных в концентрационных лагерях карпаторусов-военнопленных поступление в отряд давало возможность покинуть концентрационные лагеря.

В свою очередь Омское правительство было заинтересовано в поддержке влиятельной общественной организации, которая могла бы стать опорой российской власти на новой территории, в получении в свое распоряжение свежей и обладающей высокими моральными качествами военной силы, а также в дополнительном аргументе в пользу воссоединения Прикарпатья с Россией для союзников. В целом же карпаторусские полки в составе колчаковской армии не на словах, а на деле доказывали единство двух народов.

Однако реальная жизнь оказалась очень далека от реальности пропагандистской, той картины мира, которую формировала и назойливо навязывала официальная и проправительственная печать колчаковского режима. «Если судить по некоторым письмам, – указывалось в докладе начальника Главного военного цензурно-контрольного бюро подполковника Н.К. Павловского от 5 августа 1919 г., – формирование карпаторусских полков происходило в условиях более чем ненормальных. Для подтверждения этого привожу выдержку из письма бывшего военнопленного, солдата 8-го Карпаторусского полка: "Как нас забрали из Тюкалинска и как приехали в Омск, тогда нас брали из вагонов по 10 человек и записывали, кто хочет поступить добровольно, а кто не хотел записываться добровольно, того морозили, гоняли и били прикладами"» (ГАРФ 1: 92). Другое свидетельство на этот счет оставил военный министр Омского правительства, генерал А.П. Будберг. «Бедных карпаторусов, – писал он в своем знаменитом дневнике, – стали хватать с помощью облав (Иванов-Ринов по

этой части дока); благодаря этому Омск остался без хлебопеков и ассенизаторов, так как миролюбивые и непрехотливые карпатороссы специализировались по черному труду; узнав о принудительной мобилизации, они разбежались из Омска, и в риновские сети попала только часть». Данная мера вызвала «страшное озлобление среди них». Мобилизованные карпатороссы были собраны на станции Куломзино, рядом с бараками, в которых помещались семьи ижевских рабочих. Старики-ижевцы сообщали А.П. Будбергу, что «озлобленные карпатороссы ругают их за верную службу своей родине и, не стесняясь, говорят, что им только бы попасть на фронт, а там они расправятся с теми, кто их туда погнал, а сами уйдут к красным; те же отправят их домой» (Будберг 1924: 299).

В итоге отправка новых слабообученных и малонадежных частей на фронт оказалась малоэффективной. 1-й Карпаторусский стрелковый полк, так же как и другие созданные в это время формирования Белой армии (Сибирский казачий корпус, дружины Святого креста и Зеленого знамени) в конечном счете уже не могли переломить хода боевых действий на Восточном фронте гражданской войны. К тому же многочисленные просчеты военных властей в ходе проведения мобилизации сводили на нет весь пропагандистский эффект данного мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 - *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.

Будберг 1924 - Дневник барона А. Будберга. 1919 год // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 254–345, 299–300.

Великая Русь 1919 - К населению Сибири // Великая Русь. Иркутск, 1919. 28 нояб.

Вологодский 2006 - *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань: Частное изд-во П.А. Трибунского, 2006. 619 с.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-147. Оп. 8. Д. 5. Доклад начальника Главного военного цензурно-контрольного бюро штаба Верховного главнокомандующего от 5 августа 1919 г.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 357. Докладная записка Центрального Карпаторусского совета военному министру Российского правительства.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1г. Доклад начальника Главного военного цензурно-контрольного бюро штаба Верховного главнокомандующего от 10 июля 1919 г.

Греймас 2004 - *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический проект, 2004. 368 с.

Иртыш 1919 - Копыстьянский А.В. Казацкая традиция в Прикарпатской Руси // Иртыш. Омск, 1919. 2 сент.

День карпаторусса 1919 - Воины древнего Галича // День карпаторусса. Омск, 1919. 12 сент.

Карпаторусское слово 1 - Беседа казака с карпатороссом // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 25 авг.

Карпаторусское слово 2 - В единении – сила // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 1 окт.

Карпаторусское слово 3 - Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 4 - Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 11 авг.

Карпаторусское слово 5 - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 4 мая.

Карпаторусское слово 6 - Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 25 мая.

Карпаторусское слово 7 - Единство русского фронта // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 4 апр.

Карпаторусское слово 8 - За что и почему? // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 6 сент.

Карпаторусское слово 9 - Итоги // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 1 (2).

Карпаторусское слово 10 - Карпатороссам // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 23 окт.

Карпаторусское слово 11 - Катехизис добровольца-карпаторосса // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 3 (4)

Карпаторусское слово 12 - Праздник русского единения // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 20 апр.

Карпаторусское слово 13 - Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 4 апр.

Карпаторусское слово 14 - Россия и Карпатская Русь // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 15 - Россия и славянство // Карпаторусское слово. Омск, 1919. 20 апр.

Карпаторусское слово 16 - Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 17 - Устав Карпаторусской центральной организации // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1918. № 1.

Карпаторусское слово 18 - Участие Прикарпатской Руси в нынешней войне // Карпаторусское слово. Екатеринбург, 1919. № 2 (3).

Надежда России 1919 - Отпор // Надежда России. Новониколаевск, 1919. 28 авг.

Нам, Наумова 2014 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпатороссов в Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166.

Правительственный вестник 1 - К населению России // Правительственный вестник. Омск, 1919. 26 июля.

Правительственный вестник 2 - Казачий круг // Правительственный вестник. Омск, 1919. 12 авг.

Правительственный вестник 3 - О призыве карпатороссов // Правительственный вестник. Омск, 1919. 28 авг.

Правительственный вестник 4 - От российского правительства // Правительственный вестник. Омск, 1919. 28 авг.

Приветственные послания 2012 - Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. докл. / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 560 с.

РГВА - Российский государственный военный архив. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 160. Отношение общества к правительству.

Русская армия 1 - Братья карпатороссы! // Русская армия. Омск, 1919. 16 авг.

Русская армия 2 - Резолюция 5-го Чрезвычайного круга Сибирского казачьего войска по докладу войскового атамана, генерал-майора Иванова-Ринова // Русская армия. Омск, 1919. 9 авг.

Русская армия 3 - Солдаты и крестьяне! // Русская армия. Омск, 1919. 3 авг.

Суляк 2006 - *Суляк С.Г.* Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

Шевелев 2014 - *Шевелев Д.Н.* «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы. 2014. № 33 (3). С. 348–353.

Шевелев, Конев 2014 - *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181.

Шевелев, Конев 2015 - *Шевелев Д.Н., Конев К.А.* Нарратив о «Великой войне» и формирование образа союзников в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Политический дискурс в парадигме научных исследований. Тюмень: Вектор Бук, 2015. С. 190–200.

Шулдяков 2004 - *Шулдяков В.А.* Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М.: ЗАО Центрополиграф, 2004. Кн. 1. 748 с.

REFERENCES

Barinov I. & Strelkov I. (2012) A.V.Kopystyanskiy i ego deyatel'nost' v Rossii v gody Grazhdanskoy voyny, 1918-1920 gg. [A.V. Kopystyanskiy and his activities in Russia during the Civil War]. *Rusin*. 3 (29). pp. 116-126.

Budberg, A. (1924) Dnevnik barona A. Budberga. 1919 god [Diary of Baron A. Budberg. 1919]. In: *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archive of the Russian Revolution]. Vol. 15. Berlin. pp. 254-345, pp. 299-300.

Anon. (1919) K naseleniyu Sibiri [For the population of Siberia]. *Velikaya Rus'*. 28th November.

Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918-1925 gg.)* [In the power and exile: Diary of the Prime Minister of anti-Bolshevik governments and immigrants in China (1918-1925)]. Ryazan: P.A. Tribunskiy.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919) *Doklad nachal'nika Glavnogo voennogo tsenzurno-kontrol'nogo byuro shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego ot 5 avgusta 1919 g.* [Report of the Chief of the military censorship and control bureau Supreme Headquarters. 5 August, 1919]. Fund R-147. List 8. File 5.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). (n.d.) *Dokladnaya zapiska Tsentral'nogo Karpatorusskogo soveta voennomu ministru Rossiyskogo pravitel'stva* [A report of the Central Carpatho-Russian Council to the Minister of War of the Russian government]. Fund R-200. List 1. File 357.

The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919a) *Doklad nachal'nika Glavnogo voennogo tsenzurno-kontrol'nogo byuro shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego ot 10 iyulya 1919 g.* [Report of the Chief of the military censorship and control bureau of the Supreme Headquarters, 10 July, 1919]. Fund R-5793. List 1. File 1g.

Greimas, A.-J. (2004) *Strukturnaya semantika: Poisk metoda* [Structural semantics: An attempt to find a method]. Translated from French by L. Zimina. Moscow: Akademicheskiiy proekt.

Kopystyanskiy, A.V. (n.d.) Kazatskaya traditsiya v Prikarpat'skoy Rusi [Cossack traditions in the Carpathian Rus]. *Irtysk*. September 2nd.

Den' karpatorussa. (1919) Voiny drevnego Galicha [Warriors of Ancient Galic]. September 12th.

Karpatorusskoe slovo. (1919) Beseda kazaka s karpatorussom [The talk between a Cossack and a Carpatho-Russian]. August 25th.

Karpatorusskoe slovo. (1919a) V edinenii – sila [The union is the power]. October 1st.

Karpatorusskoe slovo. (1918) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi [All natives of Carpathian Rus']. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919b) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi [All

natives of Carpathian Rus']. August 11th.

Karpatorusskoe slovo. (1919c) Vtoroy karpatorusskiy s"ezd [The second congress of the Central Carpatho-Russian Council]. May 4th.

Karpatorusskoe slovo. (1919d) Vtoroy karpatorusskiy s"ezd [The second congress of the Central Carpatho-Russian Council]. May 25th.

Karpatorusskoe slovo. (1919e) Edinstvo russkogo fronta [The unity of the Russian front]. April 4th.

Karpatorusskoe slovo. (1919f) Za chto i pochemu? [For what and why?]. September 6th.

Karpatorusskoe slovo. (1919g) Karpatorossam [To Carpatho-Russians]. October 23th.

Karpatorusskoe slovo. (1919h) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorussa [The catechism of the Carpatho-Russian volunteer]. January 18th.

Karpatorusskoe slovo. (1919i) Prazdnik russkogo edineniya [The holiday of the Russian unity]. April 20th.

Karpatorusskoe slovo. (1919j) Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Carpathian Rus' at the peace conference]. April 4th.

Karpatorusskoe slovo. (1918a) Rossiya i Karpatskaya Rus' [Russia and Carpathian Rus]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919k) Rossiya i slavyanstvo [Russian and Slavic]. April 20th.

Karpatorusskoe slovo. (1918b) S"ezd delegatov karpatorusskikh koloniy v Chelyabinske [Congress delegates Carpatho-Russian colonies in Chelyabinsk]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1918c) Ustav Karpatorusskoy tsentral'noy organizatsii [Charter of the Carpatho-Russian Central organization]. 1.

Karpatorusskoe slovo. (1919l) Uchastie Prikarpatskoy Rusi v nyneshney voyne [Participation of Carpathian Rus in the current war]. January 10th.

Nadezhda Rossii (1919) Otpor [Repulse]. August 28th.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) S"ezdy karpatorossov v Sibiri v gody grazhdanskoy vojny (1918–1919 gg.) [The Congresses of the Carpatho-Russians in Siberia during the Civil War (1918–1919).] *Rusin.* 3 (37). pp. 152-166.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919) K naseleniyu Rossii [For the population of Russia]. July 26th.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919a) Kazachiy krug [The Cossack council]. August 12th.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919b) O prizyve karpatorossov [About of the military conscription of the Carpatho-Russians]. August 28th.

Pravitel'stvennyy vestnik. (1919c) Ot Rossiyskogo pravitel'stva [From the Russian government]. August 28th.

Zhuravlev, V.V. (2012) *Privetstvennyye poslaniya Verkhovnomu Pravitelyu i Verkhovnomu Glavnokomanduyushchemu admiralu A.V. Kolchaku. Noyabr' 1918 – noyabr' 1919 g.* [Welcome messages to the Supreme Ruler and Supreme

Commander Admiral A.V. Kolchak. November 1918–November 1919]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press.

The Russian State Military Archive (RGVA). *Otnoshenie obshchestva k pravitel'stvu* [The attitude of society to the government]. Fund 39499. List 1. File 160.

Russkaya armiya. (1919) *Brat'ya karpatorossy!* [Brothers Carpatho-Russians!]. August 16th.

Russkaya armiya. (1919a) *Rezolyutsiya 5-go Chrezvychaynogo kruga Sibirskogo kazach'ego voyska po dokladu voyskovogo atamana, general-mayora Ivanova-Rinova* [Resolution of the 5th Extraordinary range of the Siberian Cossack Army on the report of the ataman Major General Ivanov-Rinow]. August 9th.

Russkaya armiya. (1919b) *Soldaty i krest'yane!* [Soldiers and peasants!]. August 3rd.

Sulyak, S.G. (2006) *Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty* [Rusyns in the First World War and the Russian Troubles]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46-65.

Shevelev, D.N. (2014) "My ispytali gor'koe udovletvorenienie nashey obshchey pobedy": tema i obrazy "Velikoy voyny" v ofitsial'noy i propravitel'svennoy periodicheskoy pechati beloy Sibiri (iyun' 1918 – dekabr' 1919 gg. ["We Felt the Bitter Satisfaction of Our Shared Victory": the Theme and Images of the 'Great War' in the Official and Pro-government Periodical Press of the White Siberia (June 1918 – December 1919)]. *Bylye gody. Russian Historical Journal*. 33(3). pp. 348-353.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) Tema "Velikoy voyny" vo vzaimootnosheniyakh Rossiyskogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka i Tsentral'nogo karpatorusskogo soveta (1918–1919 gg.) [The theme of the "Great War" in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919)]. *Rusin*. 3 (37). pp. 167-181.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) *Narrativ o "Velikoy voynе" i formirovanie obraza soyuznikov v ofitsial'noy i propravitel'svennoy periodicheskoy pechati beloy Sibiri (iyun' 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The narrative of the "Great War" and the formation of the image of the allies in the official and pro-government periodicals of the white Siberia (June 1918 – December 1919)]. In: Shapochkin, D.V. (ed.) *Politicheskii diskurs v paradigme nauchnykh issledovaniy* [Political discourse in the paradigm of research]. Tyumen: Vektor Buk.

Shuldyakov, V.A. (2004) *Gibel' Sibirskogo kazach'ego voyska. 1917–1920* [The death of the Siberian Cossack Army 1917–1920]. Vol.1. Moscow: Tsentropoligraf.

Шевелев Дмитрий Николаевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Shevelev Dmitry – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shev-dn@yandex.ru

Конев Кирилл Александрович – аспирант исторического факультета, сотрудник Научной библиотеки Томского государственного университета.

Konev Kirill – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

УДК 94(4)"1945"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/12

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЧИНА В ЭТНИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

О.К. Шевченко

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Россия, 295007, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект академика Вернадского, 4
E-mail: skilur80@mail.ru; yalta-1945@yandex.com
SPIN-код: 5014-8625

Авторское резюме

Статья посвящена одному из самых сложных вопросов на Ялтинской конференции – вопросу об этнических границах. Среди этнических проблем самые тяжелые споры шли вокруг границ Польши. Был проведен серьезный математический и стилистический анализ советских документов, посвященных обсуждению новых восточных этнических границ Польши. Советские документы сравнены с материалами американскими. Дополнительными данными послужили точные фотокопии «особой папки Сталина», посвященные «Ялте-1945». В разделах, касающихся Восточной Галичины, и вопросах о русинах сравнение шло построчно. Определены исходные предпосылки этнического дискурса: данные переписи населения, американские рабочие карты и т. п. В результате удалось восстановить исторические формы этнического дискурса власти такими, какими они были в феврале 1945 г.

Ключевые слова: власть, этнический дискурс, Ялтинская конференция, русины.

ARCHAEOLOGY OF POWER: EASTERN GALICIA IN THE ETHNIC DISCOURSES OF THE YALTA CONFERENCE

O.K. Shevchenko

Crimean Federal University of V.I. Vernadsky
4 Vernadsky Avenue, 295007, Simferopol, Republic of Crimea, Russia

Abstract

The article is devoted to one of the most difficult issues at the Yalta conference – the issue of ethnic boundaries. Among ethnic problems were the most severe disputes around the borders of Poland. Was carried out serious mathematical and stylistic analysis of Soviet documents devoted to the discussion of the new Eastern ethnic boundaries of Poland. The Soviet documents were compared to the materials American. Additional data was accurate photocopies Folders "Stalin" is devoted to Yalta-1945. In the sections concerning Eastern Galicia and the Rusins (Ruthenians), the comparison was on line. Defined the presuppositions of ethnic discourse: census data, American workers card, etc. The result was to restore the historical forms of ethnic discourse as they were in February 1945.

Keywords: power, ethnic discourse, Yalta conference, Rusins.

Юбилей Ялтинской конференции, который отмечали в феврале 2015 г., стал поводом для многочисленных публикаций, что неудивительно, учитывая резкую модернизацию коммуникационных технологий, где публицистика – ведущий вектор (Сомов 2015: 227–228). Большинство материалов, совершенно в стиле современных информационных технологий, планомерно и эпатажно отстаивают две противоположные точки зрения: «Ялта-45» – это олицетворение зла, которое вновь заявляет о себе в политике В.В. Путина (Янс 2015), либо же «Ялта-45» – «наилучший из миров» (Мартынов 2015).

Анализ активности публицистики, интервью политиков показывают, что особое внимание авторы уделяют вопросам власти, а именно проблемам этнической политики сильнейших государств планеты. Решения Ялтинской конференции в контексте изменения этнической карты Европы оказались столь значительны, что даже спустя 70 лет они воспринимаются большинством людей как событие относительно недавнее, событие, которое продолжает оказывать воздействие на день сегодняшний. Во многом данный факт – знамение века XXI, когда

политический дискурс власти все более и более уходит в дискурс этнический. И если ранее вопрос, скажем, о границах Польши рассматривался в 1960–1980-е гг. как проблема изменения границ государства, то в настоящее время в заявлениях создателей общественного мнения (журналистов, блогеров, политиков) идет речь об изменении границ этносов. Игнорировать столь явный «общественный заказ» на анализ этнополитических конструкторов «Ялты-45» историк не имеет права. Правда, за игрой журналистов в политические симулякры не должен теряться тот простой факт, что Ялтинская конференция – это прежде всего историческая реальность, которая нуждается в серьезном научном исследовании.

Усложняет работу тотальное отсутствие исследовательских традиций постижения этнических вопросов Ялтинской конференции. Исключения составляют отдельные небольшие работы (Марков 1996; Шевченко 2005; Шевченко 2010; Шевченко 2012). Имеется, правда, значительный массив общей литературы по Ялтинской конференции, где вопросы этнического характера упоминаются исследователями спорадически и контекстуально (Кучер 2003: 533–555; Юрченко 2005: 238–239).

Попробуем очертить круг ялтинских решений, которые напрямую касались этнических реалий. Прежде всего, это «польский вопрос», по подсчетам британских экспертов, на его решение было потрачено 18 тыс. слов (Ахтамзян 1985: 64). Для уточнения этого числа и для наукометричности его введения в научный оборот автор статьи провел комплексный лингвистический анализ. В его основу были положены официально опубликованные советские стенограммы, рабочие и официальные документы конференции (Крымская конференция 1984). Оказалось, что, по советским источникам, для решения «польского вопроса» было использовано 12 240 слов, а если учесть, что всего на конференции было произнесено (написано) 60 509 слов, то окажется, что «польский вопрос» занимал 20 % всего времени Ялтинской конференции. При этом всего делегации рассмотрели 49 вопросов (Крымская конференция 1984: 290–294). То есть 2 % вопросов заняли 24 % времени.

Считается, что наиболее важным по своим последствиям в рамках «польского вопроса» явилось решение по границам, фундаментально изменившее этническую карту Германии, Польши, Украины и Белоруссии. Однако на его обсуждение было потрачено всего 1 692 слова, т. е. около 3 % от всех слов конференции и чуть более 12 % от всего объема «польского вопроса». Другими словами, в результате дискуссии, которая, включая подписанные документы, ограничивалась 1 692 словами, были решены судьбы миллионов людей, «малые»

народы Европы были поставлены фактически на грань исчезновения: кашубы, мазуры, силезцы, русины.

Следующим европейским вопросом, затронувшим этническую карту, явилось установление италяно-югославской и австрийско-югославской границ. Прений по установлению границ как таковых не было. Большая часть переговоров велась путем вручения меморандумов и проектов (более тысячи слов), устное обсуждение заняло чуть менее ста слов. При этом вопрос рассматривался на уровне министров иностранных дел без сколько-нибудь заметного участия И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Серьезных этнических сдвигов решение о югославской границе не предусматривало (сохранялся Status Quo 1937 г.).

Значительные этнические катаклизмы по результатам ялтинских соглашений испытал Дальний Восток. Согласно результатам очень короткого диалога Ф. Рузвельта и И. Сталина (всего 54 слова), в рамках которого Рузвельт обозначил, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу» (Крымская конференция 1984: 129), а также нескольких абзацев (19 слов) секретного соглашения между И. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчилем (Крымская конференция 1984: 254–255), было перемещено более 357 тыс. японских граждан (Костанов 2012).

По результатам представленного небольшого обзора видно, что вопросы собственно этнической составляющей изменяемых территорий на Ялтинской конференции прямо и непосредственно фактически не поднимались, более того, в их решении участники переговоров придерживались принципов лаконичности и оперативности. Единственным исключением служит, пожалуй, проблема, связанная с границами Польши. Именно к ней как наиболее перспективной в деле выявления этнократических дискурсов «Большой тройки» мы и обратимся.

Вопрос о польских границах очень четко структурно распадается на два блока. Первый блок – это изменение западных и северных границ Польши за счет территории, принадлежавшей Германии. Второй блок – это приращение земель Украинской и Белорусской Советских Республик за счет польских территорий, в общем и целом по известной линии лорда Керзона. По нашим подсчетам, 60 % слов было потрачено на обсуждение границ на западе и около 40 % – на востоке. Ранее мы уже неоднократно упоминали в своих статьях о перипетиях, связанных с установлением западных границ Польши, настало время вскрыть семантику и логику ялтинских диалогов в отношении восточной границы.

Ядром «ялтинских» дискурсов явилась территория Галиции. Под последней автор понимает территории, ныне входящие в Львовскую,

Ивано-Франковскую и Тернопольскую области, а также ряд территорий граничащих с ними польских воеводств. В 1945 г., на момент проведения Ялтинской конференции, территория Галиции была освобождена от фашистов и находилась под контролем советской администрации.

В феврале 1945 г. вопрос о Галиции и национальной принадлежности территорий был поднят, как уже говорилось, в контексте «польского вопроса». По сути, перед американским президентом и британским премьер-министром стоял непреложный факт: большая часть территории Польши (которая понималась ими в реалиях до 1938 г. и куда включались такие города, как Ровно, Львов, Луцк, Тернополь и т. д.) находилась либо под контролем администрации Советской Украины, либо просоветски настроенного польского правительства в Люблине. Наиболее серьезным и важным считалось установление такого польского правительства, которое могло бы быть ориентированно исключительно в сторону Лондона и Вашингтона, и ради этой цели западные демократии готовились разыграть территориальную карту. А именно – удовлетворить все заявки Советского Союза на приращение территорий за счет польского государства, но, разумеется, не сразу, а в рамках предполагаемых компромиссов и уступок. Именно такую интерпретацию следует дать документам предварительного совещания между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом на о. Мальта до вылета на Крымскую конференцию (Foreign Relations 1955: 499–500, 505, 508–511).

Именно «техничностью» и непринципиальностью проблемы объясняется столь незначительный объем диспутов вокруг Галиции: 676 слов. Тогда как по отношению к западной границе Польши союзники решили занять твердую позицию (Foreign Relations 1955: 505), и вследствие объем диалогов возрос до 1 007 слов.

Если посмотреть на структуру диалогов, то перед нами вырисовывается следующая картина: на заседаниях глав правительств было упомянуто о Галиции – 473 слова, в рабочих документах (проектах, памятных записках и т. д.) – 147 слов и, наконец, в официальных документах – 56 слов. При этом, если сравнить количество слов по обсуждению восточной и западной границ Польши непосредственно И. Сталиным, Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, то оно примерно равно 473 и 630, а вот в официальных и рабочих документах разница увеличивается почти вдвое. То есть вопрос о Галиции был решен преимущественно главами держав, тогда как границы западные потребовали значительных технических доработок и стилистической отшлифовки.

В чем же заключалась соль диалогов, ставшая головной болью для сотен политиков на протяжении вот уже 70 лет? Впервые вопрос

о границах, а если быть более точным, то о фактическом разделе этнокультурного региона Галиция между Польшей и УССР (от лица которой выступал СССР), на Ялтинской конференции был поднят 6 февраля, ближе к 18.00 в Белой парадной столовой Большого Ливадийского дворца.

День выдался солнечным, ясным и крайне насыщенным рабочими вопросами. С 10.00 в Воронцовском дворце проходили двух- и трехсторонние совещания военных специалистов, параллельно в Ливадийском дворце шло совещание министров иностранных дел. С 13.00 по 15.00 проходил деловой ланч в Ливадийском дворце с участием Черчилля и Рузвельта (Юрченко 2005: 217–224). И. Сталин работал в своей резиденции – Юсуповском дворце – в пос. Кореиз. В 16.00 началось третье пленарное заседание глав делегаций. Были успешно обсуждены «щекотливые» вопросы о сферах влияния в Иране, вновь поднят и как-то очень активно и результативно продвинулся вопрос о примирении точек зрения об Организации Объединенных Наций. Британский премьер-министр предлагает обсудить «польский вопрос». Рузвельт соглашается и заявляет, «что Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, и он, Рузвельт, попросит двух других участников совещания изложить свои соображения. В Соединенных Штатах Америки проживают 5–6 млн лиц польского происхождения. Его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы «не потерять лицо» (Крымская конференция 1984: 90).

Развивая мысль, Рузвельт раскрывает, что именно означает «не потерять лицо»: «Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона». Он, Рузвельт, не настаивает на своем предложении, но хочет, чтобы советское правительство приняло это во внимание (Крымская конференция 1984: 90). То есть речь идет, согласно официальной советской публикации, о некоторых уступках «на южном участке линии Керзона» (запомним этот факт, а также тот момент). Начало обсуждению «польского вопроса» положила реплика Черчилля, который, рабски следуя предложению И. Сталина закрыть вопрос об ООН, предлагает обсудить ситуацию с Польшей. Любопытно, что даже в личном архиве Сталина, опубликованном Н. Нарочницкой, который, в отличие от советских сборников, купюр не имеет (Шевченко 2014: 122), данный факт совершенно не отражен. Более того, он бескомпромиссно утверждает о начале именно Черчиллем дискуссии по Польше, и только после того, как Сталин завершил дискуссию об ООН (Ялта-45 2010: 118).

Заглянем в стенограмму «Американского сборника». Логика рассмотрения вопроса принципиально иная: «The President inquired whether the Polish question should be taken up now or postponed until the next meeting. The Prime Minister said that he hoped that at least a start could be made today» (Foreign Relations 1955: 667). О Сталине – ни слова! Это момент принципиальный, ибо в литературе подчеркиваются именно активность Черчилля в «польском вопросе» и самоустранение Рузвельта в столь интересной политической игре (Юрченко 2005: 226).

Когда мы рассуждаем о власти, подобные мелочи имеют обыкновение складываться в единое мозаичное полотно, которое в своем законченном виде может значительно отличаться от того эскиза, который частенько власть лукаво нам предлагает рассмотреть. Впрочем, продолжаем дальше сличать стенограммы. В советском сборнике 1984 г. Рузвельт просит о некоторых уступках, где-то южнее линии Керзона, а вот в личном архиве Сталина, который создавался для вождя и к которому только он сам имел доступ, находится иная стенографическая запись. Рузвельт, дабы поляки «сохранили лицо» с потерей большей части Галиции, предлагает, чтобы советское правительство уступило им «Львов и нефтяные районы на юго-западе от Львова. Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона» (Ялта-45 2010: 119).

Трудно сказать, чем руководствовались авторы и составители сборника 1984 г., но стенограмма 1945 г. выглядит убедительней и прагматичней. Речь идет ведь совсем не о поляках или иных народах, речь идет о конкретном мощном административном центре Львов и об очень интересных нефтеносных районах (о которых Рузвельт, правда, имел смутное представление, но королевское слово *нефть* явно фигурирует как доминирующее в его речи). В американской стенограмме этот факт еще более чисто, я бы сказал, прагматично звонче: «The President said that the United States was farther away from Poland than anyone else here, and that there were times when a long distance point of view was useful. He said that at Tehran he had stated that he believed the American people were in general favorably inclined to the Curzon Line as the eastern frontier of Poland, but he felt that if the Soviet Government would consider a concession in regard to Lwow and the oil deposits in the Province of Lwow that would have a very salutary effect. He said that he was merely putting forth this suggestion for consideration and would not insist on it» (Foreign Relations 1955: 667).

В речи американского лидера приводятся мысли не просто о Львове, но о провинции, и акцентируется внимание на нефтенос-

ных концессиях. Однако есть и своя «ложка дегтя»: в американских стенограммах – ни слова о поляках и «сохранения ими лица», ни об уничтожительной (для риторики 1945 г.) параллели между китайцами и поляками, ни слова, наконец, о реплике Сталина, кто такие настоящие поляки – те, кто живут в Польше или в США? Все эти нюансы вычищены из американского сборника, а сам диалог Рузвельт – Сталин, диалог политиков, где Рузвельт просит облегчить ему работу с польским электоратом в США, превратился в монолог «дядюшки Франклина», который кое-что просит, который что-то чувствует, который чем-то обеспокоен.

Далее дискуссия стала ужом увиваться вокруг состава и структуры польского правительства, проблема границ была обозначена, вернее ее обозначил один лишь Рузвельт, остальные участники диалога ее проигнорировали. Вновь проблема всплывает с подачи Ф. Рузвельта: «Рузвельт заявляет, что он хотел бы слышать от маршала Сталина и Черчилля их мнение об его предложении. Разрешение "польского вопроса" очень помогло бы делу союзников. Черчилль говорит, что он уполномочен заявить о положительном отношении британского правительства к предложению президента. Черчилль постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении британского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется советским правительством, т. е. с оставлением Львова у Советского Союза. Его, Черчилля, и Идена много критиковали за это как в парламенте, так и в консервативной партии, но он всегда считал, что после той трагедии, которую перенесла Россия, защищая себя от германской агрессии, и после тех усилий, которые Россия приложила для освобождения Польши, претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве.

Черчилль продолжает и сейчас придерживаться этой точки зрения. Однако Черчилль больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточнением линии ее границ» (Крымская конференция 1984: 91). На первый взгляд – удивительное и возмутительное действие! У Черчилля фактически «подставляет своего союзника – Рузвельта – и в угоду русским лишает поляков столь замечательных территорий, которые им так великодушно готов был оставить президент. Ведь еще на Мальте американцы обозначили свою позицию, а эти коварные англичане, не выступив решительно против нее, дождались официального саммита и поставили под удар американцев. Что и говорить, «противный» тип этот Черчилль. По крайней мере, такое впечатление сложится у читателей советского сборника, однако в архивах Сталина речь Черчилля имеет одно дополнение: перед последней фразой, процитированной выше,

неистовый Уинни говорит следующее: «...этой точки зрения. Но если бы Россия – великая держава – сделала великодушный жест по отношению к более слабой державе и пошла бы на уступку, о которой говорил президент, то британское правительство было бы этим только восхищено» (Ялта-45 2010: 120).

В общем и целом, американская стенограмма подтверждает материалы из архива Сталина. Речь Черчилля в классическом парламентском тоне живо давила на сталинскую мозоль, ведь он на конференции не раз говорил, что намерен защищать интересы Польши, видеть ее добрым соседом и иными концептами проводил линию морального отношения к проблеме. Подхватив эту волну, Черчилль поддержал цинизм и прагматичность президента продолжением игры в мораль, которую начал И. Сталин. Сталин хранил молчание. Оживлялся он лишь, когда шла речь о правительстве Польши, казалось, отдельные рапирные выпады Рузвельта и Черчилля никак его не трогают.

Маршал обратился к теме границ лишь после того, как эту тему развил Рузвельт, после того, как определенно высказался Черчилль, и после того, как мысли его партнеров о правительстве Польши были высказаны ярко и напористо: «Теперь о конкретных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия. Прежде всего о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 г. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше. Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе...» (Крымская конференция 1984: 101–102).

Впервые в ходе дискуссии был озвучен аргумент этнический (когда речь шла о поляках, имелось в виду исключительно польское государство), аргумент об изменении границ в пользу этнической справедливости, справедливости русских и украинцев. Подчеркивалась

несправедливость этнических границ даже в виде линии Керзона, но уже как уступка полякам как этносу и западным демократиям как политическим системам. По сути, монолог Сталина впервые обозначил уход от экономико-политических стратегий в область этнического противостояния. И в этом смысле хозяин Кремля лучше чувствовал веяния эпохи и властные ветры будущего. Материал архива Сталина, за исключением некоторых стилистических отличий (свою речь Сталин предваряет кратким резюме идей Черчилля и Рузвельта), совпадает с материалами 1984 г. Но не ясно, чего ожидал Сталин, почему молчал, получая столь хлесткие словесные удары со стороны англо-американцев? Американская стенограмма более точна, чем советские, и в этом моменте выглядит более логичной.

Перед своим выступлением «At the suggestion of Marshal Stalin, there was a ten-minute intermission» (Foreign Relations 1955: 669) Сталин ждал, когда все аргументы будут высказаны, и лишь тогда нанес свой четкий удар, во многом отвечавший лучшим законам и эталонам риторики. Спич маршала был долгим, и по его завершении союзникам просто нечего было возразить: «Рузвельт заявляет, что «польский вопрос» в течение пяти веков причинял миру головную боль. Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы «польский вопрос» больше не причинял головной боли человечеству. Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать» (Крымская конференция 1984: 96).

«Папка Сталина» идентична материалам 1984 г. (Ялта-45 2010: 126). Однако вновь издевательско-циничные слова Рузвельта и Черчилля в адрес поляков исчезают из американской стенограммы, которая заканчивается сухой и явно искусственной фразой: «The Conference then adjourned until four o'clock tomorrow» (Foreign Relations 1955: 671).

7 февраля была озвучена идея Советского Союза о границах: «Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5–8 км в пользу Польши» (Крымская конференция 1984: 116); позиция была озвучена после многочасовых безуспешных переговоров вокруг польского правительства. Идея была выслушана благосклонно, а 8 февраля по этому пункту было достигнуто полное согласие. Но это было лукавое согласие. Вопрос о границах в изощренной британской манере поднял вновь (уже после того как была одобрена формула Сталина) У. Черчилль: «Как советскому правительству хорошо известно, он, Черчилль, не согласен с взглядами польского правительства в Лондоне и считает его действия неразумными. Однако формальное признание нового польского правительства, созданного год назад, вызвало бы

очень большую критику действий британского правительства. Люди стали бы утверждать, что британское правительство уже раньше полностью уступило Советскому Союзу по вопросу о восточной границе Польши и теперь капитулировало перед ним по вопросу о характере польского правительства» (Крымская конференция 1984: 142).

Сверка с документами «Особой папки Сталина» подтвердила точность публикации (Ялта-45 2010: 152), американская стенограмма в целом идентична советской. Данная яркая фраза, нашедшая отражение во всех известных материалах, лишь подчеркивает факт игры в «справедливые границы», по крайней мере, со стороны Черчилля, для которого вопросы пограничные являлись лишь аргументом в споре с И. Сталиным по действительно важным проблемам.

Еще несколько раз Черчилль вновь, уже 9 февраля, пытается шантажировать советскую делегацию вопросом о Галиции: «Черчилль заявляет, что он стремится лишь к тому, чтобы, вернувшись в Англию, провести через парламент вопрос о восточной границе Польши. Черчилль считает это возможным, если сами поляки между собой смогут решить вопрос о правительстве» (Крымская конференция 1984: 167). Это же зафиксировано в личном архиве Сталина (Ялта-45 2010: 184).

Однако данный пассаж Черчилля полностью отсутствует в американских стенограммах: наверное, составителям сборника документов в 1955 г. мог показаться диким сам факт того, что премьер Британии готов «протащить» вопрос о невыгодных границах своего союзника Польши через британский парламент, и того, что сама мысль о юридической законности и силе этого действия ни у кого в 1945 г. не вызывала сомнений. Мир за 10 лет изменился слишком сильно, чтобы действия У. Черчилля смотрелись сколько-нибудь более демократично, чем «тирана» Сталина.

Анатомирование ялтинских реалий 1945 г., реконструкция дискурса власти со всей очевидностью показывают, что активно создаваемые стереотипы в 2015 г. имеют очень мало общего с подлинной историей раздела Галиции на Ялтинской конференции. Дебаты по поводу границы начал американский президент, начал цинично, в лучшем стиле политической экономии. Развил и уточнил идею о физической границе между Польшей и Советским Союзом, зафиксировал, что вопрос о границе – это то, что западные демократии готовы «продать» Советам, британский премьер-министр.

С точки зрения дня сегодняшнего, это были абсурдные и некорректные идеи. Не было учтено мнение ни поляков, ни украинцев. Не был проведен элементарный референдум. Более того, целые этносы попросту игнорировались в анализируемом дискурсе. Так, совершенно не учитывались права русинов, и даже сам этноним не упоминался в

диалогах (впрочем, то же можно сказать и о других территориальных вопросах, связанных, например, с новой границей между Польшей и Германией (Шевченко 2010: 291).

Возможно, этнический состав и, в частности, русинское население Галиции были тайной для западных держав? Отнюдь. Польша (частью которой до 1939 г. являлась территория Галиции) – одна из немногих стран, которая аккуратно и последовательно проводила переписи своего населения. Более того, материалы переписи были открытыми и публиковались как на польском, так и французском (в те годы – язык международного общения) языках. Проводились переписи очень авторитетной государственной организацией – Центральным статистическим бюро (основано в 1918 г., основатель – известный социолог Людвик Кшивицкий).

Первая из переписей прошла в 1921 г. Анкета переписи имела графу «национальность». Любопытно, что по итогам переписи украинцы частенько объединялись с русинами (при этом собственно русские практически отсутствовали). Но, во всяком случае, этноним «русин» зафиксирован и имеет четкое обозначение. Следующая перепись 1931 г. уже не имела графы «национальность», а вместо нее стояла графа «язык». Поэтому очень многие «малые» народы называли своим родным языком украинский, польский, русский. Тем не менее сохранился значительный процент жителей Галиции, не попавших под эти языковые барьеры и отметивших свой родной язык (следовательно, по логике польского правительства, – и национальность) как русинский (Польская перепись 1931; Drugi Powszechny 1938: 15-19). Не зная столь явной и открытой информации профессионалы из дипломатических корпусов Британии и США просто не могли.

Есть и прямой факт, подтверждающий, что как минимум Государственный департамент США располагал весьма точной картиной об этнической чересполосице в Галиции. Дело в том, что в 1943 г. заканчивалась работа под руководством Сомнера Уэллеса по разработке методических материалов для руководства США по целому комплексу внешнеполитических вопросов, в том числе и по проблемам Галиции (Этнографические карты). На основании переписи 1931 г. была составлена этнографическая карта Польши, которая очень четко фиксирует наличие русинского компонента в различных частях Галиции (Christopher D. O'Sullivan).

Таким образом, не зная этнических реальностей и не просчитывать судьбы этноса «русины», оцененного Госдепом в более чем 130 тыс. чел., Ф. Рузвельт не мог. А учитывая тесные связи кабинета Черчилля с польским правительством, его многолетнее политическое и военно-экономическое сотрудничество, считать, что Уинстон

просто не знал, «как там дела в Галиции», было бы в высшей степени наивно. И проблема тут не в алчности или непорядочности отдельно взятой политической системы. Просто в 1945 г. власть оперировала иными понятиями, нежели сейчас. Вернее, власть проецировала в общество иные конструкты, нежели ныне. Политкорректность, права меньшинств – это идеологические симулякры, рожденные как оружие холодной войны для дискредитации соперника. Этим грешил Советский Союз, педалируя угнетение чернокожих, этим грешили Соединенные Штаты, укоряя Советов в нарушении свободы совести граждан СССР и т. д. В 1945 г. понимание электоратом У. Черчилля того, что «Британия правит морями», было все еще доминирующим, а посему не было ничего удивительного в том, чтобы удовлетворять свои сиюминутные политические амбиции за счет судеб туземного населения, пускай и населения Восточной Европы. И для британцев, и для американцев на момент 1945 г. это были факторы эффективности и правильности поступков власти.

С годами риторика холодной войны, игры публицистов, писателей и политиков привели к невозможности подобного рода дискурсов. Хельсинские соглашения 1975 г., когда вместо трех стран судьбы Европы решали представители практически всех наций нынешнего Евросоюза (33 государства), озаменовали собой окончание Ялтинского мира и ялтинской логики власти.

В настоящий момент идет структурная перестройка системы отношений: власть – этнос – власть. События в Сербии, Албании, Испании, Шотландии и, наконец, Крымская весна показывают, что оперирование в политике исключительно факторами экономики или государственного суверенитета подобно миражам для караванщика, которого потихоньку засасывают зыбучие пески реальности. Игнорирование этнических реалий, как показывает ялтинский дискурс власти, устарело на 70 лет и в настоящее время совершенно бесперспективно. Говорить о Ялтинском мире возможно лишь как о реальности прошлого, реальности, которую можно сконструировать на страницах книг, но совершенно не получится реализовать в живой стихии человеческого общения сегодня. Этнические дискурсы власти в Ялте – это предмет не политологии, а скорее археологии гуманитарного знания, вытаскивающего из-под пыли дня сегодняшнего артефакты идей, мыслей и отношений прошлого. В этом смысле многочисленные попытки современной власти критиковать Ялту, восхищаться Ялтой, видеть в ней «маяк будущего» – не более чем дымовая завеса, ибо все эти критики-восхищения относятся исключительно к реконструированной реальности, к конструктам экспертов-идеологов. Тем самым тщательно маскируются подлин-

ная глубина и логика ялтинских дискурсов как реальности февраля 1945 г. – последнего зимнего месяца, предварявшего весну Великой Победы. Но это уже иные конструкции, иные дискурсы, иное время.

ЛИТЕРАТУРА

Ахтамзян 1985 - *Ахтамзян А.* Соглашения непреходящего значения // Международная жизнь. М.: 1985. № 2. С. 58–67.

Костанов 2012 - *Костанов А.И.* История Курильских островов. URL: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/18> (дата обращения: 2.10.2015).

Крымская конференция 1984 - Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М.: Политиздат, 1984. 302 с.

Кучер 2003 - *Кучер В.І., Гриневич В.А., Коваль В.С.* Політична історія України ХХ ст.: У 6 т. Т. 4: Україна у Другій світовій війни, 1939–1945. К.: Генеза, 2003. 584 с.

Марков 1996 - *Марков К.А.* Крымская конференция и проблема переселения немцев // Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: уроки и перспективы: Материалы международного научного симпозиума (Ялта, февраль 1995). Симферополь: Крымский архив, 1996. С. 51–54.

Мартынов 2015 - *Мартынов А.* Ялтинский мир – наилучший из всех возможных // Известия. 2015. 31 июля.

Польская перепись 1931 - Польская перепись 1931. URL: <http://ru.knowledgr.com/06649324/ПольскаяПерепись1931> (дата обращения: 3.10.2015).

Сомов 2015 - *Сомов М.В.* Модернизация коммуникации в условиях развития современных информационных технологий // Роль науки в развитии общества: сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей (Уфа, 17 апреля 2014). Уфа: АЭТЕРНА, 2015. С. 227–230.

Шевченко 2005 - *Шевченко В. Ф.* Кримська (Ялтинська) конференція 1945 р.: Українське питання // Ялта 1945–2005: От биполярного мира к геополитике будущего: Материалы международного научного симпозиума (Ялта, февраль 2005). Симферополь: Магистр, 2005. С. 94–108.

Шевченко 2010 - *Шевченко О.К.* «Границы Ялты» – социокультурный срез Силезии, присоединенной к Польше в 1945 г. // «Ялтинская система» и современный мировой порядок: проблемы глобальной и региональной безопасности: материалы международной научной конференции (Ялта, 17–21 февраля). Симферополь, 2010. С. 286–292.

Шевченко 2014 - *Шевченко О.К.* О структуре русскоязычной документальной базы по Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. // Культура народов

Причерноморья. Симферополь. 2014. № 266. С. 120–125.

Шевченко 2012 - *Шевченко О.К.* «Пястовы Земли» (середины ХХ – начала ХХІ в.) и «Ялтинские договоренности» с позиций польской историографии // Таврійські студії [Симферополь]. 2012. № 2. URL: [http://ts.uncat.crimea.ua/arhiv.html#Таврійські студії № 2](http://ts.uncat.crimea.ua/arhiv.html#Таврійські_студії_№_2) (дата обращения: 3.10.2015).

Этнографические карты - Этнографические карты Восточной Европы, разработанные Госдепартаментом США в 1943 году. URL: <http://egorka-datskij.livejournal.com/1269.html> (дата обращения: 4.10.2015).

Юрченко 2005 - *Юрченко С.В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. Симферополь: ИД «Крым», 2005. 340 с.

Ялта-45. Начертание нового мира. М.: Вече, 2010. 288 с.

Янс 2015 - *Янс Г.* Минск как новая Ялта // Свободная пресса. 2015. URL: <http://svpressa.ru/blogs/article/112616> (дата обращения: 4.10.2015).

Drugi Powszechny 1938 - *Drugi Powszechny spis Ludnosci z dn. 9. XII. 1931 r.* Mieszkania i gospodarstwa domowe ludnosc Polska. Warszawa: nakladem gtownego urzedu statystycznego, 1938. 73 s.

Christopher D. O'Sullivan - *Christopher D. O'Sullivan.* Sumner Welles, Postwar Planning, and the Quest for a New World Order, 1937–1943. URL: <http://www.gutenberg-e.org/osc01/frames/fosc07.html> (дата обращения: 3.10.2015).

Polish 1921 - Polish 1921. Census and Demographic Data. URL: http://www.kresy.co.uk/census_demographic.html (дата обращения: 3.10.2015).

Foreign Relations 1955 - Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945. Washington: United States Government Printing Office, 1955. 1032 p.

REFERENCES

Akhtamzyan, A. (1985) Soglasheniya neprekhodyashchego znacheniya [Agreement of lasting value]. *Mezhdunarodnaya zhizn' – International Affairs*. 2. pp. 58-67.

Christopher D. O'Sullivan - Christopher D. O'Sullivan. *Sumner Welles, Postwar Planning, and the Quest for a New World Order, 1937–1943*. URL: <http://www.gutenberg-e.org/osc01/frames/fosc07.html> ((Accessed: 3th October 2015).

Kostanov, A.I. (n.d.) *Istoriya Kuril'skikh ostrovov* [The history of the Kuril Islands]. [Online] Available from: <http://www.kuriles-history.ru/book/chapter/18> (Accessed: 2th October 2015).

Gromyko, A.A. (ed.). (1984) *Krymskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (4-11 fevralya 1945 g.)* [The Crimean conference of the allied powers – USSR, USA and Great Britain (February 4-11, 1945)]. Moscow: Politizdat.

Kucher, V.I, Grinevich, V.A. & Koval', V.S. (2003) *Politichna istoriya Ukraïni XX st.:*

u 6 t. T.4: *Ukraïna u Drugiy svitoviy viyni, 1939–1945* [Political history of Ukraine of the 20th century: In 6 vols. Vol. 4: Ukraine in World War II, 1939–1945.]. Kiev: Geneza.

Markov, K.A. (1996) [Crimean conference and the problem of German re-settlement]. *Krymskaya (Yaltinskaya) konferentsiya 1945 goda: uroki i perspektivy* [The Crimean (Yalta) Conference of 1945: lessons and prospects]. Proc of the International Research Symposium. Yalta. February, 1995. Simferopol': Krymskiy arkhiv. pp. 51-54.

Martynov, A. (2015) Yaltinskiy mir – nailuchshiy iz vsekh vozmozhnykh [Yalta world is the best of all possible]. *Izvestiya*. July 31st.

Polish 1921 - Polish 1921. *Census and Demographic Data*. URL: http://www.kresy.co.uk/census_demographic.html (Accessed: 3th October 2015).

Polish census (1931) *Pol'skaya perepis' 1931* [The Polish census of 1931]. [Online] Available from: URL: <http://ru.knowledgr.com/06649324/Польская-Перепись1931> (Accessed: 3th October 2015).

Somov, M.V. (2015) [Modernization of communication in the context of the development of modern information technologies]. *Rol' nauki v razvitii obshchestva* [The role of science in the development of society]. Proc. of Students, Postgraduates and Young Researchers. Ufa. April 17th. 17 Ufa: AETERNA. pp. 227-230.

Shevchenko, V.F. (2005) [The Crimean (Yalta) Conference 1945: the Ukrainian power]. *Yalta 1945–2005: Ot bipolyarnogo mira k geopolitike budushchego* [Yalta 1945–2005: From bipolar world to the geopolitics of the future]. Proc. of the International Research Symposium. Yalta. February, 2005. Simferopol': Magistr. pp.94–108.

Shevchenko, O.K. (2010) ["The boundaries of Yalta": Socio-cultural slice of Silesia annexed to Poland in 1945]. *"Yaltinskaya sistema" i sovremennyy mirovoy poryadok: problemy global'noy i regional'noy bezopasnosti* [The "Yalta system" and the modern world order: the problem of global and regional security]. Proc. of the International Research Conference. Yalta., 17th to 21st February. Simferopol. pp. 286-292.

Shevchenko, O.K. (2014) O strukture russkoyazychnoy dokumental'noy bazy po Krymskoy (Yaltinskoy) konferentsii 1945 g. [About the structure of Russian documentary base on the Crimean (Yalta) conference of 1945]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*. 266. pp. 120-125.

Shevchenko, O.K. (2012) "Pyastovy Zemli" (serediny XX – nachala XXI vv.) i "Yaltinskie dogovorennosti" s pozitsiy pol'skoy istoriografii ["Pastovi of the Earth" (the middle of the 20th – early 21st centuries) and the "Yalta agreement" from the positions of Polish historiography]. *Tavriys'ki studii*. 2. [Online] Available from: <http://ts.uncat.crimea.ua/arhiv.html#Tavriys'ki studii> (Accessed: 3th October 2015).

The US State Department. (1943) *Etnograficheskie karty Vostochnoy Evropy*,

razrabotannye Gosdepartamentom SShA v 1943 godu [The Ethnographic map of Eastern Europe, developed by the U.S. Department of state in 1943]. [Online] Available from: <http://egorka-datskij.livejournal.com/1269.html> (Accessed: 4th October 2015).

Yurchenko, S.V. (2005) *Yaltinskaya konferentsiya 1945 goda: khronika sozdaniya novogo mira* [The Yalta conference of 1945: the chronicle of creating a new world.]. Simferopol': Krym.

Yans, G. (2015) Minsk kak novaya Yalta [Minsk as a new Yalta]. *Svobodnaya Pressa*. [Online] Available from: <http://svpressa.ru/blogs/article/112616> (Accessed: 4th October 2015).

Шевченко Олег Константинович – магистр истории, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, член-корреспондент Академии военно-исторических наук (РФ, Крым, г. Ялта).

Shevchenko Oleg Konstantinovich – Crimean Federal University (Russia), Academy of military-historical Sciences (Russia).

E-mail: skilur80@mail.ru yalta-1945@yandex.com

УДК 94(367)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/13

РУСИНСКИЙ ВОПРОС В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СЛОВАЦКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

А. Дулеба¹, И. Дулебова²

¹ Прешевский университет

08001, Словацкая Республика, Прешев, ул. 17 ноября, д. 1

E-mail: duleba@sfa.sk

² Университет им. Коменского,

81499, Словацкая Республика, Братислава, ул. Гондова, д. 2

E-mail: irinablava@centrum.sk

Авторское резюме

Статья посвящена рассмотрению наиболее важных исторических аспектов русинского вопроса в контексте словацко-украинских отношений. Авторы анализируют основные моменты словацко-русинских отношений в прошлом, в том числе становление русинов как национального меньшинства в современной Словакии. Кроме того, рассмотрена и политическая сторона русинского аспекта словацко-украинских отношений с точки зрения того, что, в отличие от Словакии, Украина после приобретения ею независимости в 1992 г. не признала русинов в качестве отдельного национального меньшинства. Разницу подходов Украины и Словакии к русинскому меньшинству, проживающему в их пограничной зоне после смены режима на рубеже 1980-х и 1990-х гг., можно объяснить прежде всего специфическим и в основном положительным историческим опытом проживания словаков с русинами, с которыми они имели общее прошлое в различных государственных образованиях до 1947 г.

Ключевые слова: русинский вопрос, исторический контекст, политический аспект, русины в Словакии, словацко-украинские отношения.

THE RUSYN QUESTION IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE SLOVAK-UKRAINIAN RELATIONS

Alexander Duleba¹, Irina Dulebova²

¹University of Prešov

1 17 novembra Street, Presov, 08001 Slovak Republic

E-mail: duleba@sfpa.sk

²Comenius University in Bratislava

2, Gondova Street, Bratislava 1, 81499, Slovak Republic

E-mail: irinablava@centrum.sk

Abstract

This article aims to explore the most important historical aspects of the Rusyn question in the context of Slovak-Ukrainian relations. It maps major points of Slovak-Rusyn relations in the past, including development of Rusyn minority in modern Slovakia. In addition, it analyses political dimension of Rusyn question in Slovak-Ukrainian relations brought by the fact that unlike Slovakia Ukraine did not recognize Rusyns as a separate national minority after it became independent state in 1992. Authors of this article argue that different approaches of Ukraine and Slovakia towards Rusyn minority living in their borderland after the regime change at the turn of 1980s and 1990s could be explained first of all by specific and mostly positive historical experience of Slovaks with Rusyns with whom they shared common past in the same state formations until 1947.

Keywords: Rusyn question, historical context, political dimension, Rusyns in Slovakia, Slovak-Ukrainian relations.

Introduction

The Rusyn question frames the Slovak-Ukrainian minority agenda since both Slovakia and Ukraine became independent states after the dissolution of Czechoslovakia and the Soviet Union at the turn of 1980s and 1990s.

In Slovakia it is generally recognized that people living mostly in the north-eastern part of the country on borders with Ukraine and Poland identify themselves as Rusyns whereas part of them shares also Ukrainian national identity. All Slovak citizens have a constitutional right to free expression of religious and national identity. This is why

the Slovak government and respective minority legislation treats Rusyns and Ukrainians living in Slovakia as members of two different national minorities with all minority rights granted by the Slovak legislation. However, Rusyns were not officially recognized as a national minority in neighbouring Ukraine. They were treated as a Ukrainian ethnic group with some distinctive regional, cultural, and linguistic characteristics. The different official treatment and legal status of Rusyns in Slovakia and Ukraine became a point of certain misunderstanding in Slovak-Ukrainian relations, especially in the 1990s.

Ukrainian official policy concerning Rusyns has been influenced by fears of Rusyn political separatism in the Transcarpathian Region of Ukraine (the former Subcarpathian Rus' within inter-war Czechoslovakia). The Association of Subcarpathian Rusyns in Ukraine was established in 1990 and has formulated two main demands to the Ukrainian government – to recognize Rusyns as an original national minority and to provide territorial autonomy for the Transcarpathian Region under its historical name – Subcarpathian Rus'. The Ukrainian government rejected these claims. However, there are some changes in Ukrainian approach towards Rusyns living in Ukraine in the recent years. The Ukrainian language law adopted in 2010 lists Rusyn language as one of the regional languages that might be used on regional scale upon decision of respective regional authorities. Nevertheless, a sort of "non-recognition" approach of Ukraine towards Rusyns helps to understand the sensitivity of the Rusyn question in Slovak-Ukrainian relations caused by disparate official treatment and legal minority status of Rusyns living on both sides of the Slovak-Ukrainian border.

In political and diplomatic terms, when it comes to Slovak-Ukrainian relations it may be possible to deal with the status of Slovak minority in Ukraine without taking into account the Rusyn question. However, it is impossible to neglect it if one takes into consideration the fact that the Rusyn question has the potential to influence the political status of the Transcarpathian Region of Ukraine (neighbouring region of Slovakia). In addition, 94 per cent of the total number of ethnic Slovaks in Ukraine (7,900 persons following the last Soviet census in 1989) live in the Transcarpathian Region. However, it is certainly impossible to deal with the status of the Ukrainian minority in Slovakia without taking into account the Rusyn question.

The partition of the former Ukrainian minority in Slovakia into two groups with different national identifications (Rusyn and Ukrainian) – even if there is a general understanding in Slovakia that those who identify themselves as Rusyns or Ukrainians are of the same ethnic

origin – after the breakdown of the communist regime became a new phenomenon, a process which began after World War II, but it became an unambiguous reality in the 1990s. Trying to understand what has happened in this respect over the last two decades, there is a need to come back to historical conditions and developments of Rusyns in Slovakia before and also after World War II.

This article aims to explore the most important historical aspects of the Rusyn question in the context of Slovak-Ukrainian relations with the aim to identify its political dimension in given relations. In this article we argue that a different approach of Slovakia towards Rusyn minority by contrast to Ukraine after the regime change at the turn of 1980s and 1990s could be explained by specific and mostly positive historical experience of Slovaks sharing with Rusyns common past in the same state formations until 1947 when Subcarpathian Region of Czechoslovakia was acceded to the Soviet Union under the name of Transcarpathian Region.

Historical perception of Rusyns in Slovakia

Historical development of the Ukrainian lands around Kiev and Dnipro River was perceived by Slovaks as something «behind the Carpathian Mountains» which bore no direct consequence for their own history. Quite the opposite is true for the present Transcarpathian Region of Ukraine that was historically seen by Slovaks as Subcarpathian Rus or "Rusinsko"(Ruthenia) on "our side of Carpathian Mountains". Slovaks have shared with Rusyns (Rusnaks) living on the southern side of the Carpathian mountains a common fate for more than thousand years in the same state formations – the Kingdom of Hungary, the Habsburg monarchy, Austro-Hungary and the first Czechoslovak Republic. The "Upper lands" ("Felvidek" in Hungarian) was a common designation used in Hungary for the territories of Slovakia and Ruthenia (Magocsi, Pop 2002).

Originally, the terms Rusyn / Rusnak were used to designate adherents of Eastern Christianity (Orthodox or later also Greek Catholic), since Rus' was the name of the inhabitants and territory of a large medieval state with its centre in Kiev. Later, all Eastern Slavs used the terms for self-identification until the 19th century, including Russians, Belarusians and Ukrainians. The formation of separate Eastern Slavic nations with separate original ethnic identities started after the disintegration of the Kiev Rus' in the 13th century and was completed in the case of Ukraine in the second half of the 19th century. Rusyns living on southern side of the Carpathian Mountains (who were also Eastern Slavs) were excluded from the main stream of Ukrainian history and nation building (Pop, Halas

1993). They retained an old Slavic "Rusyn" identity. Most of them were Orthodox until the year 1646, when the Uzhgorod Union was accepted by part of the Orthodox clergy. At this point, the Uniate church, i.e. an Eastern Christian Church united with Rome, was created. The Uniates were allowed to retain the Eastern rite and traditions, but had to recognize the Pope instead of the Ecumenical Patriarch of Constantinople as the ultimate head of their church. Hence from the 17th century, Rusyns were either Orthodox or Uniates. In 1772, the Uniates were renamed Greek Catholics (known also as Byzantine Catholics) (Pop 2011).

Since the 19th century, Rusyn leaders have argued about their national identity. Some have felt Rusyns to be a branch of Russians, others a branch of Ukrainians, still others that they form a distinct Slavic nationality. Each orientation has used a different language, whether Russian, Ukrainian, or Rusyn, as a means to identify themselves. The leaders of the first revival elite of Rusyns living in the Hungarian part of Austro-Hungary felt that Rusyns were a branch of Russians (Adolf Dobriansky) and that their literary language should be Russian (Alexander Dukhnovych). Many representatives of the Greek Catholic clergy supported a Rusynophile orientation. Ukrainophile and Russophile tendencies were strengthened by the large influx of white Russian and Ukrainian emigrants to Czechoslovakia after World War I (Magocsi 1978; Magocsi 1999).

The attitude of the communist parties in Eastern Europe after World War II towards the Rusyn question was determined in 1924, when the Fifth congress of the Comintern in Moscow passed a resolution on the Ukrainian question. According to this, Rusyns were simply Ukrainians and the communist parties of Poland, Czechoslovakia and Romania had to support their unification with the Ukrainian Soviet Republic in the Soviet Union (Bajcura 1967: 55 – 58). In the 1950s, the Communist party of Czechoslovakia started a process of Ukrainization in education and culture, prohibiting the Greek Catholic Church. Similar processes took place in Poland and Romania. Only after the collapse of communism after 1989, the Rusyn movement has been revived. But the process of ethnic self-identification of Rusyns is still not completed. To this day, there are two main national orientations among Rusyns in Slovakia, but also in Ukraine, Poland, etc. – Rusyn and Ukrainian (Gajdoš et al. 1999).

Slovak and Rusyn revival elites: common interests and controversies

Leaders of the Rusyn revival elite of the 19th century shared the same goals of other Slavic nations in the monarchy as to national rights and political autonomy. There are many examples of coordinated activities

between the Rusyn and Slovak revival elite in the protection of common interests, including military actions against the Hungarian revolution in 1840s. Rusyn and Slovak members of the Hungarian parliament backed each other's interests in their proclamations and speeches. A Slovak delegation presented the political program of Uhro-Rusyns at the Slavic congress held in Prague in June 1848. On the other side, Rusyn leader Alexander Dobriansky was one of the founders of the Slovak Matica, etc (Z dejín 1957)¹. The alliance between the Slovak and Rusyn national elites was strong until the end of World War I. This has changed under the new political conditions following the creation of the first Czechoslovak Republic in 1918.

Following the end of World War I, the territory of Slovakia and Subcarpathian Rus' became part of the new Czechoslovak Republic. In May 1919, the Central National Rusyn Council in Uzhgorod voted for union with Czechoslovakia. In the treaty of St. Germain, the Paris Peace Conference recognized the union with Czechoslovakia on the understanding that Rusyns would be given autonomy. Instead, the issue of Rusyn autonomy became a source of discontent as the Czechoslovak constitution of 1920 limited the autonomy provisions, referring to the unity of the new state (Kadlec 1920; Krofta 1935).

Other complaints included the definition of the border between Slovakia and Subcarpathian Rus'. The territorial commission at the Paris conference put a preliminary demarcation line between Slovakia and Subcarpathian Rus' within Czechoslovakia along the river Uh with the recommendation that Slovak and Rusyn representations would have to agree to a potential annex of north-eastern Slovakia inhabited by Rusyns to Subcarpathian Rus'. Thus some 150,000 Rusyns were left in Slovakia. The first governor of Subcarpathian Rus' and leader of American Rusyns Gregory Zhatkovich resigned from his post in 1921. The reason was the failure of the Czechoslovak government to fully accord to Subcarpathian Rus' autonomy rights and to settle the boundary problem with Slovakia (Zatkovic 1921). According to the constitutional law passed by the Czechoslovak parliament in July 1927, the country was divided into four provinces: the Czech lands, Moravia, Slovakia and Subcarpathian Rus'. Thus, the original demarcation line between Slovakia and Subcarpathian Rus' became a fixed administrative boundary between two Czechoslovak provinces.

In the 1930s, another source of conflict between Slovak and Rusyn politicians emerged. This was linked to different strategies for finding external support for their autonomy aspirations. While the clerical Slovak People's Party was trying to obtain support from Germany, the main autonomous forces in the then Subcarpathian Rus' orientated

themselves towards Hungary (the Autonomous Agricultural Union led by Andrey Brody) and Poland (the fascist Rusyn National and Autonomous Party led by Stepan Fencik) (Kozminski 1970). For its part, the Slovak pro-autonomy elite perceived the growing Hungarian influence in Subcarpathian Rus' as dangerous for Slovak national interests. Thus, contrary to the revival period of the 19th century, Slovak and Rusyn elites were no longer able to find a language of common interest after World War I (Švorc 1995).

In the different states after World War II

When Czechoslovakia was transformed into a federal state after the Munich treaty in October 1938, both Slovakia and Subcarpathian Rus' received full self-governing status. Before Hitler Germany started war against Poland in 1939, it decided to eliminate Czechoslovakia. Before the German invasion of Czech lands on 15th March 1939, Hitler negotiated with the Slovak People's Party (led by Jozef Tiso) and Hungary (Miklos Horthy) to prepare the dismemberment of Czechoslovakia. On March 14, the Slovak Diet convened and unanimously declared Slovak independence (Kirschbaum 1995). On March 15, under President Augustin Voloshyn (the then PM of Subcarpathian Rus') who was Ukrainophile in his orientation, Subcarpathian Rus' declared independence under the name of the Carpathian Ukraine. When Nazi Germany took Prague, Hungarian troops invaded and occupied Carpatho-Ukraine. The invasion encountered resistance, which the Hungarian army crushed (Vehesh, Zadorozhny 1993). As Hungarian troops crossed the borders between the former Subcarpathian Rus' and Slovakia, military conflicts broke out between Slovakia and Hungary, although both the Tiso and Horthy regimes were allied with Nazi Germany. The conflict only ended after pressure from the German side and Hitler's personal intervention (Deák 1991).

Some 30,000 Rusyns fled to the Soviet Union from Subcarpathian Rus' to escape Hungarian occupation. Soviet authorities, eager to maintain good relations with Germany at the time of the Ribbentrop-Molotov pact, promptly arrested them and sent them to labor camps. Later, the majority of soldiers in the Czechoslovak brigade formed in the Soviet Union after the agreement between the Czechoslovak government in London and Moscow in 1943, were Rusyns coming from Subcarpathian Rus'. Of 15,000 soldiers in the brigade led by General Ludvik Svoboda in 1943, 11,000 were Rusyns (Potichnyj 1986).

In October 1944, the Soviet army took Subcarpathian Rus'. Despite an agreement signed in May 1944 between the Czechoslovak and Soviet governments stipulating that all Czechoslovak territory liberated by

the Soviet army would be placed under Czechoslovak civilian control, Soviet activities led much of the local population to believe that Soviet annexation was imminent. The Czechoslovak government was pressed to cede Subcarpathian Rus'. The treaty ceding Subcarpathian Rus' to the Soviet Union was signed in June 1945. Subcarpathian Rus' lost its self-governing status in 1946 and became a region of Soviet Ukraine with the new official name of Transcarpathian Region (Shandor 1993).

There had been no state border dividing Slovaks and Subcarpathian Rusyns for long centuries up to 1927, when it became an administrative boundary between Slovakia and Subcarpathian Rus' in inter-war Czechoslovakia. After World War II, the same line became a very tightly controlled state border between the Soviet Union and post-war Czechoslovakia. After the disintegration of the Soviet Union and Czechoslovakia in the early 1990s, this boundary became the state border between Ukraine and Slovakia. And finally, after Slovakia's accession to the European Union in 2004 it became the external Schengen border of the EU.

Rusyns after 1989: revival and political dimension

The breakdown of the communist system in Czechoslovakia has allowed the free ethnic identification of people living there. Rusyns got chance for the first time from 1930's to announce their ethnic identity. In the time of socialist Czechoslovakia they could be registered as Ukrainians only. According to the 1991 census, 16,937 people (living mainly in north-eastern Slovakia) have indicated their ethnicity as Rusyn, and 13,847 people as Ukrainian, while around 50,000 people have indicated their mother language as Rusyn (Paukovič 1994). A new organization with name "Rusyn Renaissance" (Rusinska obroda) representing the minority interests of Rusyns in Slovakia has been established. Thus, the former Ukrainian minority was divided into two groups: one with "Ukrainian identity" and the second one with "Rusyn identity" (i.e., emphasizing a separate Slavic nation that is not a part of Ukrainian nation).

The newly born Rusyn organizations have emerged not only in Slovakia, but in the Transcarpathian Region of the Ukraine, Poland, Romania and Hungary as well (previously, they existed only in former Yugoslavia, Canada, USA etc.). All they rejected the so-called "Ukrainian national identity", which they believed was imposed by communist parties and Ukrainian nationalists during the 1950 as they emphasized (Rusini 1997). In the Transcarpathian Region of Ukraine there has been established the Association of Subcarpathian Rusyns (henceforth ASR)

that has formulated its demands to the Ukrainian government – to recognize the Rusyns as an original national minority and provide territorial autonomy for the Transcarpathian Region under its historical name – Subcarpathian Rus’.

The ASR was established on 17 February 1990. On 29 March 1990, it issued a Declaration on Returning Statute of Autonomy Republic for Transcarpathian Region of the Ukraine, in which they questioned all legal acts passed by Supreme Councils both of Soviet Union and Ukrainian Soviet Republic in 1945–1946. They consider the Czechoslovak act of October 1938 as the only legal one, which established Autonomy of Subcarpathian Rus’ within in the framework of Czechoslovakia. Subcarpathian Rus’ was annexed to the Soviet Union on the basis of treaty signed between the governments of Czechoslovakia and the Soviet Union on 29 June 1945 (Programme Statement 1993).

The first article of the treaty states: "Transcarpathian Ukraine (whose name according to the Czechoslovak constitution is Subcarpathian Rus’), which became a part of the Czechoslovakia on the base of treaty concluded in Saint-Germain-en-Laye on 10 September 1919, taking the wish of people living there as well as in accordance with friendly agreement of negotiating sides, is uniting... with Soviet Ukraine" (Belousov 1953: 147). ASR’ representatives pointed out that Subcarpathian Rus’ has been attached to the Soviet Union as a former entire component part of Czechoslovakia including its autonomous statute and thus, Soviet organs had no legal right to abolish it. Furthermore, ASR justified its claims using the results of the referendum that took place in Transcarpathian Region in December 1991. In that referendum 78 per cent of participants voted for an autonomous statute for the region in framework of the Ukraine (Programme Statement 1993).

Because the government, president and parliament of Ukraine have ignored the results of the December 1991 referendum, on 15 May 1993 the ASR established a "provisional government that has been abolished by Stalin with aim to renew a statehood of the Subcarpathian Rus’". The Prime Minister of this transitional government, Professor Ivan Turyanitsya once said: "The independence of the Subcarpathian Rus’ will be declared by Regional Council (parliament of the region – author). This new state power will ask the Commonwealth of Independent States for regular membership"².

The Ukrainian government rejected these claims, accusing the Rusyn movement of political separatism supported from Moscow (Panchuk 1995). It needs to be underlined that the Russian political representatives did not try to oppose very hard this Ukrainian worrying about the Rusyn question. Moreover, former Chairman of the Russian State Duma

Committee on CIS Affairs Konstantin Zatulin in January 1995 announced that "Russia has some scenarios concerning the Ukraine when it will not be able to exist as an independent state. One of them supposes an existence of an independent state on a Rusyn ethnic basis within the borders of contemporary Transcarpathian Region of Ukraine, with full Russian support of such state"³.

Ukrainian government addressed its Slovak counterpart in 1994 with the proposition to establish a common Committee on Minority Issues. Its main interest was to influence the Slovak government to reduce its support to Rusyn minority in Slovakia because of its indirect effects on increasing Rusyn separatism in Transcarpathian Region of Ukraine. During the first visit of Ukrainian Minister of Foreign Affairs Anatolij Zlenko to Bratislava in February 1994, he commented that: "...separatism is a fear. I know that similar problems exist in Slovakia too. Therefore, my opinion is that a co-operation and co-ordination of our countries in this field with the aim to neutralize those processes would help us to create the basis for a fruitful relations between Ukraine and Slovakia and the same time it would strengthen the stability in the whole of region"⁴.

The so-called "Rusyn question" has been a serious issue in Slovak-Ukrainian relations especially in the 1990s. Anyway, none Slovak government ever changed its position towards Rusyns as a separate national minority referring to constitutional right of Slovak citizens to freely identify their ethnic identity, while Ukraine did not.

Divided Minority in Slovakia: Rusyns and Ukrainians

According to the Czechoslovak census of 1991, the number of ethnic Rusyns and Ukrainians living in Slovakia was 30,784 (0,6 per cent of total population of Slovakia) of whom 56 % are registered as Rusyns and 44 % as Ukrainians (Vývoj 1997). The division of the former Ukrainian minority into two groups with different national self-identification became a matter of fact in the early 1990s. While Rusyn leaders always had different national orientations (Russophile, Ukrainophile and Rusynophile) in the historical past, their disputes never attracted the interest of ordinary people who identified themselves as Rusyns, Rusnaks, Carpathian Rusyns, Subcarpathian Rusyns, Uhro-Rusyns, etc. In Austro-Hungarian and Czechoslovak censuses before World War II, they were registered as Rusyns with different adjectives as mentioned above. Czechoslovak statistics after World War II refer to them as Ukrainians⁵. Even today, nobody questions the fact that Rusyns and Ukrainians in Slovakia are people of the same ethnic origin despite their different national self-identification (Bačová, Kusá 1997; Gajdoš, Konečný 1997).

The official data from Czechoslovak censuses from the period after World War I until 1989 reveal a remarkable process of assimilation among the Rusyn (Ukrainian) minority in Slovakia. In 1921, 88,970 people registered themselves as Rusyns⁶. This rate reached 97,783 (Rusyns) in 1930 and then gradually decreases to 35,435 in 1950 (Ukrainians), 42,238 (Ukrainians) in 1961, 39,260 (Ukrainians) in 1970 and to 30,784 (Rusyns and Ukrainians) in 1991. In the census of 1991, around 50,000 people in Slovakia still indicated that their mother tongue was Rusyn (Gajdoš, Konečný 1997: 83). According to research carried out by the Institute of Social Sciences (Kosice) in 1990, Rusyns think themselves that there are two main factors which supported assimilation after World War II: the migration of the rural Rusyn population to Slovak cities and the official introduction of the Ukrainian national orientation in 1950s (Vzťahy 1990: 27).

The last two decades prove a certain renaissance of Rusyn minority in Slovakia. In the 2001 census 24,201 residents of Slovakia identified their national identity as Rusyn and 54,907 claimed Rusyn as their mother tongue. In the 2011 census the number of Slovak residents who identified themselves as Rusyns was 33,482 and the number of those who declared Rusyn as their mother tongue was 55,469.

Number of residents of the Slovak Republic who declared their Rusyn nationality, Rusyn language as a mother tongue, Orthodox and Greek-Catholic confessions following the censuses of the Slovak population in 1991, 2001 and 2011

Number of residents of the Slovak Republic	1991	2001	2011
Rusyn nationality	17 197	24 201	33 482
Rusyn as mother tongue	49 099	54 907	55 469
Orthodox believers	34 376	50 363	49 133
Greek-Catholic believers	178 733	219 831	206 871

Source: Statistical Office of the Slovak Republic.

Following the last population census in 2011 Rusyns became the third largest national minority in Slovakia after Hungarians (458,467) and Roma (105,738). For the first time since 1993 the number of Rusyns in Slovakia became higher than the number of Czechs (30,367). Rusyns in the 2011 census have evidenced the largest percentage growth among all national minorities living in Slovakia against the 2001 census – in 38 % (in 96 % if compared with the data from the 1991 census). Together with Rusyns the percentage growth has been evidenced only in case of Russians (25 %), Roma and Poles (identically by 18 %) and Serbs (16 %). All other national minorities in Slovakia evidenced the

decline – Ukrainians (31 %), Germans (13 %) and Bulgarians (11 %) (Rundesová 2012).

The sort of renaissance of Rusyn minority in Slovakia within the last two decades could be explained by the following two main factors: first, democratic conditions in Slovakia that allow for free identification of national and confessional identities of Slovak citizens, and second, successful activities of the Rusyn organizations established at the beginning of 1990s (Duleba 2013). Nevertheless, the data on the number of believers of the Orthodox and Greek-Catholic confessions in Slovakia indicate a strong process of historical assimilation of Rusyns.

Divided religions

While Slovaks were historically Catholic or Protestant, Rusyns were mainly Orthodox and, from the 17th century, also Greek-Catholic. According to the 1991 census, 178,733 persons indicated their religion as Greek-Catholic and 34,376 as Orthodox (Statistical Yearbook 1998: 526). Moreover, as the above table shows the number of the Orthodox and Greek-Catholic believers following the last 2011 census was 49,133 respectively 206,871. These figures are much higher than the number of people identifying themselves as having Rusyn or Ukrainian national identity.

The communist regime in Czechoslovakia followed the longstanding Russian and Soviet practice of opposing the Uniate Church (linked to Catholic Rome) in favour of the orthodox clergy. In 1950s, the Greek-Catholic Church was banned while the Orthodox Church took over its property and parishes. Uniate clergymen were imprisoned or sent into exile. Uniate believers responded with various forms of resistance, ranging from leaving churches whenever an orthodox priest arrived to holding services among themselves. In the late 1960s, following seizures of churches by Uniates, the government promised a solution. The Greek-catholic church was officially recognized in 1968, but the poverty disputes between the Uniate and Orthodox churches were left unsettled (Coranič 2009). The problem flared up again after the 1989 revolution, when Greek-Catholics began seizing churches by force, resulting in a series of violent acts throughout north-eastern Slovakia. Many Rusyn villages were divided into two hostile groups following different religious orientations.

The Slovak government faced up to the problem by arranging negotiations between representatives of both eparchies, which resulted in series of administrative measures. The first were the Act on the Settlement of Property Injustices Caused to Churches and Religious Societies (so-

called "Restitution Act") and a legal measure passed by the Presidium of the Slovak National Council On Defining Financial Relations Between the Greek Catholic and the Orthodox Churches (No. 211/1990 of the Legal Code) (Legal Status 1997).

As a result, the poverty seized by the Orthodox Church in the 1950s has been given back to the Greek Catholics, while both churches have agreed on a list of churches for common use until new orthodox churches will be built. The Slovak government has passed a financial program to support the construction of new orthodox churches. Thus, the problem was solved quite successfully by the mid-1990s and, today many Rusyn villages and cities have Greek Catholic and Orthodox churches. Nevertheless, the memory of acts of violence remains a part of common memory and mentally still divides Rusyns living in communities where both confessions are practiced.

It should be underlined that the religious division of Rusyns and Ukrainians does not correspond to their differences in national self-identification. Thus, many Rusyns who feel they are Rusyns are of both Orthodox and Greek-Catholic confession. The same is true for those who feel themselves to be Ukrainians. This is rather a positive factor, which helps to pacify tensions and conflicts in the Rusyn / Ukrainian minority.

Divided institutions

The main institution allowed by the communist party to represent minority interests of Ukrainians in Slovakia after World War II was the Cultural Association of Ukrainian Workers (Kultúrny zväz ukrajinských pracujúcich – KZUP) set up in the early 1950s. After its last congress in 1990, the KZUP was dissolved and two separate new organizations were established: the Union of Rusyns-Ukrainians in Slovakia (Zväz Rusínov-Ukrajincov Slovenska – ZRUS) and the Rusyn Renaissance (Rusínska Obroda – RO). In terms of national self-identification, the ZRUS supports a Ukrainian and the RO a Rusyn orientation. The ZRUS continues to publish periodicals issued by the former KZUP (the bi-weekly "Nove Zhytta" and the two-monthly journal "Druzhno vpered") while the RO has started two new periodicals (the bi-weekly "Narodny novynky" and the two-monthly journal "Rusyn").

Both organizations compete with each other in persuading Rusyns / Ukrainians about their national identity and in attempts to win government support. Because some important minority institutions set up after World War II (i.e. the Museum of Rusyn-Ukrainian Culture in Svidník, the Theatre of Alexander Duchnovič in Prešov, the Ukrainian Branch of Slovak Radio in Prešov, the Department of Ukrainian Lan-

guage and Literature at Prešov University, etc.) are in the hold of former KZUP-representatives who have joined the ZRUS, the RO requires its own share of the former KZUP property or the establishment of parallel Rusyn institutions. These demands have been a constant source of conflict between the two organizations since the dissolution of the KZUP. For its part, the Slovak government has recognized the right of Rusyns to define themselves as ethnic Rusyns, but on the redistribution of KZUP property it has taken a different position, arguing that the two new organizations must find agreement between themselves (Gajdoš, Konečný 1997: 85).

In 1995, Rusyn Renaissance codified a Rusyn language as this was a main prerequisite for introducing Rusyn at primary schools as well as in state TV and radio minority broadcasting. The ZRUS protested the move, claiming that Rusyn is only a dialect of the Ukrainian language and that Rusyn nation does not exist. Leaders of the Rusyns argue that the Slovak government is subject to pressure by Kiev, which views efforts to recognize a separate Rusyn nationality as an anti-Ukrainian move. The Slovak government has refuted such allegations (Rusyns 1998). Anyway, with the start of academic year of 1998–1999 Rusyn parents could for the first time decide if they wish their children to be taught in Rusyn at primary schools, at least for some hours every week.

In summary, it must be underlined that the process of democratization after the velvet revolution of the late 1980s has revived the old historical "Rusyn question" which had been frozen under the communist regime. Formerly one Rusyn / Ukrainian minority living in northeastern Slovakia is now divided into two groups concerning national self-identification (Rusyn and Ukrainian) as well as their religious orientation (Orthodox and Greek Catholic). The organizations representing parts of the divided minority compete with each other in the fields of national orientation, culture, education and politics. Nevertheless, the censuses of 2001 and 2011 demonstrate that Rusyn identity becomes stronger in Slovakia.

Government attitudes and cooperation

In 1994, a year after the signing of the basic treaty between Slovakia and Ukraine, the Ukrainian government proposed to set up a bilateral committee on minority issues. As mentioned earlier, according to the then Ukrainian foreign minister Anatolij Zlenko, the task of such a committee would be to prevent ethnic separatism; generally, Ukrainian-Slovak cooperation would strengthen stability in the whole region⁷. Behind this proposition, however, were fears on the Ukrainian side concerning possible "Rusyn separatism" in the Transcarpathian

Region. Slovak government has accepted proposition of its Ukrainian counterpart.

The bilateral Ukrainian-Slovak Committee for National Minorities, Education and Cultural Affairs held its first session in Kiev in February 1995. Both sides agreed that the committee would meet regularly at least once a year alternately in Ukraine and Slovakia. The Slovak side is chaired by the director general of the Department for Cooperation with Foreign Slovaks, Press and Humanitarian Relations of the Slovak Foreign Ministry, while Ukraine is represented by the first deputy Head of the State Committee for Minorities and Migration.

At the second meeting in Bratislava in 1996, both sides stressed that any demand for territorial, administrative or other forms of autonomy based on ethnic principles is unacceptable and refused any ethnic separatism which could destabilize the region of Central and Eastern Europe. They also demanded that representatives of the two minorities profess loyalty to the respective states in which they live (Protokol 1996). In other undiplomatic words, the Slovak side accepted Ukrainian fears of concerning so-called "Rusyn separatism" in Transcarpathia, while Ukraine accepted Slovak fears with regard to so-called "Hungarian separatism" in Slovakia. According to the Protocol of the Fourth Committee Session in 1998, both sides agreed to include representatives of two minority organizations – the Association of Rusyns-Ukrainians in Slovakia (ZRUS) and the Slovak Matica in Uzhgorod – in the Committee. As a result, majority of members of the former Ukrainian minority in Slovakia who feel they are Rusyns, are excluded from official Slovak-Ukrainian cooperation on minority issues (Šutaj, Olejník 1998).

Also, it should be underlined that the Slovak government does not question recognition of Rusyns as the national minority different to Ukrainian one in Slovakia with full rights and privileges in accordance with the Slovak minority legislation.

Conclusions

Despite varying academic interpretations, the partition of the former Ukrainian minority in Slovakia into two groups with different national identities after the breakdown of communist regime is a political reality. National or religious identity cannot be imposed politically in democratic societies. Recognition of Rusyns as national minority by Ukraine is still far from being a matter of fact. Ukrainian official policy concerning the Rusyn question is pre-designed by fears of Rusyn political separatism in the Transcarpathian Region of Ukraine. The different official

treatment and also status of Rusyns in Slovakia and Ukraine became a point of misunderstanding in Slovak-Ukrainian relations.

Slovak-Ukrainian governmental cooperation in the field of minorities has become regular since 1995, when the bilateral Ukrainian-Slovak Committee for National Minorities was established. However, both governments agreed to exclude Rusyn organizations and institutions from this cooperation. Thus, Rusyns became a "stateless minority", which is an absolutely new phenomenon in the Carpathian Mountains area after World War II. People who feel themselves as Rusyns live also in neighboring regions of Poland, Romania and Hungary. They are recognized as a national minority in Slovakia, Poland, Hungary and the Federal Republic of Yugoslavia.

The Slovak government respects the Ukrainian official attitude towards the Rusyn question in the Transcarpathian Region of Ukraine but cannot implement such an attitude at home. This is a crucial point differentiating the Slovak and Ukrainian policies in this field and keeping the Rusyn question unresolved. Definitely, ignoring and neglecting the Rusyn question in Slovak-Ukrainian government communications is far from the best way to address the issue.

The Rusyn question cannot be viewed only in the Slovak-Ukrainian context. Rusyn organizations were established in Ukraine, and Slovakia, but also in Poland, Hungary and Romania. While the ridges of the Carpathian Mountains have become natural historical borders between Central-European states, people who identify themselves as Rusyns live on both sides of the Carpathian slopes, actually in five countries. This is a truly unique region in Europe, where the borders of five postcommunist countries come together. Moreover, regions of south-eastern Poland, north-eastern Hungary, north-western Romania, south-western Ukraine and north-eastern Slovakia are the poorest in their home countries. They are distant from capitals with more developed economic and social infrastructure. Taking into account these facts, it is understandable why the minority question in this border area is so important and why it should be viewed in an international, or at least Central-European, context.

NOTES

1. Matica Slovenská [Slovak Matica] – all-nation cultural institution of Slovaks established in 1863 with the aim to develop Slovak national awareness, culture and science. It has become the key institution of Slovak national movement in the 19th and 20th century. After Slovakia became the independent state it has been re-established as public entity

in 1997 by "Act on Matica slovenská" adopted by the National Council of the Slovak Republic.

2. Cited from the article by Slovak journalist Robert Matejovič published in the Pravda daily (Matejovič 1993). See also an essay by Timothy Garton Ash entitled "Long Live Ruthenia!" about Rusyn question, including his personal impression from talking to Prof. Turianytsia (Ash 1999).

3. Statement made by Konstantin Zatulin during the proceedings of international conference "Russia and Central-Eastern Europe" held in Moscow in January 1995. For materials of the conference see (Russia 1995).

4. Cited from the interview by foreign minister of Ukraine Anatoliiy Zlenko published in the Pravda daily on 22 February 1994.

5. For Austro-Hungarian and Czechoslovak statistics before WW II see (Magocsi 1978); for the Czechoslovak statistics after WW II see (Gajdoš, Konečný 1997).

6. It should be noted that Czechoslovak statistics from the interwar period include to the column *Rusyn* also people who registered themselves a Russians and Ukrainians – who migrated to Czechoslovakia after World War I.

7. See quotation of A. Zlenko's statement (footnote Nr 4).

REFERENCES

Ash, T.G. (1999) Long Live Ruthenia! In: Ash, T.G. (ed.) *History of the Present: Essays, Sketches and Despatches from Europe in the 1990s*. Oxford: Vintage. pp. 376-381.

Bačová, V. & Kusá, Z. (eds). (1997) *Identity v meniacej sa spoločnosti* [Identities in a changing society]. Košice: Spoločenskovedný ústav SAV.

Bajcura, I. (1997) *Ukrajinská otázka v ČSSR* [Ukrainian question in the Czechoslovak Socialist Republic]. Prešov: Východoslovenské nakladateľstvo.

Belousov, S. (1953) *Sjednotenie ukrajinského národa v jedinom ukrajinskom štáte* [Uniting Ukrainian nation in one Ukrainian state]. Bratislava: Slovenská akadémia vied.

Coranič, J. (2009) Vývoj gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku po roku 1945 a súčasnosť [Development of Greek-Catholic Church in Slovakia after 1945 and the present time]. In: Glosíková, O. (ed.) *Historická a sociokultúrna realita Rusínov na Slovensku* [Historical and socio-cultural reality of Rusins in Slovakia]. Prešov: Edícia Ruthenica Slovaca (2), Slovenské národné museum. pp. 53-74.

Deák, L. (1991) *Hra o Slovensko* [The game on Slovakia]. Bratislava: Slovenská akadémia vied.

Gajdoš, M. & Konečný, S. (eds). (1997) *Etnické minority na Slovensku. História,*

súčasnosť, súvislosti [Ethnic minorities in Slovakia. History, present time, contexts]. Košice: Spoločenskovedný ústav SAV.

Duleba, A. (2013) Rusíni: Rub a líce transformácie [Rusyns: back and face sides of transformation]. In: Bútorá, M., Mesežnikov, G., Bútorová, Z. & Kollár, M. (eds) *Odkiaľ a Kam. 20 rokov samostatnosti* [Where from. The 20 years of independence]. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky, Kalligram. pp. 327-343.

Gajdoš, M., Konečný, S. & Mušinka, M. (1999) *Rusíni/Ukrajinci v zrkadle polstoročia* [Rusyns/Ukrainians in the mirror of a half century]. Prešov, Užhorod: Universum.

Kadlec, K. (1920) *Podkarpatska Rus* [Subcarpathian Rus']. Praha.

Kirschbaum, J. (1995) *A History of Slovakia. The Struggle for Survival*. New York: St. Martin's Press.

Kozminski, M. (1970) *Polaska i Wegry przed druga wojna swiatowa* [Poland and Hungary before the World War II]. Warsaw: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.

Krofta, K. (1935) *Podkarpatska Rus a Československo* [Subcarpathian Rus' and Czechoslovakia]. Praha.

Ministry of Culture of the Slovak Republic. (1997) *Legal Status of Registered Churches and Religious Societies in the Slovak Republic*. Bratislava: Ministry of Culture of the Slovak Republic.

Magocsi, P.R. (1978) *The Shaping of a National Identity. Subcarpathian Rus', 1848-1948*. London, Cambridge, Massachussets.

Magocsi, P.R. (1999) *Of the Making of Nationalities. There is No End*. Vol. I-II. New York: Columbia University Press, East European Monographs.

Magocsi, R.P. & Pop, I. (eds). (2002) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto: University of Toronto.

Matejovič, R. (1993) Autonomía, či dokonca nezávislosť? Rozhovor s profesorom Turianicom [Autonomy or even independence. Interview with Professor Turianytsia]. *Pravda*. 9th December.

Panchuk, M. (1995) Politychnyy Rusynizm v Ukrayini [Political Rusynism in Ukraine]. *Political Thought. Ukrainian Journal of Political Science*. 2-3. pp. 232-238.

Paukovič, V. (1994) Etnická štruktúra Slovenska, jej vývoj, demografické a sociálne charakteristiky [Ethnic structure of Slovakia, its development, demographic and social characteristics]. *Sociológia. Journal of the Sociological Institute of the Slovak Academy of Sciences*. 26. pp. 425-437.

Pop, I. (2011) *Malé dejiny Rusínov* [A brief history of Rusyns]. Prešov: Združenie inteligencie Rusínov Slovenska, Adin.

Pop, I. & Halas, V. (1993) Ukrajina a Zakarpatsko: dilemma spoločenskej a geopolitickej stratégie [Ukraine and Transcarpathia: Dilemma of the Societal and Geopolitical Strategy]. *Medzinárodné otázky. Journal of the Slovak Institute for International Studies*. 4. pp. 79-92.

Potichnyj, P.J. (1986) *Ukrainians in World War II Military Formations: An Over-*

view. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, University of Alberta.

The Provisional (Transitional) Government of Subcarpathian Rus'. (1993) *Programme Statement of the Provisional (Transitional) Government of Subcarpathian Rus'*. Uzhgorod: 2nd August 1993.

Anon. (1997) Rusíni. Ohrozená menšina? [Rusyns. A Minority in Danger?]. *OS. Kalligram*. 2. pp. 33-54.

The Ukrainian-Slovak Commission on National Minorities, Education and Culture Affairs. (1996) *Protokol druhoho zasidannia Dvostoronnnoi ukrajinsko-slovatskoyi komisiyi z pytan natsionalnykh menshyn, osvity i kultury* [Protocol of the second meeting of the Bilateral Ukrainian-Slovak Commission on National Minorities, Education and Culture Affairs]. Bratislava, 22-24 October.

Rundesová, T. (2015) Rusíni sa stali treťou najpočetnejšou národnosťou v SR [Rusyns became the third largest national minority in Slovakia]. *Webnoviny*, 6. March 2012. [Online] Available from: <http://www.webnoviny.sk/slovensko/rusini-sa-stali-tretou-najpocetnejso/474386-clanok.html>. (Accessed: 27th October 2015).

Russian Academy of Sciences. (1995) *Russia and Central Europe in the New Geopolitical Realities*. Moscow: Institute of International Economic and Political Studies, Russian Academy of Sciences.

Anon. (1998) Rusyns in Slovakia Fighting for their Rights. *ЧТК*. 21st April.

Shandor, V. (1993) [Unification of Carpathian Ukraine with the Ukrainian SSR]. *Ukrainian Carpathian Mountains: Nationality, History, Culture* [The Ukrainian Carpathians]. Proc of the Conference. Moscow, Uzhgorod: Karpaty. pp. 574-581.

The Slovak Republic. (1998) *Statistical Yearbook of the Slovak Republic 1998*. Bratislava: Statistical Office of the Slovak Republic.

Šutaj, Š. & Olejnik, M. (1998) Slovak Report. In: Kranz, J. & Kupper, H. (eds) *Law and Practice of Central European Countries in the Field of National Minorities Protection After 1989*. Warsaw: Center for International Relations. pp. 269-321.

Švorc, P. (1995) Zakarpatsko v rokoch 1918-1946 [Transcarpathia in 1918-1946]. In: Duleba, A. (ed.) *Zakarpatsko* [Transcarpathia]. Bratislava: Slovenský inštitút medzinárodných štúdií. pp. 119-150.

Vehesh, M. & Zadorozhny, V. (1993) *Velych i trahediya Karpatskoy Ukrayiny* [Greatness and tragedy of the Carpathian Ukraine]. Uzhgorod: Karpaty.

The Slovak Republic. (1990) *Vzťahy Slovákov a národnostných menšín v národnostne zmiešaných oblastiach Slovenska. Z výsledkov sociologického výskumu* [Relations between Slovaks and ethnic minorities in ethnically mixed regions of Slovakia. Outcomes of the sociological research]. Košice: Spoločenskovedný ústav SAV.

The Slovak Republic. (1997) Vývoj národnostného zloženia obyvateľstva v Slovenskej republike v rokoch 1991-1995 [Evolution of the ethnic composition of the Slovak Republic' population in 1991-1995]. *Informačný bulletin. Slovenská informačná agentúra*. 8.

Hrozičnik, J. (ed.) *Z dejín československo-ukrajinských vzťahov* [From the history of Czechoslovak-Ukrainian relations]. Bratislava: Slovenská akadémia vied.

Zatkovic, G. (1921) *Expose dr. G.I. Zatkovica, byvseho gubernatora Podkarpatskoji Rusi* [Expose by Dr. G.I. Zatkovic, the former governor of the Subcarpathian Rus']. Homstead.

Дулеба Александр – кандидат философских наук, доцент Института политологии философского факультета Прешовского университета в Прешове.

Alexander Duleba – Institute of Political Sciences, University of Prešov (Slovak Republic).

E-mail: duleba@sfpa.sk

Дулебова Ирина – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета университета им. Коменского, Братислава.

Irina Dulebova – Comenius University in Bratislava (Slovak Republic).

E-mail: irinablava@centrum.sk

УДК 94(4)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/14

РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

В.П. Зиновьев¹, Е.Ф. Троицкий²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: vpz@tsu.ru, ²E-mail: eft@rambler.ru

Авторское резюме

В статье анализируется состояние российско-украинских отношений. Авторы убеждены, что главным условием стабильного развития Украины являются добро-соседские отношения с Россией, которой страна обязана своей территорией и суверенитетом. Вместе с тем авторы отмечают, что с первых дней независимости в 1991 г. украинская правящая элита взяла курс на свертывание связей с Россией и дискриминацию русских на Украине. Этот политический курс, диктуемый националистами, привел к современному кризису украинской государственности и экономики, гражданской войне в Донбассе, потере Крыма. Русские осуществляют свое право уйти из Украины со своей землей. Существенную роль в этом играет политика США, использующих Украину для ослабления геополитического положения России.

Ключевые слова: Россия, Украина, национализм, кризис, дипломатические отношения.

MODERN RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE

V.P. Zinovyev¹, E.F. Troitskiy²

36 Lenin Avenue, Tomsk State University Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: vpz@tsu.ru, ²E-mail: eft@rambler.ru

Abstract

The article focuses on the evolution of the Russian – Ukrainian relations. The authors argue that the main condition of Ukraine's stable development is a good-neighborly

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ / This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

relationship with Russia, a country from which Ukraine got its territory and sovereignty. At the same time the authors note that since the very first days of independence in 1991 the Ukrainian ruling elite began to wind down the relations with Russia and to discriminate against Russians living in the country. This policy shaped by nationalists resulted in the current crisis of Ukrainian statehood, the civil war in Donbass and the loss of the Crimea. Russians are asserting their right to leave Ukraine with their land. A significant role is played by the United States who makes use of Ukraine as a means of undermining Russia's geostrategic position.

Keywords: Russia, Ukraine, nationalism, crisis, diplomatic relations.

Славянская общность сейчас объединяется только на этническом языковом принципе. Конфессионально и культурно-исторически славяне разделены и образуют 12 государств, имея крупные диаспоры в странах Европы, Азии, Америки и Австралии.

Большая часть славян ранее объединялась в рамках Российской империи (позднее - Советского Союза и созданного им после Второй мировой войны социалистического лагеря), они успешно противостояли экспансии Запада. СССР осуществил мечту Н.К. Леонтьева о Великой Македонии во главе с Россией. С распадом СССР и мировой системы социализма исчезло и славянское единство. Сейчас реально нельзя говорить даже о единстве восточных славян (русских), которые являются наследниками Древнерусского государства и основным населением России, Белоруссии и Украины.

Решающими для судеб СНГ и славянского единства являются отношения России и Украины (Зиновьев 2000; Зиновьев 2004; Зиновьев, Троицкий 2009; Зиновьев, Суляк 2015). Отношения эти далеко не просты. С одной стороны, Украина обязана прежнему союзу с Россией своей нынешней территорией и статусом европейской державы, с другой стороны, никак не может пережить припадок русофобии, связанный с вновь обретенной незалежностью. Украина – страна с мерцающим суверенитетом, поэтому правящая элита весьма болезненно относится к покушениям на недавно обретенную самостоятельность.

На самом деле южные русские, включенные в Русско-Литовское княжество в XIV в., а с XVI в. - в Речь Посполитую, смогли заявить о политической самостоятельности в середине XVII в., но Богдан Хмельницкий был вынужден тогда просить защиты у Москвы. Великое княжество русское – так тогда называлась Малороссия – после Переяславской Рады 1654 г. возвращалось затем в Речь Посполитую, признавало себя частью Османской империи, вновь подчинялось Москве, делилось между Москвой, турками и поляками. При Петре I И. Мазепа пытался опереться в борьбе за независимость на шведскую

помощь. Екатерина II окончательно ликвидировала малороссийскую автономию в 1764 г. Новый проблеск надежды для украинской независимости (сам термин *Украина* стал употребляться для обозначения Малороссии и Галиции украинофилами в середине XIX в.) связан с революцией 1917 г. и гражданской войной. На территории современной Украины возникло множество государственных образований, существовавших от нескольких дней до нескольких месяцев: Западно-Украинская Народная Республика, Донецко-Криворожская советская республика, Одесские советская, а затем – народная республика, Крымские республики, Украинская Народная Республика, Украинская Советская Республика, Украинская Народная Республика Советов и т. д. В 1922 г. Украинская Советская Социалистическая Республика, одна оставшаяся после гражданской войны, вошла в СССР. В ее состав большевики включили не только коренные малороссийские земли, но и юг России – Екатеринославскую, Харьковскую, Херсонскую, Одесскую губернии, часть Таврической и часть Области Войска Донского. Перед Второй мировой войной добавили к ним Южную Бессарабию, Буковину, Галицию и Волынь, а после войны – Закарпатскую область. В 1954 г., видимо, в знак вечной дружбы, луганский выходец Н.С. Хрущев презентовал Украине с широкого плеча Крым. Современная Украина заявила о независимости 24 августа 1991 г., а в декабре 1991 г. стала независимой реально, уйдя в свободное плавание вместе с русскими землями и русским населением на юге и востоке, с русинским западом, болгарской Бессарабией.

Современная Украина, как и Украина XVII в., вновь колеблется в выборе исторического партнера: Россия или Запад? Правящая политическая элита склонилась к союзу с США, НАТО и ЕС, где можно получить кредиты, технологии и гарантии безопасности от России. Однако проводить откровенно прозападную политику президентам Украины не давали экономическая зависимость от России и прорусские симпатии электората востока и юга Украины. Кандидаты в президенты Украины спекулировали на прорусских настроениях во время президентских выборов и проводили прозападную политику в случае их избрания. Это обычная ситуация в странах со значительным процентом русского населения (Молдова, Казахстан, Украина). Отсутствие взаимопонимания между украинским и российским руководством привело к ослаблению геополитических позиций обеих стран. Это происходило на фоне возрастающей агрессивности внешнеполитического курса США, стремящихся извлечь максимум дивидендов из современного геополитического расклада.

В отношениях с Россией Украина ведет себя примерно так же, как Мексика с США: экономическая зависимость, требование префе-

ренций в сочетании с постоянными обвинениями в империализме. Украинская экономика зависит от поставок российских энергоносителей и комплектующих в машиностроении. Однако украинское руководство из политических соображений взяло курс на сокращение связей с российской экономикой. В 1994 г. Украина вышла из единой энергосистемы, затем отказалась войти в Таможенный союз и ввела пошлины на российские товары, ограничила инвестиционную деятельность российских компаний на Украине.

Обычным делом стал отбор газа при его транзите через Украину, отказ платить по счетам. В апреле 2000 г. во время визита В.В. Путина в Киев президент Украины Л.Д. Кучма был вынужден признать, что украинские организации воровали российский газ, который транзитом идет в Европу. Виновной в этом была объявлена бывший вице-премьер Ю.В. Тимошенко. Только под угрозой постройки газопровода в обход Украины удалось договориться о создании для реконструкции и эксплуатации транзитных газопроводов Украины акционерного общества со смешанным российско-украинским капиталом. В январе 2003 г. государственная компания «Нафтогаз Украины» и российская компания «Газпром» в Киеве зарегистрировали консорциум по управлению газотранспортной сетью Украины в форме общества с ограниченной ответственностью.

В последние годы пребывания у власти правительство Кучмы пошло на более тесное экономическое сотрудничество с РФ. В феврале 2003 г. на встрече в Москве президенты России, Украины, Белоруссии и Казахстана заявили о начале переговоров по формированию Единого экономического пространства и намерении создать четырехстороннее интеграционное объединение.

Администрации Кучмы удавалось балансировать между Западом и Россией. Новый украинский президент В.А. Ющенко объявил об ориентации на США и ЕС. Основным приоритетом внешней политики стала евроатлантическая интеграция (Арель 2005). Хотя первый после избрания визит В.А. Ющенко нанес в Москву, это не спасло российско-украинские отношения от похолодания. Киев свернул участие в переговорах о формировании Единого экономического пространства, усилились ограничения в отношении российских инвестиций, застопорилось создание консорциума по совместному управлению газопроводами. В начале января 2006 г., ввиду отказа Украины заключать новый договор на поставки российского газа и оплачивать их по более высокой цене, «Газпром» прекратил поставки газа Украине. В ответ последняя начала отбирать часть газа, предназначенного для европейских потребителей. Конфликт был разрешен созданием на паритетных началах акционерного общества «РосУкрЭнерго»,

которое стало поставлять Украине газ из центральноазиатских стран по 95 долл. за тысячу кубометров, тогда как цена, установленная «Газпромом», составляла 230 долл. за тысячу кубометров. В начале 2008 г. отношения в газовой сфере вновь обострились в связи с отказом правительства Ю.В. Тимошенко как от посредничества «РосУкрЭнерго», так и от закупок газа по цене, установленной «Газпромом». Подписанный в итоге с Украиной газовый контракт 2009 г. был, по мнению оппозиции, невыгодным, и когда к власти в 2010 г. пришел В.Ф. Янукович, он отдал Ю. Тимошенко под суд. На этом фоне Россия была вынуждена построить газопроводы в обход Украины. «Северный поток» по дну Балтийского моря до Германии проектировался и строился с 1997 по 2012 г. В 2015 г. Россия и Турция достигли предварительной договоренности о строительстве газопровода «Турецкий поток» по дну Черного моря, который практически лишит Украину транзитного значения.

Проблемой, отравляющей отношения между двумя странами, является также статус русского языка на Украине. Сокращение образования и телерадиовещания на русском языке вызывает протест русских и негативную реакцию российской общественности, что не может не сказываться на взаимоотношениях сторон. Не способствуют улучшению отношений и практика притеснения Украинской православной церкви Московского патриархата, которую проводят официальные власти. Несмотря на подписание в январе 2003 г. российско-украинского договора о границе, неразделенной остается акватория Азовского моря.

Важным полем сотрудничества и соперничества Москвы и Киева была военно-политическая сфера. Украина – первая страна в СНГ, которая после провозглашения независимости стала создавать национальные вооруженные силы. В 2007 г. их численность составляла около 225 тыс. чел., в 2011 г. – 143 тыс. чел. Гражданская война продемонстрировала низкую боеспособность этой армии. В 2015 г. Верховная Рада Украины приняла закон об увеличении численности вооруженных сил до 250 тыс. чел. (Poroshenko).

После провозглашения независимости Украина потребовала от Москвы передать ей часть бывшего советского Черноморского флота, что привело к обострению двусторонних отношений. Недалековидные решения 1991–1992 гг. об установлении отношений с Украиной и о признании ее территориальной целостности без учета особого статуса Севастополя и Крыма сделали флот украинским по месту дислокации. Претензии России на флот обострили вопрос о юридическом статусе Севастополя и о законности передачи Крыма Украине в 1954 г. Конфликт вызвал всплеск эмоций у националистов обеих

стран. «Игры патриотов» затянули решение вопроса, хотя верное направление было нащупано еще в 1992 г., когда на встрече в Дагомысе Б.Н. Ельцин и Л.М. Кравчук пришли к выводу о необходимости раздела флота. Россия твердо придерживалась ранее заявленного принципа территориальной целостности Украины, несмотря на серьезные дискуссии в парламенте и в СМИ. В июне 1995 г. в Сочи был парафирован договор о разделе флота. Однако под давлением националистов Л.М. Кучма отозвал подпись уже на следующий день. Понадобилось еще два года переговоров для заключения соглашения о разделе и базировании флота.

31 мая 1997 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной. Перед этим, 28 мая, председатели правительств В.С. Черномырдин и П.И. Лазаренко подписали десять соглашений о параметрах раздела флота, статусе и условиях пребывания российского Черноморского флота на территории Украины, о взаиморасчетах, связанных с разделом флота и его пребыванием в Украине. По этим соглашениям Черноморский флот России получил три бухты - Севастопольскую, Казачью, Карантинную и часть Стрелецкой бухты, а также береговую инфраструктуру в аренду на 20 лет. Помимо севастопольских объектов, были арендованы испытательный центр в Феодосии, десантный полигон, два военных аэродрома, объекты в Черноморске, Карадаге, Прибрежном – всего 1 020 военных объектов. Стоимость аренды за 20 лет составила в итоге 2,5 млрд долл. При долге Украины за энергоносители в 3 млрд долл. Киев фактически обменял Севастополь на долги (Экономика 1997).

Соглашения вызвали противодействие как в Верховной Раде, где Кучму обвинили в уступках Москве, так и в российском парламенте (Государственная дума ратифицировала соглашения только в декабре 1998 г., Совет Федерации – в марте 1999 г.).

Администрация В.А. Ющенко дала понять, что не хотела бы видеть Черноморский флот России в Севастополе по истечении срока соглашения в 2017 г. Избрание президентом В.Ф. Януковича, казалось, позволило найти долгосрочное решение проблемы. В апреле 2010 г. в Харькове было подписано двустороннее Соглашение по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на Украине, предусматривавшее продление срока действия Соглашения 1997 г. до 2042 г. в обмен на снижение Россией цены на газ для Украины на 100 долл. за 1 000 кубометров (Соглашение). В апреле 2014 г., в связи с возвращением Крыма в состав России, Харьковское соглашение было денонсировано.

Важным внешнеполитическим приоритетом Украины являются отношения со странами Европы и США, с НАТО и Европейским союзом.

Цель Запада – не допустить возвращения Украины в сферу влияния России, что существенно упрочило бы геостратегические позиции РФ. В 1992–1993 г. США главное внимание уделяли ядерному разоружению Украины. В соответствии с соглашениями между США, Россией и Украиной с территории страны было вывезено в Россию сначала тактическое, а затем и стратегическое ядерное оружие. Вывоз ядерного оружия был завершён к середине 1996 г.

Украина стала активным участником программы НАТО «Партнёрство во имя мира» (май 1994 г.). Администрация Кучмы стремилась к соблюдению баланса в отношениях с Россией и НАТО. Заключив с Россией Договор о дружбе и сотрудничестве и Соглашение об аренде Севастополя в конце мая 1997 г., президент Кучма уже 9 июля подписал Хартию об особом партнёрстве с НАТО. Украина участвовала в миротворческой операции в Боснии, в Силах по стабилизации Косово, поддержала агрессию США в Ираке, сейчас украинский контингент находится в Афганистане.

В 1999 г. во время операции НАТО против Югославии Украина отказалась допустить переброску российского контингента в Югославию до достижения соглашения России с Североатлантическим альянсом. Осудив бомбардировки Югославии, украинская дипломатия безуспешно пыталась сыграть посредническую роль в разрешении конфликта на Балканах.

Украинские власти при В.А. Ющенко фактически отказались от политики лавирования, проводившейся Л.Д. Кучмой, и развернули внешнюю политику страны в сторону Запада. В апреле 2005 г. отношения между НАТО и Украиной вступили в стадию «интенсифицированного диалога». В декабре 2007 г. президент, премьер-министр и председатель Верховной Рады Украины направили руководству НАТО письмо с предложением перевести отношения с Украиной в стадию Плана действий по членству в НАТО. В феврале 2008 г. сенат Конгресса США принял резолюцию в поддержку присоединения Украины к этому плану.

Однако в украинской политической элите не было единства по вопросу о членстве в Североатлантическом альянсе. Партия регионов настаивала на том, чтобы вопрос о присоединении к НАТО решался всенародным референдумом, а опросы общественного мнения показывали, что большинство населения не поддерживало эту идею. В самом Североатлантическом альянсе ряд стран, прежде всего Франция и Германия, считали преждевременным начало процесса присоединения Украины к блоку. В итоге на саммите НАТО в апреле 2008 г. было обещано, что в будущем Украина станет членом альянса, но решение о Плана действий принято не было.

Администрация В. Януковича законодательно зафиксировала внеблочный статус Украины. При новых киевских властях этот закон был отменен, а сотрудничество с НАТО с целью достижения критериев членства в данной организации было официально объявлено основным принципом украинской внешней политики (Верховная Рада).

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Украиной вступило в силу в марте 1998 г. Попытки Украины добиться от ЕС установления даты начала переговоров о вступлении в ЕС не принесли результата. Как и другим соседним с Евросоюзом странам, Украине было предложено только участие в политике добрососедства, не сулящей перспектив присоединения к ЕС. После вступления Украины во Всемирную торговую организацию в феврале 2008 г. ЕС и Украина начали переговоры о заключении Соглашения об ассоциации. Правительство В. Януковича до ноября 2013 г. продолжало следовать курсом на сближение с ЕС, хотя выдвинутые Брюсселем условия экономически были невыгодны для Украины.

Еще один важный приоритет в политике Украины – отношения со странами СНГ, особенно с теми из них, которые являются поставщиками энергоресурсов. В рамках СНГ она не участвует в большинстве соглашений и предпочитает двусторонние договоренности. В экономическом плане Украина стремилась создать блок стран, которые смогли бы обеспечить ее энергоносителями в обход России. Украина стала лидером блока ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова), поддерживаемого Соединенными Штатами. В мае 2005 г. состоялся саммит ГУАМ в Кишиневе, на котором В.А. Ющенко сделал амбициозную заявку на превращение Украины в регионального лидера и экспорт демократии в другие страны. В декабре 2005 г. в Киеве состоялась первая встреча в верхах Сообщества демократического выбора – объединения девяти стран Балто-Черноморского региона, призванного «поддерживать распространение демократических ценностей и стандартов» (Корреспондент.нет). Сейчас ГУАМ существует только на бумаге: встречи на высшем уровне не проводились с 2008 г. Нельзя, однако, исключить, что организация будет реанимирована (возможно, без участия Азербайджана) для реализации планов сдерживания России.

Непоследовательная политика украинского руководства не снимала противоречия внутри страны и в отношениях с Россией, а их накапливала. Перетягивание украинского каната Россией и Европейским союзом при провокационной позиции США кончилось политическим кризисом на Украине в конце 2013 г.

После заявления руководства России о предоставлении кредита Украине в 15 млрд долл. (реально было выделено 3 млрд долл.) и не-

ожиданного для Брюсселя и украинских оппозиционных сил отказа В. Януковича подписать Соглашение об ассоциации с ЕС на саммите в Вильнюсе в ноябре 2013 г. (формально со стороны Украины речь шла не об отказе, а об отсрочке) стало понятно, что чаша весов в борьбе за влияние на Киев склоняется в сторону России. Именно тогда Госдепартамент США, сыграв на накопившемся в украинском обществе раздражении коррумпированностью и неэффективностью правительства Януковича, включил машину «цветной революции», начались беспорядки в Киеве, закончившиеся бегством и отставкой В. Януковича и узурпацией власти коалицией проамериканских и крайне националистических политических сил 22 февраля 2014 г. Это привело к гражданской войне в Донбассе, переходу Крыма в Россию. Русские на Украине воспользовались правом уйти со своей землей. Гражданский конфликт на Украине изображается западной и украинской прессой, российской оппозицией как российская агрессия. Позиция России такова: это внутренний конфликт на Украине, но геноцида и ущемления прав русского населения она не допустит. Официально оказывается только гуманитарная помощь, но добровольцы через границу пропускаются. Украинские власти взяли курс на сворачивание любых связей с Россией, вытеснение русского языка, на террор против политической оппозиции и повстанцев.

В мае 2014 г. новым президентом Украины был избран крупный бизнесмен П.А. Порошенко, занимавший высокие посты и в администрации В. Януковича, и в администрации В. Ющенко. На общем фоне националистической вакханалии П.А. Порошенко являлся наиболее умеренным и трезво мыслящим кандидатом, фигурой, олицетворяющей наименьший общий знаменатель интересов России и ЕС. Российское руководство признало легитимность администрации Порошенко.

П.А. Порошенко вынужден делить реальную власть на Украине с рядом олигархов и политических фигур, напрямую зависимых от Вашингтона, прежде всего с премьер-министром А. Яценюком. Администрация Порошенко – Яценюка подписала в 2014 г. многострадальное Соглашение об ассоциации с ЕС, но вступление в силу экономической части документа, предусматривающей создание «глубокой и всеобъемлющей зоны свободной торговли между ЕС и Украиной», было отложено до 2016 г. Россия неоднократно заявляла, что введение в действие этого документа приведет к отмене режима свободной торговли между Россией и Украиной (Медведев). Ведущиеся в Брюсселе по этой проблеме консультации между ЕС, Россией и Украиной пока не дали результатов.

В геополитическом плане конфликт на Украине – серьезная победа США, которым удалось зажечь войну у границ России, внести раскол между Россией и Евросоюзом, ввести санкции против России. Против России сейчас ведется так называемая гибридная война – сочетание экономических, политических, идеологических, информационных действий, цель которых – свержение существующей власти. Россия и Европейский союз несут серьезные экономические и политические потери. США также заставляют Европу расплачиваться за сирийский кризис, агрессию НАТО в Ливии и Ираке, адаптироваться к нашествию мигрантов с Ближнего Востока.

Украинское население находится под мощным прессом националистической пропаганды и террора, а сама Украина – под властью конкурирующих олигархических группировок, общие рамки соперничества которых определяются в Вашингтоне. Украинская экономика – на грани коллапса, а страна – на грани распада, так как Украина нарушила главное условие своего существования как государства – поддержание отношений добрососедства и сотрудничества с Россией.

Выход из ситуации, на наш взгляд, связан только с изменением политических настроений на Украине, приходом к власти национально ориентированной части украинской элиты. Именно в этом направлении должны работать информационная машина и дипломатия России – твердо, но осмотрительно, не задевая национальной гордости украинцев и стараясь не переводить политические противоречия в плоскость отношений между народами.

ЛИТЕРАТУРА

Арель 2005 - *Арель Д.* Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra. 2005. № 1. С. 39–51.

Верховная Рада - Верховная Рада отменила внеблоковый статус Украины. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141223_ukraine_nato_status (дата обращения: 2.10.2015).

Зиновьев 2000 - *Зиновьев В.П.* Славянское единство и судьбы СНГ // Славянское единство. Международная научная конференция, посвященная 2000-летию Рождества Христова: тез. докл. и сообщ. Омск, 2000. С. 25–29.

Зиновьев 2004 - *Зиновьев В.П.* Страны СНГ и Балтии: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 118–133.

Зиновьев, Троицкий 2009 - *Зиновьев В.П., Троицкий Е.Ф.* Страны СНГ и Балтии: учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 141–160.

Зиновьев, Суляк 2015 - *Зиновьев В.П., Суляк С.Г.* Российский патриотизм сегодня // Русин. 2015. № 2 (40). С. 7–20.

Корреспондент.нет - Корреспондент.нет. 2005. 2 дек. URL: <http://correspondent.net/Ukraine/politics/137935> (дата обращения: 2.10.2015).

Медведев - Медведев: Россия отменит режим свободной торговли с Украиной. URL: <http://regnum.ru/news/economy/1981201.html> (дата обращения: 2.10.2015).

Соглашение - Соглашение по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины. URL: <http://www.unian.net/politics/352205-soglashenie-po-voprosam-prebyvaniya-chf-rf-na-territorii-ukrainyi-tekst.html> (дата обращения: 2.10.2015).

Экономика 1997 - Экономика и политика России и государств Ближнего Зарубежья. М., 1997. Июнь. С. 18–22.

Poroshenko - Poroshenko Signs Law to Increase Size of Ukraine's Army to 250,000 Men. URL: <http://www.unian.info/politics/1059739-poroshenko-signs-law-to-increase-size-of-ukraines-army-to-250000-men.html> (дата обращения: 2.10.2015).

REFERENCES

Arel, D. (2005) *Ukraina vybiraet Zapad, no bez Vostoka* [Ukraine chooses the West, but without East]. *Pro et Contra*. 1. pp. 39-51.

BBC. (2014) *Verkhovna Rada otmenila vneblokovyy status Ukrainy* [The Verkhovna Rada vote to waive the non-aligned status of Ukraine]. [Online] Available from: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141223_ukraine_nato_status. (Accessed: 2nd October 2015).

Zinov'ev, V.P. (2000) [The Slavic unity and the fate of the CIS]. *Slavyanskoe edinstvo* [The Slavic Unity]. Proc of the International Research Conference Dedicated to the 2000th Anniversary of the Birth of Christ. Omsk. pp. 25-29.

Zinov'ev, V.P. (2004) *Strany SNG i Baltii* [The CIS and Baltic countries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 118-133.

Zinov'ev, V.P. & Troitskiy, E.F. (2009) *Strany SNG i Baltii* [The CIS and Baltic countries]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University. pp. 141-160.

Zinov'ev, V.P. & Sulyak, S.G. (2015) *Rossiyskiy patriotizm segodnya* [Russian patriotism today]. *Rusin*. 2 (40). pp. 7-20.

Korrespondent.net. (2005) *Korrespondent.net, 2 dekabrya 2005 g.* [Korrespondent.net, December 2, 2005]. [Online] Available from: <http://correspondent.net/Ukraine/politics/137935>. (Accessed: 2nd October 2015).

Regnum.ru. (2015) *Medvedev: Rossiya otmenit rezhim svobodnoy trgovli s Ukrainoy* [Medvedev: Russia will cancel the free trade regime with Ukraine]. [Online] Available from: <http://regnum.ru/news/economy/1981201.html>. (Accessed: 2nd October 2015).

Unian.net. (2010) *Soglashenie po voprosam prebyvaniya Chernomorskogo*

flota Rossiyskoy Federatsii na territorii Ukrainy [The agreement on the Black Sea Fleet of the Russian Federation on the territory of Ukraine]. [Online] Available from: <http://www.unian.net/politics/352205-soglashenie-po-voprosam-prebyvaniya-chf-rf-na-territorii-ukrainyi-tekst.html>. (Accessed: 2nd October 2015).

Russian Academy of Sciences. (1997) *Ekonomika i politika Rossii i gosudarstv Blizhnego Zarubezh'ya* [Economics and Politics of Russia and the FSU]. Moscow. June 1997. pp. 18-22.

Unian.info. (2015) *Poroshenko Signs Law to Increase Size of Ukraine's Army to 250,000 Men*. [Online] Available from: <http://www.unian.info/politics/1059739-poroshenko-signs-law-to-increase-size-of-ukraines-army-to-250000-men.html>. (Accessed: 2nd October 2015).

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета.

Zinovyev Vasiliiy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: vpz@tsu.ru

Троицкий Евгений Флорентьевич - доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета.

Troitskiy Evgeniy – Tomsk State University (Russia).

E-mail: eft@rambler.ru

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/15

УКРАИНА И РОССИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ*

З.И. Резанова¹, К.С. Шиляев²

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: rezanovazi@mail.ru

² E-mail: shilyaevc@gmail.com

Авторское резюме

В статье исследуются концептуальные метафоры, используемые проправительственными и оппозиционными российскими СМИ с целью представления в определенной перспективе конфликта, продолжающегося с декабря 2013 г. Путем применения теории концептуальной метафоры и методов дискурс-анализа мы выделяем как сферы-источники метафоры (болезнь / безумие, торговля, театр, игра, криминал), так и ее сферы-мишени (российские и украинские политические лидеры, народы, территории и др.). Анализ аксиологического измерения этих метафор показал, что оба типа изданий применяют их с целью представить пророссийскую или украинскую сторону конфликта в негативном ключе, используя для этого разные сферы-мишени.

Ключевые слова: дискурс-анализ, концептуальная метафора, Россия, Украина, социальный конфликт, политический дискурс.

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ (№ 8.1.37.2015Л).

UKRAINE AND RUSSIA IN THE SOCIAL CONFLICT: METAPHORICAL MODELING IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE*

Z.I. Rezanova¹, K.S. Shilyaev²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: rezanovazi@mail.ru

²E-mail: shilyaevc@gmail.com

Abstract

The present study is dedicated to discovering the conceptual metaphors that are used by the Russian pro-government and opposition media in order to provide a particular perspective of the conflict that has taken place since December, 2013. By applying the theory of conceptual metaphor and methods of discourse analysis, we highlight both the sources of metaphor (disease / madness, commerce, theater, game, crime) and its targets (Russian and Ukrainian political leaders, peoples, and territories). We also analyze the axiological dimension of these metaphors and discover that in both types of media these metaphors are used to portray the sides of the conflict in a negative light, albeit with different targets.

Keywords: discourse analysis, conceptual metaphor, Russia, Ukraine, social conflict, political discourse.

Социальные конфликты – объект интенсивного медийного представления и интерпретации. В соответствии с реализацией базовых функций медийных дискурсов – информирование и убеждение – средства массовой информации, информируя, создают образ события. СМИ, с одной стороны, действуя от лица определенных государственных, общественных институтов, с другой, ориентируясь на системы идеологических, этических, эстетических интересов и ожиданий адресной группы, моделируют образ событийного новостного ряда в сложном переплетении действий, участников в разнообразии их социальных типов и ролевых распределений. Существенно важной частью моделируемого образа событийного ряда является его комплексная (этическая, утилитарная, нормативная и т. д.) оценка. При

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program (№ 8.1.37.2015Л).

этом отметим, что и информационный, и аксиологический аспекты моделирования реализуются как «открыто» – в системе дескриптивных и оценочных суждений, так и в качестве скрытых, имплицитных, выраженных в поверхностной структуре текста дескриптивными суждениями, усиливающих эффект их манипулятивного потенциала, что неоднократно отмечалось в лингвистических, социологических, культурологических исследованиях медиадискурса (Hall et al. 1980; Fairclough 1995; Чернявская 2006; van Dijk 2008 и др.).

Одним из мощных средств концептуального и языкового моделирования объектов, ситуаций, их базовых признаков и формирующих их конкретных ситуаций, а следовательно, и средством манипулирования сознанием адресата медийных дискурсов, является концептуальная метафора. О когнитивных основаниях манипулятивных эффектов использования в тексте метафор писал Дж. Лакофф, основатель когнитивной теории метафоры: «Понимание включает в себя опору на фреймовую логику. Во многих случаях используется и метафорическое мышление. Когнитивная семантика обнаружила, что мы думаем в терминах концептуальных систем, которые соотносятся друг с другом и создают смыслы. В дискурсе наши системы концептов используются, чтобы придать смысл тому, что говорится открыто» (Lakoff 2009). Исследователь доказывает эффективность применения методики концептуального метафорического моделирования нормативных картин мира при исследовании манипулятивных технологий, реализуемых в разных типах дискурсов: «Когда мы применяем эту технику анализа к политическим речам, интервью, звонкам на ток-шоу, передовицам, докладам комиссий, письмам в редакцию, блогам и так далее, вновь и вновь проявляются некоторые паттерны мышления – общие образы мышления, основанные на понимании того, что есть правильный поступок. Часть этого осознается и явно присутствует в языке. Однако 98 % происходит без участия сознания, невидимо, но придает смысл тому, что сказано».

Базовые идеи знаменитой книги «Метафоры, которыми мы живем» (Lakoff, Johnson 2003) были активно восприняты в научном сообществе, и в течение последующих десятилетий проблемы моделирующего, и, как следствие, манипулятивного потенциала концептуальных метафор (КМ) глубоко и разноаспектно рефлексировались применительно к разным этно- и социокультурным ситуациям и в теоретическом плане, и в плане прикладного использования в политтехнологиях, в рекламном деле и т. п. (Шиловская 2008; Каслова 2013; Gibbs 2014 (см. также весь сборник); Landau et al. 2015 и др.).

В ряду таких исследований находится и работа А.П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале», которая явилась началом лин-

гвистической диагностики политической жизни России в динамике социальных, политических перемен ее новейшей истории с использованием метафорического зеркала. Закljučая анализ, автор отмечал: «Вместе с тем необходимо еще раз подчеркнуть, что... исследовано не реальное положение дел в России, а его отражение в политическом дискурсе. Как известно, реальность и ее осознание в социальной ментальности далеко не всегда соответствуют друг другу, и в данном случае зеркало политической метафоры многократно увеличивает все реально существующие проблемы (как приуменьшали их средства массовой информации в период застоя)». Со ссылкой на немецкого исследователя Ст. Ульманна (Ульманн 1970: 253) А.П. Чудинов подчеркивал, «что источниками метафорической экспансии и метафорического притяжения всегда служат семантические сферы, вызывающие особое внимание в народном сознании» (Чудинов 2001). Социальные внутри- и межгосударственные конфликты, несомненно, принадлежат к сфере повышенного внимания всех слоев общества, что не может не находить отражения в темах медиадискурсов, развитие которых в текстах опирается на моделирующий потенциал концептуальной метафоры (см., например, работы: Будаев 2010; Antonova 2013; Antonova 2014).

Предмет анализа в данной статье – направленность метафорического моделирования, прорисовка образов Украины и России в условиях острого межгосударственного геополитического конфликта с использованием моделирующего потенциала концептуальных метафор в современном российском медиадискурсе. Непосредственный источник анализа – российские интернет-издания «Российская газета» (rg.ru), «Аргументы и факты» (aif.ru) и «Грани.ру» (grani.ru).

Принцип отбора источников исследования определялся постановкой частной задачи: мы пытаемся проследить моменты общности и различия в медийном моделировании российско-украинского конфликта, противопоставляя тему/объект моделирования (Украина vs Россия) и типы позиционирования соответствующего медийного источника в информационном и социально-политическом пространстве России. Мы анализировали тексты трех изданий: «Российская газета» (РГ), еженедельник «Аргументы и факты» (АиФ) и интернет-издание «Грани.Ру» (ГРу). «Российская газета» является официальным изданием, публикующим в том числе государственные документы (<http://www.rg.ru/about/index.html>). Еженедельник «Аргументы и факты», хотя и не заявляет себя как проправительственное издание, представляется нам достаточно лояльным российским властям, в пользу чего свидетельствует факт приобретения издательского дома «АиФ» мэрией Москвы в 2014 г. (<http://www.vedomosti.ru/business/>

articles/2014/03/12/moskva-kupila-gazetu-argumenty-i-fakty). Интернет-издание «Грани.Ру» позиционируется как оппозиционное и именно в таком качестве часто упоминается в других СМИ, в том числе в материалах портала «Лента.ру» (<http://lenta.ru/news/2014/03/13/pomoremедia/>), журнала «Forbes» (<http://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/297821-dostup-zapreshchen-kakie-saity-popadali-v-chernyi-spisok-roskomnadzor>), агентства «Интерфакс» (<http://www.interfax.ru/russia/364527>).

Таким образом, материалом для нашего анализа является тематически организованный субдискурс (термин И.В. Силантьева (Силантьев 2006)) медийной коммуникации, дискурсообразующим признаком которого является единство темы: российско-украинский геополитический конфликт. Наличие такого субдискурса маркируется на интернет-страницах изданий в советующих тематических рубриках.

Для анализа привлекались тексты данных изданий с декабря 2013 до сентября 2015 г. Всего было привлечено 300 текстов.

Медиаиздания, информируя россиян о разворачивании внутриукраинского конфликта, который с течением времени стал осознаваться как российско-украинский, направленно формируют общественное мнение соотечественников. Анализ систем метафорического моделирования рассматривается нами как средство лингвистической диагностики способов, типов медийного моделирования социальных конфликтов. Лексические метафоры – репрезентанты концептуальных метафор в тексте – выступают в качестве сильнейшего средства манипулятивного воздействия, что базируется на особенностях когнитивной структуры концептуальной метафоры.

Концептуальная метафора являет собой отражение набора конвенциональных связей между элементами разных концептуальных сфер. Сфера-источник метафорического моделирования как область, эмпирически данная в опыте человека, наполненная широким кругом ассоциативных связей, в том числе различной модальности, в первую очередь оценочной, задействуется как основание образа целевой сферы метафорического моделирования. Это целостная, структурированная концептуальная область в современной когнитивной лингвистике интерпретируется как фреймовая структура, содержащая логические компоненты (концепты и их отношения) и вместе с тем совокупности модусных смыслов (модусы возможности, оценки др.), что позволяет рассматривать ее как базу моделирования социально актуальных тем через систему выдвиганий элементов фреймовых структур (Пшенкин 2006; Мурай 2010; Резанова, Шилиев 2014).

В данной статье мы выявляем, какие концепты анализируемой политической ситуации (узлы, слоты фреймовых структур) входят

в зону активного осмысления в медийных текстах, какие концептуальные метафоры при этом выдвигаются на первый план, какова доминирующая аксиологическая направленность метафорического моделирования, полагая, что манипулятивная сила метафорического слоя текста определяется силой его интерпретационного, моделирующего потенциала (Найдина 2015).

Проведенный анализ текстов названных источников позволил выявить тематические доминанты метафорического моделирования (в терминах теории концептуальной метафоры – сферы-мишени (target) в структуре концептуальной метафоры) в новостных и аналитических текстах названных дискурсов, моменты их общности и различия. К тематическим доминантам относим Россию и Украину, представляемых в целостности их государственного устройства как некое единство народа и государственной структуры. Эти темы являются ведущими во всех изданиях. Однако их относительная частотность в анализируемых изданиях различна: в РГ и АиФ в фокусе метафорического моделирования находится Украина, в издании ГРу – Россия. Далее, в порядке убывания, следуют темы метафорического моделирования: в РГ и АиФ – это властные структуры Украины: Рада, правительство, его органы; политические деятели (П.А. Порошенко, А.П. Яценюк), реже – народ Украины. В текстах ГРу обнаруживается иная иерархия. В центре образного метафорического моделирования находится фигура лидера государства, президента России В.В. Путина, затем следуют в порядке убывания частоты метафорического моделирования – образ России, властных структур, политиков, народа России.

Подобный тип распределения «тематических» предпочтений в сферах метафорического моделирования, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о признании и оппозиционным изданием В.В. Путина более сильным лидером, определяющим в значительной мере развитие геополитического конфликта, по сравнению лидерами государства, находящегося на противоположной стороне.

Выделенные тематические области метафорической интерпретации занимают, как правило, субъектные и объектные позиции в событиях широкого социального конфликта. Выявив, на основе каких концептуальных сфер-источников (source) моделируются данные сферы-мишени (target), мы определяем системы концептуальных метафорических моделей, создающих образ конфликта и его оценку как в целом, так и отдельных фактов, составляющих сложную мозаику событийного ряда конфликта.

Образ российско-украинского конфликта в текстах анализируемых медийных источников в значительной степени является результатом эффекта взаимодействия метафорических рядов текстов, которые

в совокупности репрезентируют прежде всего **морбиальную, театральную, игровую, коммерческую и криминальную концептуальные метафоры**, определяемые типами концептуальных сфер, на основе которых происходит моделирование элементов социального конфликта. Это структурные метафорические модели, по типологии Дж. Лакоффа, т. е. такие, моделирующая сила которых в значительной степени опирается на их способность структурировать интерпретируемую концептуальную сферу в соответствии со структурой сферы-источника, вследствие чего каждая лексическая метафора в тексте обладает способностью не только актуализировать локальный переносный смысл, но и отсылать к спектру смыслов, в том числе модусных, отражающих всю ситуацию в целом.

В ряду структурных концептуальных метафор, представляющих российско-украинский конфликт, доминирующее место занимает **морбиальная метафора**, в концептуальной структуре которой *нечто представляется как болезнь*. В данном случае состояние Украины и России как участников геополитического конфликта интерпретируется в терминах болезни. Эта концептуальная метафора, с одной стороны, может быть проинтерпретирована как вариант более общей модели – антропоморфной, в рамках которой *нечто* (в данном случае – Украина, Россия) *предстает как человек*, что позволяет гуманизировать образы государств, отождествив их с человеком. С другой стороны, в данной модели значимыми являются смыслы деструкции, повреждения, что в сочетании с антропоморфными смыслами актуализирует смысл «боль», имплицитно модусы сочувствия, сопереживания субъекту. Симптоматично, что данный концепт привлекается в анализируемых текстах для создания образа протекающих на Украине реформ: *Западные регионы, бывшие мотором «евромайдана», стали для Киева болевой точкой* (РГ. 29.01.2015. Война повернула на Запад. Антитеррористическая операция угрожает уже и Галичине. Петр Лихоманов); *Министр финансов США Джэйкоб Лью напомнил Украине, что на западные деньги страна может рассчитывать только при проведении болезненных реформ в финансовой и энергетической сфере* (РГ. 28.01.2015. Киев на бобах. В обмен на деньги США вновь потребовали от Украины реформ. Игорь Дунаевский).

При моделировании конфликта оказываются задействованными следующие слоты фрейма «болезнь»:

- 1) состояние болезни, включающее симптомы: ощущения больного человека и внешние признаки болезненного состояния, проявляющиеся в поведении и особенностях внешнего вида человека;
- 2) протекание болезни с ее ключевыми этапами: начало, течение и выздоровление или смерть;

3) субъект, переживающий болезнь;

4) смежные ситуации, связанные с действиями других людей по отношению к больному: диагностика, лечение (возможно, погрешение). Смежные ситуации также являются сложными по структуре, включая субъекты, конкретные обстоятельства, предметы, вовлекаемые в ситуации.

Однако существенно важным при этом является то, какой тип болезни избирается для моделирования социальных явлений – телесной или психической: состояние главных участников геополитического конфликта моделируется на основе концептуальной сферы психических болезней, представляемых как непосредственно через привлечение имен болезненных состояний (в том числе алкоголизма, наркомании) и носителей этих состояний, так и весьма часто – через проявления этих болезней, например бред.

В РФ и АиФ в качестве сферы-мишени выступают:

а) народ Украины: *многие украинцы потеряли разум. И это, наверное, самая большая утрата. Иначе они не призывали бы к продолжению войны* (РГ. 18.02.2015. Год кровавого тумана. Петр Лихоманов). *Увы, после майдана мы наблюдаем страшное отупение и зомбирование множества людей* (АиФ. 10.06.2015. Над пропастью во лжи. Кому война на Украине – мать родна? Георгий Александров); *Но для большинства украинцев эта логика пока недоступна – слишком галлюциногенные и абстрактные картины рая на земле рисовали им европейские зазывалы, не ко всем еще пришло отрезвление* (РГ. 19.02.2015. Год кровавого тумана. Игорь Зубков);

в) государственные органы Украины: *«Складывается впечатление, что всех новоназначенных в СБУ украинских чиновников молниеносно поражает какая-то странная болезнь: они сначала брякают что попало, а только потом пытаются задуматься», – отметил генерал Конашенков.* (РГ. 05.08.2015. Минобороны России констатировало «странную болезнь» у СБУ. Иван Петров); *Впрочем, сомнительно, что этот закон даже дойдет до сессионного зала – к счастью, это не первый бредовый законопроект, сгинувший в канцелярии украинского парламента. Но с другой стороны, новейшая история украинского парламентаризма показывает – нет такого бреда, который на Украине не мог стать законом или хотя бы попасть в топ новостей* (РГ. 08.07.2015. Споткнулись на истории. Украинским депутатам предложили запретить слово «Россия». Петр Лихоманов);

с) президент: *Участник заседания, глава думского комитета по международным делам Алексей Пушков поставил Порошенко диагноз* (РГ. 09.07.2015. Не знают берегов. Сергей Нарышкин подверг критике изменения в Конституции Украины. Татьяна Замахина).

В качестве внешних участников ситуации болезни, тех, кто ставит диагноз, выписывает рецепты и лечит, выступают российские государственные органы или их представители. Так, в предыдущем контексте роль врача приписывается Алексею Пушкиву.

В оппозиционном издании мы находим зеркальное отражение интерпретации ситуации. В качестве субъекта болезни предстают:

а) глава государства: *Если же разглядывать Россию и самого Владимира Владимировича глазами западных политиков и генералов НАТО, то они ведь и вправду до сих пор не знают, утратил он связь с реальностью или не утратил* (ГРу. 22.05.2015. Что кинет он? Илья Мильштейн);

в) российский народ: *Соответственно, и кризис, пожирающий Россию, не вызывает у добрых бюргеров и у тех, кого они выбирают, острого желания помочь, кредитовать и прислать доктора (в хорошем смысле). Поскольку больной неизлечим, да к тому же еще и буйный* (ГРу. 17.12.2014. Долгая яма. Илья Мильштейн); *Россия все еще мечется в красном жару* (ГРу. 10.04.2015. Война и кумир. Виталий Портников).

Как видим, в качестве диагностов и тех, кто может или уже не может излечить больного, выступают третьи страны: *А гибель нашего пациента будет просто зафиксирована генеральной ассамблеей патологоанатомов* (ГРу. 27.02.2015. Война на самоистощение. Виталий Портников).

Интерпретационная сила морбиальной концептуальной метафоры заключается в том, что она интерпретирует событие как такое, которое затрагивает самое существо субъектов, его переживающих, подчеркивая его деструктивное значение для самих субъектов геополитических процессов.

Две следующие концептуальные метафоры – **игровая и театральная**, которые могут быть рассмотрены как один из видов игровой¹, – направлены на формирование совсем другого образа конфликта – образа его смоделированности.

Для понимания направленности моделирования геополитического конфликта с опорой на театральную метафору, важно выявить, какие из слотов сложного организованного мотивирующего фрейма «театр» при этом избираются. В анализируемых изданиях, во-первых, за счет привлечения видов постановок (шоу, мыльная опера, третьеразрядная постановка и т. д.) в качестве сфер-источников концептуальной метафоры дается общая, комплексная отрицательная оценка характера конфликта как результата непрофессиональной деятельности ее «авторов», во-вторых, через оппозицию авторов, режиссеров, актеров и зрителей, противопоставляются явные и тайные участники конфликта – через образы кулис и закулисья, характеризуется позиция тех, кто определяет течение конфликта, и тех, кто бывает вовлечен в него.

В РФ и АиФ развитие политической жизни Украины определяется через «низкие» жанры сценического искусства: **Игра в украинский престол. Политический сериал во многих действиях** (АиФ. 28.07.2015. Игра в украинский престол. Политический сериал во многих действиях. Екатерина Ларинина); **События на политической арене Украины всё больше напоминают заезженную «мыльную оперу»** (АиФ. Там же); **...пытались убедить Запад (к счастью, пока не очень успешно) в необходимости срочно вооружить их до зубов с целью нападения на Россию. В общем, делали все возможное, чтобы «шоу» продолжалось** (РГ. 21.02.2015. Год после «майдана»: как разрушили Украину. Владислав Воробьев); **История с изменениями в Конституции Украины очень походила на третьесортную постановку, которая в итоге привела к гибели людей** (АиФ. 01.09.2015. Кровавая победа Порошенко. Денис Денисов); **Театр абсурда дошёл до того, что оппоненты основным аргументом выбрали утверждение, что во всём виноват Путин** (АиФ. Там же).

Развитие событий конфликта интерпретируется как осуществление написанного заранее сценария: **По мнению экспертов, именно страх падения с мнимого Олимпа заставляет правящую элиту Украины прилагать все усилия, чтобы не допустить развития мирного сценария на Юго-Востоке страны... По мнению Захарченко, худшим сценарием развития событий может быть развал страны... По их мнению, сценарий третьего Майдана может быть запущен в случае, если Пётр Порошенко перестанет играть отведённую ему роль** (АиФ. 10.02.2015. Майдан версии 3.0. Будет ли новый переворот на Украине? Екатерина Ларинина).

В моделировании политической жизни Украины подчеркивается идея несамостоятельности действий руководства Украины и политических сил: **Вывод из этой истории достаточно простой: все события, произошедшие 31 августа, были срежиссированы, а каждая политическая сила сыграла отведённую ей роль** (АиФ. 01.09.2015. Кровавая победа Порошенко. Денис Денисов). Значительные выразительные возможности в выражении идеи несамостоятельности действий политических сил имеет слот сферы-источника «кукольный театр», актуализуемый с помощью метафоры «нити кукловода»: **Кроме того, все экономические нити находятся в руках президента: Нацбанк возглавляет соратница Порошенко Валерия Гонтарева, Минфин – специально выписанная из-за границы Наталья Ярьско, Минэкономики – Айварас Абромавичус, который вершит реформы при полной поддержке главы государства** (АиФ. 28.07.2015. Игра в украинский престол. Политический сериал во многих действиях. Екатерина Ларинина); **Уйдя из сферы публичной политики, испугавшись потери бизнеса, он не отпустил из своих рук нарабатываемых года-**

ми нитей воздействия на едва ли не все сферы жизни в современной Украине (Там же).

С помощью метафоры дается оценка отдельных действий политиков как внешних, не затрагивающих существа процесса: *Этот аргумент заключается в том, что если фактически **декоративные поправки** в Конституции, которые не дают никакого статуса ДНР и ЛНР, вызывают такую бурную реакцию у значительной части украинского политикума* (АиФ. Там же).

Как правило, ресурс театральной метафоры используется для характеристики действий политиков современной Украины, однако иногда в качестве действующего лица современной драмы появляется так называемый представитель «простого народа»: ***На авансцену, не таясь, вылез** какой-то подвыпивший люмпен в каске и стал отчаянно показывать «факи» ненавистному «Беркуту»* (РГ. 23.01.2014. Юрий Снегирев. Первая кровь).

В оппозиционном издании интерпретационный ресурс данной метафорической модели используется для создания образа президента России, оценки его роли в создании и развитии геополитического конфликта. Он представлен в образах актера и заказчика спектакля: *...среди новых декораций сидел старый **Путин. Заигравшийся актер** вдруг увидел себя со стороны, чужими иностранными глазами и даже посмеялся над собой* (ГРу. 19.12.2014. Лепет оправданья. Илья Мильштейн); *И где-то там, на заднем плане, невидимый, вроде Сталина **за кулисами показательных процессов*** (ГРу. 11.02.2015. Палачи и дивчина. Илья Мильштейн); *Чудится **главный заказчик** этого зрелища, великий стратег и геополитик* (ГРу. Там же).

В качестве публики представлены оппозиционные силы, выносящие оценку действиям актера: *Публика **изнемогает от смеха*** (ГРу. Там же).

Другие виды игровой метафоры дополняют идею смоделированности конфликта, того, что он возникает в силу целенаправленной деятельности, и дают оценку несерьезности такой деятельности: ***Заигрались. Киев стремительно теряет доверие своих и чужих*** (АиФ. 03.06.2015. Автор не указан). Однако, в отличие от театральной метафоры, обращение к концепту *игра* может быть мотивировано необходимостью актуализировать идею направленности действий субъектов конфликта на выигрыш, получение позитивного результата для себя: *Но давайте подумаем **хладнокровно** – а что **он выиграл** на самом деле?* (ГРу. 13.02.2015. Гарант войны. Виталий Портников).

При оценке вклада **игровой концептуальной метафоры** в формирование образа геополитического конфликта важно учитывать то, что при моделировании избирается прежде всего образ карточной игры, вводимый через слоты *козырь* и *шулер* и используемый для изображе-

ния действий лидеров противоборствующих государств: *Кроме того, события понедельника дали Порошенко ряд козырей перед выборами и переговорами в рамках «нормандского формата»* (АиФ. 01.09.2015. Кровавая победа Порошенко. Денис Денисов); *Но Путина это вполне устраивает. У него, как у опытного шулера, в рукаве припасен еще один козырь* (ГРу. 29.06.2015. Вернуть Таганрог. Борис Соколов); *Получил все, что хотел, заставил Украину содержать Донбасс и даже провести конституционную реформу, которая гарантирует особый статус оккупированным Россией районам этого региона. А взамен что? Прекращение наступления? Вот уж действительно грассмейстер!* (ГРу. 13.02.2015. Гарант войны. Виталий Портников). В данном контексте метафора является еще и средством реализации иронии, оборачивающей положительный образ грассмейстера в насмешку.

Приведенные концептуальные метафоры, будучи направленными на моделирование разных объектов, характерны как для правительственного и проправительственного изданий, так и оппозиционного.

Две следующие концептуальные модели, имея более ярко выраженный оценочный вектор, **эксплуатируются авторами оппозиционного издания «Грани.Ру»** для характеристики позиций России и ее лидера в рассматриваемом геополитическом конфликте.

На основе мотивирующего фрейма *торговля* в оппозиционном издании ГРу ситуация на Украине интерпретируется как предмет торга между Россией и Западом – реализуется **коммерческая метафора**. Слот товара занимают территории (Крым) и жизни людей: *Значит, торгуясь с европейцами и Порошенко, за эту жизнь надо назначать особую цену, и мы можем лишь догадываться о том, чего требует Москва, когда речь заходит о судьбе заложницы* (примечание 2) (ГРу. 01.05.2015. Надежду на волю. Илья Мильштейн). Товар обладает ценой, которая может быть *высокой* или *неизвестной*, при этом особенность реализации данной метафоры в текстах оппозиционных изданий заключается в проецировании не совсем стандартной ситуации торга: цену платит не благоприобретатель, а третье лицо: *В-четвертых, совершенно не понятно, чем вообще обернется ситуация с Крымом и какую цену в широком смысле придется всем россиянам за этот полуостров платить* (ГРу. 10.12.2014. На мосту не в ногу. Илья Мильштейн). В роли *торговца* выступает президент страны. Торговец приобретает определенную выгоду, однако не платит сам (происходит модификация привычной структуры фрейма сферы-источника «торговля»). Роль плательщика выполняет народ, который, согласно оппозиционному изданию, несет потери: *Если выгоды заключаются главным образом в росте рейтинга власти и общественной эйфории (впрочем, уже проходящей) от «вставания с*

колен», то **потери, которые Россия уже понесла и понесет, постоянно растут** (ГРу. 19.03.2015. Два острова. Николай Петров). Модусные смыслы, актуализируемые путем метафорической интерпретации, зависят от того, как интерпретатор распределяет позиции. Метафоры оппозиционного издания представляют нечестный и не выгодный для россиян торг с целью сформировать негативную оценку действий президента РФ.

Мотивирующий фрейм *криминал* выступает сферой-источником еще одной яркой концептуальной метафоры – **криминальной**. Посредством этой метафоры оппозиционное издание стремится представить действия российских властей как на международной арене, так и внутри страны как деятельность организованной преступной группы: **«Все те же мелкие жулики вместо власти. ... Все тот же бандитский притон вместо государства»** (ГРу. 31.12.2014. От Майдана до Манежки. Виталий Портников).

Слот главы группировки занимают высшие чиновники России: **И вряд ли случайно главарь гангстеров из Следственного комитета Бастрыкин только что выступил с предложением исключить из Конституции статью о приоритете международного права над национальным** (ГРу. 27.02.2015. Преступление против мира. Александр Скобов). Необходимо отметить, что, несмотря на многочисленные критические и подчас балансирующие «на грани фола» эпитеты по отношению к Президенту РФ В.В. Путину в рамках других метафор (ср. морбиальную), оппозиционное издание не присваивает ему метафорических номинаций в фреймовой структуре данной метафоры. Тем не менее встречаются текстовые фрагменты, представляющие В.В. Путина прямо или метонимически как субъекта преступных действий: **Прошлой весной Владимир Владимирович не просто «аннексировал», «отжал» или «освободил» Крым** (ГРу. 22.05.2015. Что кинет он? Илья Мильштейн). Слот жертв преступлений заполняют конкретные люди или территории.

Криминальная концептуальная метафора может создаваться на основе актуализации смежного фрейма сценарного типа – за преступлением следуют суд, приговор и наказание. Набор возможных действий в рамках данного сценария достаточно широк: **Более того, можно попытаться закошмарить суд, демонстрируя крутость и негибаемость. ... Уходить в неосознанку. ... Можно просто не явиться в суд, отгородившись «искандерами» и железным занавесом, это еще называется пуститься в бега. Правда, в подобных случаях судьи иногда выносят пусть и заочные, но особенно жесткие приговоры** (ГРу. 03.07.2015. Везде у нас отчет. Илья Мильштейн). В качестве судей оппозиционное издание представляет мировую общественность в лице западных политиков. Благодаря использованию лексем, связанных с

криминалом и криминальным миром, авторы «Граней.ру» моделируют Россию и ее политических деятелей как опасных, беспринципных и заслуживающих порицания. Носителями справедливости, в свою очередь, являются, в интерпретации авторов оппозиционного издания, западные нации и политики. Налицо полярное распределение модусных смыслов при моделировании геополитического конфликта через концептуальную сферу криминальной метафоры: Запад – положительные, Россия – отрицательные.

Мы отмечаем значительное пересечение типов концептуальных метафор: в моделировании конфликтной геополитической ситуации в российских оппозиционных и проправительственных изданиях с опорой на смысловой интерпретационный ресурс морбиальной, театральной и игровой метафоры. Безусловно, данными метафорическими моделями не исчерпывается концептуальное моделирование конфликта анализируемых медийных источников. Так, например, морбиальная метафора, включающая в смысловой состав концепт деструкции, определенным образом резонирует с концептуальными метафорами разрушения физических объектов, ср.: *Ночью стелы стадиона «Динамо» озаряются вспышками. Днем поднимается дым и слышится нестройное пение гимна Украины. «Малая земля» словно след от камня на лобовом стекле. Отсюда пошли трещины по Украине* (РГ. 23.01.2014. Первая кровь. Юрий Снегирев); *За этот год на Украине случилось столько всего чрезвычайного. Пришедшие к власти националисты и радикалы ломали страну через колено* (РГ. 21.02.2015. Год после «майдана»: как разрушили Украину. Владислав Воробьев).

Однако именно данные три концептуальные модели наиболее последовательно репрезентируются в лексическом слое проанализированных текстов, взаимодействуя друг с другом и формируя самостоятельные, но соотношенные смысловые акценты в интерпретации геополитического конфликта. Образование конкретных лексических метафор в концептуальном поле данных структурных метафор, моделирующих социальные процессы на основе концептуальных сфер «болезнь», «театр», «игра», имеет несомненную аксиологическую направленность. При этом были выявлены две закономерности: в фокусе моделирования находятся субъекты социальных процессов, и при этом обнаруживается доминирование их отрицательной оценки. Через концептуальные призмы игровой и театральной метафоры актуализируются аспекты личной ответственности политических деятелей за появление и разворачивание конфликта. Конфликт предстает как то, что является результатом их деятельности: написан сценарий, действие срежиссировано, политики, скрываясь за кулисами, определяют его развитие, разыгрывая комбинации, дергая за ниточки

безвольных исполнителей. В рамках театральной и игровой метафоры отрицательно оценивается и сам конфликт, и его развитие в образах низких жанровых форм сценического искусства, а также карточной игры, связанной с образами азарта и нечестности. В рамках данных моделей народ – пассивный участник конфликта – лишь изредка выходит на авансцену процесса, будучи представленным в виде *пьяного люмпена*. Однако в рамках морбиальной метафоры народ столь же регулярно моделируется как субъект, наряду с политическими деятелями представая в образе *безумца*.

Еще раз подчеркнем, что данные модели в целом единообразно используются в трех изданиях с одним, но существенным различием. В газетах «Российская газета» и «Аргументы и факты» моделирующий потенциал данных метафор используется при интерпретации роли украинского народа, ее государственных и политических деятелей, в то время как «Грани.ру» направляет оценочно-интерпретационный потенциал концептуальных метафор для характеристики российского народа, российских политиков и государственных деятелей.

Анализ текстов названных изданий позволил выявить также повышенную метафоричность оппозиционного издания, что проявляется в том, что наряду с тремя общими концептуальными моделями, его смысловой слой формируется также в значительной мере опорой на интерпретирующую направленность криминальной и коммерческой метафор, способствующих формированию более насыщенного оценочного отрицательного фона текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мы расширенно истолковываем в данном случае фрейм «театр», включая все виды сценического искусства: театр, цирк, кино, телевидение.
2. Под «заложницей» подразумевается летчица Н. Савченко.

ЛИТЕРАТУРА

Antonova 2014 - Antonova T.G. Social Conflict through Conceptual Metaphor in Media Discourse // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 154. P. 368–373.

Fairclough 1995 - Fairclough N.L. Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

Gibbs 2014 - Gibbs R.W. Conceptual metaphor in thought and social action //

The power of metaphor: Examining its influence on social life / M. Landau, M. Robinson, & B. Meier. Washington, DC: APA Press, 2014. P. 17–40.

Hall et al. 1980 - *Hall S. et al.* Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980. 320 p.

Lakoff 2009 - *Lakoff G.* The Political Mind. Penguin Books, 2009. 320 p.

Lakoff, Johnson 2003 - *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. University Of Chicago Press, 2003. 256 p.

Landau, Nelson, Keefer 2015 - *Landau M.J., Nelson N.M., Keefer L.A.* Divergent Effects of Metaphoric Company Logos: Do They Convey What the Company Does or What I Need? // *Metaphor and Symbol*. 2015. Vol. 30, № 4. P. 314–338.

van Dijk 2008 - *van Dijk T.A.* Discourse and Power. Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.

Антонова 2013 - *Антонова Т.Г.* Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры // *Язык и культура (Приложение)*. 2013. № 2. С. 5–8.

Будаев 2010 - *Будаев Э.В.* Политическая метафорология: ракурсы сопоставительного анализа // *Политическая лингвистика*. 2010. № 1 (31). С. 9–23.

Каслова 2013 - *Каслова А.А.* «Кризисные» метафоры в английском экономическом дискурсе (на примере экономического кризиса на Кипре) // *Перевод и сопоставительная лингвистика / Гл. ред. А.А. Каслова*. 2013. № 9. С. 61–64.

Мурай 2010 - *Мурай Е.В.* Фреймовые семантики и моделирование образа политика в англоязычной публицистике (гендерный аспект) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2010. № 593. С. 159–165.

Найдина 2015 - *Найдина Д.С.* Функционирование метафоры в процессах манипулирования в нефтегазовом субдискурсе // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 397. С. 33–37.

Пшенкин 2006 - *Пшенкин А.А.* Метафорический образ СССР / России в американском и российском политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2006. № 20. С. 146–161.

Резанова, Шиляев 2014 - *Резанова З.И., Шиляев К.С.* Особенности ключевой текстовой метафоры в романе Дж. Лондона «Michael, Brother Of Jerry» и его переводе «Майкл, брат Джерри» // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 3. С. 118–126.

Силантьев 2006 - *Силантьев И.В.* Газета и роман. Риторика дискурсных смешений. Языки славянской культуры, 2006. 224 с.

Ульманн 1970 - *Ульманн С.* Семантические универсалии // *Новое в лингвистике*. 1970. № 5. С. 250–299.

Чернявская 2006 - *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса. М.: Флинта, 2006. 136 с.

Чудинов 2001 - *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когни-

тивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Шиловская 2008 - *Шиловская Е.Н.* Сравнительно-сопоставительный анализ частотности варьирования метафор в немецкой, английской и российской рекламе автомобилей // *Лингвокультурология*. 2008. № 2. С. 194–202.

REFERENCES

Antonova, T.G. (2013) *Metaforicheskoe modelirovanie sotsial'nogo konflikta v mediadiskurse: klyuchevye diskursivnye metafory* [Metaphorical modeling of social conflict in media discourse: key discourse metaphors]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 2. Appendix. pp. 5-8.

Antonova, T.G. (2014) Social Conflict through Conceptual Metaphor in Media Discourse. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 154. pp. 368-373. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.10.165

Budaev, E.V. (2010) Politicheskaya metaforologiya: rakursy sopostavitel'nogo analiza [Political linguistics: aspects of comparative analysis]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics Journal*. 1(31). pp. 9-23.

Chernyavskaya, V.E. (2006) *Diskurs vlasti i vlast' diskursa* [Discourse of power and power of discourse]. Moscow: Flinta.

Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory* [Russia and its metaphorical reflection: a cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.

Fairclough, N.L. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.

Gibbs, R.W. (2014) Conceptual metaphor in thought and social action. In: Landau, M., Robinson, M. & Meier, B. (eds) *The power of metaphor: Examining its influence on social life*. Washington, DC: APA Press. pp. 17-40.

Hall, S. et al. (1980) *Culture, Media, Language*. London: Hutchinson.

Kaslova, A.A. (2013) "Krizisnye" metafory v angliyskom ekonomicheskom diskurse (na primere ekonomicheskogo krizisa na Kipre) [Crisis metaphors in English economic discourse]. *Perevod i sopostavitel'naya lingvistika*. 9. pp. 61-64.

Lakoff, G. (2009) *The Political Mind*. Penguin Books.

Lakoff, G. & Johnson, M. (2003) *Metaphors We Live By*. University Of Chicago Press.

Landau, M.J., Nelson, N.M. & Keefer, L.A. (2015) Divergent Effects of Metaphoric Company Logos: Do They Convey What the Company Does or What I Need? *Metaphor and Symbol*. 30 (4). pp. 314-338. DOI: 10.1080/10926488.2015.107480

Muray, E.V. (2010) Freymovye semantiki i modelirovanie obraza politika v angloyazychnoy publitsistike (gendernyy aspekt) [Frame semantics and modeling of a politician's image in English social journalism (gender aspect)].

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University. 593. pp. 159-165.

Naydina, D.S. (2015) Metaphor functioning in manipulation processes in oil and gas subdiscourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 33-37.

Pshenkin, A.A. (2006) Metaforicheskiy obraz SSSR / Rossii v amerikanskom i rossiyskom politicheskom diskurse [Metaphorical image of USSR / Russia in American and Russian political discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 20. pp. 146-161.

Rezanova, Z.I. (2013) Conflict situation in the language consciousness of native Russian speakers (an associative experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3(23). pp. 34-42.

Rezanova, Z.I., & Shilyaev, K.S. (2014) Osobennosti klyuchevoy tekstovoy metafory v romane Dzh. Londona “Michael, Brother Of Jerry” i ego perevode “Maykl, brat Dzherri” [Distinctive features of the key textual metaphor in the novel “Michael, Brother of Jerry” by J. London and its translation into Russian]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 118-126.

Shilovskaya, E.N. (2008) Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz chastotnosti var'irovaniya metafor v nemetskoj, angliyskoj i rossiyskoj reklame avtomobiley [Comparative analysis of frequency of metaphor variation in German, English and Russian car adverts]. *Lingvokul'turologiya*. 2. pp. 194-202.

Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman. Ritorika diskursnykh smesheniy* [Newspaper and novel. The rhetorics of discursive blendings]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.

Ul'mann, S. (1970) Semanticheskie universalii [Semantic universals]. *Novoe v lingvistike*. 5. pp. 250-299.

van Dijk, T.A. (2008) *Discourse and Power*. Palgrave Macmillan.

Резанова Зоя Ивановна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Rezanova Z. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: rezanovazi@mail.ru

Шильяев Константин Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета.

Shilyaev K. – Tomsk State University (Russia).

E-mail: shilyaevc@gmail.com

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/16

РУСИНСКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКИ ДРУГИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВОЕВОДИНЫ. СТАТЬЯ 1*

Д.А. Катунин

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Scopus Author ID: 56401894100

Вецејязичнось, мултикултуралізем і мултиконфесіяналізем
представяю общу вреднось од окремей значносьці за АП Войводуіну...

Статут Автономней Покраіні Войводуіні. Член 7

Авторское резюме

Анализируются законодательные акты Воеводины, регламентирующие использование и функционирование языков национальных меньшинств, проживающих на ее территории.

На основании результатов переписей населения Воеводины 1971–2011 гг. приводятся данные о динамике абсолютной и относительной численности русинов, а также о численности тех, кто указал русинский язык в качестве родного.

Делаются выводы о том, что языковые права русинов и других национальных меньшинств находят свое максимально широкое отражение в законах автономного края: статуте (уставе), законе об употреблении языков и т. д. Данные юридические акты фиксируют обязательства автономии по публичному использованию миноритарных языков в сферах образования, судопроизводства, административной и государственной деятельности, средств массовой информации, культуры, экономической и общественной жизни, топонимики и т. д.

Ключевые слова: русины, русинский язык, языковая политика, национальные меньшинства, Сербия, Воеводина.

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

THE RUSIN LANGUAGE AND LANGUAGES OF OTHER NATIONAL MINORITIES IN THE LEGISLATION OF VOJVODINA. Article 1*

D.A. Katunin

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

Multilingualism, multiculturalism and multiconfessionalism shall represent a universal value of particular interest to the AP of Vojvodina
The Statute of the Autonomous Province of Vojvodina. Article 7

Abstract

Vojvodina laws that regulate the use and operation of the languages of the national minorities living on its territory are analyzed. Based on the results of the Vojvodina censuses of 1971–2011, the data on the dynamics of the absolute and relative number of the Rusin people, as well as the number of those who have Rusin as their mother tongue, are given.

The conclusion is that the language rights of Rusins and other minorities are most broadly reflected in the laws of the autonomous region: the statute (charter), the law on the use of languages, etc. These legal acts fix the obligations of the autonomy of the public use of minority languages in education, in judicial, administrative and public activities, in media, culture, in economic and social life, in place names, etc.

Keywords: Rusins, Rusin language, language policy, national minority, Serbia, Vojvodina.

Цель исследования – определение языковых прав русинского и других национальных меньшинств, а также статуса этих языков в законодательстве Воеводины. В качестве материала используются статистические данные переписи населения, государственные и региональные законы.

Воеводина является Автономным краем Республики Сербия (Аутономна Покрајина Војводина / Автономна Покрајина Войводина) и примечательна в аспекте тематики журнала «Русин» тем, что это единственный регион в мире, где русинский язык имеет официальный статус. Край занимает северную часть Сербии и граничит с четырь-

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

мя государствами: на востоке – с Румынией, севере – с Венгрией, западе – с Хорватией, юго-западе – с Боснией и Герцеговиной (рис. 1); его площадь составляет 21 506 км², или 24,24 % от всей территории Сербии (без учета де-факто отделившегося Косова – 27,76 %). Численность населения, согласно данным переписи 2011 г. (Попис становништва 2013), – 1 931 809 человек, или 26,88 % населения Сербии (в Автономном крае Косово и Метохия перепись не проводилась).

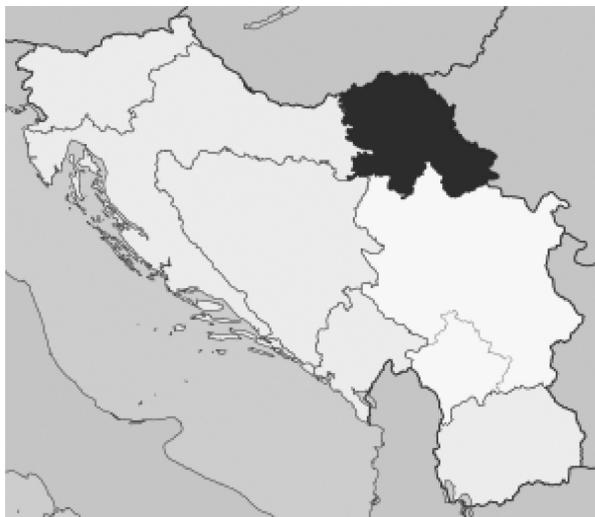

Рис. 1. Воеводина (темным цветом) в составе Югославии

Хотя основную часть населения составляют сербы, край характеризуется большим количеством национальностей, проживающих на его территории. Данная особенность обусловлена прежде всего тем, что Воеводина находится на стыке расселения славян, венгров и румын. Кроме того, после побед австрийских и венгерских войск над турками в XVII–XVIII вв. практически опустошенные, но в то же время плодородные земли современной Воеводины заселялись выходцами из других частей Австрийской империи, а также из германских княжеств и принадлежавшего Османской империи Балканского полуострова. В числе таких переселенцев были и предки современных паннонских русинов, перебравшихся в Воеводину из Северной Венгрии и Галиции.

Таким образом, можно говорить о том, что современный этнический состав региона сформировался в последние 300 лет (в югославское государство, образованное по итогам Первой мировой войны, Воеводина вошла только в 1918 г.)¹.

Результаты переписи населения 2011 г. отражены в табл. 1, 2.

Таблица 1

Население Воеводины по национальности

№	Народ	Численность	
		чел.	%
1	Сербы	1 289 635	66,76
2	Венгры	251 136	13,00
3	Словаки	50 321	2,60
4	Хорваты	47 033	2,43
5	Цыгане	42 391	2,19
6	Румыны	25 410	1,32
7	Черногорцы	22 141	1,15
8	Буневцы	16 469	0,85
9	Русины	13 928	0,72
10	Югославы	12 176	0,63
11	Македонцы	10 392	0,54
12	Украинцы	4 202	0,22
13	Мусульмане	3 360	0,17
14	Немцы	3 272	0,17
15	Албанцы	2 251	0,12
16	Словенцы	1 815	0,09
17	Болгары	1 489	0,08
18	Горанцы	1 179	0,06
19	Русские	1 173	0,06
20	Бошняки	780	0,04
21	Влахи	170	0,01
Региональная принадлежность		28 567	1,48
Прочие		6 710	0,35
Всего		1 931 809	100

Таблица 2

Население Воеводины по родному языку

№	Родной язык	Численность	
		чел.	%
1	Сербский ¹	1 485 791 ^{↑3}	76,91
2	Венгерский ¹	241 164 [↓]	12,48
3	Словацкий ¹	47 760 [↓]	2,47
4	Цыганский	27 430 [↓]	1,42
5	Румынский ¹	24 133 [↓]	1,25
6	Хорватский ¹	14 576 [↓]	0,76
7	Русинский ¹	11 154 [↓]	0,58
8	Буневский	6 821 [↓]	0,35
9	Албанский	3 844 [↑]	0,20
10	Македонский ²	3 694 [↓]	0,19
11	Немецкий	1 418 [↓]	0,07

Окончание табл. 2

№	Родной язык	Численность	
		чел.	%
12	Черногорский ²	1 193↓	0,06
13	Русский	819↓	0,04
14	Словенский	630↓	0,03
15	<i>Болгарский</i> ²	601↓	0,03
16	Боснийский	456↓	0,02
17	Влашский	178↑	0,01
Прочие		21 056	1,09
Всего		1 931 809	100

¹ Языки, находящиеся в официальном использовании на всей территории Воеводины.

² Языки, находящиеся в официальном использовании на территории отдельных муниципалитетов Воеводины.

³ ↑↓ – по сравнению с численностью соответствующего народа.

К русинам себя отнесли 13 928 жителей Воеводины, и сопоставительный анализ данных пяти последних переписей населения Сербии показывает неуклонное снижение как абсолютной, так и относительной численности русинов в Воеводине на протяжении последних 30 лет (табл. 3).

Таблица 3

Численность русинов в Воеводине по данным переписей населения 1971–2011 гг.

Год переписи	Всего, чел.	Русины	
1971	1 952 533	20 109	1,03 %
1981	2 034 772↑	24 306↑	1,19 %↑
1991	2 012 517↓	17 889↓	0,89 %↓
2002	2 031 992↑	15 626↓	0,77 %↓
2011	1 931 809↓	13 928↓	0,72 %↓

Являясь частью Республики Сербия, Автономный край Воеводина находится в правовом поле этого государства, в том числе и в плане использования языков и алфавитов национальных меньшинств. Полномочия краевых органов власти установлены специальным законом Сербии, в котором содержится и статья о возможности регулирования миноритарных языков, находящихся в официальном использовании на территории края:

Чл. 76. Службена употреба језика и писама.

АП Војводина, преко својих органа, ближе уређује службену употребу језика и писама националних мањина на територији АП Војводине, у складу са законом... (Закон о утврђивању 2009).

Основным законом Автономного края Воеводина является его статут (аналог устава в российском законодательстве). Поскольку современное законодательство Воеводины развивалось на основе законов предшествующего – социалистического – периода, имеет смысл рассмотреть Конституцию Социалистического автономного края Воеводина, где сербскохорватский или хорваткосербский («српскохрватски односно хрваткосрпски»)², венгерский, словацкий, румынский и русинский языки и алфавиты объявлялись равноправными:

Чл. 5. У Социјалистичкој Аутономној Покрајини Војводини равноправни су српскохрватски односно хрваткосрпски, мађарски, словачки, румунски и русински језик и писма (Устав 1974).

В Основном законе края также гарантировалось получение дошкольного и начального обучения на языках народов и народностей (ст. 189), объявление законов на сербскохорватском или хорваткосербском, венгерском, словацком, румынском и русинском языках (ст. 223), выступление в суде и органах государственной и муниципальной власти на этих языках (ст. 237) и т. д. Кроме того, отдельно оговаривалось, что основные законы муниципалитетов (статуты общин) обеспечивают равноправное использование указанных языков, а также языков проживающих на их территории других народов и народностей; эти же правила распространялись и на организации с многонациональным составом сотрудников:

Чл. 308. Законом, статутом општине обезбеђује се равноправна употреба српскохрватског, односно хрваткосрпског, мађарског, словачког, румунског и русинског језика и њихових писама.

Статутом општине и општим актима организација удруженог рада и других самоуправних организација обезбеђују се равноправна употреба и других језика на подручјима на којима живе припадници народа и народности који тим језицима говоре.

Општим актима организација удруженог рада и других самоуправних организација са вишенационалном структуром радника обезбеђује се равноправна употреба језика и писма народа и народности, а нарочито објављивање општинских аката, израда материјала за седнице органа управљања, међусобно усмено и писмено општење у организацији, услови да се радници служе својим језиком у раду органа управљања (Устав 1974).

Таким образом, Конституция декларировала равноправность языков на территории края, но не содержала положений об их официальном статусе; такие характеристики появились после внесения в нее изменений в 1989 г. Поправка № 36 устанавливала языками, находящимися в равноправном официальном и публичном использовании, сербскохорватский (уже без характеристики

его и как хорватско-сербского) с двумя алфавитами и венгерский, словацкий, румынский и русинский языки и алфавиты. Общины также наделялись правом придания официального статуса языкам и алфавитам национальных меньшинств, проживающих на их территории:

У САП Војводини у службеној и јавној употреби је српскохрватски језик и његова писма – ћирилица и латиница.

У САП Војводини у равноправној службеној и јавној употреби су српскохрватски језик и његова писма и мађарски, словачки, румунски и русински језик и њихова писма у складу са законом. Покрајина обезбеђује остваривање равноправности српскохрватског језика и његових писма и мађарског, словачког, румунског и русинског језика и њихових писма.

Статутом општине утврђује се да су и језици других народности равноправни у службеној и јавној употреби на подручјима на којима живе припадници тих народности и обезбеђује равноправност тих језика са српскохрватским језиком и његовим писмима.

У раду државних органа и организација које врше јавна овлашћења у употреби је ћирилично писмо, ако за поједине случајеве републичким законом није другачије одређено (Амандман XXXVI 1989).

Этот документ имел важное – прежде всего символическое – значение: русинский язык впервые за всю свою историю получил статус официального, причем на территории целого региона.

В 1991 г. в качестве основного закона автономного края был принят статут Воеводины, заменивший вышерассмотренную Конституцию. Согласно этому документу, в работе органов автономного края в официальном использовании наряду с сербскохорватским языком (функционирующем на основе кириллицы и латиницы) находились венгерский, словацкий, румынский и русинский языки и их алфавиты. Кроме того, таким же статусом наделялись языки и алфавиты других – неназванных – национальностей:

Чл. 6. У работи органао Автономней Покрајини Войводини ше службено хаснуе, источашне зоз сербскогорватским језиком и кирилицу, а зоз латиницу на способ як утврџене зоз законом, и мађарски, словачки, румунски и руски јазик и њих писма и јазик и писма других народносцох, на способ як утврџене зоз законом (Статут 1991).

Статут определял публикацию актов, принятых краевыми органами власти, на пяти указанных языках (ст. 46), возможность получения представителями национальных меньшинств образования на родных языках (ст. 13); для депутатов краевого парламента (скупщины) предусматривалась возможность выступления на любом из языков, чье официальное использование закреплено в статуте (ст. 26).

Чл. 13. Автономна Покраїна Войводина ше стара о обезпечованю условийох же би ше образованє припаднікох других народох и народносоцох окончовало и на їх языкох, у складзе зоз законом.

Чл. 26. Посланік ма право у Скупштини хасновац язык и писмо чийо службене хаснованє утврѣдзене зоз Статутом.

Чл. 46. Статут, одлуку и общи акт Скупштини ше обявює у «Службених новинох Автономней Покраїни Войводины».

Акти Вивершней ради и покраїнского орґана управи ше обявює кед тото з тима актами предвидзене.

Акти зоз пасуса 1. и 2. того члена ше обявює источашнє зоз сербскогорватским языком и на мадярским, словацким, румунским и руским языку (Статут 1991).

В 2009 г. был принят новый статут автономного края Воеводина, где многоязычие характеризовалось как универсальная ценность, определяющая особенное значение края (ст. 7, см. эпиграф). Члены национальных общин, составляющих меньшинство в общей численности населения Воеводины, наделялись правом самостоятельно решать или участвовать в решении вопросов использования своих языков (ст. 25).

Официальное употребление языков и алфавитов регламентировалось в специальной статье (ст. 26) Основного закона, согласно которой сербский язык на основе кириллической графики, а также венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки и их алфавиты устанавливались находящимися в официальном использовании в органах и организациях края. Публичное применение латинского алфавита для сербского языка должно регулироваться решением парламента края в соответствии с законом.

Право на официальное использование языков национальных сообществ, не перечисленных в предыдущей части ст. 26, должно осуществляться в соответствии с ратифицированными международными договорами, законом Сербии и (рассмотренным ниже) решением парламента Воеводины об использовании языков:

Чл. 26. Службени языки и писма. У орґанох и орґанизацийох АП Войводины службено ше хаснує сербски язык и кирилске писмо, мадярски, словацки, горватски, румунски и руски язык и їх писма, у складзе зоз законом и покраїнску скупштинску одлуку.

Применьованє писма сербского языка на латинки у орґанох и орґанизацийох АП Войводины ше ушори зоз покраїнску скупштинску одлуку, у складзе зоз законом.

Право службено хасновац языки националних заєдніцох хтори не наведзени у пасусу 1. того члена ше витвоює у складзе зоз рати-

фикованима меѓинароднима контрактима, законом и покрајинску скупштинску одлуку (Статут 2009).

В ст. 29 статута Автономный край берет на себя ряд обязательств в области языковых прав национальных общин, составляющих меньшинство в общей численности населения края, в том числе обеспечивает:

- возможность получения образования на родном языке на всех уровнях обучения;
- работу краевых СМИ на таких языках;
- детальное регулирование официального использования языков и алфавитов национальных меньшинств.

Ст. 40 регламентирует работу такого органа краевого парламента, как Совет национальных сообществ, решения которого обязательно учитываются в законотворческой деятельности, когда прямо или косвенно затрагиваются права национальных меньшинств, в том числе официального использования языков и алфавитов.

Согласно ст. 65, все законы и решения, принятые краевыми органами власти, должны быть опубликованы в «Официальном вестнике Автономной провинции Воеводина» («Службени новини Автономней Покрајини Войводини») на всех языках, находящихся в официальном использовании на территории края. Однако в случае обнаружения противоречий в разноязычных версиях таких документов авторитетным текстом признается опубликованный на сербском языке.

Кроме статутов, использование языков в странах бывшей Югославии может регулироваться специальными законами о языках, что имело место и в социалистический период. Так, например, до распада Югославии в Воеводине действовал Закон «Об основах обеспечения равенства языков и алфавитов народов и народностей в организациях и сообществах» 1973 г. По этому закону (ст. 2) органы, организации и сообщества, которые осуществляют публичные полномочия, и сообщества и организации, которые выполняют деятельность особой общественной значимости, обязаны были обеспечивать равноправие сербскохорватского (хорваткосербского), венгерского, словацкого, румынского и русинского языков, а также и других языков, которые определены уставом муниципалитета в качестве равноправных.

В ст. 6 указывалось, что в работе скупщины (парламента) Социалистического автономного края Воеводина, исполнительного веча (совета) и других органов скупщины обеспечивается равенство сербскохорватского или хорваткосербского, венгерского, словацкого, румынского и русинского языков. Условия обеспечения такого равенства в указанных органах законодательной и исполнительной

власти детально должно было фиксироваться в их регламентах (словниках)³.

Чл. 2. Органи, организације и заједнице које врше јавна овлашћења и заједнице и организације које врше делатност од посебног друштвеног интереса дужни су да обезбеђују равноправност српскохрватског односно хрватскосрпског, мађарског, словачког, румунског и русинског језика и других језика који су статутом општине одређени као равноправни на начин утврђен овим и другим законом.

Чл. 6. У раду Скупштине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине, Извршног већа Скупштине и других тела Скупштине обезбеђује се равноправност српскохрватског односно хрватскосрпског, мађарског, словачког, румунског и русинског језика.

Начин обезбеђивања равноправности језика у раду Скупштине Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине, Извршног већа Скупштине и других тела Скупштине ближе се уређује њиховим пословницима (Закон о начину 1977).

Уже в постсоцијалистически период, в 2003 г. било принято краевое Решение «О детальному урегулированию отдельных вопросов официального использования языков и алфавитов национальных меньшинств на территории Автономного края Воеводина». В этом документе определяется официальное использование таких языков и алфавитов в работе органов всех уровней власти (гл. 2, ст. 2), в области экономики и сервиса (гл. 4, ст. 5), в сфере топонимики, при написании названий учреждений и указателей (гл. 5, ст. 6, 7). Также указывается возможность записи в документах личных имен согласно правилам языков национальных меньшинств (гл. 3, ст. 3, 4).

Отдельно регламентировалось наделение языков и алфавитов национальных меньшинств статусом «находящиеся в официальном использовании» в единицах местного самоуправления – городах и общинах (гл. 6, ст. 8, 9). В целом эти положения повторяют условия Закона «Об официальном использовании языков и алфавитов» Республики Сербия (Закон о службеној 1991)⁴, где устанавливается, что если по данным последней переписи населения в муниципалитете проживает не менее 15 % представителей национальных меньшинств, то их язык и алфавит получают заявленный в названии закона статус, что должно быть зафиксировано в основном законе – статуте – города или общины. Однако решением Воеводины вводится уточнение, что если представителей меньшинств в муниципалитете менее 15 %, то статус официальных языков и алфавитов может быть введен на территории отдельных населенных пунктов при условии, что там проживают не менее 25 % представителей какого-либо меньшинства. Также уточняется, что если представителей меньшинства на момент

принятия закона в муниципалитете меньше 15 %, но в его статуте язык и алфавит этого меньшинства указаны в качестве находящихся в официальном употреблении, то такой статус за ними сохраняется. Заметим, что невнимательное прочтение рассматриваемого документа (непреднамеренное или умышленное) привело к конфликтным ситуациям, когда в ряде муниципалитетов официальное использование языков и алфавитов было ограничено только отдельными поселениями, несмотря на то что в действующей на тот момент редакции статута такое использование распространялось на весь муниципалитет. Это коснулось и русинского языка (подробнее планируется осветить проблему в следующих статьях, посвященных статусу русинского языка в отдельных общинах Воеводины.) Также решением предписывается, что наличие языков, обладающих указанным статусом, предполагает организацию в муниципалитетах служб перевода, которые в целях экономии могут быть межобщинными (ст. 9):

VI. Услови за увођење службене употребе језика и писма националних мањина у јединицама локалне самоуправе.

Члан 8. Подручје на ком је у службеној употреби језик националне мањине утврђује се статутом јединице локалне самоуправе.

Статут јединице локалне самоуправе утврдиће службену употребу језика и писма националне мањине на целој територији локалне самоуправе уколико проценат припадника те националне мањине у укупном броју становника на њеној територији достиже 15 % према резултатима последњег пописа становништва.

Кад језик и писмо националне мањине није у службеној употреби на целој територији јединице локалне самоуправе, језик и писмо националне мањине ће се увести у службену употребу у насељу или месној заједници на њеној територији уколико у том насељу или месној заједници проценат припадника одређене националне мањине достиже 25 % према резултатима последњег пописа становништва.

У јединицама локалне самоуправе, где проценат припадника одређене националне мањине не достиже 15 % према последњем попису становништва, а где је у време доношења ове одлуке језик националне мањине у службеној употреби према статуту јединице локалне самоуправе он остаје у службеној употреби.

У јединицама локалне самоуправе из става 3. овог члана, Статутом општине може се утврдити службена употреба језика националне мањине за поједине месне заједнице или насеља у којима припадници одређене националне мањине живе у већем броју.

Члан 9. Јединице локалне самоуправе у којима су у службеној употреби језици националних мањина, у оквиру општинске управе основаће службу за преводилачке послове. Из разлога економичности и ефикас-

ности више јединица локалне самоуправе могу основати заједничку службу за преводилачке послове (Одлука о ближем 2003).

Поскольку национальный вопрос является достаточно принципиальным для всех субъектов языковой ситуации, то такая лояльность по отношению к миноритарным языкам не всегда воспринимается только положительно. В 2010 г. в Конституционном суде Сербии был рассмотрен протест против нескольких положений краевого решения о языках. В частности, речь шла о содержании ст. 6, в которой, как уже было сказано, предписывалось дублирование названий населенных пунктов, улиц, организаций и т. д. на языках и алфавитах тех меньшинств, чей язык находится на данной территории в официальном использовании наряду с сербским. Отдельно оговаривалось, что такие дублирующие надписи и вывески размещаются под сербскими или справа от них. Но в п. 3 разрешалось названия национальных советов, общественных и национальных организаций оформлять и перед текстами на сербском языке:

V. Исписивање јавних натписа и назива.

Чл. 6. На подручјима на којима су у службеној употреби и језици националних мањина, називи места и други географски називи, називи улица и тргова, називи органа из члана 1. ове одлуке, саобраћајни знаци, обавештења и упозорења за јавност, и други јавни натписи исписују се и на језику и правопису дотичне националне мањине према њеној традицији.

Називи из става 1. овог члана исписују се после текста на српском језику испод или десно од њега, у истом облику и истом величином слова.

Називи националних савета, друштвених организација, удружења грађана и установа припадника националних мањина (ниционалне организације), на територији где је језик те националне мањине у службеној употреби изузетно се могу исписати и пре тексти на српском језику.

Називи из става 1. овог члана исписују се на језику и писму националне мањине у насељу или месној заједници и ако је језик и писмо националне мањине у службеној употреби само на делу територије јединице локалне самоуправе (Одлука о ближем 2003).

Решением Конституционного суда Сербии п. 3 ст. 6 краевого решения о языках был признан не соответствующим закону и отменен:

1. Утврђује се да одредба члана 6. став 3. Одлуке о ближем уређивању појединих питања службене употребе језика и писама националних мањина на територији Аутономне покрајине Војводине («Службени лист АПВ», бр. 8/03 и 9/03) није у сагласности са законом.

2. <...> На основу члана 168. став 3. Устава, одредба члана 6. став 3. Одлуке наведене у изреци, престаје да важи даном објављивања Одлуке Уставног суда у «Службеном гласнику Републике Србије» (Одлука Уставног 2010).

Таким образом, анализ разновременных редакций двух документов показывает значимость «языкового» вопроса для Воеводины, причем как для современной, так и социалистического периода. Во-первых, об этом свидетельствует наличие статей и даже целых разделов, посвященных проблеме, в Основном законе края – до 1990 г. в его Конституции, затем – в статуте. Во-вторых, наличие специального – в дополнение к общегосударственному – закона о языках, который выделяется своей либеральностью по отношению к языковым правам национальных меньшинств даже на фоне в общем-то довольно лояльного сербского законодательства. Так, если на всей территории Сербии для получения официального статуса каким-либо языком и алфавитом в отдельном муниципалитете необходимо не менее 15 % жителей данной национальности, то в Воеводине (когда 15 % не набирается) такой статус может быть введен и на территории части города или общины при условии, что население этой части (отдельных населенных пунктов) не менее чем на четверть состоит из представителей национального меньшинства.

Результатом такой политики региона явилось то, что на всей территории края в официальном использовании сейчас находятся сразу шесть языков, включая и русинский, который в качестве родного указало в переписи менее процента жителей Воеводины.

В целом же количество и наименование официальных языков на общерегиональном уровне менялись несколько раз с момента распада Югославии по причине попытки осознать и соотнести лингвистический и политический статус сербского и хорватского идиомов. До 1989 г. в документах была зафиксирована формулировка «сербскохорватский или хорваткосербский» (српскохрватски односно хрваткосрпски), с 1989 г. остался только сербскохорватский, «переименованный» в 1992 г. в сербский, а с 2002 г. в законах Воеводины указываются сербский и хорватский как отдельные языки.

Соответственно, на сегодняшний день на всей территории Автономного края Воеводина в официальном употреблении находятся сербский, венгерский, словацкий, хорватский, румынский и русинский языки и их алфавиты. С учетом же языков, имеющих аналогичный статус только на территории отдельных муниципалитетов или их части, таких языков в автономном крае насчитывается десять (добавляются болгарский, македонский, черногорский и чешский).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Свидетельством осознания частью жителей региона себя как отдельного этноса являются результаты переписи населения 2011 г., где 28 567 человек (или 1,48 % от всех жителей Воеводины) определили свою национальность через региональную принадлежность. Примечательно, что во всей остальной Сербии таких оказалось на порядок меньше – 2 204 респондента.

2. Об истории развития хорватско-сербских этнолингвистических отношений см.: Багдасаров 2004.

3. Поскольку Воеводина официально является мультязычным регионом, то количество документов, регламентирующих использование языков, не позволяет рассмотреть проблему языкового законодательства автономного края в рамках одной публикации. Регулирование использования языков в регламентах (пословниках) предполагается проанализировать в следующей статье.

4. Подробнее о языковом законодательстве Республики Сербия см.: Катунин 2015.

ЛИТЕРАТУРА

Амандман XXXVI 1989 - Амандман XXXVI на Устав Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1989. № 20.

Багдасаров 2004 - *Багдасаров А.Р.* История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. М., 2004. Вып. 2. С. 30–49.

Закон о начину 1977 - Закон о начину обезбеђивања равноправности језика и писама народа и народности у одређеним органима, организацијама и заједницама (пречишћени текст) // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1977. № 29.

Закон о службеној 1991 - Закон о службеној употреби језика и писама // Службени гласник Републике Србије. 1991. № 45.

Закон о утврђивању 2009 - Закон о утврђивању одређених надлежности Аутономне покрајине Војводине // Службени гласник Републике Србије. 2009. № 99.

Катунин 2015 - *Катунин Д.А.* Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015. № 1 (39). С. 229–238. DOI: 10.17223/18572685/39/15

Одлука о ближем 2003 - Одлука о ближем уређивању појединих питања службене употребе језика и писама националних мањина на територији

Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Аутономне Покрајине Војводине. 2003. № 8.

Одлука Уставног 2010 - Одлука Уставног суда Републике Србије ИУ-394/2005 // Службени гласник Републике Србије. 2010. № 69.

Попис становништва 2013 - Попис становништва, домаћинства и станова 2011. у Републици Србији. Београд: Републички завод за статистику, 2013.

Статут 1991 - Статут Аутономне Покрајине Војводине // Службени новине Аутономне Покрајине Војводине. 1991. № 17.

Статут 2009 - Статут Аутономне Покрајине Војводине // Службени новине Аутономне Покрајине Војводине. 2009. № 17.

Устав 1974 - Устав Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине // Службени лист Социјалистичке Аутономне Покрајине Војводине. 1974. № 4.

REFERENCES

Autonomous Province of Vojvodina. (1989) Amandman XXXVI na Ustav Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine [Amendment XXVI to the Constitution of the Socialist Autonomous Province of Vojvodina]. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine*. 20.

Bagdasarov, A.R. (2004) Istoriya razvitiya khorvatsko-serbskikh etnoyazykovykh otnosheniy (1940–1990-e gg. XX v.) [The history of the Croatian-Serbian ethno-linguistic relations (1940-1990-ies. XX century)]. *Slavyanski Vestnik*. 2. pp. 30-49.

Autonomous Province of Vojvodina. (1977) Zakon o načinu obezbeđivanja ravnopravnosti jezika i pisama naroda i narodnosti u određenim organima, organizacijama i zajednicama (pročišćeni tekst) [The law on the method of ensuring the equality of languages and alphabets of the peoples living in certain organs, organizations and communities (revised)]. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine*. 29.

The Republic of Serbia. (1991) Zakon o službenoj upotrebi jezika i pisama [The law on the official use of languages and alphabets]. *Službeni glasnik Republike Srbije*. 45.

The Republic of Serbia. (2009) Zakon o utvrđivanju određenih nadležnosti Autonomne pokrajine Vojvodine [The Law on Determining the Jurisdiction of the Autonomous Province of Vojvodina]. *Službeni glasnik Republike Srbije*. 99.

Katunin, D.A. (2015) The Rusinian and Ukrainian languages in the current laws of Serbia. *Rusin*. 1(39). pp. 229-238. DOI: 10.17223/18572685/39/15

Autonomous Province of Vojvodina. (2003) Odluka o bližem uređivanju pojedinih pitanja službene upotrebe jezika i pisama nacionalnih manjina na teritoriju Autonomne Pokrajine Vojvodine [Decision on closer regulation of certain issues of official use of languages and alphabets of national minori-

ties on the territory of the Autonomous Province of Vojvodina]. *Službeni list Autonomne Pokrajine Vojvodine*. 8.

The Republic of Serbia. (2010) Odluka Ustavnog suda Republike Srbije IU-394/2005 [The decision of the Constitutional Court of the Republic of Serbia U-394/2005]. *Službeni glasnik Republike Srbije*. 69.

The Republic of Serbia. (2013) *Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 2011. u Republici Srbiji* [Census of Population, Households and Dwellings 2011 in the Republic of Serbia]. Beograd: Republički zavod za statistiku.

Autonomous Province of Vojvodina. (1991) Statut Avtonomnej pokrai'ni Vojvodini [The Statute of the Autonomous Province of Vojvodina]. *Službeni novini Avtonomnej pokrai'ni Vojvodini*. 17.

Autonomous Province of Vojvodina. (2009) Statut Avtonomnej pokrai'ni Vojvodini [The Statute of the Autonomous Province of Vojvodina]. *Službeni novini Avtonomnej pokrai'ni Vojvodini*. 17.

Autonomous Province of Vojvodina. (1974) Ustav Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine [The Constitution of the Socialist Autonomous Province of Vojvodina]. *Službeni list Socijalističke Autonomne Pokrajine Vojvodine*. 4.

Катунин Дмитрий Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Katunin Dmitry – Tomsk State University (Russia).

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

УДК 81'272

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/17

НАИВНАЯ ЭТНОЛОГИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В СЕТЕВОЙ ДИСКУССИИ О ПРАВЕ НА ПРАРОДИНУ

И.И. Бабенко, О.В. Орлова

Томский государственный педагогический университет

Россия, 634041, г. Томск, ул. Киевская, 60

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Авторское резюме

В статье на основе анализа сетевой дискуссии представителей различных восточнославянских народов о праве на прародину исследуются особенности дискурса наивной этнологии. Под наивной этнологией понимается сознательное включение элементов научного знания и научного письма в коммуникацию «любителей», отстаивающих ту или иную позицию как объективно истинную. От профессиональной научной дискуссии сетевую полемику коренным образом отличает отсутствие главного телеологического принципа научного спора – нацеленности на поиск истины. Поскольку в коммуникации наивных этнологов ключевая цель – любыми путями доказать собственную точку зрения, представляемую единственно и безапелляционно верной, имитация научного дискурса и эксплуатация его «репутационного капитала» становится одним из оптимальных способов такого доказательства. Имитация научного дискурса происходит и на уровне формы, и на уровне содержания коммуникации. «Новое» знание, которое навязывается и предписывается собеседникам наивными этнологами, не обладает выводным, как в науке, характером, но обладает свойством авторитарной презумпции. По этой причине наивная этнология восточных славян в Сети служит, по преимуществу, воспроизведению дискурса вражды, конфронтации и национального соперничества, на основе квазинаучных доводов продуцируя и подкрепляя дискриминационные паттерны коллективного самосознания.

Ключевые слова: наивная этнология восточных славян, сетевая дискуссия.

NAIVE ETHNOLOGY OF EASTERN SLAVS IN ONLINE DISCUSSIONS ON THE RIGHT TO HOMELAND

I.I. Babenko, O.V. Orlova

Tomsk State Pedagogical University
60 Kievskaya Street, Tomsk, 634041, Russia

Abstract

The discourse of naive ethnology investigated on basis of the analysis of online discussions on the right to homeland representatives of different Eastern Slavic nations. The naive ethnology understood as the conscious inclusion of scientific knowledge and scientific letter elements in communication of dilettantes who defend an own position as objectively true. From the professional scientific discussion network controversy fundamentally distinguishes the absence of the main teleological principle of scientific argument – focus on the search for truth. The key purpose of naive ethnologists communication to prove their point of view, represents a unique and categorically faithful, imitation of scientific discourse and operation of its "reputation capital" has become one of the best ways such proof. Imitation of scientific discourse takes place at the level of form and at the level of the content of communications. The "new" knowledge that is imposed and prescribed by naive ethnologists their interlocutors, has no the science excretory nature, but has the characteristic of authoritarian presumption. For this reason, naive ethnology of Eastern Slavs in the network is, for the most part, reproduce the discourse of enmity, confrontation and national competition on the basis of quasi-scientific arguments producing and reinforcing discriminatory patterns of collective identity.

Keywords: naive ethnology of Eastern Slavs, online discussions.

Наблюдаемое в последние годы «начало нового русинского Возрождения» (Суляк 2005: 5), а также очередное обострение русско-украинского вопроса стимулировали развернутую интернет-полемику квазинаучного толка, дискурс которой можно обозначить как дискурс наивной этнологии восточных славян.

Применяемое нами понятие наивной этнологии нуждается в пояснении вследствие отсутствия единства понимания сути того, что исследователи именуют той или иной наивной наукой.

Наиболее исследовательски репрезентативна так называемая наивная (любительская, народная, естественная) лингвистика, интерес к которой остается стабильным в различных направлениях языкознания – от диалектологии до когнитивной лингвистики (ср.: «Естественная лингвистика – это нерелефлирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как язык, речь, слово, смысл, значение, говорить, молчать и др.» (Арутюнова 2000: 7)).

С другими «наивными науками» положение более расплывчатое. Использование литературоведческой терминологии вне профессиональной сферы и в метафорическом значении (например, *фабула жизни*), а также «фрагмент лексикона языковой личности, представленный базовыми терминами литературоведения», называют наивным литературоведением (Черняк, Швец 2006: 80). Под наивной ботаникой понимают некорректные (с научной точки зрения) коллективные представления, например, о том, что помидор является овощем, в то время как это – ягода. Одним из ключевых вопросов наивной анатомии считается вопрос о местоположении души в теле человека. Единственный обнаруженный нами источник, в заголовке которого употребляется термин *наивная этнология*, посвящен таким некодифицированным этнонимам в речи наших современников, как жидомасоны и монголокацапы (Грищенко 2011).

Думается, что наделение статусом наивной науки спонтанной «нерелефлирующей рефлексии» и тем более, эпизодического вкрапления научных терминов в речь непрофессионалов наряду с присущими наивной картине мира в целом «ошибочными» представлениями о мироустройстве становится не вполне оправданным на фоне все более очевидного и разрастающегося явления наивного наукотворчества.

Под наивным наукотворчеством мы имеем в виду формальную и содержательную мимикрию под научный дискурс в речи «любителей», отстаивающих ту или иную позицию как объективно истинную. В данном случае рефлексия является отнюдь не спонтанной, осознанной и намеренной, а апелляция к научным и псевдонаучным фактам служит основой аргументативного высказывания в пользу категорически отстаиваемого мнения (например, о том, что помидор – это овощ).

Что касается наивной этнологии, то сетевые дискуссии по национальному вопросу, никогда не терявшему социально-политической остроты, дают богатый материал для анализа различных версий этнического самосознания восточного славянства. В данной статье проанализирован массив комментариев (35 тыс. слов в более чем

2 тыс. комментариев, датированных 2012–2015 гг.) под шестью публикациями на видеохостинге «YouTube». Из указанных видеоматериалов четыре направлены на утверждение этнической самобытности и состоятельности русинов и реконструкцию этнической модели восточнославянского мира с учетом этнокультурной мобилизации русинов. Еще два источника представляют собой видеоклипы на украинские песни и окрашены либо трагически (український Реквієм, или плач украинской матери по сыновьям, погибшим во время подавления акций Евромайдана), либо нейтрально (Ukrainian folk song).

Таким образом, все публикации тематически ограничены, что предопределяет круг участников обсуждения, с большой долей вероятности заинтересованных проблемой восточнославянских идентичностей. Отметим, что в приводящихся далее фрагментах интернет-сообщений сохранены орфография и пунктуация их авторов.

В развертывании виртуальной дискуссии отражаются версии происхождения восточнославянских этносов, формулируются объяснительные модели взаимодействия народов, строится своеобразный этнокультурный табель о рангах. Причем спор этнологов-любителей в сетевом пространстве вполне коррелирует с дискуссиями, разворачивающимися в научном сообществе, и, безусловно, отражает актуальность восточнославянской проблематики для социально-политической и медийной сферы. Так, изложение неоднородного спектра научных взглядов в свете претензий различных народов и государств на преемство, причем исключительное, с Киевской Русью, наблюдаем в интервью газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 11.11.2015 г. «Право на прародину: из Древней Руси вышли и русские, и украинцы, и белорусы» доктора исторических наук, профессора Высшей школы экономики, специалиста по древнерусской истории Петра Стефановича (http://spbvedomosti.ru/news/obshchestvo/pravo_na_prarodinu/).

В нашем материале реплики, содержащие элементы наивной этнологии, в общем массиве рассмотренной виртуальной дискуссии не преобладают количественно, но являются стержневыми, поскольку структурируют общее направление дискуссии, развивают ее, порождая отдельные ветки. Комментарии наивных этнологов, или этнологов-любителей (далее КНЭ), по многим параметрам отличаются от остальных реплик, которые можно условно назвать фоновыми. Фоновые реплики выражают эстетическую или идеологическую оценку, субъективно окрашены, в том числе националистически, ситуативны и конкретны, привязаны к содержанию предмета обсуждения, часто единичны и монологичны.

КНЭ, как правило, не единичны и диалогичны, поскольку для этнолога-любителя важно, используя различные аргументы, доказать свою

идею, поэтому он легко втягивается в диалоги и полилоги, пытается воздействовать на собеседников, убедить их в своей правоте. Как правило, несколько реплик наивного этнолога объединены общей интенцией, каждое следующее высказывание представляет собой логическое или смысловое продолжение предыдущего: *Украина. В летописях, когда князь ехал править Украиной, но неужели князь ехал править только границей княжества?)))) Или когда по князю плакала вся Украина, то что, князя оплакивала только граница княжества? Край (родной) – это своя земля, а не понятие границы.*

КНЭ ориентированы на сообщение, на их взгляд, нового знания о предмете обсуждения и направлены на доказательство истинности этого знания, выполняя функцию воздействия на собеседников и популяризации воззрений автора. Причем сам предмет обсуждения (например, русинская или украинская песня) является лишь поводом для обозначения идеологической позиции говорящего по значимой именно для него проблеме права на этническое самоопределение и на прародину. При этом аргументативные высказывания изобилуют научной терминологией (не всегда орфографически корректной), часто перемежающейся с субстандартом (элементами сленга, просторечия и др.): *Субпассионарный взрыв и тот факт, что украм удалось стать для русских идеальными «ватниками» – традиционная русская истерическая самоненависть экстернализовалась и полностью спроецировалась на «русина бывшего» / Если вы хотите обсказать известную историю становления славянской цивилизации, то начните с создания племенного объединения Само-первое историческое славянское государство... До этого было так называемое время - протославянских и прославянских этнических ассимиляций... Протославяне как этнос возник примерно в начале нашей эры – по Дунаю, представляя собой глобальный ассимилят кельтов, иллирийцев и скифо-сарматских оседлых кочевников в очень частном их виде – склавинов, сколотов, антов и пр.*

Композиционно КНЭ по преимуществу представляет собой развернутое структурированное (абзацами, рубрикацией) высказывание (в среднем реплика содержит 100–250 слов), связанное, объединенное общим замыслом и построенное по типичной научной модели «тезис – аргумент», где тезис находится в инициальной позиции и выражен коротким утверждением, а далее разворачивается обширная аргументация: *Ви праві у тому, що це усе була Київська Русь із центром у місті Києві. Відповідь на ваше питання виглядає таким чином, треба розуміти і розмежувати етногенез автохтонів, тобто корінного населення, що проживало на цих теренах. Тоді коли населення Київської Русі складало у своїй більшості слов'яни, то населення земель,*

приєднаних до Київської Русі в наслідок експансії і розширення цієї держави, мало абсолютно інший етнічний склад, – в випадку Московії, це фіно-угорські племена меря, весь, мурома. А далі запускаються механізми ментальних, культурних, мовних відмінностей.

Несколько реже встречаются комментарии, в которых автор нанизывает тезисы и аргументы, развивая свою точку зрения:

Да, Россия – это греческий вариант имени Руси.

Russia, если правильнее. «у» и «о» в то время легко взаимозаменялись и никто не парился по этому поводу.

Латинский вариант имени Руси – Ruthenia.

Тогда вопрос. С какого это страна должна себя назвать в греческом варианте? Где такое есть?))

Дальше. Русь и Украина.

Здесь простое объяснение.

Русь – это иранское имя, скифо-сарматское. Они доминировали в то время, когда с Западной Европы на территорию Поднепровья переселились славяне.

Позднее произошла ассимиляция сарматов со славянами, но от них много у славян осталось.

Главное – имена. Реки Днепр, Дунай, Днистр, Дон, Донец.

Вот это «дн» в староиранском означает «вода», «река». Доказательство лингвистов. У славян были другие имена. Днепр называлось Славута.

Итак, иранское «Русь» против славянского «Украина». Земля одна и та же.

Рубрикация чаще всего представлена посредством абзацного членения высказывания, иногда чрезмерного, иногда недостаточного, но встречается и нумерация тезисов, например:

Есть три момента, которые усиленно прячут все российские лингвисты (хотя, как в народе говорят, шила в мешке не утаишь).

1. До XVIII века язык Московии не считался никем в мире русским языком, а назывался конкретно языком москвитов, москвитским.

2. Русским языком до этого времени назывался именно и только украинский язык.

3. Язык Московии – москвитский язык – не признавался до этого времени европейскими лингвистами (в том числе славянских стран) даже славянским языком, а относился к финским говорам.

Яркие способы мимикрии под научный дискурс представлены в аргументации наивных этнологов, включающей в качестве доказательств различные виды фактического или псевдофактического материала, а также апелляции к научным и псевдонаучным источникам.

Некоторые КНЭ содержат включения из широко известных источников, содержание которых не всегда можно считать точным и достоверным. Например, фрагменты статей из национальных разделов Википедии: *Лемковина – українська етнічна територія, на якій здавна проживала етнографічна група українців – лемки. Розташована в Карпатах (по обох схилах Бескидів) між річками Сяном і Попрадом (у межах сучасної Польщі) та на північний захід від річки Уж (у Закарпатті) до річки Попрад у Словаччині. / А как вам такая версия: Белая Русь,– искусственное географическое название, используемое преимущественно в западноевропейской научной среде относительно различных регионов Восточной Европы (Руси). В XII–XVII веках «Белая Русь» – преимущественно название земель Северо-Восточной Руси в западноевропейских источниках.*

Значительно чаще этнологи-любители приводят ссылки на исторические документы и цитаты из них, описания исторических сюжетов, ссылаются на реальные и виртуальные произведения историков, лингвистов, литераторов. Это могут быть ссылки на историческую беллетристику: *О том, что русины уже в начале II–V веков занимались земледелием и счастливо жили в предгорьях Карпат, мы находим сведения в повести знаменитого русинского писателя Александра Духновича «Милен и Любича» (Идилская повесть от древних русинов времен); фрагменты летописей: написано: «В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом»* (этот фрагмент фигурирует в нескольких комментариях разных пользователей, и в некоторых случаях оппоненты уличают авторов в недостоверности цитирования или в ложности цитаты: *Глупые утверждения самозванных шарлатанов / ти абсолютно не володієш предметом. Часу на суперечку з некомпетентною персоною у мене немає*); высказывания властителей, например, реплика *«Русские придуманы Петром Первым в 1721 году. До того они сотни лет назывались "крестяне" – по вере в Орде»* повторяется в дискуссиях многократно, так же неоднократно дублируется фрагмент текста, который приписывается Екатерине II и предъявляется как указ императрицы: *Щодо білорусів, яких у нас завжди називали литвинами. Ось указ Катерини 2 був: «Из указаний к Указу Екатерины II 1793 года по «Новым землям Литовским»...Великое княжество Литовское впредь именовать только Белой Русью, а народ ее белорусами, чем на века привяжем ее к России...».*

Многочисленны в качестве апелляций к авторитетам и демонстрации собственной образованности ссылки наивных этнологов на мнения ученых, которые занимались изучением генезиса восточно-

славянского мира, оценки их вклада в разработку проблемы: *Mykola Detuk 3 доповіді британського вченого Ланселота Лоутона «Україна – найбільша проблема Європи», Лондон, 1939. Однак, як писав ще 150 лет назад польський славист Ежи Лещинський о родственных славянам западних балтах... И.С. Улуханов пише, что говоря о существовании у московитов двух языков – славянского (церковного болгарского) и своего московитского. В. Лудольф сообщал в «Грамматике языка московитов»... Ты чего доказать-то пыжишься, я не пойму никак? :)) С Ключевским все нормально - я тебе то же самое и пытался вдолбить в твою овечью голову. На финские земли, с реликтивными этносами, пришли славяне «и сели», кого-то ассимилировали, с кем-то ужились. И что? Белорусы от этого ближе к Европе стали что-ли? А Белинский-то тут при чем? :)) Он не историк ни разу тебе процитировать, овца полуграмотная, чего тот же Белинский писал о малороссах, о крымских татарах и т. д.? :). или ты только то, что тебе удобно берешь?*

В качестве весомого аргумента приводятся рассуждения, содержащие поиск внутренней формы слова, его этимологии, чаще всего ономастики: этнонимов, топонимов. Такие реплики, как правило, также сочетаются со ссылками на «авторитетные» источники, например летописи: *Слово Украина изначально существовало в варианте «Оукраина» (Это даже украинскими историками не отрицается). Слово оукраина существовало со времен Древнерусского государства – как минимум, с XII века. Впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1187 годом, позднее – в летописях 1189 и 1213 годов (Галицко-Волынская летопись). Эти упоминания относились к окраинным территориям Переяславского, Галицкого и Волынского княжеств. Встречаются образцы развернутого сравнительного анализа топонимов: Главное – имена. Реки Днипро, Дунай, Днестр, Дон, Донец. Вот это «дн» в староиранском означает «вода», «река». Доказательство лингвистов. У славян были другие имена. Днипро называлось Славута. Итак, иранское «Русь» против славянского «Украина». Земля одна и та же.*

Несколько реже, чем исторические источники, цитируются или упоминаются исследования, выполненные в рамках других наук. Интересно, что аргументы из области археологии, генетики, антропологии и др. воспринимаются участниками дискуссии как более значимые и убедительные, чем исторические или лингвистические, видимо, по причине дилетантского представления о «большей объективности» этих наук: *Изучай антропологию! Большая часть славян – брюнеты. Украинцы – среднеюжные славяне, не такие жгуче темные как славяне болгары или македонцы. А касаето финно-угров – то есть они разные, и темные, и белобрысы! Цвет – не главный антропологический параметр, тупейник! Касаето русских – у нас их 17 %. Украинцев же 80 %.*

Монгольских примесей в украинцах нет совершенно, потому как давно исследовали антропологические параметры украинцев, сравнивая их с останками населения украинских земель дотатарского периода – Руси. ПОЛНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ! или Знаешь, анализ граффити на стенах Софии Киевской дотатарского периода абсолютно четко показал, что в Руси 1000 лет назад народ разговаривал по-украински! Только украинская мова тогда называлась руськая мова, так как Украина=Русь! А что же такое тогда современный русский язык? Ответил на это еще в 19 ст. Даль. Русский язык – это диалект подмосковных болот, основанный на болгарском церковнославянском языке.

Любопытным представляется использование символики этносов в качестве аргументов в пользу того или иного мнения об этническом первенстве. Одни и те же символы могут интерпретироваться диаметрально противоположно, например, острая полемика разворачивается вокруг толкования происхождения гербов современной Украины и России. И трезубец, и двуглавый орел интерпретируются разными участниками дискуссии либо как исконные для этноса, либо как заимствованные у Византии, либо как наследие Орды. Последнее допущение низводит этнос до статуса неславянского, неисконного и пр. В некоторых репликах трезубец и орел описываются как тождественные или зеркальные, что должно доказывать этническое родство: *Украинцы-славяне потомки скифов и сарматов. Скифский символ – сокол атакующий жертву – он же украинский тризуб! /Автор, ... изучи историю Украины, а не фантазируй. В этом знаке зашифрованы четыре первые буквы великих киевских князей: Владимир – В, Олег – ОЛ, Ярослав – Я. И получается – ВОЛЯ!!!! А, ВОЛЯ, потому, что постоянно украинские земли в то время были захвачены. / Давно известно, что герб новой Хазарии-Украины – это обыкновенная хазарская тамга. / То, что ошибочно считают украинским трезубцем, является на самом деле – герб Рюриковичей – падающий вниз сокол. / Трезубец схематически идентичен перевернутому двуглавному орлу. / Давайте сделаем флаг дружбы украинского и российского народа? Пусть на красно-бело-сине-жовто-блакитном фоне будет их двуглавый орел на нашем трезубце... Как видим, за каждым утверждением в духе наивной геральдики или наивной лингвистики стоят идеологические позиции их авторов, которые настроены явно конфронтационно. Имитация научного дискурса востребована авторами лишь для категоричного утверждения собственного мнения и демонстративного неприятия мнения чужого.*

Подведем итоги. Одним из опорных структурообразующих компонентов сетевой дискуссии представителей различных восточнославянских народов о праве на прародину выступает дискурс

наивной этнологии. Под наивной этнологией мы понимаем сознательное включение элементов научного знания и научного письма в коммуникацию «любителей», отстаивающих ту или иную позицию как объективно истинную. При этом от профессиональной научной дискуссии сетевую полемику коренным образом отличает отнюдь не наличие в ней внелитературных языковых единиц или общий неформальный или фамильярный тон, а отсутствие главного телеологического принципа научного спора – нацеленности на поиск истины. Поскольку в коммуникации наивных этнологов (как и наивных лингвистов, социологов, политологов и т. д.) ключевая цель – любыми путями доказать собственную точку зрения, представляемую единственно и безапелляционно верной, имитация научного дискурса и эксплуатация его «репутационного капитала» становятся одним из оптимальных способов такого доказательства.

Имитация научного дискурса происходит и на уровне формы, и на уровне содержания коммуникации. На уровне формы заимствуются композиционная матрица научного текста и его базовая структурная схема «тезис – аргумент». На уровне содержания, во-первых, используются разнообразные атрибуты науки (нередко – паранауки, псевдонауки, дилетантского наукотворчества): термины, имена, факты, тексты, источники и т. д. Во-вторых, «новое» знание, которое навязывается и предписывается собеседникам наивными этнологами, не обладает выводным, как в науке, характером, но обладает свойством авторитарной презумпции.

По этой причине наивная этнология восточных славян в Сети служит по преимуществу воспроизведению дискурса вражды, конфронтации и национального соперничества, на основе квазинаучных доводов продуцируя и подкрепляя дискриминационные паттерны коллективного самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова 2000 - *Арутюнова Н.Д.* Наивные размышления о наивной картине языка // *Язык о языке: сб. ст. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.*

Грищенко 2011 - *Грищенко А.И.* О некоторых химерических народах в современной наивной этнологии // *Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. М., 2011. Т. 2. С. 155–162.*

Суляк 2005 - *Суляк С.Г.* Вступительное слово // *Русин. 2005. № 1. С. 5–6.*

Черняк, Швец 2006 - *Черняк В.Д., Швец А.В.* «Наивное литературоведение» как фрагмент лексикона современной языковой личности // *Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. Вып. 5 (56). С. 79–84.*

REFERENCES

Arutyunova, N.D. (2000) Naivnye razmyshleniya o naivnoy kartine yazyka [Naive thinking about a naive language picture]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 7-19.

Grishchenko, A.I. (2011) O nekotorykh khimericheskikh narodakh v sovremennoy naiv-noy etnologii [About some chimerical nations in the modern naive ethnology]. In: Kutuzov, A.G. (ed.) *Filologicheskie traditsii v sovremennoy literaturnom i lingvisticheskom obrazovanii* [Philological tradition in modern literary and linguistic education]. Vol. 2. Moscow: Moscow State Pedagogical Institute. pp. 155-162.

Sulyak, S.G. (2005) Vstupitel'noe slovo [Editorial]. *Rusin*. 1. pp. 5-6.

Chernyak, V.D. & Shvets, A.V. (2006) "Naivnoe literaturovedenie" kak fragment leksikona sovremennoy yazykovoy lichnosti ["Naive literary criticism" as a fragment of a lexicon of modern linguistic person]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 5(56). pp. 79-84.

Бабенко Иннеса Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

Babenko Innesa – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Орлова Ольга Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

Orlova Olga – Tomsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: uchim.russkij@tspu.edu.ru

Итоги конференции The conference results

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ СВЯТОГО РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

8–10 июля 2015 г. в Российском институте искусств и в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета прошла конференция «Тысячелетние традиции почитания святого равноапостольного великого князя Владимира». В 2015 г. исполняется 1 000 лет со дня кончины св. князя Владимира. В связи с этим конференция поставила своей задачей освещение жизни и деятельности святого равноапостольного князя Владимира в контексте христианского просвещения Руси, исследование путей христианской миссии в славянских странах, динамики и характера общественных изменений на Руси и в других странах, исследование развития основ государственности, законодательства, религиозно-философской мысли, литературы, архитектуры, изобразительного и певческого искусства. Кроме того, поскольку 2015 г. является также тысячелетней годовщиной мученической кончины св. Бориса и Глеба, погибших в период безвластия, задачей конференции также является исследование борисоглебской темы в контексте просвещения славянских стран, славянского и общеевропейского почитания князей-мучеников, освещение их подвига в контексте примирения противоборствующих общественных сил и прекращения усобиц. Цель конференции – исследование цивилизационно-образующего значения жизни и деятельности св. равноапостольного князя Владимира и св. Бориса и Глеба.

Первый день конференции, прошедший в стенах Института искусств, был посвящен общефилософским, историческим и филологическим аспектам деятельности св. равноапостольного князя Владимира и его почитания. Характеру и метафизическому содержанию русской цивилизации был посвящен доклад доктора философских наук профессора А.Л. Казина «Цивилизационный выбор князя Владимира и русская культура». В докладе О.Б. Сокуровой, доктора культурологических наук, доцента СПбГУ, освещался образ князя Владимира в культуре Древней Руси. Доклад В.В. Семенцова,

кандидата педагогических наук, доцента ГУКиТ, касался значения образов святых Бориса и Глеба как основы возрождения русской православной патриархальности. Г.В. Скотникова, доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник РИИИ, посвятила свое сообщение византийским корням русской философии. Весьма интересен был доклад Д.И. Польшанного, доктора исторических наук, профессора, «Христианское просвещение в Болгарии X в.». В нем он рассмотрел характер древнеболгарской книжности и пришел к ряду новых выводов о поступательном развитии древнеболгарской культуры и путях миграции староболгарских текстов на Русь. О Херсонесе как крестильной купели Руси сделал доклад С.А. Беляев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, с 1972 по 1984 г. – начальник Херсонесской экспедиции Академии наук СССР. В нем он осветил топографию Херсонеса, привязав к конкретным объектам известные исторические события взятия Херсонеса и крещения в нем св. князя Владимира. В докладе кандидата искусствоведения И.А. Чудеиновой «Женский голос в православном храме» освещались проблемы участия женщин в православном богослужении в разных странах. В докладе С.В. Ивановой освещались проблемы византийского искусства, в частности изображение человека как образа Божия на византийских мозаиках. Состоялась презентация медиавыставки Н.С. Серегинной и С.В. Ивановой «Древнерусское искусство книги и храма XI-XIII вв.»

Вечером первого дня конференции состоялся уникальный проект – моноспектакль «Слово о полку Игореве». Его исполнитель – лауреат международного конкурса Е.Н. Кузнецова. Руководитель проекта – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник РИИИ Н.С. Серегина. Этот моноспектакль представляет опыт нового прочтения великого древнерусского памятника, отраженный в книге Н.С. Серегинной «“Слово о полку Игореве” и древнерусская певческая гимнография XII века» (М., 2011).

Второй день конференции, проходивший в стенах Института искусства, был посвящен преимущественно проблемам филологии и музыкознания. В докладе Н.И. Милютенко, кандидата исторических наук, доцента СПбГУ, «Древнейшее богослужebное последование св. Владимиру» была отражена непростая судьба службы св. равноапостольному князю Владимиру, первая редакция которой относится к XIV в. и дошла до нас в рукописи РНБ Софийское собрание № 382. Вторая редакция, попавшая в печатные минеи, относится к XV в. Третья, представленная единственным списком, – к XVI. В своем сообщении Н.И. Милютенко сосредоточилась на переходных типах редакций.

В докладе А.А. Бурькина, доктора исторических наук, доктора филологических наук Института лингвистических исследований РАН СПб. «Святой Владимир в “Повести временных лет”: к изучению канона характеристики личности князя в летописном своде» рассматривались частотность и характер упоминаний св. князя Владимира. В сообщении Н.В. Рамазановой, доктора искусствоведения, РНБ, «Крестители Руси – последователи князя Владимира в музыкально-поэтических текстах церковных служб» рассматривались службы преп. Леонтию, Стефану Пермскому и другим великим русским миссионерам. Доклад З.М. Гусейновой, доктора искусствоведения СПбГК, касался музыкального текста песнопений Стихираря минейного, конкретно – славника князю Владимиру, где рассматривались стилистические вариации распева. В докладе Г.А. Пожидаевой, доктора искусствоведения, рассматривались кондакарные песнопения первым русским святым и особенности кондакарного распева. Ряд сообщений касался русской церковной истории XIX – начала XX в. Их представили Н.С. Серегина, доктор искусствоведения, СПб., РИИИ («О судьбе храма св. Бориса и Глеба в Ленинграде (по материалам Н.К. Прибытковой)»), Э.С. Лебедева из Всероссийского музея А.С. Пушкина, СПб. («Праздник Крещения Руси (Царское село. 1831 год)»). Серия докладов имела музыковедческий характер: Т.А. Зайцева, доктор искусствоведения, СПбГК – «Симфоническая картина “1000 лет” – симфоническая поэма “Русь” М. Балакирева»; М.В. Генченкова, кандидат искусствоведения (Москва) – «Новосакральная музыка современных отечественных композиторов»; Е.О. Миклухо (СПб.) – «Чертог твой вижду, Спасе мой: православные песнопения в жизни и творчестве английского композитора Джона Тавенера. Особый интерес в этом ряду представлял доклад А. Никанорова «Т.Б. Шашкина как исследователь древнерусской колокольной культуры раннего периода: материалы к библиографии». В нем рассматривалась история колоколов и колокольного звона на Руси от домонгольского времени до наших дней.

После второго дня конференции состоялась презентация книги М.В. Бражникова «Благовещенский кондакарь». Ее издание оказалось бы невозможным без Н.С. Серегинной, которая не только выступила ее редактором, но и приложила колоссальные усилия для ее публикации. Также был представлен сборник статей «Беседы о преподобном Сергии» по материалам конференции 2014 г., посвященной 700-летию преподобного Сергия Радонежского. Затем состоялся концерт, в котором были озвучены расшифровки знаменной нотации, сделанные Н.С. Серегинной и ее учениками.

Третий день конференции проходил в Санкт-Петербургском государственном университете, в лектории Института истории (бывший

исторический факультет). В докладе доктора исторических наук профессора А.В. Назаренко освещались вопросы посмертного почитания св. равноапостольного князя Владимира. Докладчик обратил особое внимание на тот контраст, который представляла собой жизнь св. равноапостольного князя Владимира до крещения и после него. Это в особенности способствовало развитию его почитания. Причину сравнительно поздней официальной канонизации А.В. Назаренко видел в отсутствии чудес и в то же время указал на стихийное почитание св. Владимира еще в киевский период.

Доклад доцента МГУ П.В. Кузенкова был посвящен геополитическим и эсхатологическим аспектам крещения св. равноапостольного князя Владимира. Докладчик показал рост ислама и реальную возможность становления Руси как исламского эмирата. В то же время Византия, Восточно-Римская империя, подвергалась ужасам гражданской войны. На этом фоне крещение Руси являлось чудом, тем более что миссия русских послов, видевших всю красоту богослужения в Св. Софии, состоялась лишь за два года до падения купола главного храма империи. И Запад, и Византия были пронизаны эсхатологическими ожиданиями. На этом фоне и возникает феномен апостольства св. князя Владимира.

Сенсационным явился доклад доцента, кандидата исторических наук А.Ю. Виноградова «Русь и Херсонес». Докладчик поведал о новых эпиграфических находках – славянских надписях в Херсонесе, датированных временем св. князя Владимира, и готских надписях IX-X вв., содержащих цитаты из псалмов и богослужебных текстов. Тем самым подтверждается свидетельство о «Русских письменах» как готских, а равно и о «готских красных девах» в «Слове о полку Игореве».

В докладе старшего преподавателя кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ А.С. Кибиня рассматривались латинские контакты св. князя Владимира, а также историческая память о нем в польской историографии.

В докладе доктора филологии И. Чековой был рассмотрен образ сеятеля в кирилло-мефодиевской традиции и в ранней древнерусской литературе, посвященной св. князю Владимиру. Докладчик аргументированно показала живые связи первых русских книжников с наследием св. Кирилла и Мефодия.

В перерыве докладчики были приняты настоятелем Князь-Владимирского собора прот. Владимиром Сорокиным. Они ознакомились с Князь-Владимирским собором и в беседе с настоятелем обсудили важные вопросы исторической памяти, связанной со св. князем Владимиром.

Доклад доктора исторических наук профессора СПбГУ А.В. Сиренова был посвящен образу св. князя Владимира в «Степенной книге». Автор проанализировал участие митр. Афанасия в составлении жития св. князя Владимира и его редакторскую деятельность.

Доцент кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ Д.Е. Алимов в своем выступлении провел параллель между христианизацией Балкан и Руси.

Доклад доцента кафедры истории славянских и балканских стран СПбГУ В.В. Василика касался образа св. равноапостольного князя Владимира как нового Константина в богослужебных текстах. Автор показал генезис этого образа из служб св. императору Константину, а также из житийной и патристической традиции и осветил не только сакральную составляющую власти, но и общность судеб и нравственного облика двух равноапостольных правителей.

Доклад Н.С. Серegiной был посвящен песнопениям в честь святого Климента в Благовещенском кондакаре и осветил прежде всего историческую, а затем литературную составляющую этих текстов.

Новым словом явился доклад С.Г. Суляка, который остановился на проблеме христианизации Карпатского региона. Докладчик аргументированно показал, что начало этого процесса относится к античной эпохе, и крещение Руси, а равно и походы князя Владимира, явились одним из завершающих ее звеньев.

Состоялась также презентация журнала «Русин», главным редактором которого является С.Г. Суляк. Он рассказал о концепции журнала и будущих планах редакции.

Следует отметить, что конференция прошла на очень высоком уровне и явилась новым словом в изучении наследия св. князя Владимира.

*В.В. Василек,
член оргкомитета конференции*

УДК 271.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/19

НАЧАЛО ХРИСТИАНИЗАЦИИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОЙ РУСИ*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Scopus Author ID: 55359315000

Researcher ID: D-6981-2014

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 6908-8277

Авторское резюме

Вопрос о времени крещения Руси (древнерусского населения) до сих пор вызывает многочисленные споры. Христианство, вернее, его «правильное учение» (православие), с давних времен было одной из основных составляющих русской этничности. Возникший позже второй этноним русинов – «руснак» («русняк») – являлся противопоставлением этнониму «поляк» (русняк-православный (либо униат) – поляк-католик). Процесс принятия христианства предками русинов можно разделить на три этапа. Первый – с I по VIII в., когда славяне, анты, а позже племена уличей и тиверцев контактировали на северо-западе Причерноморья с античным миром. Речь в этом случае, вероятно, идет об ограниченном количестве крещеных. Второй этап связан с миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия в Великой Моравии (вторая половина IX в.), охватившей население Карпатской Руси. И заключительный этап – завершение крещения населения Карпато-Днестровских земель, введенных в состав Древней Руси князем Владимиром.

Ключевые слова: русин, руснак, Русь, Карпатская Русь, христианство, православие, Кирилл, Мефодий, Карпато-Днестровские земли, анты, тиверцы, уличи, хорваты.

* Работа выполнена в рамках программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

THE BEGINNING OF CHRISTIANIZATION OF CARPATHO-DNIESTROVIAN RUS'*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The question of the time of the Christianization of Rus' (the Old Rus' population) remains a many-faceted argument. From early times, Christianity, more correctly the "right teaching" (Orthodoxy), was one of the basic identifiers characteristics of Russian ethnicity. The ethnonym "Rusnak" (Rusniak), which later arose among the Rusins, was counter to the ethnonym "Polak" (Rusnak – Orthodox vs Polak – Catholic). The process of the adoption of Christianity by the ancestors of the Rusins can be divided into 3 epochs periods. The first – from the 1st to 8th C., when the Slavs, Antes and later the Ulich and Tivertsy tribes came in contact with the Ancient World North-West of the Black Sea Region. Most likely, during this period of time, there were limited numbers of christened people. The second epoch is tied to connected with the missionary activity (in the 2nd half of the 9th C.) by Cyril and Methodius in Great Moravia which included Carpatho-Rus'. The final epoch was the christianization initiated by Prince Vladimir of the population of the Carpatho-Dniestrovian Lands, which were a structural part of Old Rus'.

Keywords: Rusin, Rusnak, Rus', Carpatho-Rus', Christianity, Orthodoxy, Cyril, Methodius, Carpatho-Dniestrovian Lands, Antes, Tivertsy, Uliches, Chorvats.

Вопрос о начале христианизации Руси (древнерусского населения) до сих пор является проблемным. Постоянно поднимается (в том числе и на страницах международного исторического журнала «Русин») тема принятия христианства населением Карпато-Днепровских земель¹ – региона этногенеза русинов до официального акта крещения Руси (см., напр.: Юрасов 2005; Жих 2009; Поп 2009; Боднарюк 2014; Жих 2015).

Христианство, вернее, его «правильное учение» (православие), с давних времен было одной из основных составляющих русской этничности. Не случайно в Далимиловой хронике – первой исторической хронике на чешском языке, написанной в начале XIV в., при

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

упоминании о крещении вышеградским архиепископом Мефодием чешского князя Борживоя I подчеркнута: «Ten arcibiskup Rusín bieše, mši u svú slovensky síúžieše» («тот архиепископ, русином² будучи, службу божию по-славянски служил») (Rýťovaná Kronika 1877: 40).

В данном случае это обозначало не этническую принадлежность, а исповедуемое им христианство восточного обряда (Кузьмин 1986: 207–208). В то времена считалось, что в Карпато-Днестровских землях православными могли быть только русины. Возникший позже этноним **руснак (русняк)**³ являлся противопоставлением этнониму **поляк** (русняк-православный (позже – и униат) – поляк-католик).

Долгое время конфессиональный компонент способствовал сохранению этнической идентичности всех ветвей русского народа, волею судеб оказавшихся со времен Средневековья в составе различных государств (Древней Руси/Московской Руси/России, Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, Польши, Венгрии, Молдавии). Позднее Подкарпатская (Угорская) Русь (с конца XVII в.), Галичина и Буковина (с конца XVIII в.) были присоединены к Австрии.

Несмотря на принятие под давлением католических владык Польши и Венгрии унии (Брестская уния 1596 г. в Речи Посполитой, Ужгородская в 1649 г. и Мукачевская в 1664 г. унии в Венгрии), прихожане по-прежнему продолжали считать свою веру «русской», так как долгое время в ней соблюдался восточный литургический обряд, а богослужение велось на церковнославянском языке.

Русины – население Карпатской Руси – являются коренными жителями Карпато-Днестровского региона, предками которых были анты, а затем тиверцы, уличи и хорваты. Из-за постоянных нашествий кочевников большая часть восточнославянского населения этого региона вынуждена была отступить к Карпатам.

Процесс принятия христианства предками русинов можно разделить на три этапа. Первый – с I по VIII в., когда славяне, анты, а позже племена уличей и тиверцев контактировали на северо-западе Причерноморья с античным миром. Речь в этом случае, вероятно, идет о небольшом количестве крещеных. Второй этап связан с миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия в Великой Моравии (вторая половина IX в.), охватившей население Карпато-Днестровской Руси. И заключительный этап, связанный с крещением Руси князем Владимиром, являл собой массовый переход в христианство населения Карпато-Днестровских земель, вошедших в состав Древнерусского государства.

Славяне соприкоснулись с античным миром в I в., появившись в низовьях Днестра и Дуная и выйдя к границам Римской (впоследствии – Восточной Римской) империи. Тогда о них впервые стали упоми-

нать латинские и греческие авторы, называя их «венедами» (Мишулин 1939: 300; Латышев 1948а: 232–235; Латышев 1949: 278–279, 285; Филин 1962: 51; Рикман 1975: 327).

Появившиеся позже славянские племена антов (IV–VII вв.), сформировавшиеся при участии иранского (сарматского) компонента (подробнее о влиянии скифов и сарматов на этногенез и культуру предков русинов см.: Суляк 2014b), жили на территории между Прутом и Днестром. Основная масса антов обитала в Поднестровье, особенно заселен был север Прутско-Днестровского междуречья и долины прилегающих левых притоков Днестра (Серет, Збруч) (Алексеев 2008: 143).

Первой епархией, появившейся на землях, занятых предками русинов, была Скифская епархия. Ее резиденцией был г. Томы (современный г. Констанца, Румыния). Располагалась она на территории так называемой Малой Скифии и не только охватывала черноморское побережье к югу от Истра (Дуная), но и, как полагали некоторые исследователи, простиралась за северный рукав Дуная. Впервые скифский епископ Евангелик упоминается в последней четверти III в. (Макарий 1994: 105–106). Позже готский епископ Вульфила, проповедовавший арианство на территории Великой Скифии (регион к северу от Дуная, который охватывал часть территорий нынешних Румынии, Молдавии и Украины), имел свою кафедру (до гонений на христиан со стороны готов в 348 г.) (Мыршану 2005: 29; Артюх 2006: 131–132; Карташев 2009: 26).

В то время антами были заняты земли Северо-Западного Причерноморья вплоть до Дуная (Державин 1939: 282; Суляк 2004: 30). Регион их обитания – территорию между Прутом и Днестром – академик А.А. Шахматов назвал «прародиной русского народа» (Шахматов 1916: 46).

О том, что часть антов к V в. уже приняла христианство, написал в своей «Церковной истории» (ок. 444 г.) Гермий (Эрмий) Созомен, адвокат из Константинополя: «Когда таким образом церковь увеличивалась по всей Римской империи, христианская религия проникла даже и к варварам. Уже исповедовали христианскую веру племена, живущие по Рейну, кельты и крайние галаты, живущие по побережью океана, а также готы и племена, жившие раньше по соседству с ними по берегам реки Истра (по соседству с готами жили анты. – С.С.), давно уже приняв веру во Христа, изменили свои обычаи на более кроткие и разумные...» (Латышев 1948b: 303; Брайчевский 1988: 13).

Проанализировав известия о христианстве среди народов Северного Причерноморья, М.Ю. Брайчевский пришел к выводу, что термин «скиф» в античной литературной традиции имел собирательное

значение, в понятие «скифы» вкладывался географический смысл (жители страны Скифия). Причем в данном случае речь идет не о готском обращении 70-х гг. IV в. (готы приняли не православие, а арианство, т.е. считались еретиками), а о процессе, охватившем значительную территорию Восточной Европы (Брайчевский 1988: 11–18).

Эпифаний (314–403), епископ (с 367 г.) кипрского города Констанции, писал, что «Скифией древние обыкновенно называют всю северную страну, где живут готы и давны (Gothi et Dauni), а также венны (Venni) и арии (Arii) до пределов германцев и амазонок» (Латышев 1948b: 247–248). Как считал М.Ю. Брайчевский, давны – скорее всего, даки, венны – веныды (славяне), до пределов германцев – на западе и амазонок – на востоке (Брайчевский 1988: 15).

Можно согласиться с мнением ученого, что начало древнерусского христианства относится к первой половине IV в. (Брайчевский 1988: 18).

Уже в III–IV вв. в нижнем течении Дуная жили христиане (Бабий 1988: 7), и христианство распространялось на левый берег Нижнего Дуная и северный берег Дуная (Рафалович 1975: 9). Е.Е. Голубинский тоже согласен с точкой зрения, что анты, а затем племена тиверцев и уличей получили христианство от греков (Голубинский 1901: 3–6).

В V–VI вв. византийские историки пишут о крупных византийских военачальниках антского происхождения, которые, скорее всего, были христианами. В 425 г. императоры Феодосий II и Валентиниан III издали эдикт, обращенный к префекту Галлии Аматию. Согласно ему иудеям и язычникам запрещалось заниматься судебной деятельностью и состоять на государственных должностях (Corpus 1844: 458). Хотя данный закон и не всегда соблюдался, в данном случае все же речь шла о крупных военачальниках.

В 469 г. фракийские войска империи возглавлял ант Анангаст, позже другой ант, Всегорд, тоже стал крупным византийским полководцем (Рыбаков 1939: 328; Рыбаков 1943: 79).

Упомянутый становится больше после того, как в 533 г. император Юстиниан принял титул Антский, т.е. анты признали сюзеренитет империи (Свод 1994: 262; Вернадский 2000: 187; Алексеев 2008: 158). В 531 г. Юстиниан назначил *magister militum* (командующим) Фракии своего приближенного, «очень находчивого в военных делах» Хильбуда (Хилвудия, Хильбудия) (Рыбаков 1939: 328; Рыбаков 1943: 79; Свод 1994: 215; Вернадский 2000: 184; Алексеев 2008: 157). Был он, как писал Прокопий Кесарийский, «близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жадности стяжательства, что вместо величайших

богатств он не приобрел никакого состояния». Далее он указывает: «Хильбудий настолько был страшен варварам, что в течение трех лет, пока он был облечен званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истр для войны с римлянами, но сами римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров». После того как Хильбудий пал в одной из битв, «река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область совершенно открытой для их вторжения. Таким образом, оказалось, что все могущество Римской империи в этом деле совершенно не может равняться доблести одного человека» (Прокопий 1950: 294–295).

В 550-х гг. упоминается полководец (таксиарх) Дабрагез (Доброгаст). Он крестился и женился на гражданке империи, его сын носил греческое имя Леонтий (Агафий 1953: 93; Свод 1994: 294–297, 308; Алексеев 2008: 158).

Наличие христианского населения в Пруто-Днестровском междуречье подтверждено археологическими данными. На некоторые изменения в деталях обряда погребений с труположением за время существования черняховской культуры (II–IV вв.) обратил внимание Г.Б. Федоров. На всей территории черняховской культуры был распространен биритуализм – сочетание обрядов трупосожжения и труположения. Позже в деталях обряда погребения с труположением происходят изменения, скорее всего, связанные с проникновением христианства. В погребениях могильные ямы становятся значительно глубже – до 3 м (в ранний период их глубина равнялась 0,40–1,20 м); вещей в них очень мало, а иногда и совсем нет, умерших кладут головой на запад (также с отклонениями). Это подтверждается на материалах черняховских могильников в Молдавии (Малаештский, Балцатский I и II могильники и др.) (Федоров 1958: 236). Некоторые погребения (ряд захоронений могильника у хутора Одая (Черновицкая область Украины) тоже выполнены с христианской регламентацией: голова обращена к западу, а ноги направлены к востоку (Никитина 1996: 25). На основании «христианского» характера захоронений Г. Федоров предположил, что в Пруто-Днестровском междуречье христианство появилось раньше, чем в Поднепровье (Федоров 1958: 236).

Подобные характерные признаки замечены и в других элементах черняховской культуры. В орнаменте посуды, на днищах некоторых сосудов помещены кресты и квадратные фигуры, выполненные врезанными и лощеными линиями (Будешты, Квитки, Кирилловна – 2, Лески, Неслухов, овчарня совхоза Приднепровского) (Сымонович 1964: 344).

В поселении близ с. Черновка (Черновицкая область) найдена формочка для отливки нательных крестиков (Брайчевський 1988: 20, Войнаровский 1998: 334) и другие предметы, связанные с христианством (Войнаровский 1998: 334). Предметы с христианской символикой найдены и в черняховском поселении в с. Комарове (Черновицкая область) (Сымонович 1964: 344; Пивоваров 2001: 14–16).

Также зафиксированы многочисленные находки крестиков (например в составе Ласковского клада на Волини) (Тихонова 1960: 196, 203).

С мнением, что часть населения черняховской культуры приняла христианство, согласны и другие археологи, в частности Э.А. Рикман (Рикман 1975: 251–252), В.Н. Войнаровский (Войнаровский 1998: 333–335), С.В. Пивоваров (Пивоваров 2001: 13), В.С. Артюх (Артюх 2006: 133).

В 70-х гг. IV в. в Северном Причерноморье появились гунны. Большая часть их в начале V в. отошла на территорию Паннонии. Свидетельства древних авторов наводят на мысль о далеко зашедшем гунно-антском этнокультурном симбиозе. Это видно из описания Приска Паннийского, побывавшего в 448 г. в ставке Атиллы (Латышев 1948: 249, 253–255, 259). К этому же мнению пришли Д.И. Иловайский (он считал, что речь идет о влиянии восточных славян – русских) и Л. Нидерле (Иловайский 1881: 26–34; Нидерле 2001: 50–51).

С появлением гуннов в Северном Причерноморье среди них начинает распространяться восточное христианство. В 527 г. «находящийся близ Боспора предводитель гуннов по имени Грод присоединился к тому же василевсу. Он пришел в Константинополь и был [там] крещен. Сам василевс стал его восприемником и, богато одарив, отпустил его домой с тем, чтобы он охранял области римлян и Боспор» (Ioannis Malalae 1829: 431; Иоанн Малала 1998: 469; Иванов 2003: 88).

Тот же Иоанн Малала пишет, что «пришли гунны, грабя ее (*Мизию*) вплоть до Фракии. Против них выступили стратилат Константиол, Годила и стратилат Иллирии гунн Аскуп, восприемником которого при святом крещении был василевс Юстиниан» (Ioannis Malalae 1829: 431; Иоанн Малала 1998: 472; Иванов 2003: 88).

В начале VI в., как упоминает сирийская «Хроника» Захария Ритора, Кардост, армянский епископ Арана (Азербайджан), вместе с семьей священниками пришел в кочевья гуннов, и они не только стали проповедовать среди пленных христиан, но и окрестили много гуннов, а также перевели писание на гуннский язык. Он проповедовал в стране гуннов 7 лет. Через 14 лет после ухода Кардоста в этих землях стал проповедовать другой армянский епископ – Макар, который построил церковь из кирпича (Пигулевская 1941: 165–166; Артамонов 1962: 92–93).

В VII–IX вв. Карпато-Днестровские земли населяли антские племена хорватов, тиверцев и уличей. Согласно «Повести временных лет» уличи и тиверцы «сидели по Днестру и соседили с Дунаем». Тиверцы жили в Пруто-Днестровском междуречье до Дуная, а часть уличей, вероятно, после взятия их племенного центра Пересечена Свенельдом в 940 г., переселилась в междуречье Буга и Днестра. Северными соседями тиверцев и уличей были хорваты, жившие в Прикарпатье⁴ (более подробно см.: ПСРЛ I: 5; Суляк 2004: 44–47; Суляк 2014а).

Константин Багрянородный, описывая область расселения печенегов в середине X в., упоминает о пустых крепостях «по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии», где «обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике» (Константин Багрянородный 1989: 157).

В конце IX в. печенеги вытеснили венгров из степей Северного Причерноморья в Пруто-Днестровское междуречье – регион проживания тиверцев и уличей, с которыми у мадьяр сложились добрососедские отношения. Затем под натиском печенегов венгры вынуждены были мигрировать в Карпатскую котловину (Грот 1881: 281, 303; Юрасов 2007: 23–24). С венграми в Паннонию ушла и часть «рутенгов» (Юрасов 2007: 23).

В 948 г. прибыли послы князя мадьяр Файза, а в 953 г., как рассказывает Скилица (XI в.), их князь Вулосуд (Булчу), притворившись, будто полюбил христианскую веру, прибыл в Константинополь. Он был крещен, император Константин Багрянородный стал его приемником. Через некоторое время в Константинополе был крещен Гилас (Дюла), правитель восточной части средневековой Венгрии и Трансильвании. Константинопольский патриарх Феофилакт рукоположил монаха Иерофея епископом Турции (Венгрии) (Кузнецова 2002: 342, 345; Иванов 2003: 191–192). Епископство просуществовало не менее 50 лет. Принял крещение в Видине (Болгария) Айтонь – другой правитель Восточной Венгрии (Кузнецова 2002: 345).

Археологические сведения подтверждают распространение восточного христианства среди венгров (раскопанные у Сегеда остатки церкви Кишзомбор, найденные у слияния Тисы две ротонды византийского стиля, более 40 обнаруженных (из них 15 относятся к середине X – середине XI в.) византийских реликварных крестов (Иванов 2003: 193).

Венгерский исследователь И. Тот обратил внимание на то, что, несмотря на раннюю миссионерскую деятельность византийской церкви среди венгров, в ранней христианской терминологии отсутствуют слова греческого происхождения (Тот 1986: 53). То есть венгры

прибыли в Подунавье и Трансильванию уже в той или иной степени христианизированными, причем христианство они восприняли от славян (Кузнецова 2002: 341).

В венгерском языке сохранилось большое количество славянских заимствований, относящихся к церковно-религиозной сфере⁵ (Шушарин 1997: 297). О. Степан Пап считает, что речь идет о заимствовании венграми русской (русинской) христианской терминологии (Пап 2001: 190). Это тоже одно из доказательств контактов венгров с русинами-христианами как в Пруто-Днестровском междуречье, так и Паннонии. На наличие русских поселений в Венгрии на всей ее территории – от австрийской границы до Трансильвании – с X в. указывают многочисленные известия (Назаренко 1978: 303).

Позже, когда печенеги закрепились в низовьях Дуная и Днестра, в Карпаты отошла часть тиверцев и уличей (Юрасов 2007: 23–24; Юрасов 2008: 239). О том, что они из-за набегов кочевников мигрировали в Трансильванию и Северную Венгрию, положив начало Семиградской Руси⁶, писал Л. Нидерле (Нидерле 2001: 172–173). Они усилили проживавший в этом регионе восточнославянский элемент, мигрировавших ранее дулебов и хорватов.

В 561–567 гг. авары завоевали Вольту и заставили большую часть дулебов, которые возглавляли вольтский союз племен, перебраться на запад, где они со временем стали чешскими, паннонскими, каринтийскими дулебами (Войтович 2010: 10). Аварское завоевание части Великой Хорватии⁷ в середине VI в. заставило уйти значительную часть хорватов в Паннонию и Далмацию. В этом переселении приняли участие хорваты не только бассейна Тисы, но и бассейнов Днестра и Сана (Войтович 2010: 31). В «Житии Панкратия Тавроменийского» описывается, как он крестил множество пленных авар (Иванов 2003: 118). В аварском могильнике VI в. на Балатоне найдены посеребренный крест с надписью **ΦΩΣ ΖΩΗ** («свет жизни») и серебряная капсула с изображением св. Петра и надписью **ΠΕΤΡΟΣ**, а у Завода, в погребении VII–VIII вв., – крест с неясной греческой надписью (Иванов 2003: 191).

Второй этап христианизации Карпато-Днестровских земель относится ко второй половине IX в. Дореволюционные российские исследователи критически относились к латиноязычным источникам, упоминавшим «русских» на территории Великой Моравии, Чехии, Польши, Венгрии. Это можно объяснить недостаточными в то время сведениями по истории Карпатской Руси.

Митрополит Макарий писал, что «некоторые ревнители папства старались утверждать, будто русские обращены при Владимире к

вере не греческими проповедниками, присланными из Константинополя, а римскими, посланными от папы, именно епископом Бруно и архиепископом Вонифатием» (Макарий 1995: 118).

В.Н. Татищев упоминал, что «о руссо-славянах Бароний рассказывает, якобы руссы чрез Войцеха и Вонифатия [Бонифация], папистских проповедников, первую проповедь получили, но это не так, ибо он, гуриан за руссов приняв, погрешил... Другие иных проповедников римских описывают» (Татищев 2005: 45).

А.В. Карташев в подглавке «Западный миф о крещении Руси» указывал: «униатские историки русской церкви, на основании своих западных житийных материалов, строят концепции создания русского христианства силами западных миссионеров», имея в виду сообщение кардинала Петра Дамиани, епископа Остийского в житии св. Ромульда, хронику францисканского монаха Адемара, где повествуется о деяниях Адальберта (Войтеха), архиепископа Пражского, а также Бруно-Бонифация о том, как «он обратил к вере провинцию Венгрию и другую, которая называется Russia» (Карташев 2009: 125–126).

В последнее время в научный оборот было введено немало источников по истории Карпатского региона и его коренного населения – русинов, активизировалось изучение истории этого этноса в различных странах. Однако современные российские историки часто по-прежнему продолжают игнорировать саму возможность существования в средние века вне Древней Руси, на территории ряда государств, русских анклавов. Вероятно, в этом присутствуют определенные идеологические мотивы, в частности приверженность некоторых из них норманской теории происхождения Руси.

Моравский князь Моймир (818–846) принял христианство, чтобы обезопасить княжество от Франкского государства. В административном отношении христианская церковь в Моравии подчинилась зальцбургскому и пассаускому епископам. Племянник Моймира Ростислав, стремясь создать самостоятельную церковь, обратился к византийскому императору Михаилу III с просьбой отправить в Моравию христианских проповедников, знавших славянский язык.

Предложение Ростислава было поддержано императором и патриархом Фотием. В 863 г. к Ростиславу были направлены два брата – Константин и Мефодий (История Чехии 1947: 8, 10).

Миссионерская деятельность братьев также охватывала Нитранское (на западе современной Словакии) и Блатенское княжества (Нижняя Паннония – территория между Дунаем, Дравой и Рабом и вокруг озера Блатно (Балатон)). Основным населением этих территорий, находившихся в вассальной зависимости от Восточно-Франкского королевства, были славяне (Шушарин 1997: 38, 40–41).

А.Ф. Гильфердинг полагал, что власть Великой Моравии во времена Святополка (Святоплука) простиралась на восток до северных притоков Тисы и Карпатских гор, в том числе и на северный их склон (вероятно, в состав державы входил и Краков) (Гильфердинг 1868: 75). Туда входили также Моравия, Словакия, часть Чехии, Малая Польша, Лужица, земля бодричей (Бернштейн 1984: 77).

А Болгарское царство в начале IX в. при Круме распространило свою власть к востоку от среднего Дуная и Тисы на равнины и горы, занятые разбросанными поселениями аваров, болгар, славян и волохов (ныне это Восточная Венгрия, Банат, Валахия, большая часть Трансильвании, т. е. земли между Дунаем и Тисой («от Тителя до пределов русских и польских») (Гильфердинг 1868: 75–76).

Венгерский Аноним писал в XII в.: «Землю же между Тисой и Дунаем занял великий Кеан (Крум), вождь Болгарии, предок вождя Салана, до границ рутенов и поляков и заставил там жить славян и болгар. А землю между Тисой и лесом Идьфон, которая простирается до Трансильвании, от реки Марош до реки Самош, занял вождь Марот (антропоним, возникший под пером Анонима от старого венгерского названия мораван)...» (Юрасов, Матузова 2013: 83–84). На то, что славянское население Трансильвании, Валахии и Восточной Угрии было зависимо от Моравского княжества (Белая Хорватия) и частично от Болгарии, указывал Грот (Грот 1881: 85, 87, 136–137).

Сточкой зрения, что нынешние Закарпатье, Галичина (Лемковщина, Бойковщина, Надсанье до Буга и Стира на Воьльни) с IX – первой половины X в. были под властью Великой Моравии (потом – частично Пражского княжества) и частично Первого Болгарского царства, согласен Б.М. Боднарюк (Боднарюк 2014: 124). На вероятность подчинения части хорватов в IX в. князю Святополку Моравскому и на проживание хорватов на территории до Верхнего Прута и Карпат указывали средневековые восточные авторы (Войтович 2010: 20).

Энеа Сильвио Бартоломео Пикколомини (1405–1464), Папа Римский Пий II, в своей «История Богемии» упоминает среди подданных Святополка неких *Russani* (Aeneas Silvius 2005: 92). В.И. Ламанский считал, что речь идет о Карпатской Руси (Ламанский 1859: 60). М.К. Юрасов предположил, что Пикколомини использовал более раннюю, не дошедшую до нас хронику (Юрасов 2005: 50).

На то, что в состав Великой Моравии, где Кириллом и Мефодием было введено христианство по восточному обряду, входили собственно Моравия и в значительной части сопредельные с ней Венгрия, Богемия, Белая и Червонная Хорватия (Малая Польша), Верхняя Силезия и Червонная Русь, указывает Х.Ф. Фризе (Фризе 1895: 12).

Церковная юрисдикция и граница Моравского архиепископства простирались до Малой Польши и Карпатских гор (Фризе 1895: 34).

В «Хронографе» западнорусской редакции (в котором была использована «Хроника всего света» Мартина Бельского) под 890 г. записано: «Святоплуг, Моравский кроль, христианин, научен от Кирилла, был паном великим, в то время держал русские земли» (Хронограф 1914: 255). Там же говорится, что Святоплуг с боярином русским крестил чешского князя Борживоя (Хронограф 1914: 256).

После прекращения миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия христианизация русинов продолжилась Великой Моравией и Первым Болгарским царством после принятия им в 864 г. в качестве официальной религии христианства (Голубинский 1871: 347, 371; Цухлев 1910: 263; Огієнко 1942: 10; Боднарюк 2014: 124–125). С конца IX в. их миссионеры составили конкуренцию немецким латинским миссиям, монахам-бенедиктинцам и ирландским (Боднарюк 2014: 124).

Однако вскоре после смерти Мефодия (885 г.) новый паннонский архиепископ немец Вихинг и его сторонники добились у папы Стефана V запрещения богослужения на славянском языке. Князь Святополк изгнал учеников Мефодия из своих владений. К тому времени в епархии Мефодия было около 200 священнослужителей (Робинсон 1984: 377). Их Святополк передал немецкому духовенству. Одних продали в рабство в Венеции (их впоследствии выкупил и пригласил в Константинополь византийский император Василий), других заточили в тюрьмы. Горазд и некоторые ученики возвратились в Моравию. После ее захвата венграми Горазд ушел в Польшу, остальные – в Богемию (Тахиаос 2005: 156–157).

О том, что после княжеского суда «иных православных бесчеловечно пытали, дома других подвергались ограблению» и франки «продали иудеям наиболее молодых среди пресвитеров и диаконов» (до 200 человек), а Горазд, Климент и другие учителя «вместе со многими именитыми людьми были закованы в железа и заперты в темницу», упоминается в «Пространном житии Климента Охридского» (Пространное житие 2000: 186). В «Житии Наума» говорится о том, «как много мучили их еретики, а других пресвитеров и диаконов продали евреям», которые повезли их в Венецию, где по поручению императора Василия, узнавшего об этом, пленников выкупили и доставили в Константинополь: «И устроили их снова в их чине и сане пресвитеров и диаконов, как и раньше было, и дали им содержание» (Житие Наума 2000: 286–287).

Вышеизложенное показывает, что в описываемое время в Моравии служило большое количество священников, продолжавших дело Ки-

рилла и Мефодия, что свидетельствует о широком распространении византийского христианства.

Как правильно заметила Е.И. Витте, «...во второй половине IX в. идеи и учреждения восточной церкви одержали блестящую победу над идеями и учреждениями западной на всем пространстве от Кракова до Праги, от Черного до Адриатического моря, и от Седмиградских Альп до Чешского леса. Моравия и Паннония были тогда средоточием славянской церкви; оттуда распространялась деятельность солунских братьев на четыре стороны: в Чехию и Лужицы, в Хорутанию и Хорватию, земли сербские и болгарские, в Польшу и Прикарпатскую Русь. Нечего говорить, что вся земля Угрии затронута была славянскими проповедниками, – было, таким образом, полное объединение славян одною церковью и одним церковным языком. Деятельность латинских миссионеров была на время совершенно парализована. Правда, к концу IX в. неразумием Святополка латино-немецкие прелаты снова утверждают в подкарпатских и подунайских странах» (Витте 1908: 40).

О том, что рутены (русины), как и другие народы Паннонии, были христианизированы Кириллом и Мефодием, писал в 1799 г. И. Базилович, протоигумен мукачевского Свято-Николаевского монастыря (Brevis Notitia 1799: 74).

Указав, что территория Закарпатья подчинялась Моравскому епископству, В. Пронин выдвинул предположение, что Мукачевское могло быть из семи основанных св. архиепископом Мефодием в Паннонии епископств, которое просуществовало недолго (Мефодий умер в 855 г., венгры пришли в Паннонию в 896 г.). Он утверждал, что влияние Мефодия охватывало территорию до юга Польши (Пронин 2005: 54).

А. Хойнацкий считал, что влияние епархии Мефодия в конце IX ст. распространялось до Почаева (Почаевская лавра 1897: 42–43).

Некоторые историки полагают, что князь Владимир взял священников из угорских (венгерских) русинов (Голубинский 1901: 167; Огієнко 1942: 83–84; Гавриил 1999: 9).

После разгрома Великой Моравии венграми часть земель, населенных хорватами, вошла в состав Богемского (Пражского) княжества. В 950 г. королю Германии Оттону I удалось победить Болеслава I Богемского. В 963 г. польский князь Мешко признал сюзеренитет империи (Оттон с 962 г. – император Священной Римской империи) и согласился выплачивать дань с подвластной ему территории. Оттон, продвинув границы своего государства на восток, должен был ввести в этих регионах христианство в строгие организационные рамки. После смерти Болеслава I в 967 г. его сын Болеслав II продолжал проводить дружественную Германии политику. После основания

архиепископства Магдебургского Оттон Великий вступил в контакт с ним и с согласия папы подготовил учреждение епископства Пражского (Богемского). Богемское епископство, основанное, правда, уже после смерти Оттона, было включено в состав имперской церкви и подчинено Майнцу (Бульст-Тиле 2008: 85, 87, 90).

За 21 год до официального крещения Руси папа Иоанн XIII (965–972) специальной буллой, написанной в 967 г., разрешая учреждение Пражского епископства, запретил назначать на епископскую кафедру человека, принадлежащего «к обряду или секте» болгарского или русского народов и вести богослужение на славянском языке (Codex diplomaticus 1904–1907: 342–343). Этот отрывок приводится и в «Чешской хронике» Козьмы Пражского (обращаясь к князю Болеславу, папа пишет касательно назначения епископа: «Однако ты выбери для этого дела не человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка, но, следуя апостольским установлениям и решениям, [выбери] лучше наиболее удобного всей церкви священника, особо сведущего в латинском языке, который мог бы плугом слова вспахать новь сердец язычников, посеять в них пшеницу добрых дел, а плоды урожая вашей веры отдать Христу») (Козьма Пражский 1962: 66), и Саксоном Анналистом⁸ (Саксон Анналист 2012: 184). Булла тоже показывает, что к тому времени уже было значительное количество священников-русинов.

В «Чешской хронике» Козьмы Пражского приведена грамота 1086 г., где определяются границы Пражского епископства, которое «на восток имеет границы реки Буг и Стырь с городом Краковом и областью, которая называется Ваг, со всеми округами, относящимися к вышеназванному городу, каковым является Краков». В грамоте упоминаются также «хорваты и другие хорваты», живущие на севере Чехии⁹ (Козьма Пражский 1962: 151).

А. Назаренко обратил внимание, что при описании границ в учредительной грамоте новообразованного диоцеза его восточная граница охватывала, помимо Кракова, Западной Словакии (область Ваг), также Червенские города и Перемышль (Назаренко 2001: 394).

На это указывает схожесть архитектуры христианских памятников Прикарпатья с подобными сооружениями в Чехии и Моравии (Моця 1990: 97, 99–101; Цветков 2012: 148).

В рассказе «О крещении Владимира» (XIV в.) летописец пишет: «Потомъ же, многимъ лѣтомъ минувшимъ, пришедь Воитѣхъ въ Мораву и въ Чохи и въ Ляхи, разруши вѣру правую и Рускую грамоту отвърже, а Латинскую вѣру и грамоту постави и правыя вѣры епископы и попы изсѣче, а иныя разгна. И иде въ Пруськую землю, хотя и тѣхъ въ

вѣру привести, а тамо Воитѣх оубьень бысть, Латинскіи епископъ» (Шахматов 2014: 326–327).

В славянских легендах о св. Кирилле говорится, что Константин Философ создал славянскую письменность, которая распространилась у моравов, поляков и среди других народностей, а потом у руси, веру в них утвердил правоверную, книги написал «роуским» языком и хорошо научил. Потом, много лет спустя, пришел «в Моравы, и в Чехи, и в Ляхи» Войтех и «разрушил» правую веру, отверг русскую грамоту, а латинскую грамоту и веру поставил и правой веры иконы сжег, «а епископы и попы посече, а других разгнав» (Monumenta 1864: 90). Об этом же читаем в позднейшем добавлении к паннонскому «Житию св. Кирилла»: «Потом же многом лета минувшим, пришед Войтех в Мораву и в Чехы, и в Ляхы, разрушил веру правую и русскую грамоту отверже, а латинскую веру и грамоту постави» (Козьма Пражский 1962: 261).

Сведения о христианском русском (русинском) населении данного региона в латиноязычных источниках встречаются и позже. Матфей, епископ Краковский, в своем «Послании к Бернарду Клервоскому» (ок. 1148) пишет: «...мог ли бы кто-либо <...> и искоренить нечестивые обряды и установления руси (Rutheni)» и «Народ же этот русский (gens Ruthenica) неисчислимым множеством подобен звездам, правила православной веры (orthodoxa fides) и установления истинной религии не соблюдает» (Щавелева 1976: 114). Хотя часть исследователей считает, что здесь речь идет о Киевской Руси (Щавелева 1976: 119–121; Августин 2010: 37–38; Древняя Русь 2010: 206), правильно, на наш взгляд, соотнести это упоминание с частью Карпатской Руси – Юго-Восточной Польшей, где до сих пор проживают русины-лемки (Суляк 2004: 51). В грамоте польского князя Мешко I папскому престолу «Dagome iudex», составленной между 990 и 992 гг. для передачи Польского государства под защиту Рима, указывается: «...et fines Russiae usque in Cracoa...» («...и границы Руси вплоть до Кракова...») (Maciejowski 1846: 374; Łowmiański 1973: 529–597; Щавелева 1990: 28, 30; Юрасов 2012: 80–81). В.О. Ключевский упоминал об известиях XII–XIV вв. о православных церквях в Краковской области и других местностях Юго-Восточной Польши (Ключевский 1956: 284, 405).

В своем послании епископ Матфей затрагивает вопрос о том, что русины не соблюдают ни православного, ни католического обряда (недостаточно почитают Христа, имеют другую обрядовую систему и принижают роль церковной иерархии), что говорит, скорее всего, о распространении среди них арианства (Введение 1987: 42–43; Крещение 1988: 40–42). Таким образом, еще раз подтверждается тот факт,

что первый этап принятия христианства предками русинов пришелся на III–IV вв. (часть из них, вероятно, получила арианство от готов).

В то же время на юге Польши обнаружены памятники, относящиеся к восточному христианству. В 1954 г. в Вислице найдены фрагменты небольшой церкви, в архитектурном плане схожей с церквями в Старе Место (Моравия) и в Праге (Чехия). В 1961 г. под костелом Св. Сальватора в Кракове обнаружили фундамент православной церкви X в. (Kmietowicz 1994: 21). Мариинская церковь в Кракове тоже была построена православным духовенством (Фризе 1895: 34).

Значительное количество русинов – приверженцев восточного обряда – оставалось в Венгрии. В 974 г. пассауский епископ Пиллигрим писал папе Бенедикту VII, что в Паннонии христиане составляют большинство населения. А сами венгры склоны к принятию христианства. Отправленным им монахам и священникам удалось 5 000 человек из знати обратить в католическую веру. Он также свидетельствует, что христианство в Венгрии сохранилось благодаря деятельности славянских просветителей (Rerum 1849: 132; Успенский 2002: 217).

Много упоминаний в средневековых источниках встречается о некой Русской марке на территории средневековой Венгрии. В «Житии Конрада, архиепископа Зальцбургского» говорится, что в 1127 г. австрийский герцог «направляет посла к [венгерскому] королю, который тогда находился в марке рутенов («Nos responso audito, nuntius ad regem dirigitur, qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur...») (Monumenta 1854: 74).

М.С. Грушевский, В.Т. Пашуто, В.П. Шушарин, А.В. Назаренко разделяют мнение, что в данном случае речь идет не о Подкарпатской Руси (Пашуто 1968: 334; История Венгрии 1971: 122–123; Назаренко 1978: 305–306; Грушевський 1992: 488).

О Русской марке (Ruzaravarcha) на территории Паннонии (Ruzaravarcha) ранее упоминается в грамоте короля Людовика Немецкого Альтайхскому монастырю (862/863) (Назаренко 1993: 53, 57).

Фома Сплитский (около 1200–1268) в своей «Истории архиепископов Салоны и Сплита» писал, что император Диоклетиан, «помимо многих других сооружений, распорядился построить в Риме термы; в землях Паннонии на границе с Рутенией (“in Pannonie partibus in confinio Ruthenie” (Monumenta 1984: 10)) он возвел одно здание из порфирного камня, настолько великолепное, что и сейчас, хоть и разрушенное, оно все еще представляет собой величественное зрелище для изумленных прохожих, как можно прочесть в истории четырех венценосных» (Фома Сплитский 1997: 30).

А.В. Назаренко допускает интерпретацию выражения «in confinio Ruthenie» не только как «на границе с Рутенией», но и с учетом значе-

ния слова «*confinium*» в ряде венгерских юридических документов – «марка». Он рассматривает известие Фомы как подтверждение существования в Венгрии некоей Русской марки в междуречье Савы и Дуная (Фома Сплитский 1997: 155). То есть правильное перевод будет звучать так: «в Паннонии, на территории марки рутенов» (Назаренко 1978: 305).

В «Хронике» Адемара Шабаннского упоминается: «Святой же Бруно (имеется в виду Бруно Кверфуртский (ок. 974–1009)) обратил к вере область Венгрию (*Ungria*) [и] другую, которая зовется Русью (*Russia*)» (скорее всего, не обратил, а перевел в католическую веру. – С.С.) (Adémar 1897: 152–153). Как указывает А.В. Назаренко, в представлении Адемара эта Русь составляла одну из «областей» Венгрии (Назаренко 2001: 343). В новом переводе указано: «Святой же Бруно обратил в веру Венгрию и другую провинцию, которая называется Руссия» (Адемар 2015: 195).

Русская марка, полагает С. Пап, – это Потисская Русь (по мнению исследователя, в данное понятие входят все левобережье Дуная, Потисье, Семиградия (Трансильвания), позже – только Закарпатье, Пряшевщина, Татранщина) (Пап 2001: 265). Он же указал, что одновременно с Русской маркой в Потисье существовало русское Бихарское¹⁰ епископство, о котором упоминается в описи доходов короля и отдельных епископств во времена правления Белы III (1173–1196) (*Episcopus Biarch. cuius sedes dicitur Orosiensis habens mille marcas*) (*Codex diplomaticus* 1829: 218; *A magyar* 1901: 129)¹¹ (Пап 2001: 329, 264–265).

По мнению А. Мицюка, комитат Бихар, в то время заселенный русинским населением, был воеводством, и в нем княжил Имре, сын короля Иштвана, именовавшийся князем (герцогом) Русским (*dux Ruizogum* – Хильдесхаймские анналы, под 1031 г. (*Monumenta* 1839: 98)) (Мицюк 2003: 14). В «Немецких анналах и хрониках» в переводе он назван «герцог руизов» – без пояснения, кто же такие эти неведомые руизы (Немецкие анналы 2012: 253).

Также на территории средневековой Венгрии существовало немало русских (русинских) православных монастырей, известных с XI в.: Тихонская лавра с церковью Святого Николая, «Засты» («Засты павших»), Марошградский, Орослоношский, Вышеградский, Веспримский, Святого Дмитрия (у реки Савы), в Тормове (Потисье) и т. д. (Пап 2001: 224–232).

Третий этап – окончательная христианизация земель русинов, ставших частью Древнерусского государства.

В конце IX в. Пруто-Днестровские земли начинают входить в состав державы Рюриковичей. В «Повести временных лет» гово-

рится, что в 885 г. князь Олег воевал с тиверцами и уличами (ПСРЛ I: 24; ПСРЛ II: 17). В 907 г. он их взял с собой в поход на Византию среди других племен тиверцев и хорватов (ПСРЛ I: 29; ПСРЛ II: 21; ПСРЛ V: 18; ПСРЛ VII: 272).

Упоминания об уличах прекращаются в 940 г., когда воевода Свенельд взял их столицу Пересечен (ПСРЛ III: 110; ПСРЛ VII: 277).

Последний раз тиверцы появляются на страницах летописи под 944 г., когда они вместе с другими племенами участвовали в походе князя Игоря на греков (ПСРЛ I: 45; ПСРЛ II: 34; ПСРЛ V: 26; ПСРЛ VII: 277).

В 981 г. «Иде Володимиръ . к Лахомъ . и зае грады их . Перемышль . Червень . и ины города . иже суть и до сего днѣ подь . Русью» (ПСРЛ I: 81; ПСРЛ II: 69; ПСРЛ V: 47; ПСРЛ IX: 41).

В 992 г. (992 – ПСРЛ I; 993 – ПСРЛ II; ПСРЛ V; 905 – ПСРЛ IX) «иде Володимиръ на Ховраты» (ПСРЛ I: 122; ПСРЛ II: 106; ПСРЛ V: 73 ПСРЛ IX: 65).

В.Н. Татищев, основываясь на данных несохранившихся источников, пишет, что в 992 г. «Владимир ходил ко Днестру со двумя епископами, много людей научая крещением, построил в земле Червенской град во свое имя Владимир и церковь Пресвятой Богородицы создал, оставил тут епископа Степана» (Татищев 2005: 57). То есть речь идет о становлении церковной организации в Карпато-Днестровских землях.

В 993 г., по сведениям Татищева, «Владимир ходил на Семиградскую (т.е. Трансильванию. – С.С.) и Хорватскую земли и, многие победы одержав и покорив, возвратился со множеством плена и богатства и пришел в Киев со славою великою» (Татищев 2003: 57). Сам исследователь считал, что Владимир в описанном походе пришел на помощь венгерскому королю (Татищев 2005: 625). Часть хорватских земель была им присоединена к Руси ранее, в 981 г.

Позже, описывая поход Даниила и Василька Романовичей в Польшу в 1229 г., летописец вспоминает об этом походе князя Владимира: «бо князь не входилъ бѣ в землю Ладьскоу толь глоубоко . проче Володимера Великаго . иже бѣ землю крестиль» (ПСРЛ II: 257 об.).

Проанализировав данные известия, О.М. Рапов (Рапов 1988: 355–365) пришел к выводу, что разгром, учиненный воинами Владимира в земле хорватов, подтверждается другими источниками («Записка греческого топарха» (см.: Литаврин 1957: 129)) и археологическими изысканиями (Тимошук 1982: 67, 201). Правда, Рапов предполагает, что было два похода в Хорватию: первый – миссионерский, в 991 г., второй – карательный, в 992 г. (Рапов 1988: 362–365). Он обосновывает свою точку зрения тем, что Хорватия не могла бороться один на один с войсками князя Владимира. Но когда в 992 г. польским князем

становится Болеслав Храбрый, надеявшийся вернуть захваченные ранее города, союзниками которого также могли быть «недовольные обращением в христианство хорваты, жители Семиградия» и т.д., ему стало известно о готовящемся против него заговоре, и князь нанес упреждающий удар (Рапов 1988: 363–365). Н.М. Карамзин считал, что война 993 г. была с «хорватами, обитавшими (как думаем) на границах Семиградской области и Галиции» (Карамзин 1989: 155, 293). Подобную точку зрения высказал и С.М. Соловьев (Соловьев 1988: 184–185).

М.С. Грушевский тоже полагал, что во втором походе речь идет о «чешских» хорватах (Грушевский 1992: 495). Л.В. Войтович склоняется к мнению, что поход предпринят был против днестровских хорватов (Войтович 2010: 17).

На наш взгляд, эти точки зрения полемичны. Недовольство населения могло вызвать не сколько проведение повальной христианизации (значительная часть населения вышеперечисленных регионов уже была христианизирована ранее), сколько переподчинение местных приходов вновь созданной Киевской митрополии.

А.И. Добрянский, проанализировав многочисленные источники, пришел к выводу, что «граница русской народности и государства в X и даже XI в. проходила не по Сану, даже не по Вислоку или Вислоке, как утверждают некоторые тенденциозные писатели новопольские, а по линии от Кракова до хребтов Татр и далее по их гребню до северо-восточного угла нынешнего Липтовского комитата в Угорщине. Таким образом, здесь Древняя Русь соприкасалась с государством Великоморавским, а по его падении – с государством Чешским» (Добрянский 1880: 159).

Таким образом, большая часть территории, населенная предками русинов, окончательно вошла в состав Древнерусского государства к концу X в. и в религиозном плане стала подчиняться Киевской митрополии. Позже, в конце XI в., эти земли выделились в отдельное Галицкое княжество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Автор не разделяет точку зрения некоторых современных исследователей, которые, скорее всего, в силу политических обстоятельств, переносят этноним *русин* только на восточнославянское население Закарпатской области Украины, Восточной Словакии (Пряшевщины), юго-востока Польши (примыкающая к Пряшевской Руси и Закарпатской области часть польской Лемковщины), части прилегающего к

Закарпатью румынского Марамуреша и Сербской Воевоины. Одним из инициаторов этого «суждения» является П.Р. Магочий, профессор истории и политических наук университета в Торонто, глава кафедры украиноведения (Магочій 2007 – Магочій П. Народ нивыдки. Ілюстрована історія карпаторусинів. Ужгород: Видавельство В. Падяка, 2007. С. 7–9). Ранее П. Магочий использовал термин *Подкарпатская Русь*, ограничивая ее размеры Закарпатской областью Украины и Восточной Словакией, отделяя «русинов (украинцев)» от их «галицких братьев» (Магочій Павло Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1994. С. 13).

В то же время нельзя не согласиться с высказанным в 1895 г. мнением И.П. Филевича, что «все почти пространство карпатской территории занято одним племенем – малорусским, или правильнее – южнорусским» и что «термин «Карпатская Русь» не есть выдумка кабинетных мыслителей» (Филевич И.П. Очерк Карпатской территории и населения // Журнал Министерства народного просвещения. Часть ССХСVIII. 1895. Апрель. С. 361–385).

Ранее Я.Ф. Головацкий в своем очерке «Карпатская Русь» обобщенно включил в понятие *Карпатская Русь* Галичину, Угорскую Русь и Буковину (Головацкий Я.Ф. Карпатская Русь (Историко-этнографический очерк) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СLXXIX. 1875. Июнь. С. 349–396), т. е. земли, населенные русинами.

На наш взгляд, для обозначения территории, занятой русинами, корректнее применять также название *Карпато-Днестровская Русь*. Именно это регион являлся областью их первичного этногенеза.

2. Русин – самоназвание населения Древней Руси, производное от слова *Русь*. Данный этноним упоминается в литературных памятниках с X в. К примеру, в текстах договоров с греками князя Олега (912 г.) – семь раз, князя Игоря (945 г.) – шесть, в «Русской правде» (см.: Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. ПСРЛ. Т. I. Л., 1926. Стб. 34–35, 50–52; Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 25–26, 38, 40; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 176) и т. д. Долгое время сохранялся на всей территории Древнерусского государства: в Малороссии, Белороссии, Великороссии, Карпатской Руси. Тверской купец Афанасий Никитин писал в «Хождении за три моря» (конец XV в.): «А в том в Чюнере хан у меня взял жеребца, а уведал, что яз не бесерменянин – русин» (Никитин Афанасий. Хождение за три моря // История отечества в романах, повестях, документах. Век XV–XVI. М., 1987. С. 451).

К середине XIX в. этноним **русин** оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины.

Австро-венгерские власти называли своих русских подданных **русины, рутены** (нем. Russinen, Rutnenen), в отличие от русских (российских подданных). **Рутены** – средневековое латинское название русских, а **русины** – неправильное образование множественного числа от единственного числа **русин**. Сами они называли себя в единственном числе русин, а во множественном числе – русскими, веру свою – русской, свой народ и язык – русскими. Русины подразделялись на этнокультурные группы: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и др. (*Половинкин И.Н. Русины // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXVII. СПб.: Типография АО «Издательское дело, бывшее Брокгауз-Ефрон», 1899. С. 296–297; Суляк С.Г. Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. С. 9–10).*

3. Второй этноним населения Карпатской Руси – **руснак (русняк)**. Возник как противопоставление этнониму **поляк** и вначале имел «конфессиональную» основу. Православное население Карпатской Руси издавна проживало в соседстве с католиками. Руснаками (русняками) называли русинов их соседи – поляки, словаки, чехи. Этот данный соседними народами внешний этноним был известен по крайней мере начала XV в. В Чехии и Словакии русняками называли русинов, воевавших во время гуситских войн в отрядах таборитов (*Неедлы З. Гуситы и русские. Исторический журнал. Кн. 10–11. М., 1941. С. 126, 128).*

В болгарском языке слова **русин, руснак** означают **русский** (*Болгарско-русский словарь / Сост. С.Б. Бернштейн. М.: ГИИНС, 1953. С. 689).*

4. По мнению А.В. Майорова, современное украинское Прикарпатье и район Перемышля (Польша) (т. е. большая часть образованного позднее Галицкого княжества. – С.С.) составляли территорию Великой Хорватии, о которой писал Константин Багрянородный в X в. (*Майоров А.В. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб., 2006. С. 79).*

5. В.П. Шушарин перечисляет такие слова, как «христианин, христианский» (керестень), «крест» (керест), «священник» (пап), «монах» (барат), «аббат» (апат), «монахиня» (апаца), «дьякон» (диак), «крестить» (керестельни), «святой» (сент), «ад» (поколь), «чудо» (чода), «благодать» (маласт), «вечерня» (вечеренье), «ладан» (темьен) и др.

(Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 1997. С. 267).

6. В начале XX в. М.С. Грушевский и А.А. Кочубинский упоминали, что в Семиградье (Трансильвании) век назад еще сохранялись остатки автохтонного русского (А. Кочубинский) / русинского (М. Грушевский) населения (*Грушевський М. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П.С. Сохань (голова) та ін. Т. I: До початку XI віка. Київ: Наукова думка, 1991. С. 221; Кочубинський А.А. Частные молдавские издания для русской школы (Библиографические заметки) // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССХХХХVII. 1903. Июнь. С. 397*).

7. Когда Константин Багрянородный писал свой трактат, Великой Хорватии уже не существовало. Великой Хорватией по традиции продолжали называть ее восточные земли.

Согласно письменным источникам Великая Хорватия простиралась от среднего течения Прута и Днестра на востоке до верхнего течения Вислы и Лабы на западе, вдоль Карпат, Татр и Судет. В состав этого массива входило Закарпатье (*Войтович Л.В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // Русин. 2010. № 3 (21). С. 24–25*).

8. «Однако не избирай для этого дела человека, принадлежащего к обряду или секте болгарского или русского народа, или славянского языка, но, следуя апостольским установлениям и решениям, [выбери] лучше наиболее удобного всей церкви клирика, особенно сведущего в латинском языке, который смог бы плугом слова вспахать целину языческих сердец, посеять в них пшеницу добрых дел, плоды урожая вашей веры отдать Христу» (*Саксон Анналист. Хроника. 741–1139 / Пер. с лат. и ком. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М.: SPSL – Русская панорама, 2012. С. 184*).

9. На севере Чехии, восточнее пшован, проживали хорваты, а в южном углу чешской территории по Верхней Влтаве – дудлебы (дудлебы) (*История Чехии / Ред. В.И. Пичета. М.: Госполитиздат, 1947. С. 7*).

10. Бихар (по-румынски – Бихор) был третьим по величине комитатом (административно-территориальная единица Венгерского королевства; *comitatus – графство*) в Венгрии. Несмотря на ассимиляционные процессы, в Бихаре, по данным на 1880 г., проживало 446 (0,1 %) рутенов (русинов) (*Bihar vármegye. A Wikipédiából, a szabad enciklopédiából. URL: https://hu.wikipedia.org/wiki/Bihar_v%C3%A1rmege (дата обращения: 25.05.2015)*).

Подмену *Orosiensis* (по-венгерски *Oroszi – русский*) на *Olasiensis* (*Olaszi – валашский, румынский*) произвел венгерский историк

Х. Марцали (Henrik Marczali, 1856–1940). Он же «перекрутил» слова в своем комментарии (Пап 2001: 329), написав, что святой Иштван основал епископство Бихор в Вараде (совр. Орадя в Трансильвании). Таким образом, «Oroszi = Várad – Olaszi» (A magyar 1901: 129).

11. A. Ch. 1184. Status regni Hungariae Bela III. R. H. regnante.

Regni Vngarie fines et dominatus amplitudo. In regno Bele regis Vngarie sunt he terre: Vngaria, caput Regni, Croacia, Dalmacia, et Rama. In Vngaria sunt due sedes Archiepiscopales: Strigoniensis et Colocensis. Strigonium habet de curia regis de moneta VI. mille marcas et decimam monetarum, et est Metropolis Vngarie. Colocensis sedem habet Bachiensem, et habet duo millia et quingentas marcas. Suffraganei Domini Strigoniensis sunt: Episcopus Agriensis habens III. millia marcarum; Episcopus Woacensis habens septingentas marcas; Episcopus Quinqueecclesiensis, habens mille et quingentas marcas; Episcopus Geuriensis, habens mille marcas; Episcopus Wesprimiensis habens mille septingentas marcas; Episcopus Nitriensis, 218 habens mille centum marcas. Suffraganei Colocensis sunt: Episcopus Sunadensis, vel a fluuiu praeterlabente Morisensis, habens duo millia marcarum; Episcopus Biarch. cuius sedes dicitur *Orosiensis* habens mille marcas; Episcopus Vltrasyluanus habens duo millia marcarum; Episcopus Zagrabiensis super flumen Soa, habens mille quingentas marcas. In Dalmacia sunt duo Archiepiscopatus: lacezensis, habens quingentas marcas; Espaletensis, habens quadringentas marcas. Vnde Espaletensis et insimiliter habent suffraganeos decem. Rex Vngarie de reditu monete sue habet sexaginta millia marcas per annum; Idem habet de sale suo XVI. millia marcas. Idem habet de pedagiis, et passagiis, et mercatis seu foris, que omnia sua sunt XXX. millia marcarum. Idem habet de alienis hospitibus regis de Vltrasyluas, XV millia marcarum. Idem habet de sua tertia parte de septuaginta duobus Comitibus suis de redditu annuo, XXV. millia marcarum. Idem habet de Duce Sclauonie, per annum X. mille marcas. Vnusquisque Comitum 72. semel in anno regem Vngarie procurat, et antequam de mensa surgat, dona dat munus centum marcarum, et aliquis eorum II.C. marcas. In quibus ad minus presumitur summa solius regis larga computatione, X. mille marcarum. Et preter hec dona regine, et filiorum regis magna in argento, seu pannis, sericis, et equis. Et preter hec tricesima. Populus terre regi facit victum plenarium.

Источник: Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / studio et opera Georgii Fejér. T. 2. Budae, 1829. S. 217–218; A magyar történet kútfoinek kézikönyve. A Magyar Kir. Vallás- és közoktatásügyi miniszter megbízásából Angyal Dávid és Mika Sándor közreműködésével szerk. Marczali Henrik. Budapesteni, 1901. S. 129-130.

ЛИТЕРАТУРА

Августин 2010 - *Августин (Никитин), архимандрит*. Изучение личности и творчества Бернарда Клервоского (1091–1153) в русской науке // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 34–75.

Агафий 1953 - *Агафий*. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и прим. М.В. Левченко. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 228 с.

Адемар 2015 - *Адемар Шабаннский*. Хроникон. СПб.: Евразия; М.: ИД Клио, 2015. 384 с.

Артамонов 1962 - *Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.

Артюх 2006 - *Артюх В.С.* Язичество та ранне християнство стародавньої Галичини. Львів: СПОЛОМ, 2006. 200 с.

Алексеев 2008 - *Алексеев С.В.* Славянская Европа V–VI вв. М.: Вече, 2008. 448 с.

Бабий 1988 - *Бабий А.И.* Православие в Молдавии: история и современность. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1988. 84 с.

Бернштейн 1984 - *Бернштейн С.Б.* Константин-Философ и Мефодий. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 167 с.

Боднарюк 2014 - *Боднарюк Б.М.* Пути и особенности процесса христианизации Карпатской Руси в конце IX – начале XI в. // Русин. 2014. № 1 (35). С. 121–142.

Брайчевський 1988 - *Брайчевський М.Ю.* Утвердження християнства на Русію. Київ: Наукова думка, 1988. 261 с.

Бульст-Тиле 2008 - *Бульст-Тиле Марія Луїза, Йордан Карл, Флекенштейн Йозеф*. Священная Римская империя: эпоха становления / Пер. с нем. К.Л. Дробинской, Л.Н. Неборской; под ред. И.О. Ермаченко. СПб.: Евразия, 2008. 480 с.

Введение 1987 - Введение христианства на Руси / Отв. ред. А.Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. 302 с.

Вернадский 2000 - *Вернадский Г.В.* История России. Древняя Русь. Тверь; М.: Леан; Аграф, 2000. 448 с.

Витте 1908 - *Витте Е.И.* Св. первоучители славянские Кирилл и Мефодий и культурная роль их в славянстве и России. СПб.: Общество ревнителей русской истории просвещения в память имп. Александра III, 1908. 107 с.

Войнаровський 1998 - *Войнаровський В.Н.* Про час і мотиви руйнації інгунаційних поховань черняхівської культури // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 235 (ССХХV). Праці Археологічної комісії. Львів: Наукове товариство імені Шевченка, 1998. С. 318–342.

Войтович 2010 - *Войтович Л.В.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // Русин. 2010. № 3 (21). С. 5–49.

Гавриил 1999 - *Гавриил (Кризина), игумен*. Православная церковь в Закарпатье (век XX). Киев: Информационно-издательский центр Украинской православной церкви, 1999. 200 с.

Гильфердинг 1868 - *Гильфердинг А.Ф.* История сербов и болгар // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 1: I. История сербов и болгар; II. Кирилл и Мефодий; III. Обзор чешской истории. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 440 с.

Голубинский 1871 - *Голубинский Е.Е.* Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской, или Молдо-Валашской. М.: В унив. тип. (Катков и К°), 1871. 734 с.

Голубинский 1901 - *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1: Период первый. Киевский, или домонгольский. М.: Университетская типография, 1901. 968 с.

Грот 1881 - *Грот К.Я.* Моравия и мадьяры с половины IX до начала X века. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 436 с.

Грушевський 1992 - *Грушевський М.С.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / Редкол.: П.С. Сохань (голова) та ін. Київ: Наукова думка, 1992. Т. 2. 640 с.

Державин 1939 - *Державин Н.С.* Об этногенезе древнейших народов Днепровско-Дунайского бассейна (к постановке вопроса) // Вестник древней истории. 1939. № 1 (6). С. 279–290.

Добрянский 1880 - *Добрянский А.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССVIII. 1880. С. 134–159.

Древняя Русь 2010 - *Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия* / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост., пер. и ком. А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.

Житие Наума 2000 - *Житие Наума*. Приложение. Ч. I. Введение, перевод, комментарии Б.Н. Флоря // Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: Алетей, 2000. 324 с.

Жих 2009 - *Жих М.И.* О хронологии христианизации прикарпатских славян // Русин. 2009. № 3 (17). С. 21–31.

Жих 2015 - *Жих М.И.* Христианизация вольнской земли в контексте ее социально-политического развития // Русин. 2015. № 1 (39). С. 5–10.

Иловайский 1881 - *Иловайский Д.И.* Вопрос о народности руссов, болгар и гуннов // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХV. Отд. II. СПб., 1881. Май. С. 1–34.

Иванов 2003 - *Иванов С.А.* Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.

Иоанн Малала 1998 - *Иоанн Малала*. Хронография. Книга XVIII / Пер. А.А. Чекаловой // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с ван-

далами. Тайная история / Пер с греч.; вступ. ст., ком. А.А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 1998. С. 467–496.

История Венгрии 1971 - История Венгрии: В 3 т. / Ред. Т.М. Исламов, А.И. Пушкач, В.П. Шушарин. М.: Наука, 1971. Т. 1. 644 с.

История Чехии 1947 - История Чехии / Ред. В.И. Пичета. М.: Госполитиздат, 1947. 260 с.

Карамзин 1989 - *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 12 т. М.: Наука, 1989. Т. 1. 640 с.

Карташев 2009 - *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской церкви: В 2 т. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. Т. 1. 784 с.

Ключевский 1956 - *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1 // Сочинения: В 8 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. Т. 1. 428 с.

Козьма Пражский 1962 - *Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступ. ст., пер. и ком. Г.Э. Санчука; отв. ред. Л.В. Разумовская и В.С. Соколов. М.: Издательство АН СССР, 1962 (Серия «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»). 296 с.

Константин Багрянородный 1989 - *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.

Крещение 1988 - «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Авт. вступ. ст. А.Г. Кузьмин; ред. кол. А.Ф. Окулов (пред.) и др. М.: Мысль, 1988. 333 с.

Кузнецова 2002 - *Кузнецова А.М.* Христианство в Венгрии на пороге второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 340–397.

Кузьмин 1986 - *Кузьмин А.Г.* Спорное и бесспорное о крещении Руси // Молодежь, религия, атеизм. М.: Молодая гвардия, 1986. 216 с.

Ламанский 1859 - *Ламанский В.И.* Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. 611 с.

Латышев 1948а - *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1948. № 2 (24). С. 213–314.

Латышев 1948б - *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1948. № 3 (25). С. 217–330.

Латышев 1948с - *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1948. № 4 (26). С. 225–298.

Латышев 1949 - *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. Приложение. 1949. № 2 (28). С. 269–356.

Литаврин 1957 - *Литаврин Г.Г.* Записка греческого топарха (документ о русско-византийских отношениях в конце X в.) // Из истории средневековой Европы (X–XVII вв.). М., 1957. С. 114–130.

Макарий 1994 - *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский*. История Русской церкви. Т. 1, кн. 1. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. 408 с.

Мишулин 1939 - *Мишулин А.В.* Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи // Вестник древней истории. 1939. № 1 (6). С. 290–304.

Мицюк 2003 - *Мицюк О.* Нариси з соціально-господарської історії б[увшої] Угорської нині Підкарпатської Русі. Ужгород: ВАТ Видавництво «Закарпаття», 2003. Т. 1: До другої чверті XVI в. Факс. вид. 1936. 246 с.

Моця 1990 - *Моця А.П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев: Наукова думка, 1990. 156 с.

Мыршану 2005 - *Мыршану Д.Г.* Вульфилы // Православная энциклопедия. Т. 10: Второзаконие – Георгий. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. 752 с.

Назаренко 1978 - *Назаренко А.В.* О «Русской марке» в средневековой Венгрии // Восточная Европа в древности и Средневековье: Сб. ст. М.: Наука, 1978. 368 с.

Назаренко 1993 - *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, пер., ком. М.: Наука, 1993. 240 с.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с. (*Studia historica*).

Нидерле 2001 - *Нидерле Л.* Славянские древности. 2-е изд. М.: Алетейя, 2001. 592 с.

Немецкие анналы 2012 - Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2012. 560 с.

Никитина 1996 - *Никитина Г.Ф.* Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии. М.: Наука, 1996. 182 с.

Огієнко 1942 - *Огієнко І.І.* Українська церква: У 2 т. Прага: Видавництво Юрія Тищенка, 1942. Т. 1. 238 с.

Пап 2001 - *Пап, о. Степан.* Історія Закарпаття: В 3 т. Т. 1: Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2001. 560 с.

Пашуто 1968 - *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.

Пивоваров 2001 - *Пивоваров С.В.* Християнські старожитності у межиріччі Верхнього Пруту та Середнього Дністра. Чернівці: Зелена Буковина, 2001. 152 с.

Пигулевская 1941 - *Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1941. 172 с.

Поп 2009 - *Поп Д.И.* Начало християнізації Подкарпатської Русі и місіонери-угрорусини в Києвській Русі // Русин. 2009. № 4 (18). С. 15–22.

Почаевская лавра 1897 - Почаевская Успенская лавра. Историческое

описание (с прил. документов). Труд профессора Нежинского историко-филологического института А.Ф. Хойнацкого, испр. и доп. Г.Я. Крыжановским. Почаев: Типография Почаевской лавры, 1897. 524 с.

Прокопий 1950 - *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 518 с.

Пронин 2005 - *Пронин Владимир, архимандрит*. История православной церкви на Закарпатье. Киев: Филокалия, Свято-Николаевский Мукачевский монастырь, 2005. 528 с.

Пространное житие 2000 - Пространное житие Климента Охридского. Введение, перевод С.А. Иванова. Комментарии С.А. Иванова, Б.Н. Флори // Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: Алетейя, 2000. 324 с.

ПСРЛ I - ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись по Суздальскому и Академическому списку. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 578 с.

ПСРЛ II - ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. 573 с.

ПСРЛ III - ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 576 с.

ПСРЛ V - ПСРЛ. Т. V. Софийская первая летопись. Вып. первый. Л.: Изд-во Российской академии наук, 1925. 245 с.

ПСРЛ VII - ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1856. 345 с.

ПСРЛ IX - ПСРЛ. Т. IX: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: типография Эдуарда Праца, 1862. 256 с.

Рапов 1988 - *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высш. шк., 1988. 416 с.

Рафалович 1975 - *Рафалович И.А.* К вопросу о степени влияния Византии на материальную культуру населения Карпато-Днестровских земель в VI–IX вв. // Карпато-Дунайские земли в Средние века / Отв. ред. Я.С. Гросул. Кишинев: Штиинца, 1975. 342 с.

Рикман 1975 - *Рикман Э.А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975. 336 с.

Робинсон 1984 - *Робинсон А.Н.* У истоков славянской письменности // История всемирной литературы: В 8 т. М.: Наука, 1984. Т. 2. С. 373–377.

Рыбаков 1939 - *Рыбаков Б.А.* Анты и Киевская Русь // Вестник древней истории. 1939. № 1(6). С. 319–337.

Рыбаков 1943 - *Рыбаков Б.А.* Ранняя культура восточных славян // Исторический журнал. 1943. Кн. 11–12 (123–124). С. 73–80.

Саксон Анналист 2012 - *Саксон Анналист*. Хроника. 741–1139 / Пер. с лат. и ком. И.В. Дьяконова; предисл. И.А. Настенко. М.: SPSL – Русская панорама, 2012. 712 с.

Свод 1994 - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). 2-е изд., испр. М.: Восточная литература, 1994. 472 с.

Соловьев 1988 - *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1, т. 1–2 // Сочинения: В 18 кн. М.: Мысль, 1988. 797 с.

Суляк 2004 - *Суляк С.Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев: Издательский дом «Татьяна», 2004. 240 с.

Суляк 2014а - *Суляк С.Г.* «Яже суть толковины»: к проблеме хозяйственного уклада древнерусского населения Карпато-Днестровских земель // Русин. 2014. № 2 (36). С. 55–75.

Суляк 2014b - *Суляк С.Г.* Предки русинов и кочевники: вопросы этнокультурного взаимодействия // Русин. 2014. № 4 (38). С. 152–176.

Сымонович 1964 - *Сымонович Э.А.* Орнаментация черняховской керамики // Древности эпохи сложения восточного славянства. Сборник статей. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 116) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков, Э.А. Сымонович. М.: Наука, 1964. 363 с.

Татищев 2005 - *Татищев В.П.* История Российская: В 3 т. М.: АСТ: Ермак, 2005. Т. 2. 732 с.

Тахиаос 2005 - *Тахиаос А.-Э.Н.* Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. М.: Сергиев Посад, 2005. 391 с.

Тимощук 1982 - *Тимощук Б.О.* Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ: Наукова думка, 1982. 206 с.

Тихонова 1960 - *Тихонова М.А.* Ласковский клад // Советская археология. 1960. № 1. С. 196–204.

Тот 1986 - *Тот И.* Малоизвестный латинский источник о деятельности учеников Мефодия в Венгрии в начале XI века // Кирило-Методиевски студии. София, 1986. Кн. 3. С. 48–54.

Успенский 2002 - *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 4: Отдел VI. Комнины. Отдел VII. Расчленение империи. М.: Астрель; АСТ, 2002. 496 с.

Федоров 1958 - *Федоров Г.Б.* О двух обрядах погребения в черняховской культуре (По памятникам Молдавии) // Советская археология. 1958. № 3. С. 234–243.

Филин 1962 - *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.; Л.: Издание Академии наук СССР, 1962. 296 с.

Фома Сплитский 1997 - *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997 (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы). 320 с.

Фризе 1895 - *Фризе Х.Ф.* История польской церкви от начала христианства в Польше до наших времен / Пер. с нем. Бреславльского издания 1786 года; под ред. М.П. Устимовича. Варшава: Варшавское православное Свято-Троицкое братство, 1895. Т. 1. 320 с.

Хронограф 1914 - Хронограф Западно-русской редакции // ПСРЛ. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 2. Пг.: Типография М.А. Александрова, 1914. 302 с.

Цветков 2012 - *Цветков С.Э.* Эпоха единства Древней Руси. От Владимира Святого до Ярослава Мудрого. М.: Центрполиграф, 2012. 478 с.

Цухлев 1910 - *Цухлев Д.* История на Българската църква. Т. 1: 864–1186. София: Печатица Св. Софии, 1911 г. Т. 1.

Щавелева 1976 - *Щавелева Н.И.* Послание епископа Краковского Матвея Бернарду Клервоскому об «обращении русских» // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1975 г. М.: Наука, 1976. 213 с.

Щавелева 1990 - *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. Тексты, пер., ком. / Отв. ред. В.Л. Янин. М.: Наука, 1990. 210 с.

Шахматов 1916 - *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий. Пг.: Типография «Научное дело», 1916. 148 с.

Шахматов 2014 - *Шахматов А.А.* Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Подгот. текста, предисл. Н. И. Милютенко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 384 с.

Шушарин 1997 - *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 512 с.

Юрасов 2005 - *Юрасов М.К.* Новые данные о крещении предков русинов Мефодием или его учениками // Русин. 2005. № 2. С. 46–54.

Юрасов 2007 - *Юрасов М.К.* Влияние поисков венграми новой родины на освоение славянами междуречья Днестра и Прута // Русин. 2007. № 2 (8). С. 20–25.

Юрасов 2008 - *Юрасов М.К.* Закарпатье. V в. – 1526 г. // Православная энциклопедия. Т. XIX: Ефесеям послание – Зверев. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. Т. 19. 752 с.

Юрасов 2012 - *Юрасов М.* Добрянский как историк // Русин. 2012. № 3 (29). С. 78–90.

Юрасов, Матузова 2013 - *Юрасов М.К., Матузова В.И.* «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом (Продолжение) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1 (13). С. 68–104.

Adémar 1897 - *Adémar de Chabannes*. Chronique. III 37 / Ed. J. Chavanon. Paris: Alphonse Picard et fils. Éditeurs, 1897. 287 p.

Aeneas Silvius 2005 - *Aeneas Silvius Piccolomini*. Historia Bohemica. Bd.1: Historisch-kritische Ausgabe des lateinischen. Textes. Köln: Böhlau Verl. B GmbH & Cie, 2005. 934 s.

A magyar 1901 - *A magyar történet kútfoinek kézikönyve*. A Magyar Kir. Valás- és közoktatásügyi miniszter megbízásából Angyal Dávid és Mika Sándor közre-működésével szerk. Marczali Henrik. Budapesteni, 1901. 982 s.

Brevis Notitia 1799 - *Brevis Notitia Foundationis Theodori Koriathovits Olim Ducis De Munkacs, Pro Religiosis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni,*

In Monte Csernek Ad Munkacs, Anno MCCCLX. Factae. Exhibens Seriem Episcoporum Graeco Catholicorum Munkacsiensium, cum praecipuis eorundem aliorumque Illustrium Virorum Gestis, è variis Diplomatribus, Decretisque Regiis, ac aliis Documentis authenticis potissimum concinnatam. Pars. Prima. Authore R.P. Jonnicio Basilovits, Ordinis Sancti Basilii Magni. In vener. Monasterio de Monte Csernek ad Munkacs Proto-Hegumeno. Cassoviae, Ex Typographia Ellingeriana. 1799. Pars II–III. 214 s.

Ioannis Malalae 1829 - Ioannis Malalae Chronographia (Bonnae, 1829). Ioannis Malalae chronographia / ex recensione L. Dindorfii. Accedunt Chilmeadi Hodiique annotationes et Ric. Bentleii epistola ad Io. Millium // Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae: impensis Ed. Weberi, 1831. LXXVIII, 796 s.

Codex diplomaticus 1829 - Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis / studio et opera Georgii Fejér. T. 2. Budae, 1829. 464 s.

Codex diplomaticus 1904–1907 - Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae. Iussu comitiorum regni Bohemiae edidit Gustavus Ffriedrich. T. I: 805–1197. Praha, 1904–1907. 567 s.

Corpus 1844 - Corpus iuris Romani anteiustiniani. Fasc. VI // Novellae Constitutiones Imperatorum Theodosii II, Valentiniani III., Maximi, Maioriani, Severi, Anthemii. XVIII constitutions, quas Jacobus Sirmondus [Jacques Sirmond] divulgavit / ad librorum manu scriptorum et edtionum fidem recognovit et annotatione critica, instruxit Gustavus Haenel. Bonnae: Marcus, 1844. XXXVIII s., 480 s.

Kmiotowicz 1994 - *Kmiotowicz F.* Kiedy Kraków był «Trzecim Rzymem». Białystok: Orthdruk, 1994. 122 s.

Łowmiański 1973 - *Łowmiański H.* Początki Polski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. T.V. 629 s.

Maciejowski 1846 - *Maciejowski W.* Pierwotne dzieje Polski i Litwy. Warszawa: W drukarni Komissyi Rządowej Sprawiedliwosci, 1846. 632 s.

Monumenta 1839 - Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum (in Folio) (SS). T. 3 [Annales, chronica et historiae aevi Saxonici] / Edidit Georgius Heinricus Pertz. Hannoverae Stuttgart, 1839. 935 s.

Monumenta 1854 - Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum (in Folio) (SS). T. 11 [Historiae aevi Salici] / Edidit Georgius Heinricus Pertz. Hannoverae, 1854. 718 s.

Monumenta 1864 - Monumenta Poloniae Historica = Pomniki dziejowe Polski / Wydał A. Bielowski. T.1. Lwów: Nakładem własnym, 1864. 984 s.

Monumenta 1894 - Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Thomas Archidiaconus: Historia Salonitana. Digessit Dr. Fr. Rački. Vol. 26. Zagrabiae: in taberna libraria eiusdem Societatis Typographicae, 1894. 235 s.

Rerum 1849 - Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana / Ed. S.L. Endlicher Sangalli: Scheitlin & Zollikofer, 1849. 758 s.

Rýmovaná Kronika 1877 - Rýmovaná Kronika česká tak řečeného Dalimila / Upravil Jos. Jireček. Praha: Nakadem. Maticе české, 1877. 222 s.

REFERENCES

- Avgustin (Nikitin). (2010) Izuchenie lichnosti i tvorchestva Bernarda Klervoskogo (1091–1153) v russkoy nauke [The study of the personality and work of Bernard of Clairvaux (1091-1153) in Russia]. *Khristianskoe chtenie*. 1. pp. 34-75.
- Agathius. (1953) *O tsarstvovanii Yustiniana* [About the reign of Justinian]. Translated by M.V. Levchenko. Moscow; Leningrad: USSR AS.
- Shabannskiy, A. (2015) *Khronikoy* [Chronicle]. St. Petersburg: Evraziya; Moscow: ID Klio.
- Artamonov, M.I. (1962) *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. Leningrad: State Hermitage.
- Artyukh, B.C. (2006) *Yazichestvo ta ranne khristiyanstvo starodavn'oi Galichini* [Paganism and early Christianity in ancient Galicia]. Lviv: SPOLOM.
- Alekseev, S.V. (2008) *Slavyanskaya Evropa V–VI vv.* [Slavic Europe of the 5th–6th centuries]. Moscow: Veche.
- Babiy, A.I. (1998) *Pravoslavie v Moldavii: istoriya i sovremennost'* [Orthodoxy in Moldova: history and modernity]. Chisinau: Kartya Moldovenyaskie.
- Bernshteyn, S.B. (1984) *Konstantin-Filosofi Mefodiy* [Constantine Philosopher and Methodius]. Moscow: Moscow State University.
- Bodnaryuk, B.M. (2014) Ways and features of the process of Christianization of the Carpathian Rus in the late 9th – early 11th centuries. *Rusin*. 1 (35). pp. 121-142.
- Braychev'skiy, M.Yu. (1988) *Utverzhennaya khristiyanstva na Rusiyu* [The establishment of Christianity in Rus]. Kiiv: Naukova dumka.
- Bulst-Thiele, M.L., Jordan, K. & Fleckenstein, Y. (2008) *Svyashchennaya Rimskaya imperiya: epokha stanovleniya* [The Sacred Roman Empire: the era of the formation]. Translated from German by K.L. Drobinskaya, L.N. Neborskaya. St. Petersburg: Evraziya.
- Sukhov, A.D. (ed.) *Vvedenie khristianstva na Rusi* [Introduction of Christianity in Russia]. Moscow: Mysl'.
- Vernadskiy, G.V. (2000) *Istoriya Rossii. Drevnyaya Rus'* [The Russian history. Ancient Russia]. Tver; Moscow: Lean; Agraf.
- Vitte, E.I. (1908) *Sv. pervouchiteli slavyanskie Kirill i Mefodiy i kul'turnaya rol' ikh v slavyanstve i Rossii* [Slavic first teacher Cyril and Methodius and their cultural role in Slavs and Russia]. St. Petersburg: Society of adherents of Russian history education in memory of Emperor Alexander III.
- Voynarov'skiy, V.N. (1998) Pro chas i motivi ruynatsii ingumatsiynikh pokhovan' chernyakhivs'koï kul'turi [The time and reasons for the destruction of graves of Cherniahov Culture]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. 235 (CCXXXV). Lviv: Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. pp. 318-342.
- Voytovich, L.V. (2010) Vostochnoe Prikarpat'e vo vtoroy polovine I tys. n.e. Nachal'nye etapy formirovaniya gosudarstvennosti [Eastern Carpathians in the

second half of I millennium AD. The initial stages of formation of the statehood]. *Rusin*. 3 (21). pp. 5-49.

Gavriil (Krizina). (1999) *Pravoslavnaya tserkov' v Zakarpat'e (vek XX)* [The Orthodox Church in Transcarpathia (the twentieth century)]. Kiev: Information and Publishing Center of the Ukrainian Orthodox Church.

Hilferding, A.F. (1868) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: V. Golovin.

Golubinskiy, E.E. (1871) *Kratkiy ocherk istorii pravoslavnykh tserkvey Bolgarskoy, Serbskoy i Rumynskoy, ili Moldo-Valashskoy* [A Short History of the Bulgarian, Serbian and Romanian or Moldavian-Wallachian Orthodox churches]. Moscow: University Typography, Katkov i K°.

Golubinskiy, E.E. (1901) *Istoriya russkoy tserkvi* [History of the Russian Church]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

Grot, K.Ya. (1881) *Moraviya i mad'yary s poloviny IX do nachala X veka* [Moravia and the Magyars from the mid 9th till early 10th century]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Grushevs'kiy, M. (1991) *Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t.* [History of Ukraine-Rus. In 11 vols]. Vol. 1. Kiiv: Naukova dumka.

Grushevs'kiy, M. (1992) *Istoriya Ukraïni-Rusi: V 11 t.* [History of Ukraine-Rus. In 11 vols]. Vol. 2. Kiiv: Naukova dumka.

Derzhavin, N.S. (1939) Ob etnogeneze drevneyshikh narodov Dneprovsko-Dunayskogo basseyna (k postanovke voprosa) [On the ethnogenesis of the oldest nations in the Dnieper-Danube basin (to the problem)]. *Vestnik drevney istorii*. 1(6). pp. 279-290.

Dobryanskiy, A. (1880) O zapadnykh granitsakh Podkarpatskoy Rusi so vremen sv. Vladimira [On the western borders of Carpathian Ruthenia from the time of St. Vladimir]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Ch. CCVIII. pp. 134-159.

Jackson, T.N., Konovalova I.G. & Podosinov, A.V. (eds) (2010) *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov* [Ancient Russia in foreign sources]. Vol. IV. Moscow: Russian Foundation for Education and Science.

Florya, B.N. (2000) Zhitie Nauma [The life of Nahum]. In: Florya, B.N., Turilov, A.A. & Ivanov, S.A. (eds) *Sud'by kirillo-mefodievskoy traditsii posle Kirilla i Mefodiya* [The fate of Cyril and Methodius tradition after Cyril and Methodius]. St. Petersburg: Aleteyya.

Zhikh, M.I. (2009) O khronologii khristianizatsii prikarpatskikh slavyan [About the history of the Christianization of the Slavs Carpathian]. *Rusin*. 3 (17). pp. 21-31.

Zhikh, M.I. (2015) Christianization of Volyn land in the context of its socio-political development. *Rusin*. 1 (39). pp. 5-10.

Ilovayskiy, D.I. (1881) Vopros o narodnosti russov, bolgar i gunnov [On the nationality of Rouse, Bulgarian and Huns]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo*

prosveshcheniya. CCXV(II). pp. 1-34.

Ivanov, S.A. (2003) *Vizantiyskoe missionerstvo: Mozhno li sdelat' iz "varvara" khristianina?* [Byzantine missionary work: Can you make a Christian of a "Barbarian"?]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Ioann Malala. (1998) *Khronografiya. Kniga XVIII* [Chronographs. Book XVIII]. In: Procopius of Caesarea. *Voyna s persami. Voyna s vandalami. Taynaya istoriya* [The war with the Persians. The war with the Vandals. The Secret History]. Translated from Greek by A.A. Chekalova. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 467-496.

Islamov, T.M., Pushkach, A.I. & Shusharin, V.P. (eds) (1971) *Istoriya Vengrii: V 3 t.* [History of Hungary: In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Pichet, V.I. (1947) *Istoriya Chekhii* [The history of the Czech Republic]. Moscow: Gospolitizdat.

Karamzin, N.M. (1989) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo: V 12 t* [The History of the Russian state. In 12 vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.

Kartashev, A.V. (2009) *Ocherki po istorii Russkoy tserkvi: V 2 t.* [Essays on the History of the Russian Church: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Publishing House of Sretensky Monastery.

Klyuchevskiy, V.O. (1956) *Sochineniya: V 8 t.* [Works. In 8 vols]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.

Cosmas of Prague. (1962) *Cheshskaya khronika* [The Czech Chronicle]. Translated by G.E. Sanchuk. Moscow: USSR AS.

Constantine Porphyrogenitus. (1989) *Ob upravlenii imperiey* [How to rule the empire]. Moscow: Nauka.

Okulov, A.F. (ed.) (1988) *"Kreshchenie Rusi" v trudakh russkikh i sovetskikh istorikov* ["Christianization of Russia" in the works of Russian and Soviet historians]. Moscow: Mysl'.

Kuznetsova, A.M. (2002) *Khristianstvo v Vengrii na poroge vtorogo tysyacheletiya* [Christianity in Hungary on the threshold of the second millennium]. In: Florya, B.N. (ed.) *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* [Christianity in Eastern, South-Eastern and Central Europe on the threshold of the second millennium]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 340-397.

Kuz'min, A.G. (1986) *Spornoe i besspornoe o kreshchenii Rusi* [Disputable and indisputable of the Christianization of Rus]. In: Alekseev, V.A. (ed.) *Molodezh', religiya, ateizm* [Youth, religion, atheism]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Lamanskiy, V.I. (1859) *O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii* [On the Slavs in Asia Minor, in Africa and in Spain]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

Latyshev, V.V. (1948a) *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifi i Kavkaze* [The ancient writers about Scythia and Caucasus]. *Vestnik drevney istorii. Prilozhenie*.

2 (24). pp. 213-314.

Latyshev, V.V. (1948b) *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze* [The ancient writers about Scythia and Caucasus]. *Vestnik drevney istorii. Prilozhenie*. 3(25). pp. 217-330.

Latyshev, V.V. (1948c) *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze* [The ancient writers about Scythia and Caucasus]. *Vestnik drevney istorii. Prilozhenie*. 4(26). pp. 225-298.

Latyshev, V.V. (1949) *Izvestiya drevnikh pisateley o Skifii i Kavkaze* [The ancient writers about Scythia and Caucasus]. *Vestnik drevney istorii. Prilozhenie*. 2(28). pp. 269-356.

Litavrin, G.G. (1957) *Zapiska grecheskogo toparkha (dokument o russko-vizantiyskikh otnosheniyakh v kontse X v.)* [A note of Greek toparch (a document of Russian-Byzantine relations in the end of 10th century)]. In: Skazkin, S.D. (ed.) *Iz istorii srednevekovoy Evropy (X–XVII vv.)* [History of Medieval Europe (the 10th–17th centuries.]. Moscow: Moscow State University. pp. 114-130.

Macarius (Bulgakov). (1994) *Istoriya Russkoy tserkvi. T. 1. Kn. 1. Istoriya khristianstva v Rossii do ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira kak vvedenie v istoriyu Russkoy tserkvi* [History of the Russian Church. Vol. 1(1). The history of Christianity in Russia to Prince Vladimir as an introduction to the history of the Russian Church]. Moscow: Holy Transfiguration Valaam Monastery.

Mishulin, A.V. (1939) *Drevnie slavyane i sud'by Vostochno-Rimskoy imperii* [Ancient Slavs and the fate of the Eastern Roman Empire]. *Vestnik drevney istorii*. 1(6). pp. 290-304.

Mitsyuk, O. (2003) *Narisi z sotsial'no-gospodars'koï istorii b[uvshoi] Ugors'koï nini Pidkarpats'koï Rusi* [Essays on the socio-economic history of the former Hungarian Carpathian Rus]. Vol. 1. Uzhgorod: Zakarpattya.

Motsya, A.P. (1990) *Pogrebal'nye pamyatniki yuzhnorusskikh zemel' IX–XIII vv.* [Funerary monuments of the southern Russian lands in the 9th–13th centuries]. Kiev: Naukova dumka.

Myrshanu, D.G. (2005) *Vul'fila* [Wulfila]. In: Alexy II (Patriarch of Moscow and All Russia). (ed.) *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 10: Vtorozakonie – Georgiy* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 10: Deuteronomy – George]. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.

Nazarenko, A.V. (1978) O “Russkoy marke” v srednevekovoy Vengrii [On the “Russian Brand” in medieval Hungary]. In: Pashuto, V.T. & Mel'nikova, E.A. (eds) *Vostochnaya Evropa v drevnosti i Srednevekov'e* [Eastern Europe in Ancient Times and the Middle Ages]. Moscow: Nauka.

Nazarenko, A.V. (1993) *Nemetskie latinoyazychnye istochniki IX–XI vekov* [Latin-German sources of the 9th – 11th centuries]. Moscow: Nauka.

Nazarenko, A.V. (2001) *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey*

IX–XII vv. [Ancient Russia on international routes: Interdisciplinary essays of cultural, trade, political ties of the 9th – 12th centuries]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Niederle, L. (2001) *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquity]. 2nd ed. Moscow: Aleteyya.

Dyakonov, I.V. (ed.) *Nemetskie annaly i khroniki X–XI stoletiy* [German annals and chronicles of the 10th–11th centuries]. Moscow: Russian Foundation for Education and Science.

Nikitina, G.F. (1996) *Mogil'niki chernyakhovskoy kul'tury v Severnoy Bukovine i Bessarabii* [Chernyakhov culture cemeteries in Northern Bukovina and Bessarabia]. Moscow: Nauka.

Ogienko, I.I. (1942) *Ukrains'ka tserkva: U 2 t.* [The Ukrainian Church. In 2 vols]. Vol. 1. Praga: Vidavnistvo Yuriya Tishchenka.

Pap, o. Stepan. (2001) *Istoriya Zakarpattya: V 3 t.* [The history of Transcarpathia. In 3 vols]. Vol. 1. Ivano-Frankiv'sk: Nova Zorya.

Pashuto, V.T. (1968) *Vneshnyaya politika Drevney Rusi* [The foreign policy of ancient Russia]. Moscow: Nauka.

Pivovarov, S.V. (2001) *Khristiyans'ki starozhitnosti u mezhirichchi Verkh'n'ogo Prutu ta Seredn'ogo Dnistra* [Christian antiquities in the area between the Upper Prut and Middle Dniester]. Chernivtsi: Zelena Bukovina.

Pigulevskaya, N.V. (1941) *Siriyskie istochniki po istorii narodov SSSR* [Syrian sources on the history of the USSR]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences.

Pop, D.I. (2009) Nachalo khristiyанизatsii Podkarpats'koї Rusi i misionery-ugrorusiny v Kiev's'kyv Rusi [Beginning of Christianization of Transcarpathian Rus and Rusinian missionaries in Kievan Rus]. *Rusin.* 4 (18). pp. 15–22.

Khoynatskiy, A.F. (1897) *Pochaevskaya Uspenskaya lavra. Istoricheskoe opisanie (s pril. do-kumentov)* [The Dormition Pochayiv Lavra. The historical description (with documents)]. Pochaev: Pochayiv Lavra Publ.

Procopius from Caesarea. (1950) *Voyna s gotami* [The war with the Goths]. Moscow: USSR AS.

Pronin, V. (2005) *Istoriya pravoslavnoy tserkvi na Zakarpat'e* [History of the Orthodox Church in the Transcarpathia]. Kiev: Philokalia, St. Nicholas Monastery Mukachevo.

Ivanov, S.A. & Florya, B.N. (2000) Prostrannoe zhitie Klimenta Okhridskogo [A lengthy life of Kliment Ohridski]. In: Florya, B.N., Turilov, A.A., Ivanov, S.A. *Sud'by kirillo-mefodievskoy traditsii posle Kirilla i Mefodiya* [The fate of Cyril and Methodius tradition after Cyril and Methodius]. St. Petersburg: Aleteyya.

Karsky, I.F. (ed.) (1962) *Lavrent'evskaya letopis' po Suzdal'skomu i Akademicheskomu spisku* [Laurentian Chronicle of Suzdal and Academic Lists]. In: *The Complete Collection of Russian Chronicles*. Moscow: Vostochnaya literatura.

Ipat'evskaya letopis' [Hypation Codex]. In: *The Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov.

USSR AS. (1950) *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [First Novgorod Chronicle]. In: *The Complete Collection of Russian Chronicles*. Moscow; Leningrad: USSR AS.

USSR AS. (1925) *Sofiyskaya pervaya letopis'* [Sofia First Chronicle]. In: *The Complete Collection of Russian Chronicles*. Leningrad: RAS.

The Complete Collection of Russian Chronicles. (1856) *Letopis' po Voskresenskomu spisku* [Chronicles by Resurrection List]. In: *The Complete Collection of Russian Chronicles*. St. Petersburg: Eduard Prats.

The Complete Collection of Russian Chronicles. (1862) *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu? ili Nikonovskoyu letopis'yu* [The Chronicles called Patriarchal? or Nikonian Codex]. In: *The Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. 9. St. Petersburg: Eduard Prats.

Rapov, O.M. (1988) *Russkaya tserkov' v IX – pervoy treti XII v. Prinyatie khristianstva* [Russian church in the 9th – early 12th centuries. The adoption of Christianity]. Moscow: Vysshaya shkola.

Rafalovich, I.A. (1975) *K voprosu o stepeni vliyaniya Vizantii na material'nuyu kul'turu naseleniya Karpato-Dnestrovskikh zemel' v VI–IX vv.* [On the degree of influence of Byzantium on a material culture of the population of the Carpathian-Dniester lands in the 6th – 9th centuries]. In: Grosul, Ya.S. (ed.) *Karpato-Dunayskie zemli v Srednie veka* [Carpathian-Danubian lands in the Middle Ages]. Kishinev: Shtiintsa.

Rikman, E.A. (1975) *Etnicheskaya istoriya naseleniya Podnestrov'ya i prilgayushchego Podunav'ya v pervykh vekakh nashey ery* [Ethnic history of the population of the Dniester and the adjacent Danube region in the first centuries of our era]. Moscow: Nauka, 1975.

Robinson, A.N. (1984) *U istokov slavyanskoy pis'mennosti* [At the root of Slavic Literature]. In: *Istoriya vsemirnoy literatury: V 8 t.* [The history of the world literature. In 8 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 373–377.

Rybakov, B.A. (1939) *Anty i Kievskaya Rus'* [The Antes and Kievan Rus]. *Vestnik drevney istorii*. 1(6). pp. 319–337.

Rybakov, B.A. (1943) *Rannaya kul'tura vostochnykh slavyan* [The early culture of the eastern Slavs]. *Istoricheskiy zhurnal*. 11–12 (123–124). pp. 73–80.

Saxon Annales. (1912) *Khronika. 741–1139* [Saxon Annales. Chronicle. 741–1139]. Translated from Latin by I.V. D'yakonov. Moscow: SPSL – Russkaya panorama.

Litavrin, G.G. (1994) *Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh* [The Code of the oldest written notices about the Slavs]. Vol. I (1st–6th centuries). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura.

Solov'ev, S.M. (1988) *Sochineniya: V 18 kn.* [Works. In 18 vols]. Moscow: Mysl'.

Sulyak, S.G. (2004) *Oskolki Svyatoy Rusi. Ocherki etnicheskoy istorii rusnakov Moldavii* [Shards of Holy Russia. Essays on the history of ethnic Rusnak of Moldova]. Chisinau: Tat'yana.

Sulyak, S.G. (2014) "Who are tolvoviny": in regard to the economic structure of the Old Russian population in the Carpatho-Dniestrovian Lands. *Rusin.* 2 (36). pp. 55-75.

Sulyak, S.G. (2014a) The ancestors of the Ruthenian and nomads: issues of ethno-cultural interaction. *Rusin.* 4 (38). pp. 152-176.

Symonovich, E.A. (1964) Ornamentatsiya chernyakhovskoy keramiki [Ornamentation of the Cherniakhov ceramics]. In: Rybakov, B.A. & Symonovich, E.A. (eds) *Drevnosti epokhi slozheniya vostochnogo slavyanstva* [Antiquities of the Eastern Slavs formation epoch]. Moscow: Nauka.

Tatishchev, V.P. (2005) *Istoriya Rossiyskaya: V 3 t.* [The Russian History. In 3 vols]. Vol. 2. Moscow: AST: Ermak.

Takhiaos, A.-E.N. (2005) *Svyatyte brat'ya Kirill i Mefodiy, prosvetiteli slavyan* [The holy brothers Cyril and Methodius, enlighteners of the Slavs.]. Moscow: Sergiev Posad.

Timoshchuk, B.O. (1982) *Davn'orus'ka Bukovina (X – persha polovina XIV st.)* [Ancient Bukovina (the 10th – early 14th centuries)]. Kiiiv: Naukova dumka.

Tikhonova, M.A. (1960) Laskovskiy klad [The Laskowski treasure]. *Sovetskaya arkheologiya.* 1. pp. 196-204.

Tot, I. (1986) Maloizvestnyy latinskiy istochnik o deyatel'nosti uchenikov Mefodiya v Vengrii v nachale XI veka [The little-known Latin sources on the activities of Mefodiy's students in Hungary in the early 11th century]. *Kirilo-Metodievski studii.* 3. pp. 48-54.

Uspenskiy, F.I. (2002) *Istoriya Vizantiyskoy imperii* [The History of the Byzantine Empire]. Vol. 4. Moscow: Astrel'; AST.

Fedorov, G.B. (1958) O dvukh obryadakh pogrebeniya v chernyakhovskoy kul'ture (Po pamyatnikam Moldavii) [About two burial rites in Chernyakhov culture (The monuments of Moldova)]. *Sovetskaya arkheologiya.* 3. pp. 234-243.

Filin, F.P. (1962) *Obrazovanie yazyka vostochnykh slavyan* [The formation of the Eastern Slavs language]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Thomas of Split. (1997) *Istoriya arkhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Archbishops of Split]. Moscow: Indrik.

Friese, Kh.F. (1895) *Istoriya pol'skoy tserkvi ot nachala khristianstva v Pol'she do nashikh vremen* [The history of the Polish Church from the beginning of Christianity in Poland before our times]. Translated from German M.P. Ustimovich. Vol. 1. Warsaw: Warsaw Orthodox Holy Trinity Brotherhood.

The Complete Collection of Russian Chronicles. (1914) *Khronograf Zapadno-russkoy redaktsii* [Chronograph of the West Russian edition]. Vol. 22. Petrograd: M.A. Aleksandrov.

Tsvetkov, S.E. (2012) *Epokha edinstva Drevney Rusi. Ot Vladimira Svyatogo do Yaroslava Mudrogo* [The era of unity of Ancient Russia. From Saint Vladimir to Yaroslav the Wise]. Moscow: Tsentrpoligraf.

Tsukhlev. (1910) *Istoriya na B'lgarskata ts'rkva* [The History of Bulgarian Church]. Vol. 1: 864–1186. Sofiya: Pechatitsa Sv. Sofii.

Shakhmatov, A.A. (1916) *Vvedenie v kurs istorii russkogo yazyka* [Introduction to the history of the Russian language]. Part 1. Petrograd: Nauchnoe delo.

Shakhmatov, A.A. (2014) *Zhitiya knyazya Vladimira. Tekstologicheskoe issledovanie drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vv.* [The Life of Prince Vladimir. Textual research of ancient sources of the 11th–16th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Shusharin, V.P. (1997) *Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya* [The early stage of the history of ethnic Hungarians. Problems of ethnic identity]. Moscow: ROSSPEN.

Shchhaveleva, N.I. (1976) *Poslanie episkopa Krakovskogo Matveya Bernardu Klervoskomu ob "obrashchenii russkikh"* [A message from the Krakow Bishop Matthew to Bernard Clairwax about the "baptization of Russians"]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya* [Ancient states in the territory of the USSR. Materials and research]. Moscow: Nauka.

Shchhavelev, N.I. (1990) *Pol'skie latinoyazychnye srednevekovye istochniki* [Latin-Polish medieval sources]. Moscow: Nauka.

Yurasov, M.K. (2005) *Novye dannye o kreshchenii predkov rusinov Mefodiem ili ego uchenikami* [New evidence of the baptism of ancestral Ruthenian by Methodius or his disciples]. *Rusin.* 2. pp. 46-54.

Yurasov, M.K. (2007) *Vliyanie poiskov vengrami novoy rodiny na osvoenie slavyanami mezhdurech'ya Dnestra i Pruta* [Influence of the Hungarians' searches for new homeland on the developmeof the territory between the Dniester and the Prut by the Slavs]. *Rusin.* 2 (8). pp. 20-25.

Yurasov, M.K. (2008) *Zakarpat'e. V v. – 1526 g.* [Transcarpathia. The 5th century – 1526]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 19. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya.

Yurasov, M. (2012) *Dobryanskiy kak istorik* [Dobriansky as a historian]. *Rusin.* 3 (29). pp. 78-90.

Yurasov, M.K. & Matuzova, V.I. (2013) "Deyaniya vengrov" magistra P., kotorogo nazyvayut Anonimom (Prodolzhenie) ["The Deeds of the Hungarians" by Master P., called Anonym (Continued)]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 1(13). pp. 68-104.

Adémar de Chabannes. (1897) *Chronique.* III 37. Paris: Alphonse Picard et fils.

Aeneas Silvius Piccolomini. (2005) *Historia Bohemica. Bd. 1: Historisch-kritische Ausgabe des lateinischen* [Historia Bohemica. Book 1: Historical-Critical Edition of the Latin]. Köln: Böhlau Verl. B GmbH & Cie.

Marczali, H. (ed.) (1901) *A magyar történet kútfoinek kézikönyve. A Magyar Kir. Vallásés közoktatásügyi miniszter megbízásából Angyal Dávid és Mika Sándor*

közreműködésével szerk [The Hungarian history of mental resources handbook]. Budapest.

Jonnicio Basilovits, R.P. (1799) *Brevis Notitia Foundationis Theodori Koriathovits Olim Ducis De Munkacs, Pro Religiosis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, In Monte Csernek Ad Munkacs, Anno MCCCLX. Factae. Exhibens Seriem Episcoporum Graeco Catholicorum Munkacsiensium, cum praecipuis eorundem aliorumque Illustrium Virorum Gestis, è variis Diplomatus, Decretisque Regiis, ac aliis Documentis authenticis potissimum concinnatam*. Pars. Prima. Cassoviae, Ex Typographia Ellingeriana.

Ioannis Malalae. (1831) *Ioannis Malalae chronographia. Accedunt Chilmeadi Hodiique annotationes et Ric. Bentleii epistola ad Io. Millium*. In: *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonnae: Ed. Weberi.

Fejér, G. (1829) *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*. Vol. 2. Budae.

Friedrich, G. (ed.) (1904–1907) *Codex diplomaticus et epistolaris regni Bohemiae*. Vol. I: 805–1197. Prague.

Haenel, G. (ed.) (1844) *Corpus iuris Romani anteiustiniani*. Fasc. VI. In: *Novellae Constitutiones Imperatorum Theodosii II, Valentiniani III., Maximi, Maioriani, Severi, Anthemii. XVIII constitutions, quas Jacobus Sirmondus [Jacques Sirmond] divulgavit / ad librorum manu scriptorum et editionum fidem recognovit et annotatione critica*. Bonnae: Marcus.

Kmietowicz, F. (1994) *Kiedy Kraków był "Trzecim Rzymem"* [When Krakow was the "Third Rome"]. Białystok: Orthdruk.

Łowmiański, H. (1973) *Początki Polski* [The beginnings of Poland]. Vol. 5. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.

Maciejowski, W. (1846) *Pierwotne dzieje Polski i Litwy* [The original Polish and Lithuanian history]. Warszawa: W drukarni Komissyi Rządowej Sprawiedliwosci.

Pertz, G.H. (ed.) (1839) *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (in Folio)* (SS). Vol. 3 [Annales, chronica et historiae aevi Saxonici]. Hannoverae Stuttgart.

Pertz, G.H. (ed.) (1854) *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (in Folio)* (SS). Vol. 11 [Historiae aevi Salici]. Hannoverae.

Bielowski, A. (1864) *Monumenta Poloniae Historica* [Poloniae historical monuments]. Vol. 1. Lviv: Nakładem własnym.

Rački, Fr. (1894) *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium. Thomas Archidiaconus: Historia Salonitana*. Vol. 26. Zagrabiae: in taberna libraria eiusdem Societatis Typographicae.

Endlicher, S.L. (ed.) (1849) *Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana*. Sangalli: Scheitlin & Zollikofer.

Jireček, J. (1877) *Rýmovaná Kronika česká tak řečeného Dalimila*. Prague: Nakadem. Matice české.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор международного исторического журнала «Русин», президент Общественной ассоциации «Русь» (Республика Молдова).

Sulyak Sergey – Tomsk State University (Russia), Association "Rus'" (Moldova).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

УДК 94(470.4)(821.163.1)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/20

БОЛГАРСКОЕ КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ X – НАЧАЛА XI в. В ДРЕВНЕЙ РУСИ: СОСТАВ И ИЗМЕРЕНИЯ

Д.И. Польшанский

Ивановский государственный университет

Россия, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39

E-mail: dipol53@mail.ru

SPIN-код: 1018-8802

Авторское резюме

Как традиционные, так и современные подходы к изучению культурных связей Болгарии X – начала XI в. с современной ей Древней Русью замыкаются на нескольких темах: перемещениях отдельных людей и культурных объектов, создании, переписывании и редактировании отдельных текстов, восприятии и интерпретации отдельных идей и т. д. Крайняя скудость источников ведет к формулированию гипотез в виде догадок, которые трудно как подтвердить, так и опровергнуть. В то же время растущий массив археографических и текстологических открытий в рамках древнейшего пласта письменных свидетельств эпохи формирования общей культурной среды православных славянских народов – *Slavia Orthodoxa* – может, на наш взгляд, проецироваться на более сложное представление о христианской культуре Болгарии этого периода как многомерной целостности, включавшей устную и письменную словесность и опиравшейся на многоуровневое и многоканальное сетевое взаимодействие светских и церковных институтов, монастырских центров и монарших дворов и т. д. В статье приводятся отдельные примеры «измерений» христианской культуры средневековой Болгарии X – начала XI в. и Древней Руси в контексте формировавшейся в это время культурной среды, известной как *Slavia Orthodoxa*.

Ключевые слова: Болгария в X – начале XI в., принятие христианства, христианизация, Преслав, Охрид, Киев, рукописи, книги, библиотека.

BULGARIAN LITERARY HERITAGE OF THE 10TH AND EARLY 11TH-CENTURIES IN OLD RUS': CONTENT AND DIMENSIONS

D.I. Polyvyannyy

Ivanovo State University
39 Ermaka Str., Ivanovo, 1530235, Russia
E-mail: dipol53@mail.ru

Abstract

Both traditional and modern approaches to the cultural links between Bulgaria and Rus' in the 10th and early 11th centuries tend to privilege certain topics, such as movements of particular people and cultural objects; the creation, copying and editing of particular texts; or the adoption and interpretation of ideas. The lack of sufficient sources has often encouraged both historians and philologists to rely on hypotheses that look more like guesswork. However, the body of archeographical and textological studies has increased considerably, with special emphasis on the earliest layer of the written evidence dating back to the period during which a common cultural milieu of the Orthodox Slavs – *the Slavia Orthodoxa* – was taking shape. The results of those studies reveal a much more complicated role of the Christian culture of Bulgaria, in both oral and written form. They also highlight the multiplicity of levels and channels through which secular and church institutions interacted—monastic centers, princely courts etc. The present article discusses some examples of particular “dimensions” of the Christian culture of 10th – to early 11th-century Bulgaria in the context of the concomitant rise of the cultural milieu known as *Slavia Orthodoxa*.

Keywords: Bulgaria in the 10th and early 11th centuries, adoption of Christianity, Christianization, Preslav, Ochrid, Kiev, manuscripts, books, library.

Первые десятилетия христианской истории Древней Руси (988–1015) в княжение Владимира Святославича одновременны падению Болгарского царства, завоеванного и развенчанного Иоанном I Цимисхием (969–976) и упраздненного в 1018 г. Василием II (976–1025). Эти события объединяет деятельное и непосредственное участие Византии, которая в разных долях использовала в отношениях со славянами военную мощь и цивилизационную привлекательность «вселенского царства Христа». На рубеже X–XI вв. византийско-славянская общность, в которую вошли и Болгария, и Русь, сочетала

иерархические и сетевые черты. Иерархия обеспечивалась властью василевса ромеев и каноническим авторитетом вселенского патриарха, а сетевое взаимодействие поддерживалось конфессионально-культурными контактами разных уровней на огромном пространстве – от Синая до Новгорода и от Среднего Дуная до верховьев Волги. Содержание этих контактов составляли распространение служебных, канонических, четых текстов на греческом и славянском языках; перемещение святынь – мощей святых, икон, церковной утвари и шитья; странствия людей, прежде всего духовенства – епископов и монахов (Shepard 2006: 3–7).

В первые века по крещении важнейшую роль в формировании древнерусского христианства сыграло книжное наследие древней Болгарии. Как считал Д.С. Лихачев, оно было «трансплантировано» восточным славянам с официальным принятием христианства, а болгарская литература выступила «посредницей» между Русью и Византией (Лихачёв 1973: 23–44). Р. Пиккио дополнил эту характеристику положением о «литературе-парадигме», имея в виду роль древнеболгарского книжного наследия для южных и восточных славян как собрания языковых, идейных и формальных образцов (Пиккио 1993: 137–170). С некоторыми уточнениями роль болгарской книжности в формировании христианской культуры Древней Руси признается большинством исследователей. Так, А.А. Турилов подчеркивает, что речь идет о «восточноболгарском – преславском варианте болгарской культурной традиции» (Христианство 2002: 452–454). Ф. Томсон, признавая роль болгарской книжности в становлении христианской литературы на Руси, ниспровергал любые попытки выдвижения гипотез, не обоснованных материалом источников, и называл конкретные механизмы влияния «загадкой» (Thomson 1988/1989: 214–261).

Действительно, пока большинство конкретных вопросов, обращенных к обстоятельствам болгарского влияния на древнерусское христианство, или получают взаимоисключающие ответы, или остаются без ответов вообще. К этим вопросам относятся участие в крещении Руси болгарского духовенства; имена и личности участников событий; пути и способы перенесения на Русь болгарского книжного наследия и пр. В научной литературе время от времени возрождаются версии прямых болгарско-русских связей и реконструкции их якобы исчезнувших или намеренно уничтоженных письменных свидетельств (Калоянов 2013: 112–218). Оформившееся в культурном противостоянии Болгарии и Византии X – начала XI в. наследие «Преславской цивилизации» представляется вызовом остальным южным и восточным славянам, запоздавшим с принятием христианства (Божилев 1996: 95–144). Если в научной литературе второй

половины прошлого века то и дело появлялся образ «славянского брата», любовно переписывающего в Преславе переводы греческих книг для далекой Руси, то сейчас его сменяет шарж на древнерусского книжника, занятого «сдиранием болгарских памятей с пергаменов православия» (Калоянов 2007: 215–217).

В данной работе мы ставим перед собой задачу показать на нескольких примерах многомерность взаимодействия наследия Болгарского царства и культуры ранней Древней Руси, оставляя конкретные предположения о балканских истоках древнерусской культуры фоном приводимых примеров без их прямой критики или поддержки. К такому способу включиться в давно идущую дискуссию автора побуждает существенно ограничивающая валидность заключений и выводов скудость источников.

Среди важнейших измерений средневековой болгарской культуры, значимых для ее воздействия на древнерусское христианство, для целей данной работы отметим три. Это общebolгарские и региональные черты болгарской книжности к концу X в.; общие характеристики и различия столичной и провинциальной культуры Болгарии X – начала XI в.; общность и различия культурного облика трех поколений болгар – от новообращенных до их внуков и правнуков; и особенности общественно-политической ситуации в Болгарии во время формирования перешедшего на Русь книжного наследия. После завоевания Болгарии Византией в Киев попал итоговый, по выражению А.А. Турилова, «постумный» срез болгарского книжного наследия (Христианство 2002: 401), сохранивший лишь часть книг и текстов «золотого века». Культурная среда ушедшего в прошлое Болгарского царства, память о котором в древнерусской книжности сводилась к нескольким кратким свидетельствам, заимствованным из византийских хроник, существенно отличалась от Руси первых столетий христианства и была асинхронна ей на фоне современной ей Византии.

Так, в ходе христианизации Болгарии в конце IX – начале X в. обозначились различия в письменности, языке и содержании славянской книжности, создававшейся в восточной части страны и в Македонии. Деятельность первого поколения учеников св. Константина (Кирилла) и Мефодия, прежде всего, Наума и Климента, работавших преимущественно на западе страны, была сосредоточена на создании написанных глаголицей литургических текстов. В Плиске и Преславе в правление Симеона (894–927) был сделан акцент на создании кириллических четых книг. На западе глаголица преобладала до самого падения Болгарского царства в 1018 г., в то время как на востоке к 960-м гг. утвердилась кириллица. Разногласия вызывает

вопрос о возможности и месте транслитерации глаголических книг, которое одни ученые (Т. Славова, С. Темчин) связывают с «преложением книг» в Преславе середины – второй половины X в., а другие (А.А. Турилов) – с длительным переписыванием кириллических текстов с глаголических оригиналов в древнерусских землях и центрах византийско-славянских контактов XI–XII вв. (Христианство 2002: 421–423). На наш взгляд, учет различий в уровнях и измерениях культуры позволяет сосуществовать обеим версиям, объясняя разные аспекты и варианты форм культурного взаимодействия.

У большинства ученых не вызывает возражений гипотеза о единовременном перенесении в Киев обширного книжного собрания из болгарского Преслава, хотя предлагаемые датировки этого события указывают то на время походов Святослава (969), то на женитьбу князя Владимира на византийской принцессе Анне (988), то на приход в Киев священнослужителей из подчиненной Василием II Болгарии (после 1018 г.). Предположения относительно состава так называемой Преславской царской библиотеки и ее судьбы после перенесения в Киев можно свести к следующим положениям:

– в Киев в конце X или в начале XI в. при непосредственном участии византийских светских и церковных властей было перемещено собрание славянских книг преславского происхождения, которое включало богослужебные и четьи рукописи, принадлежавшие болгарским государям;

– древнерусские списки с рукописей этого собрания изготавливались в XI – начале XIII в. по мере возникновения потребностей в тех или иных текстах или книгах, связанных с утверждением государственных и церковных институтов;

– значительная часть преславской библиотеки как цельное собрание была перенесена во второй половине XII в. из Киева в Ростов, где ее застало монгольское нашествие (Гагова 2010: 44–79).

В то же время ограничивать этой «виртуальной» библиотекой весь комплекс древнерусских книг XI–XIII вв., отчетливо восходящих к древнеболгарским прототипам, нет оснований. Разными авторами выделено более трех десятков таких рукописей, не считая двенадцатитомного собрания миней (Федер 2005: 416–417). Прежде всего заслуживает внимания наличие в этом комплексе нескольких парадных иллюминированных кодексов. О них можно судить по Остромирову евангелию 1057 г. (РНБ. Ф.п.1.5) и Учительному евангелию (ГИМ. Синод. 262), воспроизведенным с болгарских прототипов вместе с ктиторскими миниатюрами. Обладание роскошными списками Слова Божия было прерогативой земных государей, визуализировавшей их сакральный прототип – Христа, а их перемещение в Киев, которое не

могло произойти без участия светских и духовных властей «Второго Рима», означало признание Руси частью христианского сообщества государств и народов.

В Преславе такие рукописи можно представить среди прочих чудес болгарской столицы в известном описании «Шестоднева» Иоанна Экзарха, перевод которого из «Точного изложения Православной веры» Иоанна Дамаскина также был представлен в собрании иллюминированной рукописью, где могло иметься ктиторское изображение (ГИМ. Синод. 262): «Я же не умею достойно описать красоту ту и чин. Только тот из вас, кто увидит это телесными очами и постигнет бесплотным умом, сможет восхититься истово...» (Родник 1990: 48).

Уникальные своим статусом, такие книги в Болгарии скорее всего находились в столице и не копировались, но на Руси с ее полицентричностью практика изготовления списков для столиц княжеских уделов известна со времен Ярославичей. С ней связаны два списка Евангелия – Остромирово, изготовленное для новгородского храма Св. Софии в 1057 г., и Мстиславово, также направленное в Новгород в начале XII в. (ГИМ, Синод., 203). Листы из Киевского евангелия, прототип которого мог быть создан в Преславе при царе Петре, как полагают, сохранились в составе конволюта, известного как Молитвенник Гертруды (Италия, Национальный музей г. Чивидале, Cod. CXXXVI).

Часть востребованных на Руси рукописей была связана с интересами высшей светской и церковной власти государства, вступавшего в византийское сообщество. Среди них можно назвать «Изборник» 1073 г. (ГИМ, Синод., 1034), посвящение которого Симеону было переадресовано киевскому князю Святославу Ярославичу (1073–1076); «Княжий изборник», реконструируемый У. Федером и Д. Булановым по «Изборнику» 1076 г., также изготовленному для Святослава (ГПБ, Эрмитажное собрание, 20); древнейший список «Пандект» Антиоха (ГИМ, Воскр. 30); «Златоструй» с Прилогом, сохранившим первоначальное сведение о личном участии Симеона в составлении сборника (старшие списки XV в., напр. ГИМ. Чуд. № 214) (Федер 2005: 407–419). Посвящения и похвалы в русских списках болгарских рукописей были переадресованы потомкам Владимира и Ярослава. Для киевского монаршего семейства и двора мог быть переписан и так называемый Ипполитов сборник (ГИМ. Чуд. 12) с ктиторской миниатюрой, а также протограф так называемого Болгарского хронографа, части которого исследователи видят в «Архивском хронографе» (ЦГАДА. № 279/658) (Горина 2005: 27–31).

Появление не позднее начала XI в. на Руси «преславского собрания», в каком виде и при каких обстоятельствах оно бы ни произошло,

имело исключительное значение для создания начального состава древнерусской книжности. Однако в силу различий между государственным устройством Болгарии, отчетливо сконцентрированной вокруг столицы, и Древней Руси, вскоре по крещении превратившейся в конфедерацию самостоятельных княжеств-уделов во главе с великим князем, режим ее функционирования на Руси существенно отличался от болгарского. Копии дворцовых рукописей могли быть «переадресованы» князьям, получавшим в уделы крупные города – центры епископий, или направлены могущественному главе новгородского самоуправления (Остромирово евангелие).

В комплексе болгарских книг, списки которых обращались на Руси в XI–XII вв., присутствовали рукописи, вышедшие из восточно- и западноболгарского культурных ареалов и отражавшие не только разные нормы письменности и языка, но и культурные различия столицы Преслава и западных провинций Болгарского царства. Политическое возвышение болгарского запада произошло на фоне упадка Восточной Болгарии после завоевания Преслава в 971 г., однако возвращение восточных областей в состав державы Самуила не привело ни к восстановлению прежнего центра государства на востоке, ни к возвышению сопоставимого с Преславом по значению и полномочиям центра на западе.

Если книжная продукция Преслава была тесно связана с центральными институтами государства и церкви, то на западе образованные при Симеоне в Македонии «епископии славянского языка» делили каноническую территорию с византийскими и состязались с ними во влиянии на уже христианизированное славянское и албанское население (Пентковский и др. 2014: 12–14). Велика, Охрид, Девол и другие центры западных болгарских земель вплоть до приморской Главиницы составляли нацеленный на выход к адриатическому побережью культурный фронт Болгарского государства и его церкви, особенно активный в начале X в. и сохранявший инерцию после смерти Наума (+910) и Климента (+916). Подготовленная в западноболгарских землях почва наряду с перемещением сюда при Самуиле кафедры патриарха Болгарской церкви послужила основой создания после 1018 г. Болгарской (Охридской) архиепископии с ее уникальной греко-болгарской культурной традицией (Флоря и др. 2000: 76–162). Однако на Руси этот духовный заряд не был востребован в полной мере, и западноболгарская книжность (возможно, транслитерированная в Преславе) стала источником преимущественно литургических текстов. Общая потребность Руси XI в. в славянских книгах, прежде всего богослужебных, составляла всего несколько тысяч рукописей, огромное количество которых принадлежало всего к нескольким

типам книг – служебные *Евангелие-апракос* и *Апостол*, *Псалтирь*, *Минеи*, *Триоди* и пр.

Отдельные прототипы таких книг, помимо упомянутых выше, могли быть в составе «преславской библиотеки» (краткий и полный апракос, четий и толковый *Апостол*, двенадцатитомное собрание миней и пр.). Однако такие рукописи могли попадать на Русь и через контакты болгарского, древнерусского и греческого духовенства в монастырях Синая, Константинополя, Афона и других центрах монашества в XI–XII вв.

Иными словами, помимо «централизованной диффузии» собрания кодексов и текстов, соответствовавшей структуре политического и церковного управления древнерусскими землями, формирование христианской книжности на Руси шло и по сетевому принципу. Уникальный памятник ранней славянско-византийской культуры – цикл чудес св. Георгия – представляет собой сделанную в начале X в. запись устных рассказов греческих и славянских (возможно, и грузинских «от Иверския страны») монахов о чудесах, сотворенных святым воином в разных частях православного мира (Болгария, византийское Причерноморье, Константинополь, Крит и Малая Азия) (Турилов 2010: 147–166). Состоящий из «вкладных повествований» памятник содержит ядро из семи записанных игуменом Петром в безымянном монастыре близ Никеи рассказов болгарина Георгия. Сам Георгий был рядовым воином, не входившим в княжеское окружение («сана не имел никоегоже, ни есмь жил, где князь живет»), которого уже в зрелом возрасте («егда мя крестиша, уже бех женат») «прозвал... поп в святем крещении» именем великомученика. Рассказчик выучился греческому языку «изусть» по Псалтыри у некоего монаха Софрония, обитавшего «у Всемера града» (Месемврии), после чего пришедший из города священник Савва совершил над ним постриг. Однажды в келье Софрония заночевали пятеро монахов, один из которых, Ефрем, был священником-греком, а остальные четверо – болгарами. По повелению Петра, прозревшего, что Ефрем скрывает некое известное ему чудо св. Георгия, тот поведал историю своего прихожанина болгарина Климента, происходившего из окрестностей Дристра (Доростола). Будучи знатным воином из окружения князя, Климент не только был спасен великомучеником от неминуемой смерти, но и удостоен пророчеством о победе Симеона над врагами и поучением о праведной жизни. После смерти Георгия рассказы были записаны со слов игумена Петра неким Феодулом и впоследствии переведены на славянский язык (Калоянов и др. 2007: 173–191).

Время перевода первоначальной записи (скорее всего, рассказ был записан по-гречески) неизвестно, а сами рассказы распростра-

нялись на Руси как в составе цикла (списки не ранее XVI в.), так и по отдельности, в списках древнерусского извода, старшие из которых относятся к XIV в. Однако для нашей темы важно не столько содержание повествований, сколько среда, в которой происходило общение, и его обстоятельства. Если Петр в сане архимандрита был игуменом большого монастыря неподалеку от Никеи, то келья Софрония даже не принадлежала какой-либо обители (священник Савва приходил в нее из Месемврии, когда в том была надобность). Тем не менее даже в таком малом коммуникационном узле сети восточноправославных монастырей, как показывает описанная выше ситуация, происходило интенсивное общение, результаты которого могли стать (и становились, как показывает пример «Сказания о железном кресте»), частью византийско-славянской книжности, имевшей хождение в Древней Руси. Вероятно, приоритетными в такого рода контактах были специфически монашеские книги, например Патерики (Синайский, Римский, Египетский, Скитский и пр.), известные в ранних древнерусских списках.

Два принципа формирования христианской книжности на Руси, показанные выше – централизованно-иерархический и сетевой, можно проиллюстрировать на материале еще одного раннего болгарского памятника – цикла проповедей пресвитера Козмы, известного по первой части заглавия как «Беседа против богомилов». Она была создана автором, известным только по этому произведению, определено позднее царствования Петра, о котором в тексте говорится как о прошедшем времени. «Беседа» завершается призывом следовать примеру «Иоанна Прозвитера Новаго, его же и от вас самех мнози знают, бывшего пастуха и ексарха иже в земли Болгарстей, и не глаголите не можеть так быти в си лета» (Бегунов 1973: 392). Как считают большинство исследователей, речь здесь идет об Иоанне Экзархе, и Козма сравнивает свое время с началом славянской книжности в Болгарии, утверждая неизбежность церковных институтов и христианской морали вне зависимости от политических изменений и «ратных бед».

Обращают на себя внимание отличие представлений Козмы о духовенстве, монашестве и его общественной роли от персонажей «Сказания о железном кресте». Дружинник Георгий стал монахом, раздав свое имущество бедным, а воин Климент ежегодно приглашал на пиры «от чина церковного попов и черноризцев», лично прислуживая им. (Как утверждал Иаков Мних, устройством таких пиров занимался и князь Владимир, хотя это указание может быть топосом, встречающимся, например, в «Житии Алексия Человека Божьего».) Козма же пишет о бедняках, стремящихся уйти в монастырь, чтобы

не заботиться о семье, о растленных монахах, которые уходят из монастырей, убегая от «чернеческих трудов» и «сквозь грады мнутся, втуне ядуще чюжь хлеб», проводя свои дни, «назирающе, где пиры бывают». Эта тематика, ставшая актуальной для третьего-четвертого поколений болгарских христиан, видимо, и в Древней Руси могла быть востребована на подобном уровне восприятия христианской морали.

Одной из первых из трактата Козмы на Руси была востребована глава «О пользе книг» (в оригинале «О богатых»). Козма свидетельствует, что в его время в Болгарии существовали библиотеки, включавшие полные тексты Ветхого и Нового Завета («Ты бо богат еси, имея вся исполнь Ветхий и Новый Завет»), а духовенство вело диспуты, в которых стороны могли стремиться к победе над соперниками с помощью большей начитанности в Писании и ссылок на его толкования («кънигы исполнены препреных словес»). Одна из таких книг – «Толкования св. Ипполита Римского на книгу пророка Даниила» – могла быть в составе первичного книжного собрания. В ранних древнерусских списках также известны «Толкования на Псалтирь», приписываемые св. Афанасию Александрийскому, «Толковая Псалтирь» Феодорита Киррского, «Толковые пророки» (Алексеев 1999: 159–171). Пафос проповеди Козмы, направленной на поощрение чтения и переписывания книг, в целом соответствовал культурной атмосфере первых столетий древнерусского христианства и мог способствовать ее дальнейшему формированию.

Приведенные выше примеры, разумеется, далеко не исчерпывают даже незначительную часть вопросов, возникающих при попытке дать общую оценку роли культурного наследия Первого Болгарского царства в формировании древнейшего пласта христианской книжности Древней Руси, однако дальнейшее развитие исследований в этом направлении способно интегрировать в общую концепцию многомерного взаимодействия книжного наследия раннесредневековой Болгарии на формирование древнерусской христианской культуры многочисленные частные находки и выводы отечественных и зарубежных ученых, сделанные за последние полвека.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1999 - Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 256 с.

Бегунов 1973 - Бегунов Ю.К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София: Издательство на БАН, 1973. 559 с.

Божилев 1996 - Божилев И. Културата на средновековна България. София: Абагар Холдинг, 1996. 200 с.

Гагова 2010 - *Гагова Н.* Владетели и книги. Участието на южнославянския владетел в производството и употребата на книги през Средновековието (XI–XV вв.) и рецепцията на византийския модел. София: ПАМ Publishing Company, 2010. 338 с.

ГИМ. Синод. 262 - Государственный исторический музей. Синод. собр. № 262.

ГИМ. Синод. 203 - Государственный исторический музей. Синод. собр. № 203.

ГИМ. Синод. 1034 - Государственный исторический музей. Синод. собр. № 1034.

ГИМ. Чуд. 12 - Государственный исторический музей. Чуд. № 12.

Горина 2005 - *Горина Л.В.* Болгарский Хронограф и его судьба на Руси. София: ТАНГРА; ТанНаКра ИД, 2005. 240 с.

Калоянов и др. 2007 - *Калоянов А., Спасова М., Моллов Т.* Сказание за железния кръст и епохата на цар Симеон. Велико Търново: Университетско издателство, 2007. 224 с.

Калоянов 2007 - *Калоянов А.* Славянската православна цивилизация. Т. 1: Началото: 28 март 894 г., Плиска. Велико Търново, Фабер, 2007. 336 с.

Калоянов 2013 - *Калоянов А.* Славянската православна цивилизация. Т. 3: Неделник на българските патриарси и архиепископи. Велико Търново: Фабер, 2013. 278 с.

Лихачёв 1973 - *Лихачёв Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.

Пентковский и др. 2014 - *Пентковский А.М., Мучай С., Джуери С., Ристани И.* Средновековные церкви в долине Шушицы и славянская архиепископия Климента Охридского // *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 2014. № 1. P. 12–14.

Пиккио 1973 - *Пиккио Р.* Православното славянство и старобългарската културна традиция. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993. 724 с.

РНБ. Ф.п.1.5 – Российская национальная библиотека. Ф.п.1.5.

Родник 1990 - Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII вв. / Пер. И.И. Калиганов, Д.И. Польшанский. М.: Худ. лит., 1990. 528 с.

Турилов 2010 - *Турилов А.А.* Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья. М.: Знак, 2010. 476 с.

Федер 2005 - *Федер У.* Хиляда години като един ден. Животът на текстовете в православното славянство. София: Издателство на БАН, 2005. 464 с.

Флоря и др. 2000 - *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А.* Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб.: Алетейя, 2000. 324 с.

Христианство 2002 - Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М.: Языки славянской культуры, 2002. 476 с.

ЦГАДА. № 279/658 – Центральный государственный архив древних актов. Собр. Гос. архива МИД. № 279/658.

Shepard 2006 - *Shepard J.* The Byzantine Commonwealth 1000–1550 // Cambridge History of Christianity. Vol. 5. Eastern Christianity / Ed. M. Angold. Cambridge University Press, 2006. P. 3–52.

Thomson 1988/1989 - *Thomson F.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. Vol. 12/13. Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. P. 214–261.

REFERENCES

Alekseev, A.A. (1999) *Tekstologiya slavyanskoy Biblii* [The textology of the Slavonic Bible]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.

Begunov, Yu.K. (1973) *Kozma Presviter v slavyanskikh literaturakh* [Kozma Presviter in Slav literatures]. Sofia: BAS.

Bozhilov, I. (1996) *Kulturata na srednovekovna B'lgariya* [Culture of mediaeval Bulgaria]. Sofia: Abagar Kholding.

Gagova, N. (2010) *Vladeteli i knigi. Uchastieto na yuzhnoslavyanskiya vladetel v proizvodstvoto i upotrebata na knigi prez Srednovekoviето (XI–XV vv.) i retseptsiyata na vizantiyskiya model* [Princes and Books. The participation of South Slav Princes in the production and use of books during the Middle Ages]. Sofia: PAM Publishing Company.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 262.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 203.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 1034.

The State Historical Museum. (n.d.) Sinod. Coll. № 12.

Gorina, L.V. (2005) *Bolgarskiy Khronograf i ego sud'ba na Rusi* [The Bulgarian Chronograph and its fortune in Rus']. Sofia: TANGRA, TanNaKra ID.

Kaloyanov, A., Spasova, M. & Mollov, T. (2007) *Skazanie za zhelezniya kr'st i epokhata na tsar Simeon* [The Tale of Iron Cross and the époque of Tzar Symeon]. Veliko T'rnovo: University Publ.

Kaloyanov, A. (2007) *Slavyanskata pravoslavna tsivilizatsiya* [The Slav Orthodox civilization]. Vol. 1. Veliko T'rnovo: Faber.

Kaloyanov, A. (2013) *Slavyanskata pravoslavna tsivilizatsiya* [The Slav Orthodox civilization]. Vol. 3. Veliko T'rnovo: Faber.

Likhachev, D.S. (1973) *Razvitie russkoy literatury X–XVII vv. Epokhi i stili* [Development of Russian literature of 10th–17th cc.]. Leningrad: Nauka.

Pentkovskiy, A.M., Muchay, S., Dzhueri, S. & Ristani, I. (2014) Medieval Churches in Shushica Valley (South Albania) and the Slavonic Bishopric of St. Clement of Ohrid. *Slovene. International Journal of Slavic Studies*. 1. pp. 12–14.

Pikio, R. (1993) *Pravoslavnoto slavyanstvo i starob'lgarskata kulturna traditsiya* [The Orthodox Slavdom and the old Bulgarian culture]. Sofia: Sv. Kliment Ohridski.

RNB. (n.d.) *Rossiyskaya natsional'naya biblioteka* [Russian National Library]. F.n.I.5.

Kaliganov, I. & Polyvyanny, D. (eds). (1990) *Rodnik zlatostruynnyy. Pamyatniki bolgarskoy literatury IX–XVIII vv.* [The Source of Golden Strings. Monuments of Bulgarian literature of the 9th–18th centuries]. Translated by I.I. Kaliganov, D.I. Polyvyanny. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Turilov, A.A. (2010) *Slavia Cyrillomethodiana: Istochnikovedenie istorii i kul'tury yuzhnykh slavyan i Drevney Rusi. Mezhslyavnyeskie kul'turnye svyazi epokhi Srednevekov'ya* [Slavia Cyrillomethodiana. The study of sources of the South Slavs history and culture. Inter-Slavic cultural connections]. Moscow: Znak.

Feder, U. (2005) *Khilyada godini kato edin den. Zhivot't na tekstovete v pravoslavnoto slavyanstvo* [Thousand years as one day. The life of texts among the Orthodox Slavs]. Sofia: BAS.

Florya, B.N., Turilov, A.A. & Ivanov, S.A. (2000) *Sud'by Kirillo-Mefodievskoy traditsii posle Kirilla i Mefodiya* [The fortunes of the Cyrillo-Methodian tradition after Cyril and Method]. St. Petersburg: Aleteya.

Florya, B.N. (ed.). *Khristianstvo v stranakh Vostochnoy, Yugo-Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy na poroge vtorogo tysyacheletiya* [The Christianity in the states of Eastern, South-Eastern and Central Europe at the edge of the second millennium]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

The Central State Archive of Ancient Acts (TsGADA). № 279/658

Shepard, J. (2006) The Byzantine Commonwealth 1000–1550. In: Angold, M. (ed.) *Cambridge History of Christianity. Vol. 5. Eastern Christianity*. Cambridge University Press. pp. 3–52.

Thomson, F. (1988/1989) The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma. *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 12/13. Proceedings of the International Congress Commemorating the Millennium of Christianity in Rus'-Ukraine. pp. 214–261.

Полывянный Дмитрий Игоревич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Межвузовского центра гуманитарного образования Ивановского государственного университета.

Polyvyanny Dmitriy – Inter-University Center for Humanitarian Education at Ivanovo State University (Russia).

E-mail: dipol53@mail.ru

УДК 271.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/21

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР КАК НОВЫЙ КОНСТАНТИН

В.В. Василик

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: fvasilik@mail.ru

Scopus Author ID: 55094231000

Researcher ID: I-7437-2013,

<http://orcid.org/0000-0001-5040-9080>

SPIN-код: 5449-7056

Авторское резюме

В статье рассматривается образ св. равноапостольного князя Владимира как нового Константина в посвященных ему церковно-поэтических текстах. Образ св. равноапостольного Константина в силу значения его деятельности, направленной на благо церкви, и необычного характера его обращения был важен для средневекового христианского мира. Общими со св. равноапостольным императором Константином, с одной стороны, являются проповедь христианства и поддержка церкви, сердечный характер веры и отеческий характер власти. С другой стороны - и то, что и св. равноапостольный Константин, и св. Владимир являются родоначальниками благословенной династии, и существует параллель между храмом Апостолов в Константинополе и Десятинной церковью в Киеве. Причиной подобных связей является также идея священного учительства и апостольства, восходящая к образу ромейского автократора-священника. Образ св. равноапостольного Константина указывает также на связь с библейскими архетипами сакральной власти - царями Давидом и Соломоном.

Ключевые слова: царь, князь, власть, обращение, почитание, апостольство, учительство, миссия, церковь, архетип, образ, сакральность.

IMAGE OF ST. PRINCE VLADIMIR AS A NEW CONSTANTINE

V.V. Vasilik

Saint-Petersburg State University
7/9 University Nab., Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: fvasilik@mail.ru

Abstract

The author regards the image of St. equal to Apostles prince Vladimir as new Constantine in hymnographic dedicated to the baptizer of Russia. The image of St. Equal to Apostles emperor Constantine was very important for medieval Christian world both in virtue of significance of his activity for the benefit of Christianity and the Church and due to the unusual character of his conversion. Common features of St. prince Vladimir with St. Emperor Constantin are the preaching of Christianity and maintenance of the Church, a heartily character of their faith and paternal way of their power. From the other side both St. Constantine the Great and St. Prince Vladimir are founders of blessed dynasties and there is a parallel between the Temple of St. Apostles in Constantinople and Desiatinnaya Church in Kiev. The cause of such links is also an idea of sacred magisterium and apostolicity, which dates back to the image of the Byzantine Emperor Priest. The image of St. Constantine the Great also provides a link with king David and king Solomon, which are biblical archetypes of sacral power.

Keywords: emperor, prince, power, conversion, veneration, apostolicity, magisterium, mission, Church, archetype, image, sacredness.

Тысячелетие со дня преставления св. равноапостольного Владимира побуждает вновь заняться непростой историей его почитания, а равно его смыслами.

Креститель Руси почитался как новый Моисей, новый Давид и как новый Константин. Константин Великий был одной из знаковых фигур для средневекового мира в целом, поскольку благодаря ему империя покорилась Христу, а ее император стал крестоносным царем (см., например: Jones 1964; Jones 1978; Barnes 1982; Clauss 1996; Barnes 2011; Pohlsander 2004). Величие земное покоренное величию небесному, вера, мужество, разум законодателя – все эти черты св. равноапостольного императора Константина были дороги и значимы как для Pax Romana, так и для Pax Orthodoxa (Дагрон 2010). Однако применительно к св. равноапостольному князю Владимиру образ

св. равноапостольного царя Константина значим вдвойне, а именно общность судьбы. В отличие от князя Владимира, император Константин не был гонителем христиан, и тем не менее для римских граждан IV в. его обращение ко Христу было столь же удивительным, сколь для киевлян X в. удивителен был переворот в душе св. равноапостольного князя Владимира. Видение креста накануне битвы с Максенцием побудило Константина сделать его своим знаменем и поставить империю под знаменем Креста (Nicolson 2000).

Образ св. равноапостольного князя Владимира как нового Константина анализировали многие исследователи (Бадаланова, Плеханова 1993; Уортман 2004; Ранчин 2007; Бонаменте 2011; Чекова 2013: 83–84, 95; White 2013), однако лишь некоторые из них эпизодически обращались к посвященным ему гимнографическим текстам (Чекова 2013: 84).

Между тем богатство их содержания, символические типологические параллели делают их весьма привлекательными и перспективными для исследования.

История службы св. равноапостольному великому князю Владимиру весьма сложна.

Первоначальное научное издание службы сделано протоиереем Михаилом Славнитским (Славнитский 1888: 197–238). Всего Славнитский выявил три редакции службы, относящиеся к XIII, XV и XVI вв. Глубокое и разностороннее исследование стихирам службы св. князю Владимиру посвятила Н.С. Серегина (Серегина 1994: 67–72, 300–309). Наконец, Н.И. Милютенко приступила к комплексному исследованию служб св. равноапостольному князю Владимиру на новом уровне (Милютенко 2008).

Древнейший список служебной минеи, содержащей стихиры и канон св. князю Владимиру, датируется концом XIII – началом XIV в. Это рукопись Российской национальной библиотеки, Софийское собрание № 382. Л. 67–71 (Сводный каталог 1984: 354). Последнее издание текста первой редакции службы принадлежит Н.И. Милютенко (Милютенко 2008: 478–493). В целом исследователи насчитывают три редакции службы св. равноапостольному князю Владимиру (Милютенко 2008: 206–213).

В историографии существуют несколько точек зрения относительно времени создания службы. Если Н.К. Никольский считает службу памятником начала XII в. (Никольский 1906: 443), то Е.Е. Голубинский само начало почитания св. Владимира относит к 1240 г. и связывает с Новгородом и Невской битвой, происшедшей 15 июля, в день кончины св. равноапостольного князя Владимира (Голубинский 1904: 63–64). Ю.К. Бегунов предполагает еще более позднюю датировку –

строительство церкви Св. князя Владимира в Новгороде в 1311 г. (Бегунов 1965: 49).

Ключевым вопросом для датировки службы является рассмотрение свидетельства канона: «Придете вси снидетеса къ четьней церкви Володимера, нареченнаго Василиа, преблаженнаго великаго княза, оугодника Христова преславнаго». (Второй канон, 9-я песнь, 3-й тропарь, Милютенко 2008: 488). Среди исследователей до сих пор ведутся споры: считать ли эту церковь новгородским храмом Св. Владимира (1311 г.) или киевским в честь св. Василия, построенным самим св. Владимиром в 988 г., где могла совершаться его память (Серегина 1994: 69). На наш взгляд, проблема может быть решена методом широкого контекста. В гимнографических текстах службы мы не находим апелляции к новгородским реалиям. Напротив, многочисленны реминисценции, связанные с Киевом, который несколько раз именуется «материю всѣхъ градовъ» (Первый канон, 8-я песнь 1-й тропарь). Особенно характерно двукратное упоминание Десятинной церкви Успения Пресвятой Богородицы:

«да торжествуютъ весело память твою
сватолѣпно въ церкви Божіа Матере
богоизбранніи людіе,
юже любезно оукрасиль еси» (Первый канон, 9-я песнь, 2-й тропарь).

Этот тропарь подтверждает точку зрения А.В. Назаренко, согласно которой Десятинная церковь явилась одним из центров почитания св. князя Владимира (Назаренко 2001: 449). Этот тропарь является одновременно и основанием датировки данного канона *ante quem*. Он мог быть создан не позднее осени 1240 г. – времени взятия Киева монголами и разрушения Десятинной церкви. *Terminus post quem* – канонизация Бориса и Глеба, упоминаемых как святые, или перенесение их мощей (1051–1052 гг.): обратим внимание на первый канон, 5-ю песнь, 1-й тропарь: «принесль еси богоизрядный твой плод – Бориса славнаго и Глѣба благочестиваго» (Славнитский 1888: 250). Одна из наиболее вероятных датировок появления начальных богослужебных текстов – 90-е гг. XI в., эпоха половецких нашествий на Русь и неудач в борьбе со Степью, на которые может указывать прошение: «избави отъ сопротивныхъ погань твоє достоаніє» (икос).

На службу глубокое влияние оказали гимнографические тексты, посвященные св. равноапостольному царю Константину. Встречаются прямые параллели – стихира из службы св. равноапостольному князю Владимиру ороужие крѣпкое князю нашему даль еси, Господи, крестъ твой честный, почти целиком соответствующая стихире на «Господи воззвахъ» службы царю Константину, начало которой выглядит

в оригинале следующим образом: «ὄπλον κραταιότατον τῷ βασιλεῖ ἡμῶν δέδωκας, τὸν Σταυρὸν σου τὸν τίμιον» (Μηναῖα τοῦ Μαΐου 1993: 196). Другой параллелью является стихира «Даль еси Господи князю нашему...». Сравним ее со стихирой святому равноапостольному императору Константину: «ἔδωκας, Κύριε, τῷ βασιλεῖ ἡμῶν» (Μηναῖα τοῦ Μαΐου 1993: 196).

Св. равноапостольный Владимир постоянно сравнивается с императором Константином – ср. «второй ты был если Константинъ» (Первая стихира на «Господи, воззвах»). Это неслучайно, ибо св. равноапостольный Владимир «землю христианскую обновил крещением».

Образ царя Константина связан с тремя смысловыми линиями: во-первых, Константин получил наименование равноапостольного за легализацию Церкви и ее постоянную поддержку, Владимир – за Крещение Руси и приведение всех язычников к христианству.

«Костантина вѣрнаго подобникъ ависа
Хрїста в сердце восприимъ
и Его заповѣди

акоже отецъ всеа Руси наоучиль еси» (3-я песнь 2-й тропарь. Милютенко 2008: 480).

Св. Владимир явился «подобником», или подражателем (ср. греческое μιμητής), св. Константина не только в силу того, что крестил Русь, но также и потому, что, подобно благочестивому императору, стремился исполнять заповеди Христовы. О св. равноапостольном Константине Евсевий Памфил пишет следующее: «Так как он один из римских василевсов с глубочайшим благоговением чтит Всецаря – Бога, один, не обинуясь, проповедовал всем учение Христа, один столько прославил Церковь Его, сколько никто от века, один ниспроверг все заблуждения многобожия и обличил все роды идолослужения, то один также, и при жизни и по смерти, удостоился благ, каких не достигал никто другой.

И действительно, из всех автократоров он один различными делами чтит всех Бога и Христа его, а потому один по всей справедливости и сподобился этого. Одному только ему сущий над всеми Бог даровал преимущество царствовать над людьми даже по смерти, и людям, не лишенным смысла, этим ясно указал на нестареющее и нескончаемое царствование души его...» (Евсевий 1998: 130).

В другом месте Евсевий пишет: «Он чествовал Христа Божьего со всей решительностью и перед всеми, не стыдясь спасительного наименования, он сделался предметом уважения за свое чествование и им обозначал себя, то ограждая свое лицо спасительным

знамением, то украшаясь этим победоносным трофеем» (Евсевий 1998: 140).

О св. равноапостольном князе Владимире митрополит Иларион говорит в «Слове о законе и благодати»: «И воссиял в сердце его (свет) ведения, чтобы познать ему суету идольского прельщения и взыскать единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое. К тому же непрестанно слушал он о православной Греческой земле, христоролюбивой и сильной верою: что (в земле той) чтут и поклоняются единому в Троице Богу... И, слыша это, возгорелся духом и возжелал он сердцем стать христианином самому и (христианской) земле его. Так, произволением Божиим о человеческом роде, и произошло. И совлек с себя князь наш – вместе с одеждами – ветхого человека, отложил тленное, отряс прах неверия – и вошел в святую купель. И возродился он от Духа и воды: во Христа крестившись, во Христа облекся» (Библиотека литературы 2006: 178).

Для митрополита Илариона это событие – чудо: «Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился ты любви его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и своею нищетою и наготою, гладом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое» (Библиотека литературы 2006: 180).

Общим со св. императором Константином, по мысли автора службы, у св. равноапостольного князя Владимира является и отеческое начало. Здесь уместно привести мнение Евсевия о Константине: «В этом отношении не переставал он оказывать всем жителям провинций, непрерывно одни за другими, благодеяния, то являя отеческую свою заботливость о целой Ойкумене, то украшая разными достоинствами частных, известных себе лиц, и великодушно даруя всем все. Кто ни просил у него милости, всякий достигал цели, никто не обманывался в своих чаяниях...» (Евсевий 1998: 240).

Об отеческом характере св. князя Владимира и его учительском служении говорит митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати»: «Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдою, препоясан крепостью, обуи истиной, венчан добромыслием и, как гривною и золотою утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим – одеяние, ты был алчущим – насыщение, ты был жаждущим – охлаждение их утробы, ты был вдовам – вспомоществование, ты был странствующим – обиталище, ты был обидимым – заступление, убогим – обогащение» (Библиотека литературы 2006: 190).

На сердечный характер веры св. равноапостольного Владимира, общий со св. равноапостольным Константином, обращает внимание и автор второго тропаря св. Владимиру:

«Новый ты бысть Костантинъ
Христа въ сердце восприимъ
просветиль еси хрѣщеніемъ землю Русскую».

Во-вторых, князь Владимир, как и император Константин, – основатель христианской династии и ее небесный покровитель. И династический план переплетается с планом апостольства и миссии через образ св. Ольги как новой равноапостольной Елены, тем паче что она в крещении была наречена именем матери св. равноапостольного царя Константина:

«Елены ты новыа
известиса любовью внукъ блаженныа Ольги
Константинь же новый великий
Христу авися, Василие, вопіа...».

Благословень Богъ отец нашихъ (7-я песнь 1-й тропарь. Милютенко 2008: 485–486).

В этом контексте Десятинная церковь – место погребения св. равноапостольного князя Владимира – становится как бы подобием храма Святых апостолов в Константинополе, где упокоилось тело св. императора Константина (Armstrong 1974: 5–16).

В-третьих, христианский император по самому своему сану являлся равноапостольным (ἰσoπoστολoс), и этот эпитет применительно к св. Владимиру акцентирует его царское достоинство.

Благодаря сравнению св. равноапостольного князя Владимира со св. равноапостольным императором Константином подчеркивается высокий статус св. князя Владимира. Он именуется царем: «Якоже отецъ духовно, царь же чувственно россияемъ людемъ был еси, Василие» (стихира на Господи возвах. Славнитский 1888: 235), «Радуйся, яко бываеши вернымъ царь» (Славнитский 1888: 257). Соответственно, князь Владимир обращается к «греческому царю» как равный к равному. В службе мы не находим ни одного упоминания, тем более похвалы в адрес византийского императора, или патриарха, или иерархов: непосредственно Христос призывает русского князя к вере. Здесь мы видим известные связи со «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона: «Как уверовал? Как воспламенился ты любовью ко Христу? Как вселилось и в тебя разумение превыше земной мудрости, чтобы возлюбить невидимого и устремиться к небесному? Как взыскал Христа, как предался ему? Не видел ты Христа, не следовал за ним. Как же стал учеником его? Иные, видев его, не веровали; ты же, не видев, уверовал. Поистине, почил на тебе блаженство, о коем говорилось Господом Иисусом Фоме: "Блаженны не видевшие и уверовавшие"».

Как разверзлось сердце твое? Как вошел в тебя страх Божий? Как приобщился ты любви его? Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою и свою нищетою и наготою, гладом и жаждою склоняющего к смирению сердце твое» (Библиотека литературы 2005: 183).

Говоря о св. князе Владимире до крещения, авторы служб избегают уничижительных характеристик относительно языческого периода его жизни.

Напротив, в тропаре Владимир именуется «славнодержавным», а еще языческий Киев – «материю градов» и тем самым сравнивается с Константинополем. В этом авторы служб гораздо ближе к «Слову о законе и благодати», чем к «Повести временных лет».

Возникает вопрос: каковы источники представлений о св. равноапостольном Владимире как о царе? Отметим, что в «Слове о законе и благодати» он носит степной, хазарский по своему происхождению титул кагана. Вероятно, титул царя связан с его образом как «подобника Константина Великого», говоря языком «Слова о законе и благодати».

Следует отметить, что образ св. равноапостольного Константина связан с библейскими архетипами власти – законодателем и вождем Моисеем, праведным царем Давидом, строителем храма Соломоном. Об этом говорит вторая стихира на «Господи воззвах» службы св. равноапостольному императору Константину, которая была заимствована также во вторую редакцию службы св. равноапостольного князя Владимира. Ниже дается критический текст древнерусского извода перевода службы Константину Великому, подготовленный к печати на основе рукописей XII–XIII в. ГИМ 166, РНБ Соф. 203, Соф. 204. БАН 16.14.13.:

«Дасть человеколюбче * богочестивому ти оугодънику* премоудрость солomonю * давидову кротость * апостольское правовѣрие* ако цесарь цесаремъ * и господь господствующиимъ * с нимиже ти милосръдныи сьмотрение славимъ».

Благодаря трансляции образа св. равноапостольного Константина не только он становится праобразом св. равноапостольного Владимира, но и связанные с ним библейские цари – Давид и Соломон:

«Давидъ обрѣтесе прежде Израилю державный царь
и люди спасе,
боги иноязычныя низложивъ.
Духомъ Божия Сына проповѣда:
ты же в Троице позналь еси Бога,
блаженне Василие, Егоже величаем».

Отметим что, Давид, в отличие от Езекии и Иосии, прославлен не как борец с язычеством, а как царь-воитель и основатель Иерусалима. Тем не менее в данном гимнографическом тексте ему приписывается сокрушение иноязычных богов в силу того, что он – архетип св. императора Константина и, следовательно, св. равноапостольного князя Владимира.

Св. князь Владимир, подобно царю Давиду, разрушает идолов, избавляет свой народ от идолопоклонства, основывает священное царство и становится основателем новой, благословленной Богом династии.

Из богослужебных текстов в целом явствует, что именование св. равноапостольного князя царем носило не политический, а сакральный характер, связанный со священным учительством и апостольством св. князя Владимира:

«Правоверью наставниче,
и всеіа Руси просвѣтителю,
крѣщеніемъ просвѣтилъ еси
всехъ насъ благочестивый царю Рускыи.
и церкви воздвигль еси».

Подведем итоги.

1. Первая редакция службы св. равноапостольному Владимиру могла появиться еще в домонгольское время и носит черты связи со «Словом о законе и благодати».

2. Именование св. равноапостольного князя Владимира царем носило не политический, а сакральный характер, связанный с его священным учительством и апостольством, и восходит к христианским и библейским архетипам сакральной власти – св. равноапостольного царя Константина, царя Давида и Соломона.

3. Общими со св. равноапостольным императором Константином, с одной стороны, являются проповедь христианства и поддержка церкви, сердечный характер веры и отеческий характер власти. С другой стороны и то, что и св. равноапостольный Константин, и св. Владимир являются родоначальниками благословенной династии и существует параллель между храмом Апостолов в Константинополе и Десятинной церковью в Киеве.

4. Царь Давид неслучайно становится праобразом св. равноапостольного Владимира – как по причине своей кротости и веры, так и потому, что он спасает свой народ от идолопоклонства, основывает священный град Иерусалим и становится родоначальником династии, получившей Божественное обетование.

ЛИТЕРАТУРА

Бадаланова, Плюханова 1993 - *Бадаланова Ф.М., Плюханова М.Б.* Средневековая символика власти в Slavia Orthodoxa // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Факултет на славянски филологии. 1993. Т. 86, кн. 2: Литературоведение. 1993. С. 95–164.

Бегунов 1965 - *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы «Слово о гибели Русской земли». М.; Л.: Наука, 1965. 232 с.

Библиотека литературы 2005 - Библиотека литературы Древней Руси. 2005. Т. 1.

Библиотека литературы 2006 - Библиотека литературы Древней Руси. 2006. Т. 2.

Бонаменте 2011 - *Бонаменте Дж.* К истокам царской власти в христианском мире. Модель Константина // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации / Под ред. Т.Р. Руди. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. Т. 2. С. 439–480.

Голубинский 1904 - *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1904. 600 с.

Дагрон 2010 - *Дагрон Ж.* Император и священник. СПб.: Нестор-история, 2010. 480 с.

Евсевий 1998 - *Евсевий Памфил.* Жизнь Константина. М.: Labarum, 1998. 352 с.

Милютенко 2008 - *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный великий князь Владимир и крещение Руси. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 578 с.

Миняя месячная. Июль. М.: Изд-во Московской патриархии, 1992. 400 с.

Назаренко 2001 - *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М.: Языки славянской культуры, 2001. 784 с.

Никольский 1906 - *Никольский Н.* Материалы для повременного списка русских писателей X–XI в. М., 1906. 596 с.

Ранчин 2007 - *Ранчин А.М.* Хроника Георгия Амартола и Повесть временных лет: Константин равноапостольный и Владимир Святославич // Вертоград златословный. М., 2007. С. 152–164.

Сводный каталог 1984 - Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII в.). М.: Наука, 1984. 408 с.

Серегина 1994 - *Серегина Н.С.* Песнопения русским святым. СПб., 1994. 468 с.

Славнитский 1888 - *Славнитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII в. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI в. // Странник. 1888. Май–август. С. 197–238.

Уортман 2004 - *Уортман Р.* Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. 606 с.

- Чекова 2013 - *Чекова И.* Първите староруски кнези светци. Образи, типология, символика. София, 2013. 264 с.
- Μηναῖα τοῦ Μαΐου. Ἀθήναι, 1993. 400 σ.
- Armstrong 1974 - *Armstrong G.T.* Constantine's Churches: Symbol and Structure // *The Journal of the Society of Architectural Historians.* 1974. № 33. P.5–16.
- Barnes 1982 - *Barnes T.D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982. 336 p.
- Barnes 2011 - *Barnes C.* Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire. London: Clarendon press, 2011. 312 p.
- Clauss 1996 - *Clauss M.* Konstantin der Grosse und seine Zeit. Munich: C.H. Beck, 1996. 127 s.
- Jones 1964 - *Jones A.H.M.* Later Roman Empire. 284–602. Oxford: Clarendon Press, 1964. 1500 p.
- Jones 1978 - *Jones A.H.M.* Constantine and the Conversion of Europe. Buffalo: University of Toronto Press, 1978. 300 p.
- Nicholson 2000 - *Nicholson O.* Constantine's Vision of the Cross // *Vigiliae Christianae* 2000 Vol. 54. Fasc. 3. P. 309–323
- Pohlsander 2004 - *Pohlsander H.* The Emperor Constantine. L., N.: Routledge, 2004. 320 p.
- White 2013 - *White M.* Veneration of St. Constantine in pre-Mongol Rus // *Свети цар Константин и хришћанство. Т. 2: Международни научни скуп поводом 1700 годишнице Миланског едикта 31 маи – 2 јун.т 2013.* Ниш, 2013. P. 351–362.

REFERENCES

- Badalanova, F.M. & Plyukhanova, M.B. (1993) *Srednevekovaya simbolika vlasti v Slavia Orthodoxa [Medieval symbols of power in Slavia Orthodoxa]. Godishnik na Sofijskiya universitet "Sv. Kliment Okhridski". Fakultet na slavyanski filologii.* 86(2). pp. 95-164.
- Begunov, Yu.K. (1965) *Pamyatnik russkoy literatury "Slovo o pogibeli Russkoy zemli" [A Monument of Russian literature "Tale of the Ruin of the Russian land"]*. Moscow; Leningrad: Nauka.
- Alekseev, A.A., Dmitriev, L.A., Likhachev D.S. & Ponyrko, N.V. (eds). (2005) *Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of the Ancient Russian Literature]. Vol. 1.*
- Alekseev, A.A., Dmitriev, L.A., Likhachev D.S. & Ponyrko, N.V. (eds). (2006) *Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of the Ancient Russian Literature]. Vol. 2.*
- Bonamente, J. (2011) *K istokam tsarskoy vlasti v khristianskom mire. Model' Konstantina [To the source of imperial authority in the Christian world. Model Constantine]*. In: Rudi, T.R. (ed.) *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikatsii [Russian hagiography. Research. Materials. Publications]*. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 439-480.

Golubinskiy, E.E. (1903) *Istoriya kanonizatsii svyatykh v russkoy tserkvi* [History of the Canonization of Saints in the Russian Church]. Moscow: University Typography.

Dagron, G. (2010) *Imperator i svyashchennik* [Emperor and priest]. St. Petersburg: Nestor-istoriya.

Eusebius Pamphilus (1998) *Zhizn' Konstantina* [Life of Constantine]. Moscow: Labarum.

Milyutenko, N.I. (2008) *Svyatoy ravnoapostol'nyy velikiy knyaz' Vladimir i kreshchenie Rusi* [Saints Grand Duke Vladimir and the baptism of Rus]. St. Petersburg: Oleg Abyshko.

Anon. (1992) *Mineya mesyachnaya* [Menaion]. July. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate.

Nazarenko, A.V. (2001) *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh* [Ancient Russia on international routes]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Nikol'skiy, N. (1906) *Materialy dlya povremennogo spiska russkikh pisateley X–XI v.* [Materials for time-based list of Russian writers of the 10th–11th centuries]. Moscow.

Ranchin, A.M. (2007) *Vertograd zlatoslovnyy*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 152-164.

Zhukovskaya, L.P., Tikhomirov, N.B. & Shelamanova, N.B. (1984) *Svodnyy katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khraryashchikhsvya v SSSR (XI–XIII v.)* [The Catalog of Slavic-Russian manuscripts stored in the USSR (the 11th–13th centuries)]. Moscow: Nauka.

Seregina, N.S. (1994) *Pesnopeniya russkim svyatym* [Chants of Russian saints]. St. Petersburg: Russian Institute of Arts History.

Slavnitskiy, M. (1988) Kanonizatsiya sv. knyazya Vladimira i sluzhby emu po spiskam XIII–XVII v. s prilozheniem dvukh neizdannykh sluzhb po rukopisyam XIII i XVI v. [Canonization of St. Prince Vladimir and his service on the lists of the 13th–17th centuries with the application of two unreleased services for manuscripts of the 13th and 16th centuries]. *Strannik*. May–August. pp. 197-238.

Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii* [The scenarios of power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy]. Moscow: OGI.

Chekova, I. (2013) *P"rvite staroruski knezi svetsti. Obrazi, tipologiya, simvolika* [The first Old Russian princes of the Holy Way, typology, symbolism]. Sofia.

Μηναία τοῦ Μαΐου [Month of May]. (1993) Athens.

Armstrong, G.T. (1974) Constantine's Churches: Symbol and Structure. *The Journal of the Society of Architectural Historians*. 33. pp. 5-16.

Alexander Suzanne Spain. (1971) Studies in Constantinian Church Architecture. *Rivista di Archeologia Cristiana*. 47. pp. 281-330.

Barnes, T.D. (1982) *The New Empire of Diocletian and Constantine*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Barnes, C. (2011) *Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. London: Clarendon press.

Clauss, M. (1996) *Konstantin der Grosse und seine Zeit* [Constantine the Great and His Time]. Munich: C.H. Beck.

Jones, A.H.M. (1978) *Constantine and the Conversion of Europe*. Buffalo: University of Toronto Press.

Jones, A.H.M. (1964) *Later Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press.

Nicholson, O. (2000) Constantine's Vision of the Cross. *Vigiliae Christianae*. 54(3). pp. 309–323

Pohlsander, H. (2004) *The Emperor Constantine*. London: Routledge.

White, M. (2013) Veneration of St. Constantine in pre-Mongol Rus. *Cveti tsar Konstantin i khrishťanstvo*. International Research Conference. Vol. 2. 31st May – 2nd June 2013. Nish. pp. 351-362.

Василик Владимир Владимирович – кандидат филологических наук, кандидат богословия, доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, директор Центра исторической психологии, действительный член Академии военно-исторических наук.

Vasilik Vladimir – Institute of History of Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: fvasilik@mail.ru

УДК 130.3

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/22

И.В. КИРЕЕВСКИЙ О ДУХОВНОМ КОРНЕ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО СОЗНАНИЯ¹

Г.В. Скотникова

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2/4

E-mail: galina-skotnikov@mail.ru

Авторское резюме

Статья посвящена обоснованию адекватного методологического ключа к осмыслению сущностного ядра философской позиции И.В. Киреевского. Идея мыслителя о внутренней цельности личности рассматривается как воплощение духовной связи со святоотеческой традицией, претворение завета преподобного Сергия Радонежского.

Ключевые слова: типологическое своеобразие русской философии, внутренняя цельность самосознания, святоотеческое наследие, верующий разум.

IVAN KIREYEVSKY: ON THE SPIRITUAL ROOT OF RUSSIAN PHILOSOPHICAL CONSCIOUSNESS

G.V. Skotnikova

Saint-Petersburg State Institute of Culture
2/4 Dvorsovaya Nab., Saint Petersburg, 191186, Russia

E-mail: galina-skotnikov@mail.ru

Abstract

The author seeks to find an adequate methodological key to understanding the core philosophical inquiry Ivan Kireyevski.

The creative legacy of Ivan Kireyevski ignored in Soviet times. Intercom his philosophy with the spiritual experience of the Orthodox Church was the cause of such a

position. However, it was with Ivan Kireyevski and his contemporary Alexei Khomyakov begins, as it is known, Russian self-consciousness. Having mastered the tops of Western philosophy, Kireyevsky came to the idea of Russian type of philosophizing, rooted in the Holy Fathers Tradition, ascetic tradition of hesychasm, the covenants of St. Sergius Radonezhski.

Keywords: typological originality of Russian national philosophy, the internal integrity of consciousness, Holy Fathers Heritage, believing mind.

Творческое наследие И.В. Киреевского, так же как и А.С. Хомякова, в советское время фактически игнорировалось. Причиной являлся тот факт, что своеобразие интеллектуальных исканий философов во многом определялось их личным церковным опытом. Атеизм и религиозный индифферентизм как основа идеологии и научной методологии (продолжающие нередко сохранять свою действенность и сегодня) препятствовали пониманию и освоению философских заветов ранних славянофилов.

С конца 1990-х гг. ситуация стала заметно меняться. Однако, несмотря на то, что осуществлены многочисленные исследования, проведена большая публикаторская работа, по-прежнему сущностное ядро устремлений Ивана Васильевича Киреевского (1806–1956) остается проблемным и спорным вопросом в научном сообществе.

Назовем, к примеру, три яркие позиции. Так, в качестве *основополагающей* в творчестве И.В. Киреевского рассматривается концепция цельного духа, имеющая генетическую преемственность со святоотеческой традицией². Стержень философского завета-задания русской мысли Киреевского усматривается в открытой им идее *двуединства «начал» личности и народности*, при этом «философия цельности» мыслителя объявляется «надуманной», а мысль о «синтезе» всех основных способностей человека в одном целостном духовном акте – полностью принадлежащей руслу немецкого романтизма³. Наконец, Киреевский воспринимается как *философ-художник*, создатель «осердеченной», художественной философии жизни и творчества⁴, т. е. по сути как представитель «*непреодоленного романтизма*». Очевидно, что методология различных исследователей всецело зависит от их личностного интеллектуально-духовного отношения к церковно-православной традиции.

Важнейшее значение имеет определение верного *ключа* к творчеству И.В. Киреевского (философскому, литературному, педагогическому). Именно празднование на церковно-государственном уровне 700-летия преподобного Сергия Радонежского особенным образом располагает к его плодотворному поиску.

В конце своей жизни И.В. Киреевский писал: **«Направление философии зависит в первом начале своем от того понятия, которое мы имеем о Пресвятой Троице»**. Эти слова, приведенные Н.О. Лосским в «Истории русской философии», найдены им в «Материалах к биографии И.В. Киреевского»⁵, составленных сводным братом философа Н.А. Елагиным. Современный историк философии Н.П. Ильин, говоря: «Откуда взял эти слова сам Николай Елагин, совершенно неясно из контекста “Материалов” и до сих пор не установлено» (Ильин 2008: 253), делает вывод: «идея принять те или иные церковные догматы в качестве “начал” (принципов, аксиом и т. п.) философии была И.В. Киреевскому абсолютно чужда» (Ильин 2008: 253). Недоумение автора этих слов и даже высказанное обвинение в подлоге связано с тем, что он, как представляется, подразумевает внешнее, теоретическое принятие догматов. Тогда как для И.В. Киреевского «вся сущность религиозного знания заключается не в догматике, не в символе, а в **живом сочувствии с духовной жизнью церкви**» (Киреевский 2006: 131), «религиозная образованность может происходить только из образованности церковной», а не «из догматического учения, не из умственных соображений, как у народов протестантских»; «...привычка к чтению церковных книг и разумение церковного богослужения есть единственное средство к приобретению этой образованности»; «...в отдельности от чтения Священного Писания и от слушания церковного богослужения школьное знание катехизиса – по крайней мере бесполезно» (Киреевский 2006: 131).

Идея внутренней цельности как определяющего условия полноценного постижения истины для И.В. Киреевского есть не что иное, как утверждение «необходимости и возможности» раскрытия в философском мышлении **завета** преподобного Сергия Радонежского – **жизнестроительства по образу и подобию Пресвятой Живоначальной Троицы**. Этот завет святого Сергия, центральной фигуры Древней Руси, тайна которого в том, что он ближе всех сумел подойти к духу Евангелия, оставлен России на века.

Тринитарное богословие открывает новый аспект человеческой реальности – личность, понятия которой не знала ни античная, ни греческая, ни римская философия. «И только откровение Троицы, единственное обоснование христианской антропологии, принесло с собой абсолютное утверждение личности» (Лосский 1991: 275). «Личное можно “уловить” только в личном общении, во взаимности, аналогичной взаимному открытию ипостасей Троицы, в той раскрытости, которая превосходит непроницаемую банальность мира индивидуумов» (Лосский 1991: 275). Предметом философии И.В. Киреевского и стала «разумно свободная личность» как

единственная существенность мирового бытия, которая «...одна имеет самобытное значение» (Киреевский 2006: 191), личность, стремящаяся к святости, благодатному преображению.

В православной культуре вера не подавляет ум, но возвышает его, делая причастным Божественной истине: христианство не уклоняется от умственного развития, но, напротив, вмещает его в себя (Киреевский 1998: 191). Этот феномен ярко проявился в жизни и деятельности «византийского интеллектуала», который, в отличие от большинства интеллектуалов последующих времен, искал пути к *Истине на путях к Богу* (Скотникова 2015: 72). Византийское богословие («небесная философия»⁶, как говорили византийцы) было *прежде всего* образом жизни, а не образом мысли, т. е. результатом внутреннего, непосредственного опыта веры, осмысленного человеком, искушенным и в интеллектуальной деятельности, и в риторическом искусстве.

И.В. Киреевский в 1829 г. говорит: «Нам *необходима* философия, все развитие нашего ума требует ее ... Конечно, первый шаг к ней должен быть присвоением умственных богатств той страны, которая в умозрении опередила все другие народы. Но чужие мысли полезны только для развития собственных. Философия немецкая вкоренится у нас не может. *Наша* философия должна развиваться из *нашей* жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов *нашего* народного и частного быта» (Киреевский 1984: 51–52).

Поставим вопрос: почему, говоря о развитии самостоятельной русской философии и отдавая должное западноевропейской интеллектуальной традиции, И.В. Киреевский с годами приходит к выводу о необходимости освоения богословского наследия православной культуры, святоотеческих византийских творений? При этом следует подчеркнуть, что Киреевский никогда не отождествлял философию и богословие, видя в них двуединство, но не тождественность, ибо «философия – это наука самосознания, а богословие – наука Богосознания»⁷.

Мыслитель постепенно приходит к осознанию того, что основа русского философского ума – *любомудрия*⁸ – находится в Древней Руси, в древнерусской православно-христианской культуре, определившей «особенный склад русского ума, стремящегося ко внутренней цельности мышления и создавшего особенный характер коренных русских нравов, проникнутых постоянной памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к Божественному...» (Киреевский 1998: 181). Но мыслитель отчетливо видит и причину не востребованности исконных начал: на поверхности русской жизни господствует культура, выросшая на другом корне. В противоречии этих двух принципов (начал, оснований) Киреевский назвал главнейшую причину «всех зол и недостатков, которые могут быть замечены

в Русской земле» (Киреевский 1998: 181). Вывод, к которому приходит И.В. Киреевский, находим в его последней статье 1856 г. «О необходимости и возможности новых начал для философии»: «...философия немецкая в совокупности с тем развитием, которое она получила в последней системе Шеллинга, может служить у нас самую удобную ступенью мышления от заимствованных систем к любомудрию самостоятельному, соответствующему основным началам древнерусской образованности и могущему подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума» (Киреевский 2006: 247–248).

Для И.В. Киреевского «глубокое, живое и чистое любомудрие святых отцов» (Киреевский 2006: 187) – зародыш высшего философского начала развития самобытного православного русского любомудрия.

Интуиция этого любомудрия, *интуиция завета преподобного Сергия Радонежского* всегда жила в русской натуре И.В. Киреевского, выросшего в семье, устремленной к освоению вершин западноевропейской культуры и привязанной к бытовой жизни «строго по заветам старины», в семье, воспитавшей благородство, потребность в чистом сердце и «внутреннем преобразовании самого себя»⁹.

И.В. Киреевскому суждено было стать «русским европейцем»¹⁰. «Первым русским европейцем», как известно, Аполлон Григорьев назвал Н.М. Карамзина. В начале XIX в. в России появляется новый тип человека, освоившего высшие достижения европейской культуры, но осознавшего, что любовь его сердца, вскормленная идеалами родной земли, требует иных опор. Как писал В.В. Розанов, славянофилы – это люди, исполнившие идею Петра I до конца, т. е. это «западники», разочаровавшиеся в Западе и обратившиеся к родной земле, ее идеалам, став русскоискателями и навсегда внеся в отечественную культуру дух трудного самопознания, неотъемлемого от постижения православной традиции.

И.В. Киреевский прошел не только путь воцерковления, но стал исследователем, практиком и пропагандистом православной мистико-аскетической традиции, участвуя в ее возрождении. Речь идет о существенном вкладе философа в дело оптинского книгоиздания 1840–1850-х гг. Начало было положено изданием переводов Паисия Величковского, пролежавших в рукописях более пятидесяти лет, причиной чему во многом стала борьба с масонством, когда любой намек на мистику приравнивался в России к ереси. У издателя журнала «Маяк» С.А. Бурачка есть яркая характеристика сложившейся ситуации: «С тех пор, как покойный митрополит Серафим, о. Фотий, Аракчеев и Шишков свергли Голицына (и по делу) за размножение лжемистических книг западных, по академиям и семинариям все нашим отцы-подвижники обречены в лжемистики и мечтатели, и

умная, сердечная молитва уничтожена и осмеяна как зараза и пагуба. В семинариях и академиях не только ей не учат, но еще сызмала предостерегают и отвращают» (К литературной деятельности... 1898: 13).

Изучив более углубленно греческий язык, философ работал над корректурами, составлял примечания, консультировал по вопросам словоупотребления, терминологии. Ему принадлежит также большая заслуга в финансировании издания святоотеческих творений¹¹.

Духовником И.В. Киреевского стал о. Макарий, продолжатель дела Паисия Величковского по возрождению в русском монашестве мистико-аскетической традиции, краеугольным камнем которой является умная Иисусова молитва, практика исихазма, воплощенная на Руси святым Сергием Радонежским. С 1846 г. старец Макарий становится главным, в отдельные годы почти единственным адресатом писем И.В. Киреевского. Этот факт многое говорит о характере внутренней жизни философа, для которого идеал человеческой личности – «внутренняя цельность самосознания» (Киреевский 1984: 230). В письме Кошелеву выражено настроение Киреевского, присущее ему в последние годы: «Существеннее всяких книг и всякого мышления – найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому ты бы мог сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых Отцов. Такие старцы, благодаря Богу, есть еще в России, и если ты будешь искать искренно, то найдешь. Они есть и в Москве» (Русский архив 1894: 344). Можно сделать вывод, что в истории русского самосознания роль ранних славянофилов состояла в том, чтобы найти глубинные духовно-психологические основы национальной умственной деятельности, осознать пути обретения «внутренней силы ума», совершающей движение мышления (Киреевский 1984: 354). Нельзя не видеть, что во второй половине XIX в. появились русские философы, воплотившие заветы И.В. Киреевского: П.Е. Астафьев, П.А. Бакунин, В.И. Несмелов, Н.Н. Страхов и др. – классики «метафизического персонализма» (Ильин 2008), основного русла развития отечественной философии.

Проблеме генетической преемственности философии Киреевского со святоотеческой традицией посвящено глубокое исследование А.В. Гвоздева, в котором сделан вывод о том, что творчество Т.В. Киреевского может быть рассмотрено как **«продолжение мистико-аскетической традиции православия, а концепция цельного духа – как философская объективация умной Иисусовой молитвы»** (Гвоздев 1999).

И.В. Киреевский обосновал типологическое своеобразие русской философии, в основе которой лежит **идея цельности духа, достигаемая благодаря синергии**. Основная духовно-философская интуиция

И.В. Киреевского, ведущая сознание к очевидности, – это интуиция Святого Духа, осуществляющего дело нашего спасения. «...когда-нибудь Россия возвратится к тому живительному духу, которым дышит ее церковь», – пишет он в статье в 1839 г. «В ответ А.С. Хомякову» (Киреевский 1998: 354). Преподобный Сергей Радонежский был, как известно, продолжателем на Руси традиции исихазма, умной молитвы. Сущность исихазма как мистического учения – «в развитии богословия к абсолютизации Духа Святого» (Колесов 2002: 330), действием которого осуществляется дело нашего спасения.

И.В. Киреевский, идя по пути самоуглубления и самопознания, не просто приблизился к православной церкви, но воспринял аскетику как непременно условие обретения внутренней цельности, благодатного творчества. Философ писал, что «способ мышления разума верующего отличен от разума, ищущего убеждения или опирающегося на убеждение отвлеченное», подчеркивал, что «стремление к внутренней цельности» не позволяет уму принять истину мертвую за живую» (Киреевский 2006: 190).

Философское творчество И.В. Киреевского предстает как органичная часть *православной культуры*, имеющей своим фундаментом *принцип синергии*. Жизненный путь Ивана Васильевича Киреевского – это подвиг личного возрастания во имя утверждения первооснов русского духовного бытия и любомудрия. Мыслитель оставил задание-завет: *развитие самобытного православного мышления «должно быть общим делом всех верующих и мыслящих людей, знакомых с писаниями святых отцов и с западную образованностью»* (Киреевский 2006: 187). В личности и творчестве И.В. Киреевского светит лик Святой Руси, духовный завет преподобного Сергея Радонежского.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Статья подготовлена к научно-практической конференции «Преподобный Сергей Радонежский в русской культуре и искусстве. “700-летию св. прп. Сергея посвящается...”». СПб.: Российский институт истории искусств (РИИИ) РАН, Министерство культуры РФ, 8–12 октября, 2014.

2. *Гвоздев А.В.* Святоотеческие корни концепции цельного духа И.В. Киреевского: автореф. дис. ... филос. наук. М., 1999.

3. *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 310.

4. *Носов С.Н.* Антирационализм в художественно-философском творчестве И.В. Киреевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 207.

5. «Материалы к биографии И.В. Киреевского» впервые были опубликованы в первом издании Собрания сочинений И.В. Киреевского под редакцией А.И. Кошелева в 1861 г.

6. Великие каппадокийцы саму христианскую веру нередко называли «наша философия». Аверинцев С.С. Наша философия // Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Сигова. София-Логос. Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 612.

7. Философы, принадлежащие к линии русского метафизического персонализма, направления, выражающего коренные особенности русского самосознания, не причисляли себя к богословам. Напомним, например, слова И.А. Ильина (1883–1954): «В богословии я – ученик».

8. Древнерусская философия есть *со-бытие*, адекватное бытию, она не есть философия как знание (информация). Древнерусская философия «есть в прямом смысле **любомудрие**, иначе – всеохватывающая мудрость, которая своим предметом **имеет идею в отношении к вещи, но ищет эту связь в слове**» (Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. С. 395). Русское любомудрие всегда связано с внутренним становлением человека, поисками им смыслов, ведущих к целостности внутреннего строя, чистому сердцу, открытому благодати преображения.

9. И.В. Киреевский писал М. Погодину: «Вот отчего, если хочешь узнать себя, то разбери свою судьбу и перемени ее в желанную внутренним преобразованием самого себя». Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 292.

10. Именно *русским* европейцем, т. е. человеком, имеющим и ценящим собственное национальное достоинство. В сознании современной интеллигенции в словосочетании «русский *европеец*» нередко акцент делается на втором слове как признаке универсализма в знак умаления исконной культурно-духовной традиции.

11. В Оптиной Пустыни под руководством о. Макария были изданы: житие Паисия Величковского, его творения об умной молитве, переводы Никифора Феотоки, Нила Сорского, Варсануфия Великого, Сиеона Нового Богослова, Максима Исповедника, Исаака Сирина аввы Фалласия, аввы Дорорея, Марка Подвижника, Орисия Тавенисиотского, аввы Исаяи (см.: Гвоздев 1999).

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздев 1999 - Гвоздев А.В. Святоотеческие корни концепции цельного духа И.В. Киреевского: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1999.

Ильин 2008 - *Ильин Н.П.* Трагедия русской философии. М.: Айрис-пресс, 2008.

Киреевский 2006 - *Киреевский И.В.* О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах // Киреевский И.А., Киреевский П.В. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Философские и историко-публицистические работы. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006.

Киреевский 1998 - *Киреевский И.В.* О необходимости и возможности новых начал для философии // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1998. С. 347.

Колесов 2002 - *Колесов В.В.* Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.

Лосский 1991 - *Лосский В.Н.* Догматическое богословие // Мистическое богословие. Киев: Путь к Истине, 1991.

Скотникова 2015 - *Скотникова Г.В.* Интеллектуал в византийской культуре (к проблеме типологического своеобразия) // Жизнь культуры и культура жизни: история и современность. СПб.: ФБГОУ ВО «ГУМРФ имени адмирала С.О. Макарова», 2015. С. 72–81.

Русский архив 1894 - *Русский архив.* 1894. Т. II. С. 344.

REFERENCES

Gvozdev, A.V. (1999) *Svyatootecheskie korni kontseptsii tsel'nogo dukha I.V. Kireevskogo* [Patristic roots of the concept of whole spirit by I.V. Kireyevskiy]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.

Il'in, N.P. (2008) *Tragediya russkoy filosofii* [The tragedy of Russian philosophy]. Moscow: Ayris-press.

Kireevskiy, I.V. (2006) O nuzhde prepodavaniya tserkovnoslavnyanskogo yazyka v uездnykh uchilishchakh [About the need to teach the Church Slavonic language in county schools]. In: Kireevskiy, I.A. & Kireevskiy, P.V. *Polnoe sobranie sochineniy: V 4 t.* [Complete Collection of Works. In 4 vols]. Vol. 1. Kaluga: Grif.

Kireevskiy, I.V. (1998) *Kritika i estetika* [Criticism and Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo. p. 347.

Kolesov, V.V. (2002) *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of Russian Word]. St. Petersburg: YuNA.

Losskiy, V.N. (1991) *Dogmатическое bogoslovie* [Dogmatic theology]. In: *Misticheskoe bogoslovie* [Mystical Theology]. Kiev: Put' k Istine.

Skotnikova, G.V. (2015) *Интеллектуал v vizantiyskoy kul'ture (k probleme tipologicheskogo svoebraziya)* [Intellectual Byzantine culture (the problem of typological originality)]. In: Gorixheva, T.M. (ed.) *Zhizn' kul'tury i kul'tura zhizni: istoriya i sovremennost'* [Life culture and the culture of life: history and modernity]. St. Petersburg: GUMRF. pp. 72-81.

Russkiy arkhiv. (1894) Vol. 2. pp. 344.

Скотникова Галина Викторовна – доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Skotnikova Galina Viktorovna – St. Petersburg State Institute of Culture (Russia).

E-mail: galina-skotnikov@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2015, № 4 (42)

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинев, Молдавия)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

- 344 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Телефон / факс: (+373 22) 28-75-59.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>
Сайт «Международный исторический журнал "Русин"»:
<http://journalrusin.ru>

Подписано к печати 23.12.2015. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «PT Sans».
Тираж 400 экз.
Заказ 253.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

ФОНД РУССКИЙ МИР

В 2015 году международный исторический журнал «Русин» выпускается при поддержке Фонда «Русский мир».

РОССИЯ НАЧИНАЛАСЬ НЕ С МЕЧА

Эдуард Асадов

Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась...

И стрелами звеневшие бои
Лишь прерывали труд ее всегдашний.
Недаром конь могучего Ильи
Оседлан был хозяином на пашне.

В руках, веселых только от труда,
По добродушью иногда не сразу
Возмездие вздымалось. Это да.
Но жажды крови не было ни разу.

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!

Но только подлость радовалась зря.
С богатырем недолговечны шутки:
Да, можно обмануть богатыря,
Но победить - вот это уже дудки!

Ведь это было так же бы смешно,
Как, скажем, биться с солнцем и луною.
Тому порукой - озеро Чудское,
Река Непрядва и Бородино.

И если тьмы тевтонцев иль Батыя
Нашли конец на родине моей,
То нынешняя гордая Россия
Стократ еще прекрасней и сильней!

И в схватке с самой лютой войною
Она и ад сумела превозмочь.
Тому порукой - города-герои
В огнях салюта в праздничную ночь!

И вечно тем сильна моя страна,
Что никого нигде не унижала.
Ведь доброта сильнее, чем война,
Как бескорыстье действеннее жала.

Встает заря, светла и горяча.
И будет так вовеки нерушимо.
Россия начиналась не с меча,
И потому она непобедима!

Асадов Эдуард Аркадьевич (Арташесович) (7 сентября 1923 г., Мары, Туркменская ССР - 21 апреля 2004 г., Москва) - известный советский поэт-лирик, член Союза писателей СССР. Участник Великой Отечественной войны. В мае 1944 г. лейтенант Асадов был тяжело ранен при освобождении Севастополя, потерял зрение. После войны поступил в Литературный институт им. Горького, который окончил с отличием. Автор многочисленных сборников стихов, увидевших свет в различных издательствах СССР.

Когда поэт скончался, по его завещанию тело после отпевания предали земле на столичном Кунцевском кладбище рядом с могилами матери и супруги, а сердце отвезли в Севастополь, к месту участия в боях, и захоронили на Сапун-горе.

